

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

Сентябрь — Октябрь
1988

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Коротеева, М. Н. Мосесова (Москва). Проблемы национальных языков и их отражение в общественном сознании (по материалам писем читателей в центральные газеты)	4
Т. Б. Щепанская (Ленинград). Процессы ритуализации в молодежной субкультуре	15
М. Л. Бутовская (Москва). Перспективы использования этологических материалов и методов в антропологии и этнографии	26
А. И. Иванчик (Москва). Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию	38
Из истории науки	
Н. Я. Дараган (Москва). Как становятся этнографами	49
Сообщения	
А. Р. Аклаев (Москва). Этноязыковая ситуация и особенности этнического самосознания грузинских греков (по материалам исследования в Цалкском районе)	60
А. П. Галстян (Ереван). Этнодемографические и этноязыковые процессы среди армян Грузинской ССР (по материалам переписей населения 1926—1979 гг.)	71
В. Степанов (Москва). Изучение народных способов организации жилой среды (на примере сельских поселений Азербайджанской ССР)	79
Н. К. Абакелия (Тбилиси). Образ св. Георгия в западногрузинских религиозных верованиях	86
М. Н. Новиков (Москва). К вопросу о формировании этнических границ в раннесредневековой Западной Европе (на примере Швейцарии)	94
О. М. Григорьева (Москва). Эволюционные аспекты изучения формы лицевого отдела черепа у гоминид (антропологические и таксономические проблемы)	102
Поиски, факты, гипотезы	
А. В. Гринев (Барнаул). Индейцы эяки и судьба русского поселения в Якутате	110
На стыке жанров	
Л. А. Абрамян (Ереван). Беседы у дерева	121

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

Научная жизнь

- Л. С. Перецелкин (Москва). Конференции молодых ученых Института этнографии АН СССР. «Этнографическое знание: от теории к практике» (1987 г.); «Этнография и пограничные науки: цели, задачи и методы» (1988 г.)
Н. Я. Дараган, В. В. Коротеева (Москва). Теоретический семинар молодых ученых «Подходы к решению современных национальных проблем и профессиональная роль этнографа»
А. А. Сусоколов (Москва). Междисциплинарный семинар «Локальные субкультуры как компонент культурно-экологических систем»

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Д. М. Исхаков (Казань). Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI—XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашиах» Казанского края)
Е. А. Оборотова (Москва). Народы Севера в современном мире: взгляды и позиции

Общая этнография

- А. А. Белик (Москва). *R. A. Hinde. Individuals, Relationships and Culture*
Н. Е. Руденский (Москва). *A. З. Романенко. О классовой сущности сношизма. Историографический обзор литературы*

Народы СССР

- И. И. Крупник (Москва). *Крым: прошлое и настоящее*

Народы Зарубежной Европы

- А. В. Полевой (Москва). *J. Cuisinier, M. Segalen. Ethnologie de la France*

Народы Австралии

- И. Ж. Кошановская (Москва). *О. Ю. Артемова. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общности: по австралийским этнографическим данным*

Письма в редакцию

- С. С. Савоскул, В. В. Карлов (Москва). Туруханская ГЭС и судьба Эвенкии

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад., **С. А. Арутюнов**, **С. И. Брук**,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробижева**, **Т. А. Жданко**,
Р. Н. Исмагилова, **Р. Ф. Итс**, **Л. Е. Куббель** (зам. главн. редактора),
Г. Е. Марков, **Р. М. Мунчаев**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полящук** (зам. главн. редактора), **П. И. Пучков**, **Ю. И. Семенов**, **В. А. Тишков**, **Д. Д. Тумаркин**

Ответственный секретарь редакции **Н. С. Соболь**

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией **Е. А. Эшлиман**

(©) Издательство «Наука»,
«Советская этнография», 1988 г.

Настоящий номер является в известном смысле экспериментальным. Его формировали и редактировали молодые сотрудники Института этнографии АН СССР. Мы полагаем, что этот опыт лежит вполне в русле перестройки, которая требует от нас все большего вовлечения в активную творческую деятельность новых, свежих сил. Материалы номера свидетельствуют о том, что молодое поколение исследователей не боится браться за очень сложные и, можно сказать, не вполне традиционные для нашей науки проблемы.

Если читатели сочтут этот опыт удачным, редколлегия будет рада положить начало новой традиции и ежегодно представлять научной молодежи возможность самостоятельно готовить один из номеров нашего журнала. Мы очень надеемся, что научная инициатива молодых внесет в советскую этнографическую науку немало нового и свежего, такого, что будет достойно развивать благородные гуманистические традиции отечественной этнографии, способствуя решению тех многообразных и сложных проблем, какие перед всеми нами поставило время.

Итак, в добрый путь!

*Главный редактор журнала
член-корр. АН СССР К. В. Чистов*

Номер подготовили молодые сотрудники Института этнографии АН СССР: М. Л. Бутовская, Н. Я. Дараган, В. В. Коротеева, И. И. Крупник, Е. Э. Носенко, Л. С. Перепелкин, Н. Е. Руденский

**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ**
[по материалам писем читателей
в центральные газеты]

Читательские письма все чаще и чаще стали встречаться на страницах газет и журналов. Публикуются ли письма целиком, в виде выдержек или обзоров читательской почты — они привлекают к себе внимание. Появляются и обзоры писем по национальным вопросам¹. В них цитируются высказывания читателей по самым разнообразным сюжетам связанным с национальным развитием, начиная от экономики и экологии до культуры и психологии межнационального общения. Естественно, такие обзоры не претендуют на систематическое изложение общественного мнения. В данной работе мы вычленили одну тему: как проблемы национальных языков воспринимаются в связи с межнациональными отношениями, какие возникают конфликтные ситуации и как авторы писем предлагают их преодолевать. Сложнейшие вопросы о перспективах этнического развития, ассимиляционных процессах, судьбах этнических общностей и их языков не были и не могли быть предметом рассмотрения этой статьи из-за характера источника. Мы опирались на неопубликованные письма по национальным проблемам, поступившие в редакции газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Советская культура».

В последнее время анализ писем читателей стал основой для ряда публицистических работ². Как правило, авторы таких статей отталкиваются от ряда положений, содержащихся в письмах, с целью перейти от суждений читателей о реальности к самой реальности или охарактеризовать высказанные взгляды, выявить их социальных носителей. К сожалению, в этих работах обычно не ставится задача оценить письма читателей как источник сведений о состоянии общественного сознания (исключение составляет статья Г. С. Батыгина). Можно ли от оценок содержания писем перейти к оценке степени распространения в обществе тех или иных взглядов?

Отношение одного из ведущих советских специалистов по изучению общественного мнения — Б. А. Грушина к письмам как к социологическому источнику скорее скептическое. Он отмечает такие недостатки источника, как фрагментарность, охват лишь части существующих в обществе мнений, представлений, искажение фактического общественного мнения с точки зрения его субъекта, структуры, знака и других существенных характеристик. Использование писем, как и других материалов, фиксирующих спонтанно выраженное общественное мнение, требует определенных оговорок, поправок³. Это общеметодологическое требование сохраняет свое значение и в нынешней ситуации, хотя при оживившейся общественной жизни расширился круг тех, кто пишет письма в газеты, и увеличилась свобода выражения различных мнений.

Поток писем — явление стихийное. Если при опросах проблема становится исследователем подчас независимо от того, насколько она актуальна для опрашиваемых, то в письмах высказываются взгляды как раз

¹ Орлик Ю. Деликатная сфера//Известия. 1988. 24 января; Авотиниш В. Достоинство//Комсомольская правда. 1988. 3 марта; Жарников А. С позиций справедливости//Правда. 1988. 18 апреля.

² Идея о привлечении писем читателей в качестве социологического источника была высказана Л. М. Дробижевой, и данная работа проводилась по ее инициативе.

³ См., например: Афанасьев Ю. Н. Понять себя сегодняшних//Наука и жизнь. 1988. № 1; Батыгин Г. С. «Добродетель» против интереса (заметки об отражении распределительных отношений в массовом сознании)//Социологические исследования. 1987. № 3; Бестужев-Лада И. В. Правда и только правда//Неделя. 1988. № 5; Лисичкин Г. Люди и вещи//Дружба народов. 1988. № 1; и др.

⁴ Грушин Б. А. О двух подходах к изучению общественного мнения//Социологические исследования. 1982. № 4.

по жизненно важным для пишущих вопросам. Непосредственность писем, заинтересованность авторов в то же время создают ограничения для использования писем в качестве источника сведений как о действительности, так и об общественном мнении. Как правило, в письмах речь идет о нерешенных проблемах, неудовлетворенности настоящей ситуацией. Степень критичности по отношению к действительности, естественно, выше, чем та, которую можно было бы обнаружить при зондировании общественного мнения. Можно предположить, что в почте не весь диапазон мнений, суждений представлен полностью. Это не значит, что их нет, просто их носители менее активны.

Далее, круг тем, поднимаемых в письмах, тяготеет к кругу проблем, затронутых в публикациях газет и журналов. Соотношение разных тем в читательской почте зависит, таким образом, от содержания сообщений самих средств массовой информации. Изменившаяся за последние несколько лет роль прессы в нашем обществе, оперативность ее отклика на общественные события, острота публикаций повлияли на ответный поток писем читателей. Печать становится действительным средством массовой информации, средством воздействия на общественное сознание. Результаты такого воздействия и представлены в читательской почте. Так, около 58% писем о национальных отношениях, поступивших в «Правду», были откликами на публикации газеты.

Совокупность писем, в которых затрагиваются национальные вопросы, отражает многообразие форм проявления национального, хотя не все его аспекты освещаются в письмах в равной мере. По словам сотрудников редакций, постоянно работающих с письмами, проблемы национально-государственного устройства и национально-экономические вопросы стали ставиться в письмах лишь в последние год-два. Особенностью нынешней почты является то, что читатели все чаще пытаются теоретически аргументировать взгляды, рассмотреть частный вопрос с точки зрения общих проблем национального развития. Авторы многих писем обращаются к ленинскому наследию, не просто ссылаясь на ленинские принципы национальной политики, а прямо цитируя высказывания В. И. Ленина. Современная философская литература, посвященная национальным проблемам, известна многим из них, но не в ней ищут они ответа на волнующие их вопросы. Читатель из Москвы восклицает: «В чем запутались философи? В чем они хотят разобраться? Сколько лет они будут разбираться и на какой вопрос они не нашли ответ у В. И. Ленина?». Судя по письмам, тот факт, что национальные процессы — предмет особой науки об этносах, большинству читателей неизвестен.

О том, какие проблемы волнуют авторов, может говорить количественная оценка тематики писем. Приблизительность такой оценки объясняется тем, что наша выборка — моментальный срез текущей почты. Она включает письма, с которыми мы ознакомились в декабре 1987 г.—январе 1988 г. Всего нами проанализировано более 700 писем, пришедших в редакции четырех газет. Основная их масса посвящена двум темам — деятельности общества «Память» (около 400 писем) и вопросу о положении крымских татар (около 100 писем). Так как обе темы могут быть предметом особых статей, здесь мы не будем их касаться. В 197 письмах говорилось о разных аспектах национальных проблем в СССР. В дальнейшем речь пойдет именно об этих письмах.

Читательская почта охватывает всю страну, но разные регионы представлены неодинаково. 82 письма пришло из РСФСР (в том числе 28 из Москвы, 19 из автономных республик), 10 из Прибалтики, 52 с Украины и из Белоруссии, 3 из Молдавии, 17 из Закавказья, 17 из Средней Азии, 16 из Казахстана. Любопытно, что «географические» пропорции примерно одинаковы во всех газетах.

Наши сведения об авторах писем неполны, так как не всегда корреспонденты сообщают о себе. Среди работающих, назвавших свою профессию (таких было немного — 77 человек), большинство составляла интеллигенция: 23 человека — специалисты в области гуманитарных наук, 6 — в области естественных, 19 человек — представители интеллигенции мас-

совых профессий (врачи, инженеры), 4 человека — представители творческой интеллигентии, 7 человек — рабочие, 18 — служащие. О социальной принадлежности остальных 120 авторов судить по тексту писем невозможно. Преобладание лиц умственного труда среди указавших свою профессию можно объяснить тем, что эти авторы часто ссылаются в свою профессиональную деятельность для обоснования тех или иных положений. Пишут письма по национальным вопросам преимущественно мужчины — 83% корреспондентов.

Каждое письмо, как правило, охватывает не один, а несколько аспектов национальных отношений. Поэтому нецелесообразно делить всю массу писем тематически. Подсчитывалось, как часто тот или иной вопрос поднимается в письмах читателей. Экономические проблемы во взаимосвязи с национальными ставятся в 21 письме. Это — вопросы межнациональных связей республик, а также «теневая экономика» в разном разии ее местных форм. Вопросы национально-государственного устройства затрагиваются в 24 письмах. Речь в них идет о национальных автономиях, правах союзных и автономных республик, законодательстве по национальным отношениям. Кадровые проблемы, связь социального продвижения, возможностей получения высшего образования с национальной принадлежностью рассматриваются в 39 письмах. К ним близки письма об учете национальности в личных документах — 5 писем. Наиболее обширной оказалась почта по проблемам родного языка и двуязычия — об этом пишет 81 человек. Проблемы развития национальной культуры поднимаются в 18 письмах. О недостаточном изучении и неудовлетворительном преподавании родной истории говорится в 36 письмах. В 14 письмах проблемы межнациональных отношений рассматриваются на личных примерах.

Из всего многообразия перечисленных тем мы выбрали проблемы национальных языков. Такой выбор обусловлен как численным преобладанием писем по этой теме, так и тем значением, которое придается в мас совом сознании языковым проблемам. Для большинства авторов писем национальный язык — важнейшее средство сохранения целостности народа, его культуры. Ценность культурного многообразия человечества — вот основная идея, которая преобладает в письмах.

«Страна наша многонациональна — и это огромное богатство. Какое обилие культур! А культура каждого народа, самого малого или большого, — это явление уникальное не только в масштабе нашей страны, но и в сокровищнице мировой культуры... Для сохранения отдельных видов животных и растений ученые мира придумали Красную книгу. Неужели культура (язык) любого народа стоит меньше, чем какая-нибудь букашка или травинка?» (поселок ЭССР, эстонец)⁵.

«Ведь один какой-либо вид дерева не может представлять все виды деревьев. Так же и с языком, с нацией, с культурой. Это разнообразие есть наше мироздание, и надо его бережно хранить ради полноценной жизни на земле. Эта аксиома для всех давно известна. Но, очевидно, ее надо повторять» (Тбилиси, грузин).

Подобные мысли содержатся и в других письмах. Они кажутся авторам очевидными, естественными. Так же это выглядит и в выступлениях писателей⁶. По их мнению, существование богатства культур — достояние общечеловеческое, поэтому их сохранение — забота не только носителей какой-то культуры, но и всех людей. Эта идея в научной аудитории пробивает себе путь с большим трудом. Достаточно посмотреть ответные реплики на выступление за «круглым столом» в журнале «История

⁵ Здесь и далее, цитируя выдержки из писем, мы будем указывать место, откуда пришло письмо, и национальность автора (если она названа). Все письма были подписаны, на них имеется точный обратный адрес.

⁶ Показательны сами названия статей, опубликованных в последнее время в центральной печати: Гончар О. Язык — достояние общечеловеческое//Книжное обозрение. 1987. 4 декабря; Самойленко А. Язык — забота не только писателя//Литературная газета. 1988. 2 марта.

СССР» С. А. Арутюнова, который теоретически обосновывает сходные положения⁷.

В незначительной части писем выражаются мысли противоположного характера. Например, в одном из писем, пришедших из Москвы, сказано: «При коммунизме будет один язык — русский. Русский язык должен стать не „средством межнационального общения“ — это само собой. Он должен стать основой единого мировоззрения народов СССР, должен стать средством советского образа жизни».

Встречаются и утверждения, ставящие знак равенства между заинтересованностью в развитии национальной культуры, языка и национализмом, между интернационализмом и ассимиляцией. Насильственная ассимиляция считается при этом положительным явлением. Существование таких взглядов на «интернационализм» говорит не только об общем уровне культуры тех, кто их разделяет, но и о серьезных недостатках интернационального воспитания. Это воспитание идет в отрыве от пропаганды элементарных основ этнографических знаний.

Категории, которыми пользуются авторы писем, не всегда явно выражены в тексте, но их можно вычленить из содержания: естественный и насильственный характер языковых процессов, их обратимость или необратимость, бюрократизм и игнорирование национальных интересов, взаимодействие языков и их конкуренция, добровольность в выборе языка обучения и обязательность знания родного языка, допустимость административного вмешательства в языковую жизнь и демократический подход к языковым вопросам. Мы в своей работе рассматриваем неолько сами суждения, сколько те позиции, с которых они высказываются, неолько сами оценки, сколько их критерии. Такой подход позволяет в определенной степени уменьшить вероятность искажения структуры общественного мнения.

Сама тематика писем значительно отличается от той, которая принята в научных трудах по языковым процессам. В научных работах обосновывается необходимость двуязычия в многонациональном государстве, анализируется степень его распространения, факторы, влияющие на приобщение к русскому языку как средству межнационального общения⁸. Однако в них трудно найти факты, рассказывающие о положении национальных языков, об их общественном престиже. Эти факты стали широко известны из выступлений писателей из союзных и автономных республик на VIII съезде писателей СССР (1986 г.), на последующих пленумах правления Союза писателей, особенно последнем — 1988 г., темой которого было «Совершенствование национальных отношений, перестройка и задачи советской литературы»⁹. Можно по-разному относиться к этим выступлениям, считать, что «писатели излишне „драматизируют“ ситуацию» (как сказано в статье Э. Баграмова)¹⁰, но отворачиваться от поставленных вопросов, делать вид, что их не существует, нельзя. Разумеется, писатели по своим профессиональным интересам в наибольшей степени связаны с родным языком. Но их озабоченность вызвана не только их особым положением, так как многие из них пишут параллельно на русском и на родном языке. Более того, их известность в общесоюзной аудитории связана как раз с публикациями на русском языке. Писатели, как и другие деятели культуры, остро воспринимают этноязыковые проблемы и являются выразителями общественного мнения. А о том, что они отстаивают не свои групповые интересы, свидетельствует

⁷ Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы. Беседа за «круглым столом»//История СССР. 1987. № 6.

⁸ См., например, обобщающую работу: Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР: основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1984.

⁹ См.: Литературная газета, 1988 г. 9 марта. Журнал «Дружба народов» публикует, начиная с № 5 за 1988 г., выступления писателей на тему «Нация. Язык. Литература».

¹⁰ Баграмов Э. Национальная проблема и обществознание//Правда. 1987. 14 августа.

значительная доля читательской почты, обращенной к национальным сюжетам.

Основная масса писем, в которых рассматриваются языковые проблемы, посвящена не двуязычию, а именно судьбам родных языков: Авторы оговаривают, что об изучении русского языка пишется и помимо них не мало. Необходимость языка межнационального общения в многогнациональном государстве признается всеми. Об этом упоминается как о чем-то само собой разумеющемся. Авторов писем заботит иной аспект взаимодействия языков, на который обычно меньше обращают внимания, — гарантии для сохранения и развития национальных языков.

Ситуация с национальными языками на территории страны разнообразна. Поэтому и письма по языковым проблемам можно разделить на четыре группы: от украинцев (24 письма), к ним прымывает одно письмо от белоруса; от основных национальностей других союзных и автономных республик (соответственно 14 и 10); письма от представителей народов, не имеющих автономий или живущих вне своей основной этнической территории (17); от русских из разных регионов (15). За исключением некоторых писем от представителей инонациональных групп, живущих в союзных и автономных республиках, все остальные касаются проблем соотношения русского и национальных языков.

Сужение сфер функционирования ряда языков в союзных (Украина, Белоруссия) и автономных республиках (например, в Поволжье) происходило в последние десятилетия в условиях, когда давления на них (запрета, ограничений) не оказывалось. Можно ли отсюда заключить, что ход языковых процессов был полностью естественным, что вытеснение родного языка русским было закономерным итогом интеграционных тенденций? Авторы писем оспаривают это положение. Они выстраивают такую цепочку: если в сфере управления (делопроизводство, проведение официальных мероприятий) перейти с национального языка на русский, перевести на него обучение в высших учебных заведениях, то за этим через некоторое время последует падение заинтересованности в обучении детей на родном языке в средней школе. В таких условиях отдать ребенка в детский сад с национальным языком (даже если он существует) представляется совершенно бессмысленным. Складывается ситуация вроде бы добровольного отказа населения от своего родного языка. Эти процессы сначала интенсивно идут в крупных городах, затем распространяются на города поменьше, а потом захватывают и сельскую местность. Национальный язык оказывается очень хрупким, разрыв в одном месте влечет за собой нарастающие потери в других областях языковой жизни.

Учет всех факторов, повлиявших на языковую ситуацию, установление их иерархии — задача специальных научных работ. В каждом из регионов были свои причины для сокращения использования национального языка. Однако существует и одно общее обстоятельство. Авторы писем видят его в бюрократизации общественной жизни, в формировании слоя своей, национальной бюрократии. Чингиз Айтматов так описал этих людей: «....особый тип демагога — говоруна — трибунища, который сделал для себя восхваление русского языка к месту и не к месту и умаление собственного чуть ли не престижной профессией»¹¹. Читатели также определенно выделяют эту группу.

«Наши руководители и депутаты Башкирской АССР угодничали, подхалимничали перед шовинизмом, прежде всего беспокоились о своем кресле, для них было зазорным хоть один раз выступить по телевизору или по радио на башкирском языке. Поэтому их никогда не беспокоило состояние изучения башкирского языка в школах БАССР» (г. Салават, башкир). «Многие руководители до сих пор не выступают на родном языке, некоторые даже не говорят. Ценность дружбы не в повторении „дружба, дружба...“, ценность ее в уважении языка близкого, его культуры и истории» (Казань, татарин). По словам одного читателя-украин-

¹¹ Айтматов Ч. Цена — жизнь//Литературная газета. 1986. 13 августа.

ца, если стремление местных деятелей «выглядеть святым папы римского» прямо не поощрялось, то по крайней мере их и не одерживали из центра.

Для нарушения жизни языка необязателен злой умысел. Простого невнимания, пренебрежения к национальному языку достаточно, чтобы подорвать его позиции. И мелочей здесь нет, начиная от планирования размещения школ, подготовки преподавателей, кончая выпуском пишущих машинок, например, с украинским шрифтом или этикеток на продуктах питания. В качестве доказательства один из читателей с Украины прислал коробку от сухарей, на которой все надписи были по-русски. И это продукция, которая идет не на всесоюзный рынок, а предназначается для реализации внутри республики. Того же порядка и факт, пригодимый эстонским писателем Ю. Тууликом: в Эстонии исчезли географические карты, на которых названия пунктов были бы указаны по-эстонски («Жизнь не раз доказывала, что однажды забытое со временем нередко оборачивается трудновосполнимыми потерями»)¹².

Взаимодействие языков неизбежно вызывает их конкуренцию. Беспокойство за судьбу родного языка непосредственно влияет на двуязычие, его масштабы. Представители местной национальной интеллигенции выражают тревогу по поводу недоверия, предубеждения, складывающегося в некоторых группах своего народа против русского языка (такие мысли есть, например, в письме узбека из Наманганга). Распространение русского языка могло бы быть более широким, если бы он не воспринимался как альтернатива родному.

Двуязычие (или в более общем случае — многоязычие) подразумевает некоторое разделение сфер общественной жизни, в которых преобладает тот или иной язык. «Сфера влияния» языков зависит от многих факторов: степени зрелости литературных языков, разработанности научной и технической терминологии. Имеет значение также, являются ли языки генетически родственными, какова история их взаимоотношений (в этом плане ситуация взаимодействия украинского и белорусского языков с русским отличается от складывающейся при контакте русского языка и других национальных языков).

Ясно, что в настоящий момент языки народов СССР в неодинаковой степени могут конкурировать с русским языком как языком науки и техники. Дальнейшая судьба национальных языков в этих сферах зависит и от социальной структуры национальностей, от масштабов развития определяющих научно-технический прогресс видов деятельности, и от субъективных факторов — тех усилий, которые будут приложены национальной интеллигенцией для совершенствования языка, разработки соответствующей терминологии. Вытеснение одного языка другим из некоторых областей жизни может происходить естественным путем в силу различий их потенциалов. Не исключено, что этот процесс не всегда адекватно осознается как процесс объективный. Даже в самой благоприятной ситуации, когда нет искусственного подталкивания языковых процессов, утрата позиций родного языка может восприниматься болезненно. Тем более это имеет место, если происходит нарушение естественных пропорций.

Ситуация, когда житель села, приехавший в столицу собственной республики или другой крупный город, не может на родном языке обратиться в любое учреждение, считается ненормальной (это отмечается в письмах из Ташкента, Тбилиси). Группа представителей интеллигенции из Ташкента предлагает, чтобы вся официальная документация в республике велась не только по-русски, но параллельно на двух языках — узбекском и русском. Автор письма из Эстонии считает необходимым установить такой порядок, при котором официальные мероприятия в союзных республиках проводились бы на местном языке, т. е. на языке народа, дающего название республике.

¹² Туулик Ю. Язык наш живой//Литературная газета. 1988. 17 февраля.

Возможно, именно подобного рода предложения имеет в виду Э. Баграмов, когда пишет о «требовании административно ограничить употребление русского языка»¹³. Его позиция встречает возражения со стороны читателей. Вот иная точка зрения: «Равенство национальных языков в СССР означает в первую очередь равенство условий для развития каждого языка на территории народа, для которого он является родным. И когда украинский язык будет возвращаться в свои естественные и законные берега функционирования, то вполне естественно выглядит определенное сужение сферы применения русского языка. Но от этого никуда не деться, если придерживаться принципов социальной справедливости, ибо такова логика взаимодействия национальных языков с русским на территории союзных республик. Восстановление искусственно нарушенных отношений, пропорций, всегда сопряжено с определенным перераспределением» (село Житомирской области, украинец).

Желание изменить языковую ситуацию видно из читательской почты и из публичных выступлений деятелей культуры разных республик. Острота таких выступлений тем больше, чем заметнее утрачены позиции национального языка в республике. И самые решительные меры для исправления сложившейся ситуации предлагаются именно в тех случаях, когда иным путем повернуть ход процесса невозможно.

«Процесс вытеснения украинского языка происходил не сам по себе. И не в качестве преподавания дела. Весь этот процесс происходил под воздействием негласного администрирования. И возродить роль украинского языка в республике можно только тем же путем — административным» (Чернигов, украинец).

Вопрос о том, в какой степени вообще обратимы языковые процессы, в таком случае обычно не ставится. Он на деле очень непрост.

Параллели из истории зарубежных стран показывают, что какой-то фатальной предопределенности в развитии языковых процессов нет. Попытки изменить их ход предпринимались интеллигенцией в период формирования наций, когда речь шла о создании национальных литературных языков. Нагляден пример чехов, которые в XVIII в. были двуязычны, причем роль государственного языка для них выполнял немецкий. В то время высказывались сомнения в самой возможности создать современную культуру на чешском языке. Однако эти усилия достигли успеха¹⁴.

Современная этноязыковая ситуация в Европе разнообразна. С одной стороны, есть пример фламандского языка в Бельгии, пережившего возрождение с конца прошлого века, хотя, казалось бы, позиции его были подорваны¹⁵. Стремительное экономическое развитие, особенно переход к новым научноемким технологиям в фламандских провинциях Бельгии, в последние десятилетия укрепили положение фламандского языка. Иная ситуация сложилась в Ирландии, где воскрешение ирландского языка, принадлежащего к кельтской группе, стало одной из приоритетных целей правительства со временем получения независимости в 1921 г. Несмотря на все усилия, предпринимавшиеся для внедрения ирландского языка, достижения официальной языковой политики были весьма скромными: язык удалось сохранить, на нем существует литература, его используют при проведении национальных праздников, но все же язык повседневной жизни, не говоря уже о производстве и общественных делах, — английский¹⁶.

Вообще говоря, перспективы развития языков связаны с социальными потребностями. Надо учитывать, есть ли слои населения, которые реально, самим своим общественным положением заинтересованы в том,

¹³ Баграмов Э. Указ. раб.

¹⁴ Немищенко Г. П., Широкова А. Г. Особенности формирования литературного языка чешской нации в эпоху национального возрождения//Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

¹⁵ Козлов В. И. О динамике языкового и национального состава населения Бельгии//Этнические процессы в странах Зарубежной Европы. М., 1970.

¹⁶ Пасленко А. П. Языковая ситуация в Ирландии//Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981.

чтобы именно национальный язык обслуживал внутриэтнические связи. Насколько положение этих слоев связано с прогрессивными тенденциями социально-экономического развития и соответственно в какой степени они могут привлечь на свою сторону массу народа — от всего этого зависит, быть ли национальному языку. В период складывания капиталистических наций таким классом была формирующаяся буржуазия. Втягивание населения в товарно-денежные отношения порождало общность языковой жизни, стремление общаться на своем языке.

Существуют ли в условиях социалистического общества слои населения помимо творческой интеллигенции, активно заинтересованные в сохранении позиций родного языка, об этом в настоящий момент судить невозможно. Пока отсутствуют не только знания, но и сама постановка вопроса о социальных функциях национальных языков в многонациональной социалистической стране.

Вопрос об обратимости языковых процессов связан с вопросом о тех мерах, которые, по мнению авторов писем, необходимо предпринять, чтобы вернуть позиции национальным языкам там, где они утрачены. В тех случаях, когда потребности населения в обучении на родном языке полностью не удовлетворялись, ответ, на наш взгляд, может быть только один: гарантировать возможность отдать ребенка в школу с преподаванием на родном языке. Но как быть в том случае, если подорвана заинтересованность самого населения в изучении своего языка? Ведь если не предпринимать специальных усилий, то нынешняя ситуация будет воспроизводиться во все расширяющихся масштабах, как это происходит на Украине и в Белоруссии.

Наиболее категорические высказывания по этому поводу содержатся в письмах с Украины. На примере этих писем рассмотрим, как ставится читателями проблема добровольности при выборе языка обучения.

На первый взгляд сейчас существует дилемма: либо язык обучения выбирается родителями, либо количество школ, классов на том или ином языке планируется исходя из национального состава населения территории. Так это противопоставляется в упоминавшейся статье Э. Баграмова. На самом деле разнообразие позиций значительно большее.

Право родителей на выбор языка обучения их детей может быть единственным, если выполнен ряд условий. Авторы писем доказывают, что на практике они нарушились. Говорить о добровольности в условиях, когда в ряде городов полностью отсутствуют школы с национальным языком, а в других их насчитываются единицы, не приходится. Никаких попыток учесть мнение родителей, выявить потребности в классах с преподаванием на разных языках не проводилось. Такой учет возможен при гибкой образовательной системе, когда число различных классов изменяется год от года. Это ставит дополнительные проблемы с педагогическими кадрами, учебниками. Таким образом, если последовательно отстаивать принцип добровольности, то нужно добиваться материальных возможностей его осуществления.

Как антитеза добровольности выступает обязательность изучения национального языка в республиках. Здесь надо уточнить, что имеется в виду: язык, на котором ведется все обучение, или язык как предмет изучения? Затем, обязательность по отношению к кому — ко всему населению соответствующей республики или только к той национальности, для которой он является родным?

«Считаю, что в проект Устава средней школы следует записать два важных пункта: 1) в соответствии с национальным составом учеников язык обучения определяет Совет Министров союзной республики, 2) запрещается освобождать учеников от изучения языка республики, которой непосредственно подчинена школа» (Полтава, украинец).

Очевидно, предложение об определении количества различных школ исходя из численности разных национальностей касается языка, на котором преподаются все предметы. В письмах есть упреки в «языковом нигилизме», обращенные к представителям своего народа, упреки в чисто pragmatischem подходе к изучению и использованию родного языка.

Выбор того или иного языка, как правило, обосновывается интересами дальнейшей профессиональной деятельности. Понятно беспокойство о сохранении родного языка, его жизнеспособности. Однако принудительность, которая подразумевается этим предложением, чревата насилием над населением и может вызвать даже не безразличие к своему языку, а резкое его неприятие. К тому же сомнительно, чтобы такой путь был эффективен. Авторы писем осознают, что положение национальных языков в системе школьного образования связано с общей языковой ситуацией в республиках. Без расширения сферы функционирования национального языка в общественной жизни потребность в его изучении не увеличится. С другой стороны, без людей, знающих язык, такое расширение не может произойти. Получается как бы замкнутый круг. Если не рассматривать другие пути развития национальных языков, то положение представляется безнадежным. Как раз об иных мерах идет речь в письмах из разных республик.

Предлагается, чтобы язык той национальности, которая дает название республике, был обязательным предметом изучения в школах этой республики. Это, кстати, было безусловным правилом до войны, на что часто ссылаются корреспонденты. Они полагают, что независимо от того, на каком языке ведется обучение, любой житель республики должен изъясняться на ее языке. В тех республиках, где признается обязательность изучения национального языка, не всегда уровень его преподавания в русских школах достаточно высок. Такие же недостатки характерны и для преподавания русского языка в национальных школах, но последствия для судеб каждого из языков совершенно различны. В последнем случае речь идет о преградах для реального, а не формального двуязычия, в первом — о возможности выживания национального языка, если учесть, что в ряде республик представители основной национальности предпочитают, чтобы их дети учились не на родном, а на русском языке. Невнимание к качеству преподавания языка, бюрократическое равнодушие к нему губительны. Обязательное изучение языка республики в школах, если оно осуществляется на должном уровне, позволяет по крайней мере сохранить его. Иначе отрезаются целые пласти культуры народа. В настоящее время на Украине озабоченность вызывает тот факт, что молодежь просто не может читать классическую литературу на родном украинском языке, и даже произведения Т. Г. Шевченко становятся ей недоступны. Такие процессы действительно грозят стать необратимыми.

По отношению к так называемому «некоренному населению» республик во многих публикациях в периодике говорится о желательности знания им языка основной национальности республики. Эти пожелания, апелляция к уважению традиций, культуры иноэтнического населения, в среде которого живут люди другой национальности, останутся только пожеланиями, если делать упор исключительно на психологические факторы. Марина Костенецкая, русская писательница из Риги, знающая латышский язык, приводит пример своих русских коллег, живущих в Латвии: «Среди них есть и такие, кто, прожив в Риге 30—40 лет, не только не способен ни слова вымолвить по-латышски, но еще и бравирует этим. Неуважение к языку и культуре нации, на земле которой ты сложил свой очаг,— признак отсутствия культуры»¹⁷.

Знание языка становится внутренней потребностью лишь в том случае, если оно необходимо для входления в производственную деятельность и общественную жизнь. Иначе появляются обособленные на национальной почве круги общения, замкнутость и настороженность в межэтнических отношениях. Понимание этой связи самим иноэтническим населением республик еще не гарантирует заинтересованность в изучении национального языка.

«Каждый уважающий себя человек, проживающий в данной местности, ради уважения других должен хотя бы сносно изъясняться на на-

¹⁷ Литературная газета. 1986. 26 ноября.

циональном языке данной местности. В этом вопросе принуждение не цится. Здесь должны главенствовать добровольные пожелания каждого. Обязательно же для всех жителей СССР знать русский язык» имкент, русский).

Русский из Кишинева сетует: «Русских ребят побуждают изучать стный язык, затем родной и иностранный. И это при уплотненной программе».

Характерно, что обратный случай — освоение русского языка наряду своим и иностранным другими национальностями, тоже требующее илий,— обходится молчанием. В многонациональном обществе двузычие, шире—многоязычие ведет к наиболее благоприятным межэтническим отношениям, если оно не одностороннее, а двустороннее. Шаги сторону укрепления позиций национального языка, несомненно, задают интересы значительного слоя людей, а именно тех, кто этот язык знает и не собирается учить.

Обязать учить язык можно, но обязать знать его невозможно, за исключением отдельных случаев. Авторы писем как пример такого случая иводят работу на руководящих должностях в государственных парных, общественных организациях.

«Чтобы быть руководителем, политическим деятелем, нужно прежде всего любить тех, кем ты думаешь руководить, кого представлять в руководящих органах, а также завоевать их расположение. А для этого, к минимуму, надо свободно общаться с народом на его родном языке. Уметь только „здравствуйте“ и „до свиданья“ недостаточно» (поселок ССР, эстонец).

Узбек из Ташкента отмечает, что В. И. Ленин при назначении на руководящие должности в республиках интересовался знанием языка местного населения. Венгр из Чопа пишет, что даже при буржуазном правительстве Чехословакии от чиновников требовалось сдавать экзамен по языку того народа, среди которого ему предстоит работать и т. д. Ставятся ли в письмах вопрос о придании национальному языку статуса государственного на территории республики или о том, чтобы он использовался в сфере управления, речь идет об одном — об активизации ряда аичимых функций национальных языков.

К проблеме национально-русского двуязычия не сводятся все языковые вопросы, поднимаемые в письмах. Особую группу составляют письма от представителей национальных меньшинств, не имеющих своей национальной государственности или живущих вне своей этнической территории: немцев Казахстана, венгров Закарпатья, поляков из Литвы и Белоруссии, татар из Москвы, Сибири, Башкирии, таджиков из Узбекистана, лезгин из Азербайджана. Если для ряда групп речь идет о качестве преподавания родного языка в школах, об оснащении школ, удовлетворении потребности в учебниках (например, для венгров), то для других — о самой возможности отдать ребенка в школу на родном языке. Одни национальности такой возможности лишились в конце 30-х годов (например, лезгины в Азербайджане), другие — буквально в последнее время (татары в Башкирии). На февральском 1988 г. Пленуме К КПСС закрытие татарских и других национальных школ в Башкирии было приведено в качестве примера недопустимого администрирования и отмечено, что ситуация начинает исправляться¹⁸. В письме от старина из г. Бирска (БАССР) высказывается опасение, что «универальное» (в каждом конкретном случае) решение не гарантирует, что нарушения в языковой политике не повторятся.

Должны быть организационные формы учета потребностей в языках обучения. В этом и будет проявляться демократический подход к решению языковых проблем. Да и формы преподавания национальных языков могут быть самыми разнообразными — хотя бы как предмета в начальной школе. Такие формы надо искать исходя из запросов самого населения, их нельзя предусмотреть сверху на все случаи жизни. Существует

¹⁸ Правда. 1988. 18 февраля.

огромный отечественный опыт организации школьного дела в 20-е — первую половину 30-х годов для сравнительно немногочисленных или дисперсно расселенных народов. Кроме того, нельзя обойти и достижения в языковой политике зарубежных стран.

Сложной является проблема финансирования школьного обучения. В каком случае государство обязано брать на себя целиком все расходы по обеспечению национальных школ для этнодисперсных групп, в каких случаях целесообразно привлекать дополнительно средства самого населения — все это нужно выносить на широкое обсуждение. Ясно одно, что в основе решения о том, нужно ли организовывать преподавание на национальных языках или преподавание национального языка как предмета, не могут лежать исключительно экономические расчеты. Помимо самоокупаемости чисто экономической есть еще «самоокупаемость» социальная. Для нашей пестрой в этническом отношении страны преодоление любой напряженности в национальных отношениях, любых ущемлений права народа на свой язык и культуру — это и есть самая выгодная политика.

Многие вопросы языка и культуры могут решаться в существующих национально-территориальных рамках. Между тем в письмах от представителей национальных меньшинств преобладает мнение, что лишь благодаря созданию новых административных единиц в виде той или иной автономии или измерения уже существующих можно добиться удовлетворения национальных культурных интересов. Татарин из Уфы считает необходимым изменение границ ТАССР и БАССР: «Другой возможности для гарантирования развития нашей культуры, нашей духовной жизни не существует». Таким образом, утверждается, что правовой механизм, исключающий местный произвол в языковой политике, крайне ненадежен.

В одном из писем, пришедших из Москвы, сказано: «Пусть в стране разбросано двести человек, которые помнят и любят какой-то никому больше не известный язык, но для них остающийся близким сердцу. Неужели исключается возможность получения ими хоть раз в месяц, хоть на небольшом листе собственной газеты, отпечатанной на пишущей машинке и размноженной на ксероксе».

К сожалению, такая позиция встречается весьма редко. И дело не в конкретном предложении, а в том, что проявлена забота о языке другого народа. Когда такие мысли будут естественны для общественного сознания, можно будет сказать, что интернациональное воспитание достигло действительных успехов.

Даже в том небольшом объеме почты, которую мы прочли, содержится множество предложений по решению сложных проблем (из 197 писем — в 93). Эти предложения в разной степени детализированы. Порой встречаются тщательно продуманные рекомендации, которые, несомненно, заслуживают внимания. В том же, что такое внимание будет проявлено, авторы писем сомневаются. Многие отмечают, что обращаются в газету, потому что не знают, где бы реально могли рассматриваться их предложения. Систематический учет общественного мнения, выраженного в письмах, обогатил бы практику регулирования национальных отношений. Это та область, где универсальные рецепты неприменимы, хотя и необходимы некоторые общие принципы.

Анализ писем, конечно же, не может заменить массового обследования. Но он помогает выявить проблемные ситуации, факты, обстановку, настроения. Таким образом, он может стать начальной стадией научного исследования.

ПРОЦЕССЫ РИТУАЛИЗАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Эта статья посвящена проблеме «ритуал и социальное управление», т. е. одному из аспектов связей ритуала с социальным контекстом. Архетический ритуал доступен современному исследователю зачастую в неполном виде. Отсюда необходимость реконструкции, а значит, неизбежная гипотетичность выводов. Между тем в современной жизни есть сферы, где роль ритуала весьма значительна. Одна из них в социологической литературе называется «молодежной субкультурой». Здесь ритуальные формы существуют не в виде остатков, а постоянно возникают, воспроизводятся, эволюционируют; поэтому их функционирование доступно непосредственному наблюдению.

Обращение к исследованию молодежной субкультуры неизбежно порождает вопрос о социальных корнях разнообразных процессов, идущих в молодежной среде, а также о месте тех или иных течений, движений, групп в социальной структуре общества. Мы не обходим эти вопросы, касаясь их по мере необходимости, однако отдааем себе отчет в том, что специальное их исследование — прерогатива философско-социологических дисциплин. Здесь же мы занимаемся этнографическими аспектами молодежной субкультуры, в частности ролью знаков и символов, процессами освоения и передачи норм поведения, ритуальными формами взаимодействия и пр. С этой точки зрения, молодежные группы и течения представляют собой незаменимый объект исследования как одна из немногих сфер современной жизни, где социальные процессы идут в достаточной мере спонтанно, где действуют законы устной традиции и ритуалы продолжают играть социорегулирующую роль.

Среди множества молодежных группировок с их своеобразными субкультурами мы выбрали «систему». Самоназвание «системных» людей—people (пипл), т. е. просто «люди». В «систему» входят хиппи («волосятые», «хайратые», «пацифисты»), панки, битломаны, брейкеры и т. д.—представители самых разных течений. «Система» — как бы ядро пестрого конгломерата современной молодежной субкультуры. Для нас существенно, что она является носителем традиции, идущей еще от первых хиппи конца 60-х годов. К настоящему моменту традиция накопила определенный фонд символов, сложился комплекс норм поведения, а также множество фольклорных форм (песни, предания, легенды, анекдоты, поговорки и пр.). Традиция проявляется в одежде и — шире — внешности «пипл», в их повседневном поведении, в первую очередь в этикете.

Сами носители традиции определяют ее возраст в 20 лет: 1 июня 1987 г. «система» праздновала свое двадцатилетие. Надо учесть, однако, что смена «поколений» здесь происходит примерно каждые 2—3 года, именно с таким интервалом возникают новые течения (это связано с выходом на арену новой возрастной когорты). Частично вливаясь в «систему», каждое новое течение, например, появившиеся вслед за хиппи панки, а затем металлисты и т. д., воспринимает ее традиции; с другой стороны, «системная» традиция впитывает некоторые нормы и символы новых течений. Таким образом, «поколения» здесь меняются на порядок чаще, чем, скажем, в архаической племенной традиции. Соответственно число воспроизведений за 20 лет сопоставимо с числом воспроизведений «большой» традиции за период, в 10 раз более длительный. Поэтому «систему» можно рассматривать как модель, позволяющую проследить процессы, для наблюдения которых в «большой» традиции потребовалось бы не одно поколение исследователей.

Несколько слов об источниках. Здесь использованы материалы, собранные автором среди «пипл» Ленинграда и Москвы в 1986—1987 гг. Применялись два основных метода сбора информации: включенное на-

блюдение и беседы с носителями традиции. Это позволило получить дублирующую информацию: с одной стороны, непосредственные наблюдения ритуала, а с другой — его описания, при этом описания с разных позиций — посвященных и новичков, участников и наблюдателей ритуала лидеров групп и рядовых членов — различаются. Это связано с эзотерическим характером части ритуальной символики.

I. Управляющие символы. Среди множества ритуалов, имеющих хождение в «системе», мы выбрали для пристального изучения «обряд дарения феньки». Дело в том, что он распространен по всей «системе», в то время как другие носят групповой характер: группа «индеанистов» имитирует обряды североамериканских индейцев, «чернушники» практикуют предоносную магию и т. д. Исследование групповых обрядов, их источников, а также проникновения в общесистемную традицию может стать предметом отдельного анализа. Здесь мы займемся общей проблемой роли ритуала в функционировании «системы» как социальной общности. Обряд дарения феньки будет опытным полем.

I.1. Обряд дарения феньки. «Мы встретились и познакомились,— рассказывает мой информант.— Или мы знакомы давно и просто встретились. И вот в знак того, что я желаю тебе удачи в твоих делах, в знак того, что ты можешь на меня положиться, в знак любви к тебе я дарю тебе феньку»¹. Это, собственно, и есть обряд.

Фенька (фенечка) — браслетик, сплетенный из бисера или шерстяных ниток, характерен для «системных». Впрочем, фенькой может называться и значок, какая-нибудь вещица, брелок, даже стишок или песня. Это сленговое слово точнее всего можно перевести как «забава». Фенька — нечто, не имеющее практической ценности, зато обладающее повышенной семиотической ценностью: это всегда средоточие символов «У меня была фенька в свое время: я набирал из черного бисера две равные половинки, и там, где проходит диагональ, от черного к черному переходила гамма. „Инь-янчик“ называлась» (л. 12). Символическую нагрузку могут нести цвета феньки, узор, число бисеринок и пр. Популярны такие символы, как инь-ян, цветок, звезда, созвездия Ориона, Плеяд, Большой Медведицы (это связано с восточной символикой созвездий) и др. В момент дарения символ истолковывается, причем tolkovania строятся однотипно. Символ истолковывается таким образом, что за ним открывается определенная норма поведения. «Инь-ян — это символ мировой гармонии» (л. 25), — объясняет хиппи; подразумевается гармония человеческих отношений. «Хипповский крест (крест в сочетании с латинской V — Т. Щ.) — это христианская любовь и свобода» (л. 13). Любовь, гармония, свобода — это нормы взаимоотношений, провозглашаемые «системой». Итак, за символом — норма поведения. Нередко встречаются символы различных религиозных учений, атрибуты божеств. При ближайшем рассмотрении и божества оказываются воплощениями норм. Яркая иллюстрация — программа самосовершенствования, которую нарисовал один из «пипп»:

«Моисей, научи меня верности,
Иисус, научи меня кротости,
Митра, научи меня честности,
Магомет, научи меня мужеству!
Кришна, научи меня любви,
Будда, научи меня покоя.

А пока я учусь терпимости у единого господа Бога...» (л. 33).

Каждый персонаж здесь — символ определенного качества, а точнее, типа взаимоотношений. Терпимость, всеобщая любовь, кротость, искренность и пр.— не что иное, как нормы «системы». Здесь они персонифицированы в образах божеств.

¹ Полевые материалы автора. Архив Ин-та этнографии АН СССР (Ленинградская часть). Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1506. Л. 17 (далее ссылки даются в тексте с указанием ¹ страницы).

I.2. Управление: образ «я». Обладатель символа (в данном случае фенечки) идентифицирует себя с ним: «Улитка — это мой символ, я стал уже с ней слит — от и до» (л. 25), — говорит мой информант Сольми, а вместе с тем он «слит» и с соответствующими нормами (как он сам объясняет, улитка для него символ «силы слабого», ненасилия и т. д.). Символ — это, перефразируя Хемингуэя, «норма, которая всегда с тобой». Постоянно имея при себе образ идеального «я», его носитель соотносит свое поведение с идеалом. Осуществляется постоянная коррекция поведения в соответствии с групповыми («системными») нормами. Это значит, что группа управляет своим членом как бы изнутри его личности. Символ служит средством такого управления.

Поэтому символ — не просто носитель информации о групповых нормах; это действующая норма. Он реально влияет на поведение носителя. Приведем поразительный пример действенности символа: «Одна хиппи, девушка... Она подсела на что-то (стала колоть наркотики). — Т. Щ.). У нее были разобранные бусы — там были розовые кубики. А вы знаете, что в кубах измеряется? Дозы. И она, как только у нее повышается доза, прибавляла к своим бусам один кубик. И когда она решила бросить, она выбросила эту феньку» (л. 41). Самое удивительное заключается в том, что девушка эта действительно бросила наркотики. Такова сила символа, его действенность как средства управления поведением.

I.3. «Игра без правил». Теперь поразмышляем о социальных условиях, с которыми связано повышение роли символов в управлении поведением. Почему эта роль, в частности в молодежной среде, вырастает до той черты, когда возникают и воспроизводятся жизнеспособные ритуалы?

Прежде всего о том, что дает группе существование социальных норм в символической форме. Основной результат — субъективное ощущение полной свободы. Спросите кого угодно в «системе», и вам ответят, что здесь нет никаких норм. Собственно свобода — одна из основных ценностей «системы». Главное требование к любому, кто сюда приходит, — «отсутствие комплексов», т. е. любых рамок, ограничений, стеснения. Жизнь в «системе» представляется самим «пипл» игрой, в которой нет правил (л. 32).

Как мы видели, реально правила есть, управление поведением осуществляется. Никакое социальное образование не может жить, не регулируя взаимоотношения своих членов. Но управление идет здесь помимо сознания. Человек следует групповым нормам, не осознавая этого. Сочетание управляемости с субъективной свободой как раз и обеспечивается символической формой выражения норм.

Прямое же управление путем передачи команд здесь невозможно — это связано с особенностями социального статуса «системных».

I.4. Неопределенность статуса. «Насчет работы: я работал на многих предприятиях, но понимая, что это не мое, — высказывается „пипл“ со стажем в передаче Ленинградского телевидения. — Вот сейчас я работаю на заводе: слесарь, хороший. Но это не мое. Работаю только для того, чтобы жить. Есть одна работа, на которую я хочу попасть: это археология. Там я мог бы работать даже бесплатно². И работает: летом выезжает с археологами на раскопки. Почти все «пипл» работают или учатся, но не считают свою нынешнюю работу по-настоящему «своим» делом. Ф. из фармакологического училища хочет поступить в геологический или театральный институт, а пока занимается постановкой спектаклей силами «пипл». Это типичные примеры: в «системе» оказываются люди, находящиеся в переходном состоянии. Много отчисленных студентов, значительную прослойку составляет, по их собственному выражению, «непоступившая интеллигенция»: работают дворниками, сторожами, кочегарами, при этом ощущая себя интеллигентами и видя главный смысл в духовном самосовершенствовании. Общее для всех «пипл» — промежуточное положение в социальной структуре. Если

² Ленинградское телевидение. Цикл передач «Взгляд». Передача вторая. 25.II.87.

рассматривать общество в целом как иерархическую структуру, состоящую из множества определенным образом взаимосвязанных позиций, то «системные» люди оказываются между позициями, между статусами.

Понятно, почему большинство в «системе» составляет молодежь, по наблюдениям автора, от 16 до 21 года. Молодой человек так или иначе проходит через это промежуточное состояние в период выбора профессии и — шире — места в жизни. Именно в это время он может оказаться в «системе». Большая часть не задерживается в ней дольше 2—3 лет: определившись, например поступив в университет, они выходят из «системы». Однако у части этот период затягивается, а некоторым так и не придется выйти из него. Поэтому в «системе» можно встретить и сорокалетних. Но, еще раз повторим, все здесь — люди в процессе перехода. Их основная и самая общая черта — отсутствие определенного социального статуса.

Именно с этим связано требование абсолютной свободы, о котором мы говорили выше. Каждая социальная позиция, статус предполагает систему норм, которых должен придерживаться его носитель. Человек же, находящийся «между» позициями, оказывается вне сферы действия обоих комплексов норм, «между» нормами. Отсюда и ощущение «свободы от всего», а вместе с тем невозможность прямого управления. В этой ситуации символы оказываются наиболее эффективным средством социального регулирования. Существует взаимосвязь между социальной неопределенностью и ростом ритуальных форм, замеченная многими исследователями. Ее отмечал, например, В. Тэрнер: «Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре — условия, в которых часто рождаются мифы, символы, ритуалы, философские системы и произведения искусства»³. П. А. Мюнх рассматривает «символические нормы» как один из способов адаптации общества к социальной неопределенности⁴.

I.5. Нормы-самоопределения. Мы уже отмечали, что одна из основных «системных» норм — требование абсолютной свободы — оказывается описанием реального социального состояния, в котором пребывают «пипл». Подобным же образом и другие нормы по существу оказываются экспликацией все того же состояния социальной неопределенности. Само это состояние переживается как потеряность, а иногда и отверженность («Я маленький муравей давно разоренного муравейника» — л. 34). Потому и свобода приобретает горьковатый привкус одиночества: «Смысл у каждого свой, и понять его должен ты сам... Ведь у каждого свой бог и каждый в центре своей вселенной! Это же просто и так беспросветно» (л. 35).

Весь комплекс «системных» норм можно определить как триаду: свобода — любовь — духовность. Все, что провозглашают «пипл», так или иначе сводится к этим трем нормам.

Отсутствие социальной определенности переживается болезненно — как одиночество (нет «своей» группы). Поиск «своих» становится одним из основных направлений деятельности «системного» человека. Это и есть то, что он понимает, когда говорит о «любви»: любовь определяется как «поиски тепла», «страх не принадлежать» (л. 35), это не что иное, как определение своего состояния — стремления к общению. «Создай вселенную такую, чтобы светило было общим хотя бы для двух людей» (л. 36). Смысл «системной» любви — создать группу (хотя бы одну социальную связь).

Наконец, духовность, третья основа «системного» кодекса, — это поиск «своей» идеи. Социальная неопределенность — не только отсутствие группы, но и неясность смысла жизни: «Тяжело жить, когда не знаешь, для чего живешь. Я еще не поняла, стоит ли жить (л. 32), — пишет шестнадцатилетняя девушка. — Мучительно отсутствие „своего“ дела, которому можно было бы отдаваться целиком. Мучительно сознавать себя бродягами, что тут и там снуют, не зная, чем заняться...» (л. 31). Поиски

³ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 199.

⁴ Munch P. A. Anarchy and Anomie in Atomic Community//Man. V. 9. № 2. 1974 Р. 243—261.

дела обираются поисками своей идеи. Это и есть центральный предмет «системного» общения. Для этого прочитываются горы книг, жадно впитывается масса самой разной информации. Духовному самосовершенствованию отдается безусловное предпочтение перед материальным благополучием. Это отражается, в частности, во внешности «пипл»: «Одежда может быть неопрятна, но свободна», — говорят они сами, мотивируя тем, что «когда Христос вышел к людям, ноги его были в грязи» (л. 34). Собственно в материальном отношении «лиминалные» (по В. Тэрнеру) личности еще «никто». Они существуют пока лишь в проектах, сами определяя это как «духовное» существование. Отсюда ясно, что норма — требование, предпочтение духовности — не что иное, как констатация реального положения дел.

Мы постарались показать, как из самоописаний своего состояния, а именно состояния социальной неопределенности, выкристаллизовываются основные нормы — свобода, любовь, духовность — провозглашаемые «системой».

Каждая такая норма имеет две стороны: во-первых, отражает реальное социальное состояние, во-вторых, влияет на дальнейшее поведение своего носителя. Символ амбивалентен: он описывает «я» и руководит им.

Именно это и обеспечивает самоотождествление «я» с нормой: человек видит в ней свое отражение. Поэтому он принимает норму как «свою», «естественную» и, следуя ей, не ощущает, что управляем. Амбивалентность символа — то свойство, которое позволяет ему воздействовать на поведение «изнутри» личности.

II. Лидер и символы. До сих пор мы рассматривали процесс управления с точки зрения его объекта. Переместимся теперь на позицию другой стороны — субъекта управления, лидера. Надо отметить, что понятие лидера в «системе» отлично от привычного: в соответствии с нормами (свобода!) любой, кто попытался бы командовать, кто хочет возвыситься над остальными, оказался бы не лидером, а аутсайдером; любые нарушения равенства считаются здесь признаком деградации, уделом людей недалеких и низких. Здесь мы имеем дело с лидером, полностью неформальным.

II. 1. «Работа над языком». Основное средство управления в «системе», как выяснилось, — символы. Поэтому лидером становится тот, кто овладевает языком символов. Манипулируя ими, он получает возможность манипулировать людьми. «В системе есть очень крутые люди, как столпы, — объясняет мне один из признанных авторитетов в этой среде, Сольми. — Чем они отличаются? — Символ! Если у человека есть символ, он бессмертен» (л. 26).

Лидер начинается с осознания роли символов, а именно того обстоятельства, что с их помощью можно влиять на поведение. «Я занимался вопросами коммуникабельности между людьми, — рассказывает Сольми. — Пришел к тому, что символы обладают особой энергетикой. Глядя на символ, вы попадаете под его влияние... Символом можно повлиять, даже убить. Вы поосторожнее... Это оружие, крутое оружие» (л. 26). Отметим, что «убить» здесь означает вытеснить прежние убеждения и вложить новые, иными словами, навязать свои идеи. Осознание роли символов отличает лидера (в том числе потенциального) от прочих «пипл».

С этого начинается «работа над языком» — разработка символического языка, конкретных способов управления. Можно выделить три направления этой работы: а) творческие поиски в сфере живописи, музыки, поэзии; б) повышение семиотичности повседневного поведения, одежды и речи; в) социальные эксперименты. Остановимся подробнее на каждом из направлений.

II. 2. Лидер-художник. Собирая материалы для этой работы, автор специально искала знакомства с «системными» авторитетами, лидерами различных групп и течений. Нельзя было не заметить общую, пожалуй, для всех их черту — особую образность, даже некоторую ирра-

циональность речи и манеры поведения. Многие из них вполне осознанно формируют жизнь и свое поведение как произведение искусства. Как правило, они занимаются живописью, музыкой (чаще всего роком), поэтическими опытами. Характерно, что смысл этих занятий — не столько создание произведения как конечной эстетической ценности, сколько поиск символических средств. Один экспериментирует с цветом, объясняя: «Искусство должно воздействовать на зрителя. Это нормально, к этому стремится художник. Арсенал художника: цвет, линия, способы выражения. С их помощью можно выразить мысль. Символические цвета — это воздействие на подсознание. Сверху этого уже дается мысль, уже объект — то есть воздействие на сознание» (л. 28). Подобным же образом экспериментируют в музыке (там «в арсенале» ритм, мелодия), а также в сфере вербального творчества, причем имеют значение не только ритм, смысл, порядок слов, но и манера произнесения. Со стороны все это нередко выглядит чисто формалистическими поисками. Это на самом деле поиск, но отнюдь не бессмысленный: это поиск путей воздействия на человека. Это работа над языком управления, в чем, отметим, сам ищущий практически всегда отдает себе отчет.

Именно поэтому столь характерен для молодежной среды лидер-художник⁵; похожее явление отмечается и в политической антропологии при изучении механизмов управления вообще: «У политического лидера заметны черты творческого художника — он через свою риторику, лозунги и тактику манипулирует существующими символами и творит новые»⁶.

II. 3. Повышенная знаковость лидера. «Лидеры в системе — они знают уже средства: внешность имеет очень большое значение. И бывает: чем длиннее волосы, тем выше у тебя вес в системе...» (л. 29). Волосы, по объяснению, например, того же Сольми,— символ свободы: «В волосах мистическая сила. С древних времен стрижка — механизм подавления. В тоталитарных режимах всегда стригли. В Древней Греции длинные волосы считались прекрасными. А стригли только рабов...» (л. 27). Оставим в стороне поэтическое обоснование, но в конечном счете волосы, как и любой другой символ, оказываются обозначением социальной нормы («свобода»). Впрочем, тот же символ может истолковываться как выражение естественности или невнимания к внешней стороне жизни. Повышенная знаковость проявляется не только и не обязательно в ношении длинных волос (это принято только среди хиппи, а в «системе», как уже отмечалось, много разных течений). Повышенную семиотическую нагрузку несет одежда лидера, увешанная значками, амулетами, с вышитыми символами (например, «пацифик» — символ «системной» любви-ненасилия, вообще «новых отношений» между людьми, противостоящих насилию и разобщению).

Повышенная знаковость позволяет даже новичкам (в «системе» их называют «пионерами») опознать лидера, привлекает к нему; новички группируются вокруг него, и таким образом происходит первичное усвоение «системной» символики и норм.

«Подросток приходит в „систему“, — рассказывает мой информант, — и врубается (пытается понять.— Т. Щ.). А есть такие люди, которые подрубают (вводят в „систему“, объясняют правила игры.— Т. Щ.)» (л. 28).

Повышенная знаковость лидера возникает как побочный результат его работы над языком символов. Она играет определенную роль в процессе группирования вокруг него не только новичков, как в приведенном примере.

II. 4. Личный символ. Основной результат «работы над языком» — личный символ, который и будет главным инструментом управления. У П., который экспериментировал с цветом, личный символ тоже

⁵ См.: Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры. М., 1980. С. 225—243.

⁶ Cohen A. Political Anthropology: The Analysis of the Symbolism of Power Relation//Man. 1969. V. 4. № 2. P. 212—235.

цветовой: «Мои цвета — красный, черный, серо-желтый, плотный синий. Все пронизывается красным» (л. 28). Чаще, однако, личным символом служит образ: в качестве примера приведем улитку Сольми. Улитка (как и любой личный символ) аккумулирует весь комплекс «системных» норм. Сольми объясняет смысл своего любимого символа: а) «слабость непобедима. Улитка — самое сильное существо в мире. Она может провезти камень весом в два килограмма, а сама весит пять грамм». Улитка для него — символ ненасилия, слабости как инструмента борьбы с насилием; б) «не спеши, без нас не начнут — это еще одна из моих концепций». Улитка — символ отказа от борьбы за место под солнцем; в) она же символ независимости: «Все мое ношу с собой. Улитка является автономным, независимым организмом»; г) «Где бы она ни была, она везде дома. Это значит, что в этой вселенной, в этом мире она везде дома». Улитка — символ мировой гармонии, гармонии личности с миром (л. 25).

Улитка для Сольми оказывается средоточием «системных» норм. «Это у меня концепция такая: смотреть и видеть есть удел немногих... во всем есть символ. Можно все (в данном случае весь комплекс норм.— Т. Щ.) познать через любую вещь. Такой вещью для меня служит улитка. Через нее я смотрю на мир и понимаю» (л. 26). Эта последняя фраза выражает его концепцию управления: символом может стать любая вещь — главное, она должна выражать нормы. Немногие могут видеть за символом нормы — это и есть «столпы», авторитеты, лидеры. Этот принцип Сольми применяет на практике: например, он лидер группы художников «Ирис», и создание группы началось с выбора личного символа (Сольми выбрал ирис под влиянием Г. Гессе). Толкуя смысл этого символа, Сольми говорит все о тех же нормах. Он лидер нескольких групп, и в каждой у него свой символ — наряду с основным, улиткой, это мухомор, лев, божья коровка, солнце и т. д.: «Во всем есть символ». Не так важны форма, образ — важнее нормы, скрывающиеся за ними. Личный символ лидера становится символом группы (ирис как символ концепций Сольми — и группа «Ирис», использующая этот цветок на своих афишах).

Символ — инструмент самоидентификации лидера с комплексом групповых норм. С одной стороны, лидер отождествляет себя с символом («Улитка — мой символ. Я стал уже с ней слит — от и до»). С другой стороны, тот же символ концентрированно выражает нормы. Таким образом, лидер сливаются с нормами, становясь их воплощением. Он создает образ «нормативной личности», групповой идеал. Это вовсе не означает, что его реальное поведение соответствует этим нормам. Как раз напротив: близкие друзья почти всегда отмечают несоответствие реальных поступков лидера провозглашаемым им ценностям, таким, как любовь, искренность и пр. Это, скорее, условное отождествление. Личный символ служит его средством: лидер — символ — комплекс норм (т. е. идеал «я» для тех, кто следует за лидером).

П.5. Социальные эксперименты. «Был в Москве один „системный” мыслитель, Максим. У него была такая фраза: можно взять любой молодняк, вложить им определенные идеи, и они пойдут за тобой в огонь и в воду. А внушить им можно что угодно» (л. 18). Другой, тоже авторитетный в «системе», — Менестрель проделал такой эксперимент: «Взял, придумал молодежное движение — „Лигу автономов”. Сочинил несколько тезисов, нашел некоего Додо, и этот Додо (а он из ближайшего окружения Менестреля) въехал (осознал.— Т. Щ.), что он глава этой Лиги автономов. Протолкнул несколько телег, и все в порядке (телефага — слух, нарочно пускаемый в „системе”. — Т. Щ.). Тезисы были основаны на раннем хиппизме, только значительно свободнее. „Неприятие и непонимание твоих поступков окружающими еще не повод их не совершать” — основной тезис, который проводил Менестрель. Смеялся: „Вот, автономы, а в принципе то же самое, название другое, а все то же...” Менестрель очень быстро отошел от них, стал посмеиваться: вот, ничего не стоит людям в головы вбить лозунги, заставить вести себя, как ты хочешь» (л. 18). Типичный пример социального эксперимента, через

который проходит практически каждый «системный» лидер. Менестрель соблюдает правила игры: набор норм и принципов стандартный (раffиний хиппизм, «все то же»); этот набор выражается через новый символ (слово, название), создается группа, автор символа становится ее лидером, а потом уже «заставляет вести себя, как ты хочешь», т. е. управляет поведением.

II. 6. Процесс управления: манипуляция символа ми. Вернемся к тому, с чего начали,— к обряду дарения феньки. Дарит чаще тот, кто авторитетнее. Сольми никогда не просит феньку, но всегда дарит. Новички, те, кто хочет приобщиться к «системе», напротив, бросят: «Подарите мне кто-нибудь феньку...». Фенечка движется от лидера к рядовым «пипл», а не наоборот. Если менее авторитетный, допустим, предложит феньку Сольми, тот ее, скорее всего, не примет: «Хорошая фенька, интересно сделана.... но не моя...».

Сольми дарит феньку, скажем, с изображением улитки и объясняет ее смысл, т. е. как мы видели, раскрывает комплекс норм поведения. Принимающий подарок будет с этих пор чувствовать свою тождественность с символом, значит, и с нормами. Таким образом, лидер передает нормы, программы поведения. Обряд «дарения феньки» оказывается передачей программ-команд, т. е. процессом управления.

Обряд — это манипуляция символами, как бы овеществляющая процесс управления. Лидер это отчасти сознает: «Это как в церкви евхаристия: ты причащаешься, съедаешь просфорку — это как бы тело Господне. И ты уже во власти церкви. Так и феньку тебе подарил кто-то, кто тебе дорог... как бы установилась между вами связь... И ты уже в его власти. Эта фенька — она вас связывает» (л. 19).

Обряд дарения феньки — не только единичная передача команды, это еще и знак отождествления управляемого (принимающего дар) с лидером, который «ему дорог». Лидер дарит свой символ, и с этих пор принявший корректирует свое поведение в соответствии с теми нормами, которые несет этот символ; тем самым он как бы равняется на лидера, который воплощает в себе нормы. Лидер воспринимается как идеал «я». Поэтому обряд дарения феньки можно представить так: лидер — фенька (символ — сумма норм) — «я».

Передавая программу поведения, лидер становится учителем, примером для подражания, причем важно отметить, что подражать будут не его реальному поведению, которое может ощутимо отклоняться, а тому образу, который лидер создает с помощью символов.

Известны варианты обряда. Например, лидер может дарить не свой личный символ, а плетет феньку, специально предназначенную для данного человека. Подбирает цвета и узор, которые, на его взгляд, идеально соответствуют этому человеку. Объясняет, что эти символы принесут ему удачу и укажут правильный путь. Этот вариант обряда сохраняет момент передачи программы поведения; отпадает отождествление принимающего дар с дарителем.

Еще одна разновидность того же обряда — наречение имени. «Системное» имя, как и фенечка, символично. Символика имени несет отпечаток групповых норм. Среди хиппи, например, популярны «цветочные» имена (есть хиппи Ромашка). «Цветок,— по их объяснениям,— символ хиппизма: „сила в цветах” (имеется в виду лозунг „революции цветов” конца 60-х годов.— Т. Щ.) (л. 26). Цветок — символ ненасильственных отношений (вспомним: за рубежом хиппи вставляют цветы в дула полицейских винтовок, раздают на улицах цветы прохожим,— правда, те чаше шарахаются, чем проникаются идеалами ненасилия⁷).

Среди «пипл», группирующихся в Москве вокруг булгаковского дома много имен, почерпнутых из «Мастера и Маргариты»: Гелла, Бегемот (их несколько); среди панков можно встретить такие, как Папа Гнус. В общем «системное» имя отражает символику группы, к которой при-

⁷ См.: Щекочихин Ю. По ком звонит колокольчик//Социологические исследования 1987. № 1. С. 81—93 (особ. с. 89).

надлежит его обладатель, а при ближайшем рассмотрении — и «системы» в целом, поскольку, как заметил Менестрель, «названия разные, а все то же».

Сольми, как и другие лидеры, не только дарит фенечки, но и дает имена: Зефир, Ной и другие, столь же романтические. Давая имя, он объясняет смысл, т. е. говорит о скрывающихся за именем ценностях. Смысл наречения имени, как и дарения фенечки,— передача программ, ценностей, норм поведения. Это одна из разновидностей оформления процесса управления.

III. Символы и социальная структура. Как и атрибуты архаических ритуалов, феньки наделяются магической силой — здесь она называется «энергией». Существует цикл поверий о феньках. Считается, например, что фенечка обеспечивает успех в определенных ситуациях, и поверья определяют условия, при которых она сохраняет силу или ее теряет. Прежде чем анализировать эти поверья, поговорим о реальных последствиях ношения фенек.

III.1. Информация о статусе. Для этого вычленим ту конкретную информацию, которую воспринимают при виде фенек «системные» собеседники их обладателя. Иными словами, мы переходим с позиции носителя символов на точку зрения той социальной среды, «системы», которой он их демонстрирует.

«По внешнему виду,— объясняет мне „пипл”,— можно определить, есть у него чувство неполноценности или вариант мании величия, какое положение у него в его компании и есть ли у него своя компания» (л. 2), т. е. определить его внутрисистемный статус. А именно: а) его принадлежность в целом к «системе». Каждый раз, вступая в беседу, «пипл» решают задачу: «Я жду, кто ты? Как я, одинокий, или пресыщенный, как они?» (л. 33). Сам факт ношения фенечек уже говорит о «системности»; б) течение, к которому принадлежит этот человек, круг дорогих ему идей (символика внешности позволяют безошибочно отличить хиппи от панка, кришнита от христианствующего пацифиста и т. д.; в) иногда можно определить конкретную группу, в которой он *тусуется* (общается.— Т. Щ.), и даже человека, который подарили эту феньку: «Бывает, что кто-то видит феньку и говорит: вот эта фенечка похожа на такого-то человека (очевидно, распознает его личный символ.— Т. Щ.). И действительно, ее сплел этот человек» (л. 20). Таким образом, уже при первом знакомстве символика внешности позволяет идентифицировать круг общения, интересов, а иногда обнаружить общих знакомых; г) по количеству фенек можно судить о числе знакомых: много фенек — значит, много людей в «системе» желает их обладателю удачи. Это показатель степени интегрированности его в «систему»; д) однако это и показатель его подчиненных позиций: ведь дарят феньку всегда «слабому»: «Человек, которому служат, он дает феньку... и слабый становится рядом с ним, как женщина с сильным мужчиной» (л. 27). Поэтому увешаны феньками, как правило, новички, которые «просто носят на себе феньки (даже иногда не подаренные, а сплетенные собственными руками.— Т. Щ.), чтобы показать, какой ты *крутой* (свой, уважаемый.— Т. Щ.)» (л. 44).

Таким образом, фенечки несут информацию о внутрисистемном, а иногда и внутригрупповом статусе их обладателя.

III.2. Сигнал к взаимодействию. Эта информация определяет поведенческую реакцию. Символика внешности влияет на поведение «пипл» по отношению к ее обладателю, вызывая конкретные действия. Это и есть реальный, вполне осозаемый результат ношения фенечек. Рассмотрим подробнее ситуации, когда обнаруживается поведенческая реакция на символы.

«Я столкнулся в метро с ребятами. Ксивники, феньки... Ксивник и феньки — это еще и нашиты опознавательные знаки. Спросил: как вас можно найти?.. Ну, встретились, потом поехали по трассе в Питер (автостопом в Ленинград.— Т. Щ.). Потом еще много разных дел...» (л. 17). Феньки послужили сигналом к взаимодействию. Прочитывается информация о «системности» ребят в метро; это значит, что они придержива-

ются «системных» норм, с ними можно заговорить, они не откажут встремиться еще раз, можно вместе путешествовать и пр.

Другая ситуация, тоже типично «системная». Приехав в другой город «пипл» так же опознает своих, чтобы через них устроиться на ночлег. Нет денег — можно рассчитывать, что тебя угостят кофе, покормят; можно узнать, где сегодня «сейшн», т. е. рок-концерт, поэтический вечер и т. д. Существует вполне определенный набор ситуаций, когда в «системе» принята взаимопомощь. Распознавая по фенечкам своего, «пипл» то же время получает информацию о поведении, которого можно от него ждать. А именно — соблюдения «системных» норм. Таким образом символика внешности позволяет оценить возможность взаимодействия данным человеком и, если эта возможность оценивается положительно, дает сигнал к взаимодействию.

III.3. «Энергия» фенек. Вернемся к поверьям. Считается, что фенечка воздействует на «энергетику» своего обладателя и окружающих, принося ему удачу: «в знак того, что я желаю тебе удачи в твоих делах... я дарю тебе феньку»; «человек делает феньку и загадывает: ну, с ней прошел трассу, огонь и воду (удачно путешествовал.—Т. Щ.)... и она хранит, она помогает в чем-то...», «дарит и со смехом говорит: эта фенечка от контролеров в автобусе» (л. 24).

Ситуации, когда, по поверьям, помогают феньки, стандартны: путешествия, стычки с несистемными, творчество, т. е. именно те ситуации, когда в «системе» принята взаимопомощь.

Выше мы выяснили, что фенечка служит сигналом к такой взаимопомощи. Это и есть путь, которым она в действительности «помогает в делах», — обеспечивает социальную поддержку. Поэтому именно социальную поддержку надо понимать под «энергией» фенек.

Проиллюстрируем это рассказом «системного» о том, как он лишился на день фенечки, а вместе с ней и энергии: «Я могу рассказать, что было, когда я на один день дал поносить ее одной девушке из Казани... Весь этот день был плохой... Я не мог ничего сделать; при мне *любера* (противоборствующая группа молодежи.—Т. Щ.) увели двух девиц — и я ничего не мог сделать».—«Амулет дает вам защиту?—спрашиваю я.—Силу?»—«Не силу, а... он хранит от всякого зла. Отводит гопников всяких (несистемных.—Т. Щ.)» (л. 46). Утрата фенечки (а вместе с тем надежды на поддержку, которую она воплощает) лишило «энергии», т. е. способности действовать в одной из стандартных ситуаций, когда требуется поддержка. «Энергия» — не что иное, как внутреннее ощущение социальной опоры.

III.4. Поверья о феньках: образование и разрыв социальных связей. Ритуал передачи феньки можно интерпретировать как заключение социальной связи, образование элемента структуры «системы». Это ощущают сами участники: «Один другому феньку дает — это значит, они уже чем-то связаны» (л. 27). Поэтому, рассматривая правила манипуляций с феньками, мы можем судить о правилах сложения социальной структуры.

Выясняется, что существует несколько разновидностей фенечек и несколько видов связи, различающихся по долговечности.

1. Случайные связи: «Кому-то просто нравится фенька. Он видит феньку и говорит: вот какая фенечка красивая! — и, как правило, она дарится» (л. 27). Чаще дарят человеку, к которому испытывают симпатию или идейную близость, но нередко и случайным знакомым и даже незнакомым, как в приведенном случае. Фенечки свободно передариваются вновь и вновь. Связи легко заключаются и распадаются. Фенечка (связь) недорога обладателю. Такие связи образуют низовой уровень «системного» общения, обширную «зону знакомства». Обычно этим уровнем довольствуются новички либо те, у кого был длительный перерыв «системного» общения, и он не уверен в том, что еще сохранил какое-то положение. Это люди, слабо интегрированные в «систему»: «Ты вернулся... — Меня замучила цивильная (несистемная.—Т. Щ.) жизнь. Подарите мне кто-нибудь феньку...» (л. 27). Фенька нужна ему как под-

тверждение принадлежности к «системе» в целом; личные связи при этом практически не образуются, иногда подаривший и попросивший фенечку даже не знакомятся.

Существует поверье, что нельзя восстанавливать фенечку, если порвалась. Одно из объяснений: «Она не выдерживает уже всех наслаждающихся, пожеланий» (каждый, даря фенечку, высказывает пожелание; здесь имеется в виду, что эта фенечка уже много раз переходила из рук в руки — „переносила пожелания”, потому и потеряла силу) (л. 23). Иными словами, поверье лишает надежды на продолжение такой мимолетной связи. Больше того, оно предписывает не предпринимать усилий для ее восстановления.

2. «Зона взаимодействия» — несколько более высокий уровень общения. Имеются в виду связи, возникающие в совместной деятельности: подготовка концерта, поэтического вечера, поездки автостопом. Фенечка очень часто дарится как раз в таких случаях:

«В знак того, что я желаю тебе удачи в твоих делах, в знак того, что ты можешь на меня положиться, в знак любви к тебе» (л. 23). По поверьям, фенечка, подаренная таким образом, тоже не может быть восстановлена: «Она уже свою функцию выполнила, вот, помогла выполнить определенное дело, и все» (л. 16). Связь, возникшая в сотрудничестве, прекращается с окончанием дела. Только на период его выполнения фенечка имеет «энергию», т. е. обещает поддержку. Эти связи уже не столь эфемерны и при определенных условиях (симпатии, близости вкусов и творческих позиций) могут перейти в дружбу.

3. Наконец, зона «группообразования», связей типа «лидер — я». Это как раз те самые связи, где в полной мере важна символика фенечки, о чем шла речь в начале статьи. Если фенечка, подаренная случайно либо в ходе деятельности, сопровождается нередко только пожеланием («этот фенечка от контролеров в автобусе»), то здесь фенечка несет личную символику лидера или получателя, а чаще всего бывает, что они совпадают — мы уже говорили об отождествлении «я» с символикой лидера.

Поверья оберегают связь с лидером («с человеком, который дорог»). Фенечки, сплетенные специально для данного человека, нельзя дарить: «Это приведет к пагубным последствиям. Душевный разлад... Человек теряет равновесие душевное. И из-за этого всякие неприятности, неурядицы...» (л. 16). Неурядицы и разлад грозят тому, кто получил такую фенечку — предназначенную не ему, отражающую чужую символику. С одной стороны, это поверье обеспечивает сохранение личной фенечки у ее единственного обладателя, т. е. стабильность связи «я — лидер». Более или менее стабильные группы в «системе» как раз образуются за счет таких связей: это объединения нескольких человек вокруг лидера. Поэтому мы и назвали этот уровень общения зоной «группообразования». С другой стороны, то же поверье обещает «душевный разлад» получателю чужой фенечки. Это не что иное, как разлад со своей социальной средой: чужая символика воспринимается в группе как выражение чужих идей, а ее носитель ощущает отчуждение. Отсюда «неурядицы» и пр. Поверье, запрещая дарить личную фенечку, препятствует дестабилизации группы.

Исключение делается для случая, когда «человек тебе дорог»: такому можно подарить даже «очень дорогую тебе фенечку», тем самым включая его в свой круг общения. Здесь уже даритель сам выступает в роли лидера.

Сказанное означает, что поверья о фенечках представляют собой не что иное, как правила образования или же разрыва социальных связей. Анализ этих правил позволяет увидеть структуру типичной «системной» группы, а также этапы ее образования. Структура группы: 7—10 человек вокруг лидера плюс еще их друзья — всего, по наблюдениям автора, человек 20—40. Этапы образования группы можно представить как постепенное сужение круга связей при их упрочнении: знакомство — сотрудничество — группа (когда сотрудничество уже не только в одном конкретном деле, но в разных мероприятиях). Характерно, что новички,

как правило, «тусуются» на уровне эфемерных знакомств (зона «знакомств»); затем приобретают способность быстро находить товарищей для определенного дела, образуя кратковременные группировки сотрудников (зона «сотрудничества»); наконец, по-настоящему интегрированные в «систему» обязательно принадлежат к какой-нибудь сравнимой стабильной малой группе и довольно редко появляются в местах общих тусовок, там, где проводят все время новички, где можно встретить много народа, познакомиться, получить поверхностную информацию типа «где сейшн», — в зоне «знакомств». Процесс вхождения в «систему» можно считать завершенным, когда человек находит «свою» группу.

Несколько слов в заключение. Мы рассмотрели только одну разновидность «системной» символики — «фенеки». На самом деле символика здесь гораздо более многообразна: символическую нагрузку несут языки тыскания, манеры, позы, места встреч и т. д. и т. п. Символика буквально пронизывает все виды «системного» взаимодействия — собственно, это и заставило нас выбрать «систему» как поле исследования символов. На примере фенек мы постарались проанализировать некоторые аспекты восприятия символов и их воздействия на поведение. Выяснилось, что символ служит средством управления поведением отдельном члена «системы» и согласования его поведения с действиями других «пипл». В самом полном случае можно представить следующую цепочку передачи управленческих сигналов: лидер — «я» — взаимодействующие с ним «пипл». Символ служит средством передачи сигнала.

Манипуляции с символами приводят к сложению социальных связей: вначале «я» с управляющим ядром группы (ее лидером либо воображаемым учителем, на которого можно ориентироваться, подражая ему, — это может быть рок-кумир или мифологический персонаж, например Кришна); затем «я» с остальными членами этой или других групп, т. е. социальной средой. Отношение «я» — лидер определяет социальный статус; социальная среда, реагируя на знаки этого статуса, осуществляет его на практике.

Разумеется, управление еще не исчерпывает социальных функций символики. Существует, как известно, система таких функций⁸. Наши материалы позволяют, например, говорить о таких направлениях функционирования символики, как «символы и традиция», «символы и внутргрупповая социализация» и т. д. Но все это — темы уже отдельных работ.

⁸ Байбурин А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения//Этические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 7—21 (особ. с. 18, 21).

М. Л. Бутовская

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И МЕТОДОВ В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Этологическим источникам информации до сих пор уделялось явно недостаточно внимания в этнографической и антропологической литературе. Такое положение вещей вполне объяснимо и связано с объективными и субъективными факторами: 1) если о сходстве морфологии гоминид и обезьян можно судить весьма точно, то любые рассуждения о поведении наших гоминидных предков всегда останутся весьма предположительными; 2) определенную отрицательную роль здесь сыграли социоэтологические и социобиологические исследования, в которых некорректно использовались сведения по этологии животных и человека, а так-

же использовались в политике для обоснования естественности классового неравенства, расизма и войн¹. В настоящее время когда в советской литературе преобладают идеи о биосоциальной² или интегрально-социальной³ природе человека, ученых существуют реальные условия для того, чтобы осмыслить этологические материалы, избегая при этом крайностей биологизаторства либо социологизаторства.

Цель данной работы — показать перспективность поведенческих исследований применительно к решению антропологических и этнографических проблем. В связи с этим были поставлены следующие задачи: 1) дать общий анализ этологического и социобиологического направлений в исследовании социального поведения человека; 2) показать необходимость комплексного исследования проблем антропосоциогенеза с учетом этологических материалов; 3) уяснить возможность применения конкретных этологических и социобиологических представлений в антропологии и этнографии.

А. Этология — наука о поведении. Следует сказать, что само слово «этология» использовалось во второй половине XVIII — начале XIX в. только применительно к человеку, «для обозначения и интерпретации характера путем изучения жестов».⁴ Как самостоятельная научная дисциплина этология возникла и оформилась в начале XX в. Вначале она занималась определением и сравнительным анализом различных стереотипных движений животных и их инстинктов. Возникновение этого научного направления связано с работами У. Крэйга, Ч. О. Уитмена, О. Хейнрота. Вершины своего развития классическая этология достигла в трудах К. Лоренца, Н. Тинбергена, К. фон Фриша. Несмотря на то что представители классической школы основное внимание уделяли изучению врожденных, генетически обусловленных форм поведения⁵, необходимо все же отметить, что объектом их исследования являлась целостная система поведения, включающая не только врожденные, но и приобретенные элементы. Этология в современном виде тесно взаимодействует со сравнительной психологией и зоопсихологией. В настоящее время можно говорить о формировании своеобразной синтетической науки о поведении, изучающей широкий спектр вопросов, связанных с эволюцией поведения, определением его адаптивной функциональной значимости, исследованием механизмов развития поведения и контроля за отдельными его проявлениями⁶. Этологи осознают, что поведение в естественных условиях представляет единый комплекс реакций, неразрывно связанных с морфологией объекта, прежде всего со строением нервной системы⁷. Происходит явный отход этологов от традиционных исследований в области «эволюции инстинктов». Первоочередная задача исследований этого направления в настоящее время не сводится к определению того, какая форма поведения и насколько определяется генотипом животного или влиянием внешней среды (напомним, что Л. В. Крушинский вообще считал, что вопрос о врожденных или приобретенных формах поведения попросту лишен смысла)⁸. Эта задача скорее может состоять в определении уровня развития поведения, «высоты психики» и способности к определенным действиям у представителей разных таксо-

¹ Ardrey R. The Territorial Imperative. N. Y.: Atheneum, 1966; Morris D. The Naked Ape. N. Y., 1967; Tiger L., Fox R. The Zoological Perspective in Social Science// Perspectives on Human Evolution. N. Y., 1980. P. 348—357.

² Беляев Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека//Вопр. философии. 1981. № 3. С. 3—16; Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л., 1981.

³ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Зубов А. А. Общие предпосылки гоминизации//Вопр. антропологии. 1983. Вып. 71. С. 29—41.

⁴ Thorpe W. H. Animal Nature and Human Nature. L.; N. Y., 1974. P. 147.

⁵ Панов Е. Н. Этология — ее истоки, становление и место в исследовании поведения. М., 1975.

⁶ Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М., 1981.

⁷ Мантейфель Б. П. Экологические и эволюционные аспекты поведения животных. Л., 1987.

⁸ Крушинский Л. В. Предисловие//Шобен Р. Поведение животных. М., 1972.

С 5—8.

нов (по мнению А. Н. Северцова, их можно рассматривать как врожденные⁹), а также степени вариабельности этих действий, которая не может быть наследственной. Нужно помнить, что способность к определенным формам поведения детерминирована наследственно в значительной мере потому, что она определяется «строением и функциями организма и ее морфофункциональными особенностями»¹⁰.

Б. Социобиология — комплексная дисциплина, изучающая эволюцию группового поведения. В последние несколько десятилетий в качестве самостоятельного направления создана наука об эволюции группового поведения животных и человека — социобиология. Она представляет собой вариант синтеза естественнонаучных и исторических дисциплин, популяционной генетики, синтетической теории эволюции, этологии, психологии, физической антропологии и этнографии. Цель социобиологии — изучить биологические основы социального поведения, «выяснить его видовую специфику и проследить генезис и эволюцию от простых форм организации до человека»¹¹. Почв для развития этой дисциплины была подготовлена работами В. Гамильтона, Л. Тайгера и Р. Фокса, Р. Александера¹². Социобиология окончательно оформилась в самостоятельное научное направление с выходом свет книги Е. Вильсона «Социобиология: новый синтез», представленного в виде двух разделов: социобиологии животных и социобиологии человека. В качестве универсальной, всеобщей закономерности социального поведения животных и человека социобиологи выдвигают эволюцию по тем естественного отбора. Их теория основывается на четырех основных парадигмах: 1) гены — звено в цепи естественного отбора (эгоизм генов); 2) эволюционно-стабильные стратегии; 3) альтруизм; 4) родственникский отбор и итоговая приспособленность¹³. Основные проблемы эволюции социального поведения многие исследователи этой школы пытаются решить с позиций индивидуального отбора; они представляют естественный отбор как постоянную борьбу особей за сохранение и распространение их генов в последующих поколениях¹⁴. Некоторые ученыне просто недооценивают роль группового отбора в социальной эволюции животных и человека, но и полностью ее отрицают. Такова, например, позиция Р. Довкинса¹⁵. Именно в его трудах в крайней форме проявилась тенденция к поискам материальных носителей социального поведения, характерная для всего социобиологического направления. По его мнению, в процессе эволюции отбираются не популяции и даже не отдельные особи, а гены. Организм — «колония» генов, а люди — «живые машины», созданные генами¹⁶. Сущность борьбы за существование сводится Р. Довкинсом к понятию агрессивных взаимодействий между особями, обусловленным эгоизмом их генов.

Социобиология человека помимо общих задач предполагает также исследование «степени человеческой адаптации к современной культуре и выявление филогенетических следов, присущих человеку как зоологическому виду, не устранимых под влиянием культуры»¹⁷. Хотя социобиологи и подчеркивают, что их исследования далеки от вульгарно-реакционистских идей ранних социоэтологов, в которых человеческое по-

⁹ Северцов А. Н. Эволюция и психика. М., 1922.

¹⁰ Мантайфель Б. П. Указ. раб. С. 10.

¹¹ Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, Mass., 1975. P. 4.

¹² Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behavior//J. Theor. Biol. V. 7 1964. P. 1—16, 17—52; Alexander R. D. The Evolution of Social Behavior//Ann. Rev. Ecol. Syst. V. 5. 1974. P. 326—383; Tiger L., Fox R. The Imperial Animal. St. Albans 1974.

¹³ Wind J. Sociobiology and the Human Sciences: An Introduction//J. Human Evol. V. 13. 1984. P. 3—24.

¹⁴ Alexander R. D. Op. cit.; Wind P. Man's Selfish Genes, Social Behavior and Ethics//Social. Biol. Struct. V. 3. 1980. P. 33—41.

¹⁵ Dawkins R. The Extended Phenotype. The Gene as the Unit of Selection. Oxford San Francisco, 1981.

¹⁶ Idem. The Selfish Gene. Oxford, 1977. P. 2. 49.

¹⁷ Wilson E. O. Op. cit. P. 548.

ведение откровенно сводилось к биологическим корням¹⁸, тем не менее их представления об отсутствии качественной разницы между социальным поведением у животных и человека по сути дела представляют типично редукционистский генетический подход к изучению человека как общественного организма¹⁹. В социобиологических исследованиях в трансформированном, модернизированном виде вновь появляется социал-дарвинистская трактовка общественных отношений: «Не нужна никакая другая теория, отличная от дарвиновской, для объяснения развития и сохранения основных общих черт человеческой социальной организации»²⁰. Такая трактовка, несомненно, является следствием универсализации теории итоговой приспособленности и всеобщего стремления всех живых организмов, включая человека, к достижению максимального репродуктивного успеха и применения этих концепций для объяснения всех сторон человеческой жизни — от индивидуального до государственного уровня²¹. Согласно ей, политические процессы рассматриваются с точки зрения эволюционной теории и сводятся к борьбе за репродуктивный успех, а вся политическая система — как проявление соревнования за высокий иерархический статус²². Указанные закономерности совершенно идентифицируются со стремлением животных к доминантному положению. Высказываются предположения, близкие к представлениям психологического расизма, о том, что богатство и слава в современном обществе являются аналогами силы в популяциях животных, а «миллионы являются продуктом естественного отбора»²³.

Следует сказать, что тезис «отбором в процессе эволюции отбираются преимущественно доминантные особи» несостоителен не только по отношению к человеку. Об этом свидетельствуют практические результаты многолетних наблюдений за поведением приматов, а также теоретические положения о важной роли разнокачественных особей в группе²⁴. Этология приматов накапливает также и сведения, заставляющие подвергнуть сомнению представления о тесной связи доминантного статуса и максимального репродуктивного успеха особей²⁵. Характерная ошибка социобиологов — полнейшее игнорирование различий в функционировании систем разного уровня и особых законов, действующих на каждом из них, зачастую направленных на достижение целей, принципиально отличных от целей, преследуемых на высшем или более низком уровне. Очевидно, что социальная структура групп скорее всего не может передаваться генетически на индивидуальном уровне не только у человека, но и у приматов²⁶. Значительную роль в характеристике социальной системы играют ее специфическая, конкретная история и условия, в которой эта система существует. Уникальная способность человека к образованию макропопуляций, не имеющих аналогов в животном мире, несомненно, является качественной особенностью, игнорируемой социобиологами.

В. Трудовая теория антропосоциогенеза и теория гено-культурной коэволюции (два взгляда на происхождение человека и общества). Теория гено-культур-

¹⁸ Ardrey R. Op. cit.; Morris D. Op. cit.

¹⁹ Lumsden C. J., Wilson E. O. Promethean Fire. Cambridge; London, 1983. P. 5.

²⁰ Tiger L., Fox R. The Zoological Perspectives in Social Science. P. 348.

²¹ Western J. D., Strum Sh. C. Sex Kinship and the Evolution of Social Manipulation//Ethol. & Sociobiol. V. 4. 1983. P. 19—28.

²² Tiger L., Fox R. The Imperial Animal. P. 43, 51.

²³ Lockard J. S. Studies of Human Social Signals: Theory, Method and Data//The Evolution of Human Social Behavior. N. Y.; Oxford, 1980. P. 1—31; Рощин С. К. Психологическая наука и расизм//Расы и общество. М., 1982. С. 147—190.

²⁴ Chance M. R. A. The Organization of Attention in Groups//Methods of Inference from Animal to Human Behaviour. Chicago, 1976. P. 213—236; Bernstein I. S. Dominance: the Baby and the Bathwater//Behavior and Brain Sciences. V. 4. 1981. P. 419.

²⁵ Saayman J. S. Behaviour of the Adult Males in a Troop of Freeranging Chacma Baboons (P. ursinus)//Folia primatol. V. 15. 1971. P. 36—57; Shively C., Clarke A. S., King N., Schapiro S., Mitchell G. Patterns of Sexual Behavior in Male Macaques//Amer. J. Primatol. V. 2. № 4. 1982. P. 373—384.

²⁶ Cranach M. V. Inference from Animal to Human Behaviour: Conclusions//Methods of Inference from Animal to Human Behaviour. P. 355—389.

ной коэволюции активно развивается К. Ламсденом и Е. Вильсоном²⁷. Ставит целью выявление основных закономерностей эволюции человека под действием биологических и социальных факторов. В этом плане он имеет несомненное сходство с идеями наших отечественных исследователей о едином, взаимосвязанном процессе антропосоциогенеза²⁸. Термины антропосоциогенеза и генно-культурной коэволюции имеют, однако ряд принципиальных различий. Для социобиологов характерно механистическое, упрощенное представление о сущности данного процесса: оно сводится к эволюции разума (mind) и культуры. Постулируется существование дискретных единиц культурного наследования — «культурных нов», или «мемов»²⁹. Генно-культурная коэволюция происходит на основе определенных эпигенетических правил, представляющих собой, по мнению К. Ламсдена и Е. Вильсона, «любую закономерность во время эпигенеза, которая канализирует развитие анатомических, физиологических поведенческих признаков в конкретном направлении. Эпигенетические правила — генетические в своей основе в смысле, что их природа зависит от ДНК»³⁰. Последнее положение тесно переплетается с другим представлением этих исследователей — о том, что чисто культурная, ненаследственная передача информации — «неправдоподобная альтернатива генетическому наследованию»³¹. Авторы видят сущность сложного процесса антропосоциогенеза только в изменениях человеческого генотипа. Подобный редукционизм объясняется вульгарными материалистическими установками К. Ламсдена и Е. Вильсона. Социобиологи рассматривают эволюцию человеческого общества как эволюцию культуры (единственного специфического, с их точки зрения, человеческой качества). В результате вопрос о переходе от биологического к социальному заменяется вопросом «о становлении не общества, а культуры»³².

Позиция К. Ламсдена и Е. Вильсона по вопросу о роли индивидуального и группового отбора в антропосоциогенезе принципиально отличается от позиции советских ученых. Все социальное поведение и общественные отношения, по мнению К. Ламсдена и Е. Вильсона, хорошо интерпретируются сквозь призму индивидуальных интересов и устремлений, а следовательно, антропосоциогенез сводится к эволюции путем индивидуального отбора. Следует, однако, сказать, что подобные представления разделяются не всеми социобиологами. Например, Д. Фриман признает, что наряду с индивидуальным, несомненно, происходит и групповой отбор³³. Он совершенно правильно отмечает, что группа столь же первична, как и отдельная особь, и многие феномены теряют смысл, если их анализировать в понятиях соревнования между отдельными особями.

Представляется совершенно очевидным, что групповой отбор на определенной стадии биологической эволюции начинает играть значительную роль. Он не вытесняет индивидуальный отбор, а выступает с ним в тесном единстве. Кажущиеся противоречия функционирования этих двух типов отбора в действительности лишь повышают гибкость функционирования живых систем на более высоком, популяционном уровне.

Не видят К. Ламсден и Е. Вильсон и принципиальных различий в протекании эволюционных процессов на разных этапах антропосоциогенеза. Они рассматривают естественный отбор как единственную движущую силу даже при решении вопросов происхождения речи, сознания абстрактного мышления и культуры. Влияние социально-экономических отношений не учитывается даже при обсуждении вопроса становлени

²⁷ Lumsden C. M., Wilson E. O. Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process. Cambridge, 1981.

²⁸ Семенов Ю. И. Предпосылки становления человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 198 С. 228—292; Ефимов Ю. И., Мозолев А. П. и др. Современный дарвинизм и диалектика познания жизни. М., 1985.

²⁹ Lumsden C. M., Wilson E. O. Genes, Mind and Culture. P. 368; Dawkins R. The Selfish Gene.

³⁰ Lumsden C. J., Wilson E. O. Genes, Mind and Culture. P. 370.

³¹ Wilson E. O. Op. cit.

³² Семенов Ю. И. Указ. раб. С. 240.

³³ Freeman D. G. Human Sociobiology: A Holistic Approach. N. Y., 1979. P. 121.

Homo sapiens. В концепции генно-культурной коэволюции отсутствуют представления об изменении характера эволюционного процесса, темпах естественного отбора, нет представлений о перестройке самих эволюционных процессов (эволюции факторов эволюции)³⁴. Трудовая теория антропосоциогенеза в этом плане представляет собой прямую противоположность теории генно-культурной коэволюции. Напомним, что в советской науке решение проблемы происхождения человека традиционно являлось сферой взаимодействия естественных и общественных наук³⁵. В настоящее время при анализе движущих сил и факторов антропогенеза советские исследователи, как правило, детально рассматривают взаимодействие двух типов отбора: биологического и социального — в разные периоды человеческой эволюции³⁶. В качестве основной причины преобразования биологической формы движения материи в социальную видят труд осознанный, целенаправленный, не закрепленный на основе генетической памяти. Исследователи прослеживают возникновение нового механизма передачи опыта и навыков из поколения в поколение — механизма «коллективной памяти»³⁷. Ее носителем становится индивидуум — субъект, а не его генотип. В настоящее время в советской науке признаются нецелесообразность обсуждения вопроса о четкой грани между животными и человеком и невозможность провести границу между биологическими формами и «мыслящей материей»³⁸. Антропосоциогенез рассматривается как сложный многофазный процесс, сопряженный с дифференциацией действия движущих сил на его отдельных этапах, связанных с разнообразным типом снятия биологического социального³⁹. При этом становление и развитие социальной формы движения материи связывается не с «отбрасыванием» предшествующей стадии, а с ее диалектическим отрицанием, включающим в себя и накопление предшествующих качеств, и редукцию⁴⁰. Сущность процесса антропосоциогенеза наиболее убедительно продемонстрирована сторонниками интегрально-социального подхода к изучению человека⁴¹: благодаря трудовой деятельности человек не только выделился из животного мира, но и обрел новую (социальную) форму бытия; вместе со становлением человеческого общества возникла и новая форма движения материи — социальная. Как справедливо констатирует А. А. Зубов, «мы называем человека социальным существом потому, что определение эволюционного положения объекта дается по высшему достигнутому им уровню, а не по сумме пройденных уровней»⁴².

Г. Этология — способ изучения биологических предпосылок антропосоциогенеза.

Совершенно очевидно, что отечественные ученые не игнорируют роль естественного отбора и биологических компонентов антропосоциогенеза. В советской литературе детально исследуются и анализируются возможные биологические предпосылки антропосоциогенеза. Однако в отличие от социобиологических в этих исследованиях отмечается существенная разница между сущностью социального в человеческом обществе и его биологическими предпосылками⁴³. Важной предпосылкой гоминизации, по-видимому, следует считать повышение роли этологической, ненаслед-

³⁴ Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Л., 1977.

³⁵ Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1969; Алексеева Л. В. Стадная жизнь приматов и проблема возникновения первобытного общества//Биологические предпосылки гоминизации. М., 1976. С. 43—54; Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М., 1983.

³⁶ Ефимов Ю. И. Указ. раб.; Семенов Ю. И. Указ. раб.

³⁷ Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество. М., 1982. С. 117.

³⁸ Там же. С. 114.

³⁹ Ефимов Ю. И., Мозолев А. П. и др. Указ. раб. С. 256.

⁴⁰ Там же. С. 281.

⁴¹ Орлов В. В. Указ. раб.; Зубов А. А. Указ. раб.

⁴² Зубов А. А. Указ. раб. С. 30.

⁴³ Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970; Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. М., 1980; Бутовская М. Л. Этологические механизмы некоторых форм группового поведения приматов как предпосылка антропосоциогенеза. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

ственной информации в жизни приматов. Передача ненаследственной информации у птиц и млекопитающих из поколения в поколение доказана многочисленными работами эволюционистов, этологов, психологов и получила название «сигнальной преемственности»⁴⁴. Освоение такой экстрагенетической информации осуществляется путем имитации и подражания, представляющих особый механизм научения, имеющий место наряду с условно- и безусловно-рефлекторным⁴⁵. Явление научения тесно связано с механизмом запечатления (и человек не исключение из общего правила). Суть этого процесса сводится к тому, что особи способны перенять определенные формы поведения лишь в конкретные периоды своего онтогенеза. Явление сигнальной преемственности тесно взаимосвязано с генетической нормой реакции, определяющей конкретные периоды восприимчивости к обучению определенной форме поведения (в отличие от утверждения социобиологов о том, что наследуется способность к обучению определенной форме поведения, по-видимому, следует признать, что у животных существуют генетически фиксированные сроки восприятия определенных типов информации, но ни в коем случае не предрасположенность к конкретным формам поведения). В процессе эволюции, вероятно, происходило удлинение чувствительных периодов, связанных с освоением протокультурных традиций, применением орудий, усовершенствованием методов защиты от хищников, добычи и обработки коры. Яркий тому пример — разнообразный возрастно-половой состав активно обучающихся особей в колониях макаков и шимпанзе⁴⁶. Явление сигнальной преемственности и резкое увеличение роли прижизненного опыта в сравнительном ряду у приматов, по нашему мнению, наглядно подтверждают идею А. А. Зубова о неизбежности перехода от генетического способа фиксирования информации к новому, более совершенному — на основе памяти⁴⁷.

Как правило, антропологи и философы рассматривают групповой отбор в качестве важнейшей движущей силы гоминидной эволюции⁴⁸. Эту точку зрения разделяют в настоящее время и некоторые социобиологи⁴⁹. Она в значительной степени подтверждается данными этологии приматов.

Важным фактором группового отбора уже на уровне низших узконосых обезьян выступает этологический механизм деления групп. Как показали длительные исследования степени генетического разнообразия макаков резусов на межгрупповом уровне, основная генетическая дифференциация происходит вследствие распада и образования групп⁵⁰. Как и парадоксально, но именно группы, связанные между собой общей предковой единицей, оказывались в генетическом и морфологическом сношении наиболее различными. Стало ясно, что при делении групп у макаков особи распределяются не случайно, а концентрируются по матрилинейному принципу. Длительно существующие генеалогии делят-

⁴⁴ Промтров А. Н. Очерки по проблеме биологической адаптации поведения воробынных птиц. М.; Л., 1956; Лобашев М. Е. Сигнальная наследственность: исследования по генетике. Л., 1961. С. 3—11; Мантейфель Б. П. Указ. раб. С. 111.

⁴⁵ Фирсов Л. А. Высшая нервная деятельность обезьян и проблемы антропогенеза//Физиология поведения. Нейробиологические закономерности. Л., 1987. С. 639—711.

⁴⁶ Tsumori A. Newly Acquired Behavior and Social Interactions of Japanese Monkeys//Social Communication Among Primates. Chicago, 1967. Р. 207—219; McGrew W. C., Roger M. E. Chimpanzees, Tools and Termites: New Record From Gabon//Amer. J. Primatol. V. 5. 1983. Р. 171—174.

⁴⁷ Зубов А. А. Указ. раб. С. 38.

⁴⁸ Его же. Антропогенез как фаза эволюции живого мира//Биологические предпосылки гоминизации. М., 1976. С. 7—20; Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.

⁴⁹ Alexander R. D., Borgia G. Group Selection, Altruism and the Levels of Organization of Life//Ann. Rev. Ecol. & Syst. V. 9. 1978. Р. 449—474; Melotti U. Competition and Cooperation in Human Evolution//The Mankind Quarterly. V. 25. № 4. 1985. Р. 323—352.

⁵⁰ Chepko-Sade D. Monkey Group Splits Up//New Sci. V. 82. № 1153. 1979. Р. 348—350; Cheverud J. M., Dow M. M. An Autocorrelation Analysis of Genetic Variation Due to Lineal Fission in Social Groups of Rhesus Monkeys//Amer. J. Phys. Anthropol. V. 67. № 2. 1985. Р. 113—122.

ся строго по линиям доминирования: высокоранговые особи входят в одну группу, низкоранговые — в другую. Таким образом, этологический механизм деления групп не только играет решающую роль в обеспечении максимального морфологического разнообразия двух дочерних групп, но и обеспечивает их исходные социальные различия. В то же время сходство протокультурных традиций у дочерних групп сохраняется, и, таким образом, обеспечивается максимально разнообразная база (социальная и генетическая) для сохранения ценных традиций и передачи их потомству.

Деление группы у макаков, с нашей точки зрения, может рассматриваться как модель аналогичного процесса в популяциях ранних гоминид. Этологические механизмы, обеспечивающие создание максимального генетического различия дочерних групп, представляют собой предпосылку зарождения новых социальных закономерностей, оказывающих существенное влияние на интенсификацию группового отбора.

В процессе прогрессивной эволюции в направлении гоминизации большую роль могла сыграть дифференциация поведения особей на индивидуальном уровне, связанная с уникальностью их прижизненного опыта в сочетании с индивидуальными психическими задатками. Индивидуализация поведения способствовала повышению пластичности функционирования группы в целом и обеспечивала определенный запас адаптаций к изменяющимся условиям среды. Тенденция к развитию индивидуализации поведения прослеживается в сравнительном ряду приматов. Каждая особь в группе в течение жизни выполняет различные функции и играет разные социальные роли. Подростки и взрослые особи образуют независимые иерархические системы; при достижении половой зрелости часть особей определенного пола (самцы у макаков, самки у шимпанзе) покидают нatalьную группу и переходят в чужую, где вынуждены «завоевывать» себе статус. Период достижения половой зрелости — наиболее ответственный в жизни особи. В это время она должна утвердить свои позиции в группе. Не случайно именно на этот период приходится пик социальной, исследовательской и половой активности у приматов. Особые требования предъявляются к лидеру группы. От него требуются не только способность к регуляции внутригрупповых отношений, инициатива выбора направления движения при переходах, умение защитить группу в случаях опасности, но и целый ряд индивидуальных качеств: сообразительность, умение контактировать со всеми членами группы, инициативность. Последние черты поведения лидера в процессе эволюции приобретают особое значение. Например, у антропоидов неподчиненные особи подстраиваются под поведение вожака и следят за любыми его действиями, а сам лидер группы постоянно привлекает внимание других особей⁵¹. Одним из наиболее эффективных средств такого рода выступают видоспецифические демонстрации и необычные формы поведения.

Степень индивидуализации поведения у наших предков, вероятно, находилась в прямой зависимости от той социальной роли, которую выполняла в группе конкретная особь. Эта тенденция, несомненно, получила свое дальнейшее развитие у гоминид.

С изучением индивидуальных особенностей поведения и выяснением роли отдельных особей в функционировании группы тесно связан вопрос о происхождении альтруизма. Сторонники социобиологического подхода сводят проявление актов альтруизма к реализации интересов отдельной особи, связанных с максимальным сохранением и распространением собственных генов в последующих поколениях⁵². Полностью отсутствуют представления о том, что особь может вести себя двояко — отстаивая личные интересы (как независимая единица) и в ущерб им (как часть единого целого). Основные усилия социобиологической теории направлены на поиски «генетического компонента» в определении механизмов

⁵¹ Chance M. R. A. Attention Structures as the Basis of Primate Rank Orders// Man. V. 2. 1967. P. 503—518.

⁵² Wilson E. O. Op. cit.; Dawkins R. The Extended Phenotype.

альtruистического поведения (не только у животных, но и у человека). Модели родственного альтруизма основаны на допущении возможности увеличения частоты «генов альтруизма» в популяции⁵³. Свои модели социобиологи подкрепляют трактовками антропологического и этнографического материала; объясняя причины, по которым родственникам многих культурах отводятся особые привилегии, Д. Фриман исходит из концепции совпадения культурного и генетического родства⁵⁴. Этот исследователь связывает высокий уровень взаимопомощи и альтруизма Японии с «якобы высоким уровнем генетической гомогенности японцев». Сходным образом он объясняет и обычай усыновления взрослых мужчин в Японии⁵⁵. Подобные построения не соответствуют реальным научным фактам. Известно, что японская нация не может считаться исходно анатропологически однородной. Несмотря на единый, достаточно консолидированный антропологический тип, в ней выделяются отдельные локальные варианты (в частности, уроженцы островов Рюкю, Хоккайдо, Сикку)⁵⁶. Отсутствуют какие бы то ни было представления о волнах эмиграции и инфильтрации на Японские острова.

Модель реципрокного альтруизма подчеркивает неизменную взаимную выгоду такого поведения у животных и человека и также отстаивает существование генетического компонента этого типа поведения.

Думается, альтруизм можно представить себе как действия особ, направленные на благо всей группы. Его происхождение может быть связано с эволюционной тенденцией к повышению индивидуальной разнообразичественности особей в группе. Для группы в целом полезными оказываются не только молодые и энергичные особи, но и детеныши, старички. Старые особи выполняли функцию передачи накопленного группового опыта, а детеныши представляли своеобразный резерв, от сохранения которого зависело будущее существование группы. Несомненно, поддержка старых и калек в значительной мере определялась личными качествами этих особей, их умением и желанием активно участвовать в функционировании группы.

Часто эволюцию человеческого поведения в направлении альтруизма и коллективизма изображают как преодоление противоречий «животного индивидуализма»⁵⁸. Думается, это не совсем справедливо. Биологический «коллективизм» выражен у обезьян достаточно отчетливо: многие их действия связаны с поддержанием группового единства и обеспечением стабильных внутригрупповых отношений. На это направлены действия контролирующего животного, буферы агрессии, забота о чужих детенышах, кооперация и взаимопомощь. Существенную роль в развитии альтруизма могли сыграть способность к опознанию родственных особей и развитие значительных индивидуальных привязанностей. Анализ поведения обезьян позволяет предположить наличие реальных предпосылок, делающих более понятной возможность сохранения калек, стариков и детей у наших далеких предков даже в периоды неблагоприятных природных условий. Лишь значительно позднее, с развитием морали и нравственности, мог появиться истинный альтруизм — как сознательное действие, уникальный социальный феномен⁵⁹.

При изучении биологических предпосылок антропосоциогенеза перспективным может оказаться метод функциональных аналогий. Некорректное применение данного метода в социобиологических исследованиях не должно служить причиной для отказа от него. Ошибки социобиологов связаны были отнюдь не с использованием метода функцио-

⁵³ Alexander R. D. Op. cit.

⁵⁴ Freeman D. G. Op. cit.

⁵⁵ Ibid. P. 124.

⁵⁶ Левин М. Г. Этническая антропология Японии. М., 1971. С. 203.

⁵⁷ Trivers R. L. The Evolution of Reciprocal Altruism//Quarterly Review of Biology V. 46. 1971. P. 35—57.

⁵⁸ Семенов Ю. И. Указ. раб.

⁵⁹ Эфроимсон В. П. Эволюционно-генетическое происхождение альтруистических эмоций//Научная мысль. Вестн. Агентства печати «Новости» (АПН). Вып. 11. М. 1968. С. 27—41.

нальных аналогий, а скорее с их общетеоретическими установками: сведением высших уровней интеграции к низшим (поиски основы социального поведения человека и животных в генотипе отдельных особей), поиском аналогий между социальным поведением человека и животных на основе сходства среды обитания (при этом не учитывалось то обстоятельство, что основой окружающей среды у человека всегда выступают социально-экономические отношения и культура).

Этологические материалы могут способствовать решению широкого спектра вопросов истории первобытного общества, связанных с его зарождением и самыми ранними этапами развития: о взаимоотношениях между полами, родственных связях, иерархической структуре праобщины, возникновении истинного альтруизма, повышении роли отдельной особи в группе, путях возникновения инцест-табу, принципах взаимоотношений между соседними группами. Объективное исследование этологических данных для выявления биологических предпосылок антропосоциогенеза имеет не только научное, но и идеологическое значение, поскольку позволяет выдвинуть конкретные аргументы против теорий, биологизирующих человеческие общественные отношения.

Д. Поведение человека (этнорасовые аспекты). Любые исследования поведения человека традиционно вызывали и вызывают бурные научные дискуссии по вопросу о его врожденном (биологическом по сути) или приобретенном характере. Крайняя биологизация человеческого поведения, предложенная в работах некоторых классических этологов и их популяризаторов⁶⁰, сыграла чрезвычайно отрицательную роль, породив в целом негативное отношение к этологии человека не только у философов, но и у социологов, антропологов, этнографов. В настоящее время некоторые сходные концепции развиваются в своих работах социобиологи. Они справедливо указывают на существование врожденной способности человека к обучению в процессе онтогенеза, однако понимают это явление слишком буквально: человек, с их точки зрения, запрограммирован на обучение четко предопределенным вещам: полигамии, доминированию мужчин над женщинами, проведению церемоний инициации⁶¹. В качестве врожденного человеческого признака выделяются страх перед пресмыкающимися и тяготение к среде обитания, напоминающей по типу парковую саванну⁶². Признание биологической детерминации основ человеческого социального поведения привело социобиологов к частичному или полному отрицанию влияния социоэкономических условий на формирование культуры, идеологии и морали. Такие позиции независимо от личной установки исследователей, по справедливому замечанию Д. К. Беляева, неизбежно ведут к расизму⁶³.

Значительный интерес для антропологов и этнографов могут представлять исследования невербальной коммуникации человека и процесса онтогенеза социального поведения. Исследования данного направления в недалеком будущем, по-видимому, позволят реально прояснить вопросы о существовании исходного единства проявлений элементарных эмоций у представителей всех рас, вероятность их модификаций на межэтническом уровне; о существовании исходных меж- и внутрирасовых врожденных различий уровня поведенческой адаптации. Рассмотрим подробнее намеченные этологами пути решения указанных проблем.

Исследования проявлений эмоций в эволюционном аспекте традиционно связаны с детальным изучением морфологии элементов поведения, основа которой лежат механизмы двигательной координации. По форме многие элементы поведения оказываются сходными у разных видов. Но при межгрупповом сопоставлении значительно более важным бывает становить причины проявления этих элементов и пути их интеграции в

⁶⁰ Lorenz K. On Aggression. L., 1966; Ardrey R. Op. cit.; Morris D. Op. cit.

⁶¹ Lockard J. S. Op. cit.; Borgia G. Human Aggression as a Biological Adaptation// The Evolution of Human Social Behavior. New York; Oxford, 1980. P. 165—192.

⁶² Wilson E. O. Biophilia. Cambridge, Mass.; London, 1984.

⁶³ Беляев Д. К. Указ. раб.

иерархическую организацию поведенческих систем⁶⁴. И. ван Хуфф приследил существование гомологической связи целого ряда мимических выражений человека и обезьян. Прежде всего это касается проявления тревоги, угрозы, злости, улыбки, смеха. Исследования И. ван Хуффа указывают на значительную долю генетического компонента в выражении элементарных эмоций. К сожалению, этологи как правило уделяют слишком мало внимания вопросу о различиях между эмоциями и поведением, зачастую смешивая данные понятия или полагая, что эмоции составляют основную причину выражения конкретного поведения⁶⁵.

Поразительно сходно развитие основного репертуара эмоциональных выражений у слепоглухонемых детей — представителей разных рас⁶⁶. Существует, по-видимому, значительное сходство и в восприятии эмоций людьми разных культур, даже если они до этого не контактировали между собой⁶⁷. Демонстрация общих видоспецифических для человека мимических выражений, имеющих универсальный характер, не означает полного отсутствия культурных различий. Они, несомненно имеют место и «связаны со степенью проявления и условиями, при которых эмоции проявляются, — с правилами их применения»⁶⁸.

Различия между человеком и остальными приматами в проявлении мимических выражений носят принципиальный характер: у обезьян мимика используется для регуляции социальных отношений, ее основная функция состоит в передаче информации об отношении демонстратора к объекту; у человека же мимика отражает его восприятие среды или подкрепляет и дополняет вербальную коммуникацию. Исследование эволюции мимики представляет собой один из наиболее удачных примеров демонстрирующих возможность и необходимость применения этологических методов исследования для решения антропологических и этнографических задач. Данные И. ван Хуффа и других авторов заставляют избегать категоричных утверждений о культурной регуляции эмоций и отсутствии универсальных символов эмоций для человечества в целом, получивших, к сожалению, определенную популярность среди этнографов⁶⁹.

Интересные исследования невербальной коммуникации детей провели некоторые этологи и социобиологи, изучив реакцию новорожденных на изменение окружающей среды. В результате были выявлены устойчивые различия по степени возбудимости у представителей основных человеческих рас: новорожденные европеоиды и негроиды легко начинали плакать, их было трудно успокоить, тогда как монголоиды демонстрировали прямо противоположную реакцию. В дискомфортных ситуациях (когда новорожденным затыкали нос рукой или клали в неудобную позу, направляли в глаза яркий свет) европеоиды и негроиды оказывали активное сопротивление, а монголоиды спокойно продолжали лежать не пытаясь изменить положение тела, переключались на дыхание ртом быстрее прекращали моргать при ярком свете⁷⁰. Межэтнические различия отмечены по степени адаптации младенцев к окружающей среде. Сравнение детей японцев, китайцев и навахо выявило повышенную чувствительность и раздражимость у японских детей; по адаптации к свету реакции на затыканье носа, скорости успокоения японские дети были

⁶⁴ Ekman P. Cross-Cultural Studies of Facial Expression//Darwin and Facial Expression. N. Y., 1973. P. 169—222; Hooff J. A. R., van. The Comparison of Facial Expressions in Man and Higher Primates. Methods of Inference from Animal to Human Behavior. Chicago, 1976. P. 165—196.

⁶⁵ Masters R. D. Beyond Reductionism: Five Basic Concepts in Human Ethology. Human Ethology, Claims and Limits of a New Discipline. Cambridge, 1979. P. 265—284.

⁶⁶ Eibl-Eibesfeldt I. Similarities and Differences Between Cultures and Expressive Movements//Nonverbal Communication. N. Y.; L., 1972. P. 297—314.

⁶⁷ Ekman P. Op. cit.

⁶⁸ Hooff J. A. R., van. Op. cit. P. 182.

⁶⁹ Birdwhistell R. L. The Kinesic Level in the Investigation of the Emotions//Expression of the Emotions. N. Y., 1963. P. 123—139.

⁷⁰ Freeman D. A. Op. cit. P. 146.

походили на навахо, чем на китайцев. Существование межэтнических различий в общении матерей с младенцами описано Д. Фриманом⁷¹. Матери-англичанки чаще общались с детьми с помощью вербальной коммуникации, и дети реагировали на это, активно двигая руками и ногами, а матери-навахо отличались исключительной молчаливостью, для привлечения внимания младенцев они использовали глаза, и дети ответно реагировали взглядом, но оставались при этом неподвижными.

В настоящее время трудно отрицать существование врожденных расовых различий по способности к адаптации, связанных с исходной степенью развития психомоторики и физической координацией. Негроиды по этим показателям значительно опережают монголоидов и европеоидов; новорожденные африканцы способны держать голову и даже пытаются ползти в первые сутки своей жизни, они раньше начинают ходить (в среднем на месяц по сравнению с европеоидами и на два — с монголоидами)⁷². Несомненно, индивидуальные врожденные особенности поведения оказывают влияние на формирование определенного психологического типа у представителей разных этнических групп. Зависимость вариаций в форме проявления улыбки, злости, легкости полового возбуждения от этнической принадлежности у представителей одной расы признается в настоящее время большинством этологов и социобиологов⁷³. Как писал в своей классической работе Я. Я. Рогинский, «психологический тип эскимоса иной, чем индейца дакота, тип андаманского пигмея отличен от типа туземца Австралии арунта, но решающая роль этих отличий не может быть установлена без анализа истории их формирования, не говоря уже о значении социально-экономической формации и сводимых к ней взаимоотношений между членами коллектива»⁷⁴. Среда способна оказать огромное влияние на формирование определенного психологического типа. Известно, что принципиальные различия психологического типа могут иметь место у близких в антропологическом отношении этносов (например, у коряков и тунгусов)⁷⁵.

Подводя итоги, следует сказать, что этология может способствовать не только анализу предпосылок антропосоциогенеза, но и решению вопросов, связанных с поведением человека современного вида. Теоретическим фундаментом этологии человека в настоящее время являются признание принципиальных различий между функцией и причиной, эмоцией и поведением, недопустимость сведения социального уровня организации к сумме поведения отдельных индивидуумов⁷⁶. В свете этих представлений человеческие общности неправомерно сопоставлять с группами животных вследствие принципиальных различий, лежащих в основе формирования этих структур. По справедливому замечанию Дж. Крука, «человеческая общность формируется на базе лингвистических, общественных и моральных норм. С самого рождения человеческое поведение канализируется и структурируется этими нормами»⁷⁷. Этологические методы позволяют выявить качественную специфику человеческого поведения на всех уровнях: надпопуляционном, групповом и индивидуальном. Подробный этологический анализ особенностей человеческого поведения может оказаться продуктивным при исследовании этнических стереотипов поведения, невербальной коммуникации и целого ряда других вопросов антропологии и этнографии.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid. P. 157.

⁷³ Ruse M. Sociobiology: Sense or Nonsense? Boston; London; Dordrecht; 1979.; Freeman D. G. Op. cit. P. 150.

⁷⁴ Рогинский Я. Я. О психотехническом исследовании разных племен и народов//Наука о расах и расизм (Тр. НИИ антропологии при МГУ. Вып. IV). М., 1938. С. 99.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Masters R. D. Op. cit.

⁷⁷ Crook J. H. Problems of Inference in the Comparison of Animal and Human Social Organizations//Methods of Inference from Animal to Human Behaviour. P. 237—268.

ВОИНЫ-ПСЫ. МУЖСКИЕ СОЮЗЫ И СКИФСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ В ПЕРЕДНЮЮ АЗИЮ *

Сложные события истории Передней Азии VII в. до н. э. относительны плохо отражены в источниках. В частности, мы очень мало знаем о вторжениях туда кочевых киммерийцев и скифов, несмотря на то, что они серьезно повлияли на судьбы региона и привели к гибели ряда старых государств. Поэтому для реконструкции последовательности событий для понимания того, что представляли собой эти мобильные отряды коих лучников, чрезвычайно важно из имеющихся скучных источников извлечь максимум информации, зачастую содержащейся в них в скрытом виде.

Один из позднеантичных авторов — Полиэн — сохранил рассказ о том, как лидийскому царю Алиатту удалось разгромить киммерийцев (VII, 2.1). Суть его военной хитрости состояла в том, что он привел «отважнейших псов», которые напали на киммерийцев, приняв их за зверей, поскольку те имели «отвратительные и зверовидные тела» (*ἀλλοκότα καὶ φηριώδη σώματα*), и растерзали их. В основе этого рассказа лежит, вероятно, достоверная информация, что подтверждается независимым сообщением Геродота (I, 16) о том, что Алиатт изгнал киммерийцев из Азии; однако само оно имеет явный фольклорный облик. Каф давно выяснено, для Полиэна первостепенное значение имел некий *einheitliche Quelle* (единый источник), от которого зависят многие места VII книги его «Стратегем», в том числе и разбираемое¹. Этим источником был, видимо, Николай Дамасский², в свою очередь в изложении лидийской истории опиравшийся в основном на «Лидиака» Ксанф Лидийского, известные ему в эпитоме эллинистического времени³. Ксанф в своем произведении широко использовал лидийскую фольклорную традицию, до тех пор плохо известную грекам; видимо, в составе этой традиции в греческую литературу и вошел интересующий нас рассказ. Характерно, что писавший примерно одновременно с ним Геродот не знал данной новеллы и сообщил лишь о самом факте победы Алиатта над киммерийцами. Видимо, не раньше эллинистического времени рассказ Ксанфа подвергся ученой обработке (возможно, эпитоматором Ксанф или Николаем Дамасским), в результате чего принял тот вид, который имеет у Полиэна. Со свойственным эллинизму рационализмом объяснение достаточно странному рассказу о псах было найдено в том, что киммерийцы были очень похожи на диких зверей, и псы приняли их за ткающих. Возможно, здесь следует видеть влияние идей, отчетливо выраженных Аристотелем (Polit. VII. 1254b, 25—30; cf. Plut. De Alex. Mag. fort., I, 6), о том, что варвары — прирожденные рабы, близкие по природе к животным и имеющие соответствующие природе тела и обличия (ср. у Полиэна: *τοῖς βαρβάροις φύσης φηρίοις*).

Рассказ Полиэна находит удивительную аналогию в эмблеме амфорных клейм одного из синопских городских магistratov — астинома Ге-

* Приношу благодарность Э. А. Грантовскому, прочитавшему предлагаемую статью в рукописи, за ценные замечания и обсуждение.

¹ Melber J. Über die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyäns. Ein Beitrag zur Griechischen Historiographie//Jahrbücher für klassische Philologie. Suppl. 14. Lpz, 1885. S. 451 ff.

² Schirmer A. Über die Quellen des Polyän. Programmi des Herzoglichen Christianeum-Gymnasium zu Eisenberg. Altenburg, 1884. Passim; Melber J. Op. cit. S. 452 ff.

³ Heil B. Logographis qui dicuntur num Herodotus usus esse videatur. Diss. Marburgi, 1884. P. 27—34; Seidenstücker E. De Xantho Lydo rerum scriptore quaestiones selectae. Kiel, 1895; Pearson L. Early Ionian Historians. Oxford, 1939. P. 110 ff; Diller H. Zwei Erzählungen des Lyders Xanthos//Navicula Chilonensis. Leiden, 1956. S. 66 ff; Harter H. Xanthos der Lyder//Pauly's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumsquisse, neue Bearbeitung G. Wissowa, W. Kroll (далее — RE). 2. Reihe. Hnd. 18 Stuttgart, 1967. Sp. 1354—1374; об эпитоматоре см. еще: Drews R. The Greek Account of Eastern History. Washington, 1973. P. 101—102.

категории Посидеева⁴. На этой эмблеме изображена сцена терзания собаками человека, отбивающегося от них мечом. Учитывая особое значение эмблемы клейма, налагавшегося одним из городских магистратов (в данном случае астиномом), можно считать, что отображенный здесь сюжет не случаен, а имеет некий общегосударственный смысл. Как известно, Синопа уже у Геродота (IV, 12) и у многих более поздних авторов считалась местом поселения киммерийцев, вторгшихся в Малую Азию. В перипле псевдо-Скимна (*Peripl.*, 941—952) содержится восходящий к местной традиции рассказ о мифологической и исторической предыстории Синопы⁵. Для нас важно, что в этом сообщении основание греческой Синопы (согласно Евсевию, в 631 г.) прямо связано с изгнанием или исчезновением киммерийцев. Это делает понятным появление на синопском амфорном клейме, служившем государственным знаком, изображения изгнания киммерийцев — ведь благодаря этому событию произошло основание самого государства, а в греческих колониях к подобным событиям и связанным с ними обстоятельствам относились с особым пietетом.

Рассказу Полиэна весьма близко другое сообщение, сохранившееся у Элиана (V.H.XIV. 46). Согласно ему, магнеты победили эфесцев, выпустив перед войском сначала свирепых псов, потом рабов-копейщиков и лишь затем вступив в бой сами. На первый взгляд, этот рассказ принадлежит другой традиции и не связан с полиэновским. При ближайшем рассмотрении, однако, картина несколько меняется. Согласно сообщениям античных авторов, Магнесия была разрушена киммерийцами (*Strabo. XIV. 1, 40; ср. XIII. 4,8-Callisth. FGrHist. 124. F 29*). Говоря об этом, они ссылаются на Архилоха (*fr. 19 D*), сообщавшего о гибели Магнесии. В то же время Каллин, описавший нашествие киммерийцев и взятие Сард, о разрушении Магнесии не говорит, из чего те же авторы заключали, что Архилох моложе Каллина (ср. *Clem. Alex. Strom. I. 131,7*). Однако выясняется, что Афиней (XII, 525 c), также рассказывающий о гибели Магнесии, утверждает, что ее разрушили вовсе не киммерийцы, а эфесцы, причем ссылается на тех же Каллина и Архилоха. Это означает, видимо, что Архилох не называл разрушителей Магнесии, о чем свидетельствует и приводимая Страбоном цитата из него, на которой основывается все рассуждение и которая лишь туманно говорит о «несчастьях магнетов».

Таким образом, поздние повествования о гибели Магнесии лишь комментируют слова Архилоха, причем вместо неназванного врага магнетов, разрушившего их город, подставляются реальные противники — киммерийцы (Страбон через Каллисфена) или эфесцы (Афиней). Это значит, что у эллинистических авторов не было твердой версии ранней магнесийской истории. У них имелись лишь некоторые восходящие к фольклору предания, в которых говорилось о вражде магнетов с киммерийцами и эфесцами, происходившей примерно одновременно, а также стдельные упоминания в произведениях ранних поэтов. Приведенный пример показывает, насколько легко в таких повествованиях происходила замена одного врага магнетов другим и события, связанные с киммерийцами, переносились на эфесцев. Поэтому, на наш взгляд, не будет излишне смелым предположение, что в первоначальном варианте рассказа о хитрости магнетов фигурировали не эфесцы, а те же киммерийцы. На такое перетолкование рассказа могло повлиять и содержащееся у Каллина сообщение о победе магнетов над эфесцами (*Strabo XIV. 1,40*).

Итак, имеется три независимых друг от друга свидетельства о том, что в разных частях Малой Азии разгром киммерийцев связывали с вме-

⁴ Ни одного экземпляра таких клейм, насколько мне известно, пока не опубликовано. Благодаря любезности А. Б. Колесникова мне удалось ознакомиться с тремя их экземплярами из недавних раскопок на Боспоре (хранятся в Институте археологии АН СССР, полевые номера: Фан-77, сл. нах.; Ген-3, θ/3 № 35; Пе-85/392), выполнеными разными штемпелями. Астином Гекатей Посидеев принадлежит к V хронологической группе и, видимо, датируется концом III — началом II в. до н. э.

⁵ Подробный разбор этого сообщения см. *Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 37—52.*

шательством псов (точнее сказать, два из них реконструируются). Можно было бы предположить, что эти известия отражают реальность и что скажем, в Малой Азии, в том числе в греческих городах, действительно использовались боевые псы. Однако такое предположение не кажется нам верным. Нет никаких сведений об их применении в других боевых действиях, не связанных с киммерийцами, хотя античная военная история известна хорошо. Кроме того, если бы использование боевых собак было делом обычным, оно не могло бы составить сюжет фольклорного рассказа, входившего потом в сборники сведений об удивительных событиях. Далее, в упомянутых повествованиях акцентируется внимание на том, что собаки были обычными охотничими, а не специально натасканными на людей.

Однако, видимо, подобное объяснение приходило в голову античным рационалистам, когда они узнавали о победе собак над киммерийцами. Об этом свидетельствует одно сообщение Плиния (N. H. VIII. 61, 143). Говоря о разных удивительных псах, он сообщает, что колофонцы и карабалцы содержат для войны отряды собак. Это сообщение, по-видимому, является отголоском того же рассказа. Колофон, расположенный между Эфесом и Магнесией, конечно, как и они, был вовлечен в борьбу с киммерийцами, и в нем также должны были сохраняться фольклорные новеллы о киммерийцах. Карабал же находится на границе Каппадокии Киликий, у Килийских ворот, а именно с этими местами связаны сообщения о разгроме киммерийцев (Strabo. I. 3,21 и ассирийская хроника Ашшурбанипала из храма Иштар), и именно за ними в поздней армянской традиции сохранилось название *Gamirk*.⁶

Таким образом, можно предполагать, что в фольклоре разных мест Малой Азии был распространен рассказ об изгнании киммерийцев псами, причем первоначально он, видимо, относился только к этому историческому событию. Попытаемся выяснить, какую историческую реальность отражает данный рассказ.

Насколько известно, киммерийцы в Азии рассеялись и исчезли после поражения, нанесенного им скифами (Strabo. I. 3,21, у которого смешаны киммерийцы и треры). Видимо, только эти события могли отразиться в фольклоре как сообщение об изгнании киммерийцев. В таком случае в нем «отважнейшие псы» заменяют скифов. Это предположение, на первый взгляд кажущееся парадоксальным, обретает надежное обоснование при сопоставлении с представлениями, относящимися к индоевропейским мужским союзам. Мужские союзы и связанные с ними ритуалы и мифы хорошо изучены для германской⁶, индоиранской⁷, греческой⁸, латинской и кельтской⁹, а также балто-славянской¹⁰ традиций. В результате проведенных исследований установлена огромная роль, которую играл в мужских союзах образ пса-волка¹¹. Покровитель мужского союза, бог воитель, почитался именно в этом образе, однако для нас гораздо важнее, что все члены союза также считались псами-волками. Инициация молодых воинов состояла в их магическом превращении в волков (обряд

⁶ Höfler O. Kultische Gemeinbünde der Germanen. B. 1. Frankfurt a. M., 1934; Weisser L. Altgermanische Jünglingsweithen und Männerbünde. Baden, 1927; Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. B. 1. B., 1956. S. 453 ff, 492 ff; Höfler O. Verwandlungskulte, Volkssagen und Mythen. Wien, 1973.

⁷ Wikander S. Der Arische Männerbund. Diss. Lund, 1938; idem. Vayu. B. 1. Uppsala; Leipzig, 1941; Widengren G. Hochgottgläubige im alten Iran. Uppsala, 1938. S. 311—351; idem. Der Feudalismus im alten Iran. Köln; Opladen, 1969.

⁸ Jeanmaire H. Courrois et Courète. Lille, 1939.

⁹ Dumézil G. Horaces et Curiaces. P., 1942; idem. Heur et malheur du guerrier. P., 1969; Henry P. L. Furor Heroicus//Zeitschrift für keltische Philologie. B. 39. 1982. S. 240—242.

¹⁰ Höfler O. Kultische... S. 55 ff; Jakobson R., Szefertel M. The Vseslav Epos//Jakobson R. Selected Writings. V. IV. The Hague; Paris, 1966. P. 348 ff; Ridley R. A. Wolf and Werewolf in Baltic and Slavic Tradition//J. Indo-European Studies. 1976. V. 4. P. 321—331.

¹¹ О постоянном смешении пса и волка и единстве их мифологического образа см. Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. № 5. С. 399; Иванов В. В., Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1—2. Тбилиси, 1984. С. 590—591.

происходил с применением наркотических или опьяняющих веществ)¹², которые должны были некоторое время жить вдали от поселений «волчьей» жизнью, т. е. воюя и грабя. Особенno хорошо этот обычай сохранился в спартанских криптиях¹³; совершенно аналогичную инициацию в качестве волка-убийцы и грабителя проходит, прежде чем стать полноценным воином, и молодой Синфьотли в саге о Волсунгах. Инициация ирландского героя Кухулина, в результате которой он приобрел свое имя, означающее «Пес Кулана» (смена имени обычна при инициациях), состояла в том, что он исполнял при божественном кузнецке Кулане обязанности сторожевого пса, т. е. сам превращался в него. С этим можно сравнить осетинский нартовский¹⁴ сюжет о превращении Урызмага в пса и участие небесного кузнеца в закаливании нартовских героев. Очевидно, с тем же представлением связана индоевропейская правовая формула, сохранившаяся в нескольких традициях, согласно которой совершивший убийство человек «становится» волком¹⁵ и из которой потом развились закрепленные за этим словом значения «человек вне закона, преступник», придающие ему пейоративный оттенок. Видимо, то же представление наряду с распространенным в мужских союзах гомосексуализмом объясняет сохранившееся в греческой традиции частое сравнение гомосексуального любовника с волком¹⁶.

В очень развитом виде описанные воззрения существовали у иранцев, в связи с чем неоднократно указывалось на иранские, в том числе авестийские, тексты, упоминающие «двуногих волков» и называющие молодых членов мужских союзов таігуō волками и псами¹⁷. Определенные данные, указывающие на существование таких представлений о воителях как псах-волках, имеются и специально для скифов.

В скифских изобразительных памятниках достаточно часто встречается сюжет преследования и поражения зайца, служащий символом обретения удачи и воинского успеха¹⁸. В этом сюжете часто происходит замена воина, поражающего зайца, псом (чертомлыцкий горит, пекторали из Толстой могилы и Большой Близницы, костяная пластина из Куль-Обы). Блестящей аналогией этим сюжетам является изображение собаки, преследующей зайца, на стене синагоги в Дура-Европос¹⁹, где оно символизирует победу сасанидского оружия над римлянами и где пес помещен в одном ряду с самыми значительными сасанидскими военачальниками. Интересно, что на одном из самых ранних изображений скифских лучников в греческой вазописи (на этрусской амфоре 231 из музея Ватикана²⁰) мы видим псов, преследующих зайцев. На этой вазе, датируемой серединой VI в. до н. э., представлен конный бой между стрелками скифского облика и греческими метателями дротиков. По-видимому, данная роспись, выполненная греческим иммигрантом в Эtrурии, копирует чисто греческие образцы или, во всяком случае, вдохнов-

¹² Przyluski J. Les confréries de loups-garous dans les sociétés indo-européennes// Revue de l'histoire des religions. V. 121. 1940. P. 137—145; Eliade M. Birth and Rebirth. N. Y., 1958. P. 84 ff; idem. Les Daces et les loups//Numen. V. 6. 1959. P. 20 suiv. (Там же литература вопроса).

¹³ О связи криптий с ликантропией см.: Höfler O. Kultische... S. 201 ff; Jeanmaire H. Op. cit. P. 540 suiv.

¹⁴ О том, что применяемая иногда форма «нартский» противоречит узусу русского языка, см. Абаев В. И. Блеск и нищета золотого тиснения//Изв. Юго-Осетинского НИИ АН ГССР (далее — ИЮОННИИ). Вып. XXX. 1987. С. 193; ср. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 294.

¹⁵ Eisler R. Man into Wolf. An Anthropological Interpretation of Sadism, Masochism and Lycanthropy. L., 1951. P. 144—145; Jacoby M. Wargus, vargr «Verbrecher», «Wolf». Eine sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung. Uppsala, 1974; Иванов В. В. Указ. раб. С. 401—402.

¹⁶ Summers M. The Werewolf. L., 1933. P. 66—67; Jeanmaire H. Op. cit. P. 450—460.

¹⁷ Wikander S. Der Arische... S. 65—66, 95; Widengren G. Hochgottgläub. S. 328 ff, 344; idem. Der Feudalismus... S. 15—16. В последней книге см. также о роли мужских союзов в формировании иранских государственных и общественных институтов.

¹⁸ Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 60 сл.

¹⁹ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 184.

²⁰ Beazley J. D. Etruscan Vase-Painting. Oxford, 1947. Pl. I, 1—2.

лена ими²¹. Чрезвычайно интересно, однако, что изображения по особенно занятых охотой (на этрусской вазе они находятся под ногами коней), почти никогда не встречаются в батальных сценах, хотя вообще довольно часты в греческой вазописи²². Возможно, такое необычное единение в одной росписи батальной сцены и сцены преследования зайца пском объясняется влиянием скифских представлений описанного типа. В связи с идеологией мужских союзов (и без связи с ней) неоднократно принимались попытки привлечь и скифо-сарматские этнонимы, якобы содержащие название волка. Большинство таких толкований, по-видимому, должно быть отвергнуто²³. Конечно, теоретически такие образований (как и существующие параллельно тотемистические) не исключены, однако реально мы можем иметь в виду лишь засвидетельствованное у Страбона (VII, 3, 17) наименование сарматского племени *ουрои* и название прикаспийской области Гурган (*Varkāna*, 'Үржаніа, Guğān)²⁴. Впрочем, в последнем случае связь как с мужскими союзами, так и с тотемом совершенно не обязательна.

Осетинский нартовский эпос также сохраняет следы представлений воинах как волках-псах. Прежде всего прародителем нартовского рода Ахсартагата, который воплощает воинскую функцию трехчленной схемы Ж. Дюмезиля и соответствует индийским кшатриям, является Уархат, имя которого уже давно было истолковано как древнее название волка²⁵. Один из величайших нартовских героев — Сослан получил неувивимость после того, как был закален в волчьем молоке, причем в ряде версий волчица для этой процедуры сгоняет и помогает доить прародительница собак Силам²⁶. Она обычно сопоставляется с небесной собакой Сарамой Ригведы (характерен переход г→1), играющей большую роль в знаменитом сюжете освобождения скота богом-воителем Индрой (RV. XI. 108) и тесно с ним связанной. Здесь уместно вспомнить двойника Индра в нартовском эпосе и верованиях осетин — Уастырджи — св. Георгия (один сам или его пес, как известно, является отцом собаки Силам), иногда

²¹ Так, очень близок к ней сюжет с аттического диноса второй четверти VI в. до н. э.: *Graef B., Langlotz E. Die Antiken Vasen von der Akropolis zu Athen. B. I. Bd. 1929. Pl. XXXI. № 606.*

²² *Vos M. F. Scythian Archers in Archaic Vase-Painting. Groningen, 1963. P. 16.*

²³ Этноним *Saka* восходит не к названию собаки (*Vindekens A. J. Les noms des Saces et des Scythes//Beiträge zur Namenforschung. B. I. Heidelberg, 1949. P. 99*), а олена (Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 179) или же к корню *sak-* — «быть сильным, ловким» (*Bailey H. W. Languages of the Saka//Handbuch der Orientalistik. B. IV. Abschn. 1. Leiden; Köln, 1958. S. 133*). Название каспийских саков *Daha*, Δασαι, Δασοι происходит не от корня со значением «волк» (*Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 213 ff., 338; Eliade M. Op. cit. P. 16*), а от иранского *dahyu* — «область, поселение» и должно быть сопоставлено с хотано-сакским *daha* — «человек, мужчина» (*Bailey H. W. Op. cit. S. 133*). Этимология встречающегося в древнеперсидских надписях наименования *Saka haumavarga* неясна. Предлагалось толкование второго элемента слова *haumavarga* из *vehru* — «волк» (*Bartholomae Ch. Beiträge zur altiranischen Grammatik. V//Bezzemberger's Beiträge. 1888. B. 13. S. 77 ff.; Wikander S. Der Arische. S. 64*), относительно чего можно заметить, что в скифском (сакском) языке происходил переход k в g в слове *varka* (Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 187). Если эта этимология («волки сомы») верна, то мы имеем еще одно засвидетельство о воинах-волках у скифов (о связи культа сомы/хамов с мужскими союзами см. *Widengren G. Hochgottgläubige. S. 394 ff; Wikander S. Der Arische. S. 59 ff.*) По фонетическим соображениям вряд ли приемлема этимология от гипотетического **aavarka*, соответствующего хотано-сакскому *aurgga*, *orga* — «почитание, культура» (*Duchesne-Guillemin J. Miettes iraniennes//Hommages à G. Dumézil. Collection Latomus. V. XLV. Bruxelles, 1960. P. 97—98; cf. Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979. P. 47*). Возможно также, что здесь следует видеть слово, соответствующее санскритскому *varga* — «группа, класс людей или предметов, сообщество и т. д.» (ср. лат. *vulgaris*: *Monie Williams M. A. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1872. P. 890*; указано С. В. Кулланвой).

²⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 187.

²⁵ *Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. S. 151.*

²⁶ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 187; *его же*. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 87.

²⁷ Миллер В. Осетинские этюды. Ч. 1. М., 1881. С. 147; *Dumézil G. Légendes sur les Nartes. P., 1930. P. 111.*

представавшего в фольклоре в виде волка²⁸. В культурах и мифологии мужских союзов у индоевропейцев их покровителем является бог-громоверхец и драконоубийца, часто изображающийся волком. С христианизацией этот бог у всех индоевропейских народов стал ассоциироваться со св. Георгием, связь которого с волками, например, в балто-славянской традиции хорошо известна²⁹. В осетинских представлениях образ Уастырджи — св. Георгия, приняв многие черты древнего бога-воителя и драконоубийцы, особенно четко сохранил облик покровителя мужчин-воинов и мужского союза. Показательно, например, что его имя могут произносить только мужчины, а для женщин оно табуировано и заменяется сочетанием *дæгты дзуар* («покровитель мужчин», «мужской святой»)³⁰.

Тесно связан с мужскими союзами и воинскими культурами и другой осетинский бог — покровитель волков Тутыр. Во время посвященных ему праздников *Стыр Тутыр* устраивались военные игры, мужские сборы и пиршества, а также многоступенчатая инициация мальчиков и юношей³¹, причем особую роль в ней играл обряд умирания с последующим возрождением (вообще обычный при инициациях), при котором старую душу посвящаемого уносил волк *Удхассаг*³². Проявления связи Тутыра, как и Уастырджи, с военной сферой в нартовском эпосе и осетинских обычаях чрезвычайно многочисленны³³.

Предположение, что в малоазийском фольклоре реальные противники киммерийцев — скифы были заменены «отважнейшими псами» под влиянием практики скифских мужских союзов и связанных с ними представлений получает обоснование при сопоставлении с устойчивой античной традицией, согласно которой в Азию вторгся не весь народ скифов, а одни мужчины, оставившие жен в Причерноморье. Эта традиция, прослеживающаяся уже у Геродота (IV, 1), является отражением скифских представлений и свидетельствует о том, что действия скифских передвижных отрядов в Азии рассматривались как дело рук воинов, аналогичных спартанским юношам во время криптий. Подобные сообщения объясняются при сопоставлении с обычаями осетин. Важнейшим элементом традиционного осетинского воспитания был институт *балиц* — военных походов³⁴. Мужчина считался достигшим полной зрелости, т. е. прошедшим все ступени инициации, лишь после того, как совершал последовательно все три предусмотренных обычаем балца — годичный, трехлетний и семилетний. Годичный же поход был обязательным условием инициации юноши в мужской возрастной класс, причем каждый юноша должен был оставить свою жену для совершения годичного похода уже через три дня после свадьбы. Примечательно, что начало балцев было приурочено к празднику в честь покровителя волков и воинов — *Стыр Тутыр*, однако инициация юношей проходила обычно осенью и была связана с ноябрьским праздником в честь Уастырджи, во время которого проводились различные военные игры и состязания³⁵. Примечательно, что в древнеперсидском календаре месяц, приходящийся на октябрь-ноябрь, именовался *Varkazana*, т. е. «месяц людей-волков»³⁶, что еще раз свидетельствует о глубокой связи иранских инициационных обрядов

²⁸ Кочиев К. К. Тутыр — владыка волков//ИЮОНИИ. 1987. Вып. XXXI. С. 61.

²⁹ Ridley R. A. Op. cit. P. 326—330.

³⁰ Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном//Этимология. 1970. М., 1972. С. 331.

³¹ Чибирев Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 96 сл.; Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985. С. 58—68; Кочиев К. К. Указ. раб. С. 64—65.

³² Кочиев К. К. Указ. раб. С. 65.

³³ Там же. С. 63—65 (здесь же литература вопроса).

³⁴ См. подробно Чочиев А. Р. Указ. раб. С. 110—162.

³⁵ Там же. С. 67—73, 146—147.

³⁶ Название месяца сохранилось только в эламской и аккадской версиях Бехистунской надписи (Kent R. G. Old Persian. New Haven, 1953. P. 206—207; Brandenstein W., Mayrhofer M. Op. cit. P. 151), восстановление с первым у более надежно, чем с первым т.

с волками. Кстати говоря, в одном из рассказов нартовского эпоса, отражающем определенный этап реально зафиксированных инициаций³⁷, сообщается, что инициирующему Сослану удается победить в поединке инициируемого Тотраса (в чем, собственно, и состоит обряд), лишь облавившись в волчью шкуру.

На отождествление участников балцев с волками указывают и данные языка. Так, участвующие в этом обряде называются *къуар, къорд*—«стая»³⁸. Еще более красноречиво, что слово *бал* — «отряд участников похода» — из всех животных могло относиться только к волкам³⁹ (*би* *рәгѣты бал, баллон бирәгѣ*). Возможно, что обычай *афадзбайлц* (годичный поход) отражен и в геродотовой легенде о происхождении савроматов (IV, 110—116), где описан классический союз проходящих инициацию юношей, живущих отдельно, не имеющих ничего, кроме оружия и коней, и промышляющих охотой и грабежом. Очевидно, аналогичный обычай имеется в виду и в сообщении Помпея Трога (Iust. II. 4, 1; cf. Iord. Get. 6, Anecd. Rue. Bamb. 54), где прямо говорится о том, что в Каппадокию вторглась скифская молодежь (*iuentus*) во главе с двумя «царственными юношами» (*regii iuvenes*). Представление о юношах как особом возрастном классе и об обычаях, связанных с их военным воспитанием у скифов, отражено и в других античных источниках, на что обратил внимание Э. А. Грантовский⁴⁰. Следует отметить еще, что, согласно данным ономастики, термин *бал* был уже известен скифам (*օսածօթալօս, օսարչեալակօս* — «любимый дружиной/любящий дружины»⁴¹) и наиболее вероятно, что скифы называли свои подвижные отряды именно так.

Ситуация долгого отсутствия находящихся в походе мужчин (8 лет, по Помпею Трогу.— Iust. II. 5; 28,— по Геродоту,— IV, 1) — постоянная для нартовского эпоса — полностью соответствует обычаям осетин и, видимо, скифов. Поэтому нетрудно предположить, что скифские подвижные отряды, разорявшие Переднюю Азию, были тем же, чем осетинские балы, и состояли из молодых воинов на разных ступенях инициации, считавших себя волками-псами.

Такие воззрения, вероятно, должны были повлиять на формирующиеся у малоазийских народов представления о скифских воинах. В результате контактов местные народы могли заимствовать отдельные части скифского фольклора, в особенности рассказы скифов о себе, и часто, плохо понимая, перетолковывать их, совершенно аналогично тому, как это происходило позже при контактах скифов с греками Причерноморья. Такие рассказы, первоначально существовавшие в виде фольклорных новелл, затем (начиная с формирования ионийской прозы незадолго до Геродота) попадали в греческую литературу. В одной из таких новелл, видимо, и сохранилось повествование о том, как киммерийцы, самый страшный враг населения Малой Азии, были уничтожены скифскими воинами-псами, первоначально, вероятно, заимствованное у самих скифов (ср. постоянные именования Кухулина псом в ирландском эпосе). Видимо, метафорический характер именования скифских воинов псами (если можно назвать это метафорой — ведь воины не сравнивали себя с псами, а считали себя таковыми) в новелле должен был быстро утеряться, поскольку представления, связанные с ликантропией в анатолийской и греческой традициях, сохранялись лишь пережиточно, в виде некоторых обрядов и культов⁴².

³⁷ Чочиев А. Р. Указ. раб. С. 206—207.

³⁸ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л. 1958. С. 637.

³⁹ Там же. С. 233.

⁴⁰ Грантовский Э. А. Проблемы изучения общественного строя скифов//Вестник древней истории (далее — ВДИ). 1980. № 4. С. 131—132, 136.

⁴¹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 160.

⁴² Об участии людей-волков и людей-собак в некоторых хеттских ритуалах, связанных с воинами, см.: Jacob-Rost L. Zu einigen hethitischen Kultfunktionären//Orientalia. 1966. V. 35. S. 417 ff; Иванов В. В. Сходные черты в культе волка на Кавказе в древней Малой Азии и на Балканах//Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980. С. 57—64; cf. Eisler R. Op. cit. P. 132.

Блестящее подтверждение этому предположению мы находим в словаре Гесихия, где дается гlosса *σπάδαχες κύνες* (собаки). Слово *σπάδαχος*, зафиксированное как личное имя в Ольвии⁴³ (ср. Σπαδάχας—Arrgian. Peripl. 15), происходит от иранского *spāda* — «войско», хорошо известного в скифском языке⁴⁴, и, видимо, означает «воин, член войска»⁴⁵. Очевидно, данная гlosса может быть объяснена только исходя из представления о воинах-псах и, как часто бывает у Гесихия, имеет в виду какой-то определенный литературный текст, на что указывает несловарная форма толкуемого слова (множественное число). Данная гlosса фиксирует как раз тот момент, когда первоначальный смысл текста теряется, и иранское (скифское) обозначение воинов в нем, вероятно, под влиянием контекста толкуется словом «псы». Аналогичное развитие произошло и в интересующем нас случае (если Гесихий не имеет в виду прямо его).

Высказанные здесь положения могут быть подтверждены также данными аккадоязычных текстов, содержащих упоминания скифов. В запросе Асархаддона к оракулу бога Шамаша, относящемся, видимо, к концу 670-х годов до н. э., выражается беспокойство в связи с тем, что областеначальники, отправившиеся для сбора дани в страну мидян, могут подвергнуться нападению скифов⁴⁶. При этом Асархаддон спрашивает (Rc. 6): *zi-bu GU₄.UD (qardu) šá ^{m̄i}HUL (limitti) a-na muḥ-hi-šú-un GAR_{mes.unu}⁴ (iškunip)* *i-na lib-bi-šu-un* («пса [волка] — доблестного злого [букв. зла] против них [наместников] выставят ли среди себя»). Смысл этой фразы неясен, тем более что в контексте, напоминающем данный, слова, обозначающие волка, более не встречаются⁴⁷. Само употребленное здесь слово *zibū* представляет особый интерес, поскольку встречается крайне редко и имеет не до конца ясный смысл. Так, наиболее часто оно употребляется с детерминативом *MUŠEN* и тогда явно означает стервятника, что подтверждается и контекстами, и списками синонимов⁴⁸. Однако в некоторых случаях оно стоит без детерминатива и тогда обозначает некое хищное млекопитающее, прежде всего, шакала. Однако списки синонимов дают и другие значения: *UR.IDIM.MA* — «бешеная собака»⁴⁹, *UR.BI.KŪ* — «собака-пожирательница» (шакал?), *vag-ba-gu* — «волк»⁵⁰. Контексты ничего не проясняют — их известно лишь три. Все они происходят из поздних «анналов» (две надписи Асархаддона, одна — Ашишурбанипала) и говорят, что *zibū* на съедение отдаются трупы врагов (в одном ряду со стервятниками и собаками). Итак, данное слово обозначает некое псовые животное (шакала-пса-волка), причем в любом случае имеет ярко выраженный пейоративный оттенок (бешеный, пытающийся падалью и т. д.), вообще закрепленный у семитов за собаками. Тем более удивительным выглядит соединение *zi-bu GU₄.UD(gardu)*. Слово *qardu* (или существительное *qarrādu*) со значением «герой-воитель» встречается в текстах весьма часто и имеет ярко выраженное положительное значение. Особенно часто оно относится к царям и богам, иногда обозначает просто воинов (с подчеркиванием их мощи), крайне редко — вражеских⁵¹. Таким образом, словосочетание *zibū*

⁴³ *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*/Ed. Latyshev B. V. I². Petropoli, 1916. № 147.

⁴⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 182; Грантовский Э. А. Указ. раб. С. 146.

⁴⁵ О значении суффикса см. подробно Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 249—269, особенно 263.

⁴⁶ Knudtzon J. A. Die Assyrische Gebete an den Sonnengott für Staat und königliches Haus aus der Zeit Asarhaddons und Assurbanipals. Lpz., 1893. № 30.

⁴⁷ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (далее — CAD). Chicago; Glückstadt, 1961. V. 12(Z). P. 106; 1965. V. 2(B). P. 108—109.

⁴⁸ Ibid. V. 12(Z). P. 106.

⁴⁹ Labat R. Manuel d'épigraphie akkadienne (Signes, Syllabaire, Idéogrammes). P., 1976. P. 235. № 575.

⁵⁰ Landsberger B. Die Fauna des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel des Serie Har-ra=hubullu. Lpz., 1934. S. 79; CAD. V. 12. P. 106.

⁵¹ CAD. 1982. V. 13(Q). P. 129—131, 140—144.

gardu ša limitti, подчеркивающее последним словом, что речь идет о силах зла, врагах, т. е. скифах, звучит как оксюморон. Интересный результат дает сравнение определений к «псу», стоящих в ассирийском тексте и у Полиэна,— *ἀλκιμωτάτοι κύνες* точно соответствуют *zibū qardu* (раньше лишь в числе). *'Ἀλκίμος* по-гречески, так же как *qardu* по-аккадски обозначает воинскую доблесть и мощь⁵².

Неожиданно близким к этим двум названным оказывается один контекст из гомеровской «Илиады». В VIII песне описывается наступление троянцев на лагерь греков; основную роль в этом играет Гектор. Тевкру пытаются поразить его стрелами, но не может попасть, ибо Гектор находится под божественной защитой. Тевкру говорит: «не могу поразить этого пса, объятого бешенством» (*κύνα λυσπτήρα*) (239). Употребленное здесь определение образовано от слова *λύσσα* со значением «волчья (воинская) ярость, бешенство», которое встречается нечасто. В гомеровском эпосе оно и его производные еще трижды относятся к Гектору (IX, 239, 305; XIII, 53) и однажды к Ахиллу (XXI, 542—543), т. е. к самым выдающимся воинам обеих воюющих сторон. Лучшее описание состояния, называемого *λύσσα*, дает контекст IX, 237—239 «Илиады»: «Гектор же, весьма кичась силой, ужасно неистовствует, уповая на Зевса, и ни во что не ставит ни мужей, ни богов, ведь его охватила мощная *λύσσα*. Разбираемое слово, этимологически означающее «волчья» (от *λύκος*)⁵³ указывает, таким образом, на ярость, охватывающую воителя, причем становится неуязвимым и уподобляется псу или волку. В более позднее время, когда слово утеряло специфическое значение воинской доблести, оно продолжало относиться к священному исступлению, причем его связь с собаками в этом значении сохранялась — см. «быстрые собаки Люссы о вакханках (Eur. Bacch. 977; ср. там же 731 и Ant. Palat. V, 265)⁵⁴. Важно, что слово *λύσσα* значит также «собачье бешенство» (например, Xen. Anab. V, 7, 26; Aristot. Hist. Anim. 8,2) — как мы помним, *zibū* из запроса Асархаддона к оракулу также может означать и бешеного пса. Этот *furor heroicus*, которым оказывается охвачен воитель, уподобляясь при этом псу-волку, напоминает германских берсеркеров (*berserkir* — «медвежья шкура»), по-другому называвшихся *úlfhedhnar* («волчья шкура»)⁵⁵, также впадавших во время битвы в неистовство и обретавших неуязвимость и тоже считавшихся людьми-волками (медведями)⁵⁶.

Особенно явно связь берсеркеров с мужскими союзами выступает в саге об Инглингах (гл. 6), где говорится, что «Один (бог мужского союза) сделал так, что его мужи сражались в битве без панцирей и были безумны (*galnir*), как псы или волки... это называлось свойство берсеркера (*berserksgangr*)». Очевидно, что в этих словах Снорри Стурлусона заключена та же формула, что и у Гомера, но деградировавшая до сравнения. Наименование выдающегося воина «яростным (бешеным) псом» встречается и в древнейшей кельтской поэзии — в отрывке из ранней ир-

⁵² Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon, with a Supplement. Oxford, 1968. P. 67.

⁵³ Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. V. III. P., 1974. P. 651; Lincoln B. Homeric *λύσσα* ‘Wolfish Rage’//Indogermanische Forschungen. B. 80. 1975. P. 98—105 (там же литература вопроса). Сходные образования с тем же значением, за которыми стоят аналогичные представления, есть в латинском и некоторых романских языках — см. Eisler R. Op. cit. P. 135.

⁵⁴ Не случайно, что последовательницы Диониса, как и воины, считались собаками. Общность Ареса и Диониса вообще фиксируется и в греческой культовой практике (см.: Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. B. II. München, 1906. S. 1381; Martin R. Recherches sur l'agora grecque. P., 1954. P. 166), и в литературе. Так, у трагиков к дионисийскому исступлению и военной аресовой ярости относится одинаковая лексика — см. Lonnoy M. G. Arès et Dionysos dans la tragédie grecque: le rapportement des contraires//Revue des études grecques. 1985. V. 98. P. 65—71.

⁵⁵ О культовой роли медведя и его объединении с образом волка см. Иванов В. В. Гамкрелидзе Т. В. Указ. раб. С. 497—498.

⁵⁶ О берсеркерах и их связи с мужскими союзами см.: Weiser L. Op. cit. S. 44; Höfler O. Kultische... S. 170 ff; idem. Verwandlungskulte. S. 54, 222 ff; Dumézil G. Heur et malheur... P. 127 ff.

ландской генеалогической поэмы говорится: «три внука Байскне... псы яростные»⁵⁷. Неоднократно «ярым псом» в стихотворных текстах называют и Кухулина.

Итак, 'alxīmūtātoj kūneč Полиэна и zibū qardū ассирийского эпоса включаются в широкий круг мифологии мужских союзов и отражают восходящее к индоевропейской древности представление о выдающемся воине как впадающем в бешенство псе. Такое представление отражается в ряде индоевропейских эпических традиций в виде формульного обозначения воина как бешеного пса (что позволяет восстановить аналогичную формулу в прайндоевропейском эпосе). Отчасти это подтверждает предположение о том, что в основе рассказа Полиэна лежит некий эпический фольклорный текст, возможно стихотворный.

К кругу рассматриваемых источников относится еще один ассирийский текст эпохи Асархаддона. В его анналах, составленных, по-видимому, в начале царствования (во всяком случае, до 676 г. до н. э., как показывает датировка одной из призм) и существовавших только в одной редакции, сообщается о разгроме войск Ишпакая-скифа (^mis-ра-ка-а-а-а-а-а-а-а (As)-gu-za-a-a)⁵⁸. Видимо, эти события следует относить к 679—678 гг. до н. э. и хронологически связывать с сообщением вавилонских хроник о разгроме во второй год Асархаддона войска киммерийцев⁵⁹, возглавлявшихся тогда Теушпой. Сообщение о разгроме Теушпы стоит в анналах непосредственно перед рассказом о поражении Ишпакая, значит, они произошли примерно одновременно. Таким образом, между столкновением со скифами Ишпакая и рассмотренным выше запросом к оракулу прошло никак не более 10 лет, так что Ишпакай в момент составления запроса мог еще возглавлять войско скифов. Более того, начало его имени, кажется, сохранилось в этом запросе. В строках Rс. 2—3, судя по воспроизведению у Кнудсона⁶⁰, читается следующий текст: ^mIs/.../lu-ú šu-ú lu-ú DUMU (magi)-šu lu-ú ^{lu}ERÍN^{mēs} (sābī) Iš-gu-za-a-a, т. е. «Ис..., будь то он сам, будь то его сын, будь то войско скифов... [нападет ли]». Имя главного врага не сохранилось, но его первым знаком является *is*, а поскольку речь идет о скифах, то логично восстанавливать имя вождя как *Ispaka(ja)*⁶¹.

В то же время имя Išpaka ja имеет достаточно прозрачную «собачью» этимологию и должно было звучать Špaka или Spaka (протетический i добавляется, чтобы избежать запрещенного в аккадском двусогласного начала). Ближайшие аналогии имени скифского вождя можно найти в одной ольвийской надписи, где упоминается имя Σπάχος⁶², и у Геродота (I, 110), сообщившего, что кормилицу Кира звали Σπάχω, и добавившего, что мидийцы называют собаку σπάχα. Подобные имена были широко распространены в иранском мире, как и у других индоевропейских народов, что объясняется очерченным кругом представлений. Э. А. Грантовский⁶³, убедительно обосновав и «собачью» этимологию имени, в качестве альтернативы предлагает толковать имя Ишпакая как отражение скифского Aspaka — «конник». Однако изложенный выше материал склоняет скорее к первому толкованию, хотя оба они равно приемлемы фонетически. Таким образом, вероятно, один из царей скифов, воевавших

⁵⁷ Meyer K. Über die älteste irische Dichtung. II//Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaft. 1914. № 10. S. 20 (цит. по: Калыгин В. П. Язык древнейшей иранской поэзии. М., 1986. С. 77).

⁵⁸ Berger R. Die Inscriften Asarhaddons. Graz, 1956. S. 52; Heidel A. A New Hexagonal Prism of Esarhaddon (676 B. C.)//Sumter. 1956 (12). Col. II. 22.

⁵⁹ Smith S. Babylonian Historical Texts. L., 1924. P. 14—16.

⁶⁰ Knudtzon J. A. Op. cit. № 30.

⁶¹ О том, что иранские s,š передавались ассирийскими s,š без всякой системы, причем в одном и том же имени стоит то один, то другой знак, см. Грантовский Э. А. Ранняя история. С. 93—96.

⁶² Inscriptiones... № 133. Другие аналогии, в том числе современные осетинские имена, см. Грантовский Э. А. Ранняя история. С. 266.

⁶³ Грантовский Э. А. Ранняя история; см. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. B. I. Die Iranier in Südrussland. Lpz, 1923. S. 14.

с ассирийцами, носил имя, которое однозначно истолковывалось из ирского (скифского или мидийского) языка как «пес».

Можно предположить в данной связи, что в запросе к оракулу Шамаша zibū — перевод имени Ишпакай. Если это верно, то очень близко параллель дает один пример из русского фольклора. В известной былине об Илье Муромце и царе Калине за последним закреплен эпитет «собака», сохраняющийся и в самых почтительных по отношению к нему репликах, и даже в речи самого царя. Как показал Р. Якобсон, эта странная особенность объясняется тем, что былинное «собака Калина» является калькой монгольского No jai kalun и отражает имя и прозвище знаменитого хана Ногая. Имя Ногая, как и Ишпакая, означает просто «собака» и, будучи переведено на язык носителей фольклорной традиции, превращается в постоянное наименование царя.

В заключение следует сказать еще об одном античном тексте. В «Аргонавтике» Валерия Флакка упомянуто войско каспииев, в котором участвовало «множество псов». Возможно, здесь отражено реальное применение боевых собак некоторыми кавказскими народами, однако этот текст не может свидетельствовать о существовании подобных обычая у греков и лидийцев Малой Азии. В то же время мифологический контекст данного сообщения, а также описание псов («с грудью и ужасной гривой, охваченными железом», т. е. в шлемах и панцирях), вероятно, говорят о том, что у Валерия Флакка отразилось перетолкованное античной литературе эпическое описание воинов как псов.

Таким образом, можно считать, что в греческой фольклорной традиции, в частности в рассказе Полиэна, сохранилась информация о разгроме киммерийцев скифами. Первоначально она, очевидно, содержалась в поэтическом тексте типа эпоса или героической песни, видимо скифском, а затем в греко-лидийских фольклорных новеллах. В греческую литературу этот рассказ впервые был перенесен, вероятно, Каифом Лидийским. Можно предположить также, что скифские подвижники отряды, опустошившие Азию, представляли собой объединения воинов типа осетинских бáлов и являлись пережитком индоевропейских мужских союзов со свойственными им мифологическими представлениями. Эти представления, в частности уподобление членов союза и особенно вдающихся воинов бешеным (яростным) псам, в греческой литературе были непонятны. В период эллинизма объяснения этому находили или в том, что псы приняли киммерийцев за зверей из-за их страшного вида, или в том, что они были специально натасканы на людей и предназначались для боев. Первоначальный смысл рассказа был окончательно утерян.

Н. Я. Дараган

КАК СТАНОВЯТСЯ ЭТНОГРАФАМИ

Это заглавие — не случайное совпадение и не скрытый плагиат. Почти то же название носит глава в книге Клода Леви-Строса «Печальные тропики»¹. Первое лирическое отступление первой своей большой книги ученый посвящает не столько подробностям собственной биографии и характера (хотя и этому тоже), сколько выявлению той жизненной логики, которая приводит человека к занятию социальной антропологией, и определению места этой науки не в ряду других наук, а среди различных видов человеческой деятельности. И мы не видим причин отказываться от избранного заглавия, ведь совпадения бывают не только случайными, но и закономерными, тем более что речь ниже пойдет и о самом Леви-Стросе, и о его современнике и коллеге Мирче Элиаде, а отчасти и обо всех нас.

Напомним вначале сюжетную канву автобиографии Леви-Строса. Классик французской антропологии получил философское образование — не потому, как он сам признает, что ощущал это своим призванием, а чтобы научиться мыслить. Пять лет обучения в Сорbonne остались у него тревожное чувство неудовлетворенности содержанием своих знаний. «Приобретение навыка,— пишет он,— вытесняло стремление к истине... Чем более эта наука (философия.— Н. Д.) строга, тем менее она предметна, и наоборот»². Затем он стал преподавателем, но вскоре отказался от этой деятельности из-за внутренней неспособности много-кратно возвращаться мыслью к одному и тому же объекту. В то время он еще не знал об этнографической науке и пропустил последнюю лекцию Фрэзера, прочитанную в Сорbonne в 1928 г. Однако по его признанию, «антропология, наряду с музыкой и математикой,— одно из немногих истинных призваний, и человек может ощутить его в себе раньше, чем его обучат этой науке»³. Преподавание он считал чем-то средним между миссионерской деятельностью и бегством от своего поколения. Действительно, постоянное общение с одной возрастной категорией — студентами создает иллюзию постоянного начала пути. Ему легко было перейти от этого к работе этнографа, в которой он видел бегство в самом законченном проявлении. «Условия жизни и работы надолго вырывают этнографа из его окружения, и он приобретает характер хронического эмигранта... Никогда он не может почувствовать себя где-либо „дома“; он всегда будет, говоря о психологии, отторгнутым человеком»⁴.

Вскоре Леви-Стросу пришлось познать реальный опыт эмиграции. Не найдя работы по специальности на родине, он с готовностью принял приглашение в Бразилию и стал преподавать этнографию в университете Сан-Паулу, осуществляя периодически экспедиции в глубь материка для изучения живущих там индейцев. Материал, собранный в этих

¹ Леви-Строс К. Печальные тропики. М., 1984. Книга вышла на русском языке со значительными сокращениями. В частности, в ней отсутствует глава 6 — «Как я стал этнографом».

² Lévi-Strauss C. *Tristes Tropiques*. N. Y., 1970. P. 55, 57.

³ Ibid. P. 58.

⁴ Ibidem.

экспедициях, послужил основой для большинства его научных труда. Значение их для развития как собственно этнографии⁵, так и в комплексе наук о человеке поистине огромно: структурная антропология (как учение в целом, а не как одноименная книга этого автора) новая ступень в философии человека. И все же... наибольшее количество изданий выдержала книга «Печальные тропики» — лирические дневники его первых экспедиций. «Антропология — это страстное и разрушительное любопытство,— писал Леви-Строс.— Неисчерпаемый запас претерпевших для размышления о различии человеческих правил, обычаях и усвоений».⁶

Страстное и разрушительное любопытство отличало также его современника Мирча Элиаде, посвятившего большую часть своей жизни сравнительному изучению религий, верований, ритуалов — «опыта священного», как он это называл. Элиаде стоит у истоков сравнительного религиеведения. Ему принадлежат книги, посвященные закономерностям мифологических систем Востока и Запада⁷, мифологическому мышлению в разные исторические эпохи⁸, шаманизму⁹, обрядам и ритуалам народов Индонезии и Австралии¹⁰, древнеиндийской философии¹¹, магии и оккультизму¹², сравнительному изучению символизма мистики¹³, эссе о современном искусстве, романы, пьесы, множество статей и докладов. Судьба свела его с интереснейшими людьми его времени — Ионеску, Юнгом, Шагалом, и это повлияло на его научное творчество.

Биографию Элиаде можно было бы описать в приключенческом романе, а еще лучше — показать в кино. Получился бы фильм со всеми атрибутами, необходимыми для кассового успеха. Восточная экзотика, шумные базары Калькутты и величественная строгость Гималаев сменилась бы строгой тишиной европейских университетов, в которых он читал лекции. Непроницаемые лица дипломатов соседствовали бы гулом и трепетом возбужденной толпы. А напоследок — железобетонные утопия Нового Света и рядом с ней причудливые, как видения, маски североамериканских индейцев, украсившие обложку одной из последних его книг.

Родился М. Элиаде в 1907 г. в Бухаресте в скромной семье армянского капитана. В детстве увлекался естественными науками (для сравнения: сын версальского раввина К. Леви-Строс в детстве занимался минералогией и даже собрал неплохую коллекцию). В 13 лет Элиаде опубликовал свою первую маленькую статью, в 18 лет — сотью. Закончив в 1928 г. Бухарестский университет и став доктором философии (степень он получил за работу по философии итальянских гуманистов), уехал в Калькутту, где изучал санскрит и йогу. После теоретического курса он провел 2 года в буддийских монастырях трех высокогорных областей в Гималаях. На основе собранного материала им была написана первая значительная работа: «Эссе о происхождении индийской мистики», опубликованная в Париже в 1936 г.

⁵ Не случайно посвященная ему книга называется «Anthropologist as Hero» (и 1970). Здесь и далее мы будем придерживаться отечественного термина — этнографии, но в цитатах оставлять европейский вариант — антропология (подразумевается — специальная).

⁶ *Tristes tropiques...* P. 62.

⁷ *Traité d'histoire des religions.* P., 1949; *Le mythe de l'éternel retour.* Archétyp et répétition. P., 1949; *Histoire des croyances et des idées religieuses.* V. 1—2. P., 1976—1978.

⁸ *Mythes, rêves et mystères.* P., 1967; *Aspects du mythe.* P., 1963.

⁹ *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase.* P., 1951.

¹⁰ *Australian Religions. An Introduction.* Ithaca; London, 1973; *Initiations, rituels et sociétés secrètes. Naissances mystiques.* P., 1976.

¹¹ *Paṭanjali et le yoga.* P., 1965; *Le yoga. Immortalité et liberté.* P., 1968.

¹² *Forgerons et alchimists.* P., 1977; *Occultism, Witchcraft and Cultural Fashion Essays in Comparative Religions.* Chicago; London, 1976.

¹³ *Le sacré et le profane.* P., 1965; *Images et symboles: Essais sur le symbolisme magico-religieux.* P., 1979.

Опыт непосредственного общения с абсолютно чуждой ему культурой стал определяющим для творчества Элиаде, подобно тому как в жизни Леви-Строса неизгладимый след оставила встреча с индейцами намбиквара, бороро, кадиувеу, туши-кавахиб. И существенной для Элиаде будет прежде всего та широта взгляда, которую придает его работам постоянный диалог Востока и Запада, возможность соотнести две разные точки зрения на мир и выявить закономерности, носящие универсальный характер. Так складывалась позиция Элиаде в современном религиеведении, которое еще очень медленно и преодолевая некоторое внутреннее сопротивление приходит к синтезу восточной и западной религиозно-философских традиций, столетия развивавшихся в большем или меньшем взаимном неприятии и непонимании. О пагубных последствиях такой разобщенности Элиаде предупреждает в предисловии к одной из важнейших своих книг, идеи которой он потом развивал,— «Миф о вечном возвращении» (начата в 1945 г., опубликована в 1949 г.): «Со всей определенностью можно сказать, что западная философия, если вообще допустимо такое словоупотребление, может оказаться провинциальной, если ограничится изучением лишь собственной традиции и, например, обойдет вниманием проблемы и открытия восточной мысли и, кроме того, если она будет признавать только „положения“ человека исторических цивилизаций и при этом недооценивать опыт „примитивного“ человека, принадлежащего архаическим обществам. Философская антропология также могла бы кое-что почерпнуть из выяснения вопроса о том, как досократовский человек (другими словами, древний человек) оценивал свое место во вселенной»¹⁴.

Тема йоги как философии жизни оказалась очень устойчивой в творчестве Элиаде. За первой книгой вскоре последовали и другие, в частности упомянутые выше: «Йога. Бессмертие и свобода» (1954); «Патанджали¹⁵ и йога» (1965). Эти книги переводились на многие европейские языки и выдержали не одно издание. Они показывают, что автор чутко улавливал общественную потребность, живой интерес к проблемам философии бытия. Ведь середина века ознаменована не только широким распространением экзистенциализма в европейской философии, но и расцветом экзистенциалистской литературы, особенно во Франции, где это направление связано с именами Сартра и Камю. Способность ощутить поток жизни как частицу вечного бытия и умение управлять собою в нем — искусство, которому обучает йога,— в какой-то мере отвечали духовнымисканиям людей послевоенного времени.

Да и сам путь, проделанный Элиаде в поисках полноты философского осмысления мира, не эксцентричная выходка, а закономерный шаг человека, глубоко причастного к европейской культуре своего времени. Элиаде, пожалуй, нигде не ссылается прямо на Ницше и Шленгера, но ощущение «заката Европы» живет в его книгах. Страх духовного исчезновения и поиски вдохновляющей силы, живительного источника на Востоке, стремление к очищающей и обновляющей катастрофе, а также попытка заглянуть за гармоническую культуру античности в глубь дionисийского прошлого сами по себе наводят прочные мосты преемственности. Дело даже не столько в том, что все это родилось в европейской культуре, важно, что это жило в ней и захватывало своим настроением многих. Духовное паломничество на Восток в той или иной форме совершил и Герман Гессе, а реальное — Николай Рерих, и трудно сейчас судить о том, что принесло ему больший успех — его оригинальное видение мира или экзотические сюжеты его полотен.

Из Индии Элиаде вернулся на родину. Как он потом осознаёт и напишет в своих мемуарах¹⁶, возвращение было закономерным: «Мое призвание заключалось в культуре, а не в святости». Но проведя полгода в «ашраме» — общине отшельников, он испытал искушение ость-

¹⁴ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 28.

¹⁵ Патанджали (II в. до н. э.) — создатель философской системы йоги.

¹⁶ Eliade M. Les promesses de l'équinoxe (Mémoire 1). Р., 1985.

ся там навсегда, подобно Дасе из «Индийского жизнеописания»¹⁷. И лишь запутанная ситуация в личной жизни и необходимость пройти военную службу вызвали его отъезд в Румынию. Дома потекли годы напряженного творческого труда. К 30 годам Элиаде — автор двенадцати книг — художественных, научных, публицистических. В 1933 г. он приступил к преподаванию в Бухарестском университете, читал два курса: историю индийской философии и всеобщую историю религий. В 1938 г. им был основан журнал «Zalmoxis» для публикации религиеведческих исследований. К сожалению, вышли всего лишь три выпуска этого журнала. Элиаде увлекался фольклором, изучал образцы художественного творчества народов Восточной и Южной Европы. Отсюда экскурсы в историю и мифологию южных славян и румын в его много позже написанных научных трудах и романе «Запретный лес». В конце 30-х годов критика характеризовала его как писателя-модерниста, смело экспериментирующего со временем.

Все это было бы прекрасно и убедительно, если бы не напоминало столь очевидно деятельность магистра игры Йозефа Кнехта в Касталии. (Нам еще предстоит вернуться к образам романа Гессе «Игра в бисер», поскольку Касталия, на наш взгляд, не выдумана, а списана с натуры). Итак, принадлежа к одной из малых наций, по его собственному выражению, «отмеченных фатальностью истории»¹⁸, в те годы, когда рядом облекалась в плоть и кровь и делала первые разрушительные шаги идея фашизма, Элиаде предавался «играм чистого разума». Неудивительно, что он бросил их, как только представилась возможность действия. Подобно тому как Леви-Строс вздохнул полной грудью, перейдя от философских спекуляций к описанию подлинной жизни под влиянием книги Р. Лоуи «Первобытное общество»¹⁹, Элиаде с готовностью погрузился в водоворот событий второй мировой войны.

1940 год застает его в Лондоне в должности атташе по культуре румынского посольства, в 1941 г. он уезжает в Лиссабон советником посла по вопросам культуры. Элиаде не противопоставил себя доктрине фашизма, напротив, на первых порах она его воодушевила. Среди его друзей и университетских учителей были люди, связанные с партией «Железная гвардия», он сам подхватил идеи «мужественности» и «жизненной силы», сыгравшие столь зловещую роль в фашистской идеологии. Отчасти это было подготовлено самим характером его научных изысканий. Космогонический миф, столь близкий Элиаде, с битвами богов и демонов, очистительной катастрофой в качестве пролога к новому возрождению, безусловно, вошел в идеологию фашизма со многими своими атрибутами. Не случайно свастика — это знак индийского солярного символа.

Но все-таки подлинное духовное родство не связывало Элиаде с фашизмом. Миф о расе господ остался навсегда ему чужд. Ему претил антисемитизм, разжигавшийся правыми кругами в Румынии. Из Берлина 1934 г. он вернулся с отрицательными впечатлениями. Идеологи нацизма также никогда не апеллировали к авторитету Элиаде и не ссылались на его труды. Где началось расхождение, сейчас установить трудно. Во всяком случае, проведя некоторое время в Португалии и Испании, не сделав дипломатической карьеры и, очевидно, разочаровавшись в своей общественно-политической деятельности (поскольку он к ней никогда более не возвращался), ученый поселился в Париже.

В 1945 г. Мирча Элиаде преподает в Сорbonne, выезжает для чтения лекций в Рим, Падую, Лунд, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, Марбург, Цюрих, Аскону. Преподавания он не оставлял впоследствии практически до конца жизни. Постоянное общение с впечатлительной, эрудированной, увлекающейся, но еще не очень глубоко проникшей в пред-

¹⁷ Гессе Г. Игра в бисер. М., 1969. С. 499—532.

¹⁸ Eliade M. Cosmos and History. The Myth of the Eternal Return. N. Y., 1974. P. 152.

¹⁹ «Как горожанин в горах, я стремился надышаться свежим воздухом». (Lévi-Strauss C. Op. cit. P. 63.)

мет молодежной аудиторией заметно сказалось на форме его сочинений. Кажется, что автор пишет свои труды не в кабинетной тиши, наедине с самим собой, а в непрерывном оживленном диалоге с читателем — тем самым студентом европейского университета, с которым учного так часто сталкивала практика. Отсюда динамизм повествования, свободный стиль, легкий язык, хотя и не чуждающийся терминов и заимствований. Элиаде очень нужно быть понятым и убедить. То, о чем он говорит, представляется ему жизненно важным как для него самого, так и для читателя. Забегая немного вперед, можно сказать, что Элиаде преподносит свою теорию архетипов как истину, призванную спасти человечество, по крайней мере избавить его от ужаса перед необратимой и неуправляемой историей. Такой пафос, естественно, вызывал раздражение коллег и нападки критики, ярко проявившиеся в статье Э. Лича «Проповеди человека на стремянке»²⁰. Однако с некоторой дистанции все воспринимается спокойнее. Стремление утвердить (а главное — ощутить самому) общезначимость предмета своих исследований присуще ученым, работающим во всех областях человеческих знаний. И лишь выдвигаемые для этого основания варьируют от науки к науке. Леви-Строс в этом отношении вполне солидарен с Элиаде: «Различия, которые мы выявляем, значимы для всего человечества, тогда как остальные имеют значение только внутри своей цивилизации»²¹.

Годы с 1945 по 1956 были самыми плодотворными в жизни Мирча Элиаде. Именно в это время вышли важнейшие из его трудов по теории мифа, сравнительной истории религий, по семиотике религиозных обрядов и ритуалов. Насыщенная событиями научная и литературная жизнь Франции середины века, участие в деятельности «Еганос» — ежегодника по проблемам культуры, возможность непосредственного общения с К. Г. Юнгом — все это послужило стимулом к творчеству. Вначале выходит серия книг, в которых разрабатывается в основном собранный еще до войны материал. Это «Очерки по истории религий» (1949); «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение» (1949); «Шаманизм и архаическая техника экстаза» (1951).

Наряду с исследовательскими работами Элиаде публикует и оклонакучную эссеистскую прозу, и романы, сюжеты которых связаны с предметом его научных изысканий. Таковы «Техника йоги» (1948), «Бенгальская ночь» (1950), «Образы и символы: эссе о магико-религиозном символизме» (1952), «Запретный лес» (1955), «Полночь в заливе Серама» (1956). Экзотическая тематика, эффектная подача материала, откровенный эротизм, который прежде раздражал его соотечественников, художественные достоинства прозы Элиаде, которые читатель может оценить и по его научным работам (хотя напомним, что подавляющее их большинство написано автором не на родном румынском языке), обеспечили внимание публики к этим книгам. Этот ряд публикаций поднял Элиаде на волну сенсационного успеха, упрочил материальное положение одинокого эмигранта, ведь постоянной работы у него не было, а в Сорbonne он лишь читал лекции по приглашению. Последующие его научные труды выходили из печати без промедления и сразу же переводились и переиздавались.

Но тем не менее, живя в Париже и ощущая себя гражданином Европы, Элиаде более чем когда бы то ни было мог сказать о себе стихами Иозефа Кнекта, школяра и студента:

Нам в бытии отказано. Всегда
И всюду путники, в любом kraю,
Все формы наполняя, как вода,
Мы путь нащупываем к бытию²².

²⁰ Leach E. Sermons by a Man on a Ladder//New York Review of Books. Oct. 20. 1966.

²¹ Lévi-Strauss C. Op. cit. P. 62.

²² Пер. С. С. Аверинцева//Гессе Г. Игра в бисер. С. 419—420.

Не случайно тема инобытия — существования в мифе и тема родины также и пронзительно зазвучали в его творчестве. Они слились в романе «Запретный лес», герои которого — партизаны живут в лесу, в призрачном мифологическом прошлом Румынии, и совершают из него вылазки в сегодняшний день, в оккупационную действительность, где их дом уже чужой и родина уже не существует. Ее средоточием становится запретный лес, все более замыкающийся в себе.

Не обязательно было родину покидать, и не всегда ее отнимали захватчики. Она сама неотвратимо и неизвестно отчуждалась, исчезала, как исчезла Габсбургская монархия (Какания — беспощадно называл ее Роберт Музиль, отталкиваясь от абреквиатуры названия *kaiserlich-königliche*), подарив миру свое детище — человека без свойств. Определяемый только путем отрицания всяческих качеств, свойств и поступков, этот идеальный гражданин Великой Империи несет в себе импульс зла всеуничтожающей силы. Ощущение, пронизывающее все произведения австрийской писательницы Ингеборг Бахман и определяющее судьбы многих ее героев, типично для творческой интеллигенции Европы между двумя войнами: родины уже нет, она превратилась в одну из европейских «провинций»; герои спаслись на чужбине и стали там людьми действия, как все в «главных» странах, но дома для них нет ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Цюрихе. И развивается ностальгия — не по земле, не по веку, но по тому мифическому «оламу»²³, по целостному состоянию, в котором и место, и время, и человек едины.

Действительно, для нашего старшего современника «дом» — это не только место, но еще и время. Вспомним роман Юрия Трифонова «Время и место». В его «дом» нельзя вернуться, как нельзя войти дважды в одну реку. Всякое «место» в этом романе несет на себе печать «времени», и само движение времени неумолимо срывает человека с его «места», заставляя искать новое в пространстве и среди себе подобных.

История, время стали для европейского человека главными героями его трагедии. Возможно, после войны Элиаде ощутил себя этнографом по призванию, таким, каким рисует его Леви-Строс: изгнаниником и беглецом одновременно, нигде не чувствующим себя дома, в поисках истины обратившимся к чужой культуре. Этой спасительной истиной стала для Элиаде теория архетипов, изложенная в его первом большом труде. Рукопись, к работе над которой ученый приступил в мае 1945 г., называлась «Космос и история». Но вышла книга в 1949 г. с заглавием, данным редактором: «Миф о вечном возвращении», и лишь в подзаголовок вошел второй авторский вариант названия: «Архетипы и повторение». Об этой книге сам автор писал впоследствии в предисловии к одному из переизданий: «Редко автор бывает доволен своим сочинением, которое было закончено много лет назад. И все же я считаю его, со всеми существенными и несущественными упущениями, важнейшей из моих книг. И если меня кто-либо спросит, в какой последовательности лучше читать мои книги, я посоветую ему начать с „Мифа о вечном возвращении“»²⁴.

Эта книга посвящена восприятию времени первобытными и так называемыми историческими людьми. Поэтому в ней сконцентрированы идеи космического символизма и преодоления истории, центральные в творчестве Элиаде. При этом надо отдавать себе отчет в том, что космос выступает в данном случае в исходном значении древнегреческого слова. Это мирпорядок, установленный от века и регулирующий все

²³ «Древнееврейский мир — это „олам“, по изначальному смыслу слова, „век“, иначе говоря, поток времени, несущий в себе все вещи; мир как история. Внутри „космоса“ даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возвращении явно или латентно присутствующее во всех греческих концепциях бытия ... отнимает у времени свойство необратимости и дает ему взамен мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии. Внутри „олама“ даже пространство дано в модусе временного движения — „как вместилище необратимых событий“». См. Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»//Типология и взаимосвязи литератур Древнего мира. М., 1971. С. 229—230.

²⁴ Элиаде М. Космос и история. С. 30—31.

отношения во вселенной. По мнению Элиаде, космос — это доминирующее в жизни древнего человека начало. Все значительные жизненные события осмыслились им через уподобление акту космогонии. В вечном неподвижном космосе архаический человек мог существовать в сплошном настоящем, независимом от прошлого и не влекущем за собой закономерного будущего. Жизнь в истории воспринимается Элиаде как принципиально отличный от космического способ существования. Деятельность в потоке времени превращает каждый шаг в неповторимый и решающий, и это не только накладывает на современного человека тяжкое бремя ответственности, но и позволяет ему ощутить себя творцом истории.

Одно из центральных понятий в этой книге, как и во многих других работах Элиаде (например, книгах «Миф и реальность», «Священное и профанное»), — миф. Элиаде дает определение мифа как «священной истории». Миф, по его утверждению, рассказывает о событиях, которые имели место в изначальные времена и связаны с творением мира. В акте творения непременно участвуют сверхъестественные существа — боги, герои, мифические предки, которым люди стремятся подражать; таким образом, миф — единственная подлинная реальность, во всяком случае для первобытного человека. Ведь миф служит прототипом, образцом для всех человеческих обрядов и всех существенных видов профанной (обыденной) деятельности. Автор последовательно раскрывает перед читателем топику мифа, постепенно подводя его к основной идеи книги — специфике мифологического времени. Начинает он вроде бы издалека: со связей между мирским и сакральным. Они осуществляются в контактных зонах: это центр мира — место, где соприкасается небо с землей, и все его символы, прежде всего храмы, обладающие теми же свойствами. Эти связи устанавливаются в истоках времен, когда боги были заняты творением человека и предопределением его судьбы. По ходу выявления связей сакрального и профанного Элиаде уже исподволь подводит своего читателя к мысли о том, что для субъектов мифологического мышления связь между миром человеческим и потусторонним осуществлялась гораздо проще и регулярней, чем впоследствии, в эпоху развитых религий. В христианстве лишь литургическое время является возвращением к истокам и замыкает связь между сакральным и профанным, тогда как древние жители Междуречья верили, что реки Тигр и Евфрат берут начало на небесах, и еще Платон считал, что формы всех земных вещей помещаются в надземной сфере.

Однако не только в непосредственном контакте может осуществляться связь между потусторонним миром и землей. Эта связь может выступать в виде аналогии вторичного первичному, изначальному, т. е. в религиозном сознании земного — небесному. Человеческие творения имеют небесный прототип. Так, на горе Синайской Моисею был дан божественный образец храма. От сакральных прототипов вещей Элиаде переходит к божественным моделям ритуалов и, наконец, к архетипам профанной деятельности. Лишь в конце первой главы Элиаде подходит к понятию истории и показывает как она мифологизируется в первобытном сознании. История в такой интерпретации представляет собой последовательность единичных незакономерных событий, разворачивающуюся в линейном физическом времени. Мифологический человек пытается возвести ее к истокам путем отождествления действующих лиц с мифологическими персонажами или соотнесения отдельных ситуаций с моментами космогонии. Так, мифологическое сознание, с точки зрения Элиаде, сопротивляется истории.

Далее автор развивает и подкрепляет примерами ту же мысль о несовместимости мифологии и истории. Очень разнообразна по материалу и вместе с тем стройна по своей внутренней логике вторая глава книги: «Возрождение времени». Рассматривая ритуал Нового года и другие праздники годичного цикла у разных народов, Элиаде доказывает, что архаическому сознанию чуждо представление о непрерывности времени: время периодически кончается для того, чтобы возвратиться к

истокам и, почерпнув в них силы, начаться сначала. Потому празднике Нового года во всех вариантах так или иначе символизирует когонио. Катастрофа в таком мировоззрении не воспринимается как что окончательное и не ведет к отчаянию — она лишь этап вселенского мирового цикла, подобно тому, как в сказке смерть или уничтожение преходящие, они лишь помогают омоложению для нового рождения.

Выводы, сделанные во второй главе, автор подает не без участия отчетливой положительной оценкой. Он восхищается мифологическим человеком, способным периодически уходить от своего индивидуального прошлого, он завидует его способности совершать очищение путем мены времени. Не так ли Леви-Строс в своих «Мифологиках» находитесь полнотой и имманентностью первобытного сознания, противостояя его дискретному аналитическому мышлению своих современников? И явственным контрастом к мажорному настрою второй главы звучит название третьей: «„Несчастье“ и „история“». Действительно. Элиаде, история равнозначна страданию потому, что она разрушает космос. Ведь строй мифа — это своеобразный миропорядок, воссоздающий тот, который установлен от века богами. Рассказывание может быть своеобразный возврат к истокам, к совершенству, впоследствии лишь нарушавшемуся многократным отступлением от образцов.

Что же такое, в противоположность ему, история? Космосу противостоит хаос. Не просто как альтернатива, оттеняющая совершенство первого, но как активно сопротивляющееся ему начало. Не случайно Элиаде вычленяет в космогоническом мифе борьбу героя-творца с драконом Тиамат, Рахаб²⁵ — все это чудовища, олицетворяющие первоначальный хаос, из их плоти создается мир путем упорядочивания. Они обитают в водной стихии — том самом мировом океане, в котором погибнет человечество во время великой катастрофы — всемирного потопа. Таким образом, пожирающим человека, предстает в книге Элиаде история.

История разворачивается в профанном времени, тем самым она удачена от вышнего мира. Для мифологических народов исторические события не вовсе не существуют, но представляют собой досадные случайности, которые искажают от века существующий миропорядок. И даизм и христианство узаконивают историю, придавая ей конечную цель (мессианизм) и потусторонний смысл (направляющую божественную волю). Если видеть смысл человеческой жизни в пути от греха спасению и ждать воздаяния после смерти в меру заслуг (а еще лучшего божественного милосердия), то можно выдержать существование в истории. Но, когда вера ослабевает, сознание неотвратимости конца непоправимости, уникальности каждого поступка налагает на человека такое бремя безвыходного отчаяния и такую тяжесть ответственности с которой, по мнению Элиаде, едва ли может справиться человеческий психика. Поэтому средневековый крестьянин, не постигавший сути христианского вероучения, продолжал жить в раю архетипов и вечного возвращения. Потому же изверившийся человек ХХ в. приходит вновь к спасительному мифологизму в философских и политических теориях в художественной деятельности.

Таким образом, становление исторического человека, по Элиаде, происходит под влиянием иудео-христианского религиозного комплекса. Кстати, термины «исторический человек» и «историческое общество» приобрели особую значимость в западной научной литературе благодаря Леви-Стросу. У него первобытные (мифологические) общества противопоставляются цивилизованным (историческим) как «холодные» — «горячие». Первые склонны воспроизводить одни и те же архаические структуры, а вторые более подвижны, изменчивы, подвержены прогрессу. Исследуя структуры мифологического сознания, Леви-Строс нигде

²⁵ Тиамат — аккадское женское божество в виде дракона, существовавшее еще с сотворения мира; возглавила войско чудовищ против сонма богов. Рахаб — морское чудовище в древнееврейской мифологии; сопоставима с Тиамат, упоминается в Библии (Исаия, 27,1; Иов, 40,21).

не останавливается на тех формальных и внешних признаках, по которым его «холодные» общества можно отличить от «горячих», полагая существенное различие достаточным. У Элиаде же мифологический и исторический типы сознания противопоставлены по восприятию времени: циклическому или линейному и достаточно конкретно связаны с определенным историческим типом культуры. Мышление и время — вот две области, в которых интересы этих философов от этнографии пересекаются.

Леви-Строс предполагает стадиальную преемственность между двумя типами мышления и существования — мифологическим и историческим. Все народы так или иначе переживают состояние «холодных» обществ и переходят в положение «горячих». Но когда и каким образом осуществляется этот определяющий перелом в развитии, автор не показывает ни в «Структурной антропологии», ни в «Тотемизме сегодня», ни в таком обобщающем труде, как «Мифология». Даже одна из его поздних работ «Как умирают мифы» (1971)²⁶, посвященная, казалось бы, этой тематике, ни в коей мере не дает ответа на поставленный выше вопрос. Напротив, Элиаде концентрирует свое внимание именно на проблеме перехода из мифологического состояния в историческое и прослеживает его очень конкретно вплоть до определенных ритуалов (принесение жертвы Авраамом) и известных построений философии истории (Ориген, Иоахим Флорский)²⁷.

Вместе с тем одна существенная черта объединяет этих двух ученых. Она представляет собой нечто более глубинное и всеобщее, чем научный принцип или идея. Это часть того «коллективного бессознательного», которое одаренные и творческие люди разделяют с прочими своими современниками, но выражают более полно и ярко. Стремление человека в XX в. освоить пространство, уютно обжить вселенную и вместе с тем выпасть из времени, избежать истории сближает Элиаде и Леви-Строса. Последний много внимания уделил пространственным категориям в социуме и мифологии первобытного человека (например, соотношению дуально-родовой организации с планировкой деревни, восхождению к истокам в мифе), но время категорически вынес за скобки в своих работах. Только в «холодных» обществах воплощены логические структуры, потому эти общества гармоничны и устойчивы. История и прогресс нарушают внутреннюю стройность и целостность, поэтому исследования Леви-Строса принципиально внеисторичны. Более того, он считает современного человека не только продуктом, но и жертвой прогресса и призывает к воссозданию архаичных структур во имя достижения новой, высшей гармонии. Критики назвали это «бегством в утопию».

Не так ли Элиаде приводит нам в пример архаического человека, живущего в раю архетипов, и настойчиво выискивает в современной действительности лазейки для бегства от времени: ритуал, театр, игру. Для него тоже история равна хаосу — организует, упорядочивает лишь повтор, исключаемый ею. В этом, кстати, оба следуют нормам музыкального мышления.

Однако наша задача в данной работе заключается не в том, чтобы провести сравнительный анализ идей и концепций этих двух замечательных ученых, а в том, чтобы выявить общие для них и, возможно, типические сферы научных поисков и эпизоды судьбы этнографов нашего века. Элиаде, как никто до него, этнографичен в описании религий. Не говоря уже о том, что он первый вышел за пределы этого термина и уравнял в правах магию, шаманизм, колдовство, монотеизм и культы карго, определив это все как «опыт священного», подлежащий сравнительному изучению. Наибольшее признание у читателей он вызвал тем, что блестяще и убедительно не противопоставил, а сопоставил религиозную мысль Востока и Запада. Но самое главное, он впервые

²⁶ Русский перевод см. в кн. Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 77—88.

²⁷ Элиаде М. Указ. раб. С. 104—106.

сумел описать религию не как сумму эволюционирующих идей и устновлений, но как строй мысли и образ жизни. Подобно ему, Леви-Строй сумел увидеть философию в самом образе жизни первобытного человека. Книги «Тотемизм сегодня» (1962) и «Мышление дикаря» (1964) до предела насыщены действительностью, подлинной жизнью (в противоположность инообытию!) и вместе с тем поднимаются на высший уровень логической абстракции. Поистине:

Как в пустоте кружася твердь,
Наш дух к игре высокой устремлен.
Но помним мы насущности закон:
Зачатье и рожденье, боль и смерть²⁸.

Результатом его исследований явился закон о единстве человеческого разума на всех этапах исторического развития: человек всегда мыслил одинаково «хорошо», но его разум прилагался к разным объектам. Этот закон явился диалектическим отрицанием господствовавшего прежде учения Леви-Брюля о «прелогическом мышлении», в основе которого лежит сопричастность. Тем самым Леви-Строс уравнял в правах логику австралийского аборигена, средневекового схоласта и современного математика, выявив скрытые и величественные закономерности того и другого.

Характерно, что оба ученых в поисках основополагающих категорий культуры и универсалий человеческого мышления обращаются прежде всего к опыту примитивных, «диких» народов и к архаичным мифологическим системам:

Осмыслен, выветрен весь мир в уме,
Всем правит мера, всюду строй царит,
И только в глубине подспудной спит
Тоска по крови, по судьбе, по тьме²⁹.

Судьба, главенствующая над богами и людьми, выступает у Элиаде как персонификация истории. Он настойчиво подчеркивает ограниченность того, кто выступает творцом в истории, по сравнению с древним, воспринимающим себя как творца в космогонии, хотя последнее могло быть только иллюзорным, тогда как первое достаточно часто бывает действительным и целенаправленным. Он обращает своего читателя не в будущее, к еще не познанным возможностям человеческого духа, а в прошлое, в условный рай архетипов и повторений. Мифологизм рассматривается во многих его трудах не только как один из феноменов человеческой культуры, но как некое образцовое состояние психики индивидуума и общества.

И архаика — тот «запретный лес», в который он уводит своих читателей (как и своих героев) от катастрофичности настоящего. Всякое движение, по Элиаде, есть движение к гибели, история неотвратимо ведет к катастрофе, и единственное спасение — верить в то, что она не окончательна, что за ней наступит иное, обновленное бытие.

В ощущении гибельности бытия и стремлении вырваться из времени Элиаде совсем не одинок. Для поколения, пережившего две мировые войны и осознавшего угрозу ядерной катастрофы, такие настроения были очень характерны. Они выражались в самых разнообразных общественных движениях современности: от всевозможного сектантства на основе восточных религий до альтернативистов, «зеленых» и вполне традиционного экуменизма. Стремление противопоставить хрупкости и разобщенности нынешнего существования нечто незыблеблемое и общечеловеческое, будь то природа или вселенская церковь, или духовное единение, стало знамением времени.

Попытки соотнести себя и *universum* (вселенную, всеобщую целостность) отразились в европейском искусстве середины столетия. Их питало настойчивое желание вопреки действительности не чувствовать

²⁸ Стихи Йозефа Кнехта, школьника и студента//Гессе Г. Игра в бисер. С. 420.

²⁹ Там же.

себя потерянным и противостоящим (не все примут цветаевское «Одна в всех — за всех — противу всех» как собственную жизненную позицию), но, напротив, гармонично вписаться в некое единство. Соотнесенность с целым могла принимать глобальные, космические масштабы («Микрокосм» Бартока, летящие во вселенной влюбленные Шагала) или вполне камерные, как в пастернаковском стихотворении:

Столетье с лишним — не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни.
Хотеть, в отличье от хлыща
В его существованья кратком,
Труда со всеми сообща
И заодно с правопорядком.
И тот же тотчас же тупик...

Впрочем, потребность ощутить себя частицей целого носила камерный или глобальный характер не у различных людей, а у одних и тех же применительно к разным ситуациям. Тот же Пастернак вполне косичен в своей музыке и в своей природе, и в ощущении, что он «вечности заложник у времени в плену». А Марина Цветаева в стихотворении «Роландов рог», остающаяся один на один со вселенной, так трагическиammerна в теме сиротства и скитальчества.

Лопушины, ромашный дом, так мало домашний... («Дом»)...

Ибо надо ведь — хоть кому-нибудь
Дома — в счастье, и счастья в дом («Поэма горы»).

И безнадежным итогом звучит в «Поэме конца» —

домом рушащимся,— слово: дом.

Отсутствие соотнесенности с целым в жизни, в непосредственных ощущениях могло компенсироваться не только художественно, но также интеллектуально. Леви-Строс говорит об этом: «Антропология дает мне интеллектуальное удовлетворение, она объединяет на одном полюсе — историю мира, а на другом — историю моего „я“ и выявляет скрытые мотивы того и другого одновременно»³⁰. А Элиаде пишет «Мир, город, дом»³¹, где на многих примерах (в том числе близких нам — из античной, иудейской, христианской мифологических систем) показывает, что в центре мира стоит город, а в центре города — храм (или дом, что в мифологии равнозначно), а в центре дома — человек, обращенный к Богу. И через него проходит мировая ось, он — опора и средоточие вселенной. Но верно и обратное: человек не стоит один на сквозняке истории потому, что вокруг него — дом (храм), а вокруг дома — город и мир — вселенная.

³⁰ Lévi-Strauss C. Op. cit. P. 62.

³¹ The World, the City, The House//Eliade M. Occultism, Witchcraft, and Cultural fashion.

А. Р. А к л а е в

**ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
И ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ
ГРУЗИНСКИХ ГРЕКОВ**

[по материалам исследования
в Цалкском районе]

Среди этнических признаков важнейшее место занимают язык и этническое самосознание. Состояние языка (языков), его функциональная нагрузка в этнической общности определяется как «этноязыковая ситуация». Под последней обычно понимается система социально и функционально распределенных и находящихся в иерархических отношениях языков и их форм (литературный язык, койне, диалект и т. д.), которые существуют и взаимодействуют в данной этнической общности и в отношении которых члены соответствующих языковых коллективов выделяются определенных социальных установок¹.

В данной работе мы предполагаем рассмотреть некоторые особенности взаимовлияния этнического самосознания и языка (субъективного и объективного элементов этнической культуры) на примере во многом уникальной этноязыковой ситуации, сложившейся у греков Грузии. В частности, нас интересует, насколько самосознание опирается на языковые механизмы и в каком направлении происходит взаимодействие этих двух этнических признаков. Для прояснения проблемы мы проанализируем взаимосвязь объективных характеристик этноязыковой ситуации (языковой компетенции и речевого поведения) и субъективных ее составляющих (языковых ориентаций этнофоров, осознания ими родного языка).

Греки Грузии (около 95 тыс., по данным Всесоюзной переписи 1979 г.) представляют собой один из наиболее крупных массивов компактно проживающего на территории СССР греческого населения. В настороннее время в Грузии выделяются три основных ареала проживания греческого населения: Цалкийский (городское и сельское население) и Тетрикаройский (сельское население) районы Грузинской ССР; окрестности Кобулети (Аджарская АССР); окрестности Сухуми в Абхазской ССР (городское население).

Греки Грузии объединяются в две этнолингвистические подгруппы турецкоязычную и грекоязычную. В литературе можно встретить примененное еще в 30-х годах П. Акритасом деление греков Кавказа на «туромов» и «ромеев»², которое отражает эндоэтнонимы этих групп. О эндоэтнонимах восходят к одному и тому же корню (у-рум и ром-ей) и означают, соответственно, на анатолийском диалекте турецкого и греческого греческого — греков-христиан, хотя самоназвание этих двух групп греческого населения и родные языки различаются, можно говорить о

¹ Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М., 1978. С. 1

² Акритас П. Свадебные обычаи абхазских греков//Сов. этнография. 1936. № 4. его же. Греки Кавказа//Народы Кавказа. Т. II. М., 1962. С. 421—435.

ль об их едином (греческом) самосознании. Кроме того, обе группы имеют много общего в традиционной культуре³. Правильнее было бы называть их «турецкоязычные греки» и «грекоязычные греки», или «греко-туркофоны» и «греки-эллинофоны».

Турецкоязычные греки — потомки мигрантов 1813 г. в Цинцкарю Тетрицкарского р-на и в район Триалети в 1929—1931 гг. из равнинных частей Турции⁴. Эти греки, подвергаясь беспощадному феодальному, национальному, религиозному и языковому преследованию в условиях Османской империи, утеряли родной язык и были вынуждены перейти на анатолийский диалект турецкого языка, сохранив православие как этнодифференцирующий признак. До сих пор эта часть греческого населения Грузии в быту пользуется анатолийским наречием турецкого языка.

Первые греки-эллинофоны переселились в 1830—1831 гг. на Цалку основали там в 1832 г. с. Санта. В 1854—1855 гг. в ходе и по окончании Крымской войны в эти же районы Тетрицкарю (с. Ирага, с. Иванови), Триалети (селения Гюмбат, Тарсон, Неон Хараба), а также в Боржомское ущелье (Цихисджвари) и в некоторые пункты близ Батуми переселились и грекоязычные греки-понтийцы. До миграции они жили основном в труднодоступных горных районах Турции и благодаря этому смогли сохранить в условиях османского гнета христианскую религию, родной язык и многие элементы традиционной культуры. Понтийский диалект греческого языка по грамматическому строю и основному лексическому фонду является продуктом ряда эпох. С одной стороны, он сохранил в себе многие элементы древнегреческой грамматики (например, особенности системы именного склонения, глагольных парадигм), с другой — содержит много лексических заимствований из турецкого языка. В совокупности эти черты делают его отличным от обоих вариантов новогреческого языка (димотики и кафаревусы), на котором говорит современное греческое население Греции и Кипра⁵. В отличие от диалекта турецкоязычных греков язык греков-эллинофонов имеет письменность (созданный в начале 1920-х годов упрощенный понтийский греческий алфавит).

После Великой Октябрьской социалистической революции в ходе осуществления культурного строительства во всех сельских районах Грузии, где проживало грекоязычное население, а также в Батуми и Бахуми были организованы школы с преподаванием на новогреческом языке (димотике, несколько приспособленной к особенностям понтийского диалекта). Там учились дети греков-эллинофонов. Дети греко-туркофонов посещали азербайджанские школы. В 1926/27 учебном году в Грузии было 36 национальных греческих школ⁶.

Кадры учителей для греческих (понтийских) школ готовились при Ленинградском университете. Всесоюзное совещание по вопросам культурного строительства среди греков СССР (1926 г.) утвердило упрощение греческого письма (переход от традиционно-исторического к фонетическому принципу орфографии) для облегчения задач школьного преподавания димотики. Такая орфографическая реформа в то время была

³ Этнографическое изучение этнической культуры греческого населения Грузии только начинается. Среди новейших (1970—1980-х годов) работ, посвященных этнографическому описанию греков Грузии, можно отметить работы М. А. Михайлова, в том числе единственную комплексную по характеру: *Михайлов М. А. Культура и быт греков Грузии: Автограф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1982*; а также работы, посвященные описанию отдельных сторон культуры этнической группы греков Грузии: *Волкова Н. Г. У греков Грузии//Полевые исследования Ин-та этнографии АН ГССР. 1974. М., 1975. С. 124—131; Пашаева Л. Б. Семья и семейный быт цалкских греков. Тбилиси, 1972.*

⁴ Переселение произошло в ходе и в результате русско-турецких войн 1806—1812 и 1828—1829 гг. Подробнее о греческой миграции в Грузию с конца XVIII по начало XX в. см.: *Джаошвили В. Население Грузии. Тбилиси, 1968; Каухччвили С. История поселения греков в Грузии. Кутаиси, 1972. (на груз. яз. с рус. резюме).*

⁵ Язык понтийских греков близок языку мариупольских греков. См.: *Чернышев Т. Н. Новогреческий говор Приморского (Үрзуфа) и Ялты. Киев, 1958.*

⁶ Культурное строительство в Грузинской ССР (1921—1982). Т. 1. Тбилиси, 1986. 220.

необходима для ускоренной ликвидации неграмотности. Важно поднять, что по настоящию деятелей греческой культуры СССР, преование в школах с самого начала велось на литературном языке (диалекте)⁷. Ведь греческое население различных регионов страны говорила на близких, но все же отличных друг от друга диалектах, как-то: тицкий диалект греков-эллинофонов Кавказа, диалекты мариупольских греков, новогреческий говор крымских греков, говоры одесских и черноморских греков.

В Ростове-на-Дону с 1925 по 1938 г. работало национальное ское издательство «Коммунистис». В начале 1930-х годов существовало еще одно издательство книг на греческом языке — в Мариуполе. Издательская продукция представляла собой школьные учебники для пяти семилетних школ по основным предметам учебного плана, учебно-дидактические и программные материалы для школьного преподавания греческого языка, переводы русской и советской классики на новогреческий язык, произведения современных прогрессивных греческих поэтов,ших в Греции (К. Варналиса, Я. Рицоса и др.).

Главным печатным органом для всего греческого населения СССР была газета «Коммунистис», издававшаяся греческой секцией ЦК Кавказского крайкома ВКП(б) в Ростове-на-Дону (с 1926 по 1937 г.). В Сухуми выходила газета абхазских греков «Коккинос капна» (1932 г.) (Красный табаковод). На Украине печаталась газета «Коммунистис», журналы на греческом языке (с конца 1920-х до 1937 г.).

В конце 20-х — первой половине 30-х годов происходил подъем культурной жизни причерноморских и особенно кавказских греков. Появились национальные поэты (Г. Костоправ, поэты-сухумцы, греческие гиги на Цалке), проходили смотры-конкурсы греческого народного искусства, в Сухуми был основан Греческий драматический театр, ставивший в переводе на новогреческий язык античные трагедии и драмы современных pontийских просветителей (Ф. Канониди).

В конце 30-х годов в период культа личности и деформаций ленинской национальной политики развитие греческой, особенно pontийской культуры было приостановлено: прекратилась всякая издательская деятельность на греческом языке, закрылись национальные греческие школы, театр. В районах проживания греческого населения были открыты школы с преподаванием на языке основного населения республики (ответственно русском, украинском или грузинском), а с середины 30-х годов — на русском языке. Потребление общественно-политической (газеты) и культурной (книги) информации на греческом языке прервалось для последующих двух поколений. Оказалось в принципе невозможным из-за незнания письменной формы литературного греческого языка. Функционирование устной формы греческих диалектов замкнулось в сфере бытового общения. В Грузии греческое население районов Сухуми и Батуми было выселено с насиженных мест в степные зоны Казбеги. Сельских греков Цалкинского, Тетрицкаройского и некоторых других районов это переселение не затронуло.

В последние два десятилетия среди греков Грузии развернулся кономерный процесс роста национального самосознания, происходящий у всех народов СССР. Это проявляется в усилении интереса к истории и культуре Древней Греции, историческому прошлому кавказских греков, в подъеме духовной культуры, движении за изучение новогреческого языка.

С 1978 г. Цалка стал местом проведения Аристотелевских чтений. Первые чтения были посвящены 2300-летнему юбилею Аристотеля, мечавшемуся по решению ЮНЕСКО во всем мире. Научные конференции по истории древнегреческой философии, истории греко-грузинских и греко-русских культурных связей, организуемые Тбилисским университетом, Институтом философии АН ГССР, журналом «Вопросы философии», стали уже добной традицией и проводятся раз в три года.

⁷ Греческий язык//Большая Советская Энциклопедия. Т. 19. М., 1930.

Примечательным событием последних лет явилось введение в 1981 г. по инициативе сухумских учителей-греков преподавания в школах ряда районов республики и крупных городов, где живет греческое население, новогреческого языка (димотики) как иностранного.

В 1983 г. при Тбилисском ГК ЛКСМ Грузии была организована секция по работе с греческой молодежью, которая готовит вечера интернациональной дружбы, лекции по истории и культуре греческого народа, фестивали детского творчества. В марте 1986 г. по инициативе этой секции состоялся I республиканский фестиваль понтийского народного творчества, в котором приняли участие все самодеятельные ансамбли народной греческой песни и танца республики. В июне того же года сухумский греческий драмколлектив постановкой пьесы понтийского просветителя Ф. Канониди «Трихский мост» возродил после полувекового перерыва традиции театрального искусства понтийских греков.

В июне 1987 г. в Сухуми прошел XI республиканский семинар учителей греческого языка, на котором было решено в порядке эксперимента в ряде школ районов с греческим населением ввести преподавание новогреческого языка по программе и сетке часов, отводимых на дисциплину «родной язык». В 1987/88 учебном году новогреческий язык преподается в 56 школах республики.

Компактные группы и городского и сельского греческого населения в Грузии имеются лишь в Цалкинском районе, где проживают как греки-эллинофоны, так и греки-туркофоны. Можно с уверенностью предполагать, что этноязыковые процессы в среде греков Цалкинского района отражают тенденции, свойственные греческому населению Грузии в целом. Именно поэтому данная группа была выбрана нами в качестве объекта этносоциологического исследования, проведенного осенью 1987 г. По данным переписи 1979 г., население района составляло 49,3 тыс. чел. Национальный состав: греки — 62,5% (30,8 тыс.), армяне — 28,4 (14,0 тыс.), азербайджанцы — 4,5 (2,3 тыс.), грузины — 3,4% (1,7 тыс.). Важно отметить, что поселения здесь в целом однородны в этническом отношении. Из 39 сел района 24 греческих, 12 армянских, 4 — азербайджанских, 1 — грузинское, 2 — смешанных (армяно-греческое и грузинско-греческое). В г. Цалка подавляющее большинство жителей (96%) — греки. В поселке городского типа Храмгэс население смешанное (армяно-греческое).

При проведении обследования наряду с наблюдением использовались методы этносоциологического опроса (анкетирование и стандартизированное интервью) и анализ статистических данных. Цель обследования заключалась в том, чтобы выяснить соотношение объективных (языковая компетенция, речевое поведение) и субъективных (языковые ориентации) характеристик этноязыковой ситуации. Разработанный нами опросный лист содержал 109 вопросов, сведенных в блоки: так называемая «объективвка» (вопросы, фиксирующие пол, возраст, образование, профессию, род занятий, семейное положение респондента); блок вопросов о языковой компетенции, речевом поведении и языковых ориентациях; этнопсихологический блок (вопросы о национальном самосознании респондентов); блок вопросов, посвященный отношению к межэтническим контактам; этнокультурный блок (вопросы об этнических предпочтениях и ориентациях в культуре).

В ходе обследования было опрошено 340 человек, что составляет более 1% генеральной совокупности. В основу выборки был положен принцип случайного отбора единиц наблюдения внутри социально-профессиональных квот. Опрос проводился среди греков-городской райцентра Цалка, жителей турецкоязычных греческих сел Бешташени и Имера и грекоязычных сел Санта и Неон Хараба. Выбранные для обследования села, средние по численности населения, были одними из первых греческих сел, основанных переселенцами на Цалке в XIX в.

Полученный в результате обследования материал был сведен нами в таблицы, которые мы рассмотрим ниже. Реальным языковым процессам в среде греческого населения Цалкинского района посвящены дан-

Таблица 1

Языковая компетенция цалкинских греков, % к числу опрошенных

Степень владения языком (устной формой)	Город		Село			
	Работники умственно- го труда	Работники физическо- го труда	турецкоязычное		грекоязычное	
			Работники умственно- го труда	Работники физическо- го труда	Работники умственно- го труда	Работники физическо- го труда
Греческий язык говорят свободно	10,0	6,6	—	—	93,5	80,6
говорят с трудом	31,4	4,7	17,3	24,4	6,5	15,3
вообще не говорят	58,6	88,7	82,7	75,6	—	4,1
Турецкий язык говорят свободно	87,9	83,0	94,2	97,8	83,8	61,2
говорят с трудом	10,8	12,4	5,8	2,2	16,2	36,7
вообще не говорят	1,3	4,6	—	—	—	2,1
Русский язык говорят свободно	94,5	68,5	91,5	42,2	93,5	51,4
говорят с трудом	5,5	21,3	8,5	41,2	6,5	38,2
вообще не говорят	—	10,2	—	16,6	—	10,4
Грузинский язык говорят свободно	25,0	17,9	11,4	4,4	6,5	10,4
говорят с трудом	63,0	56,0	62,8	57,8	61,3	42,7
вообще не говорят	12,0	26,1	25,8	37,8	32,2	46,9

Таблица 2

Функционирование языков в различных сферах общения (% к числу опрошенных)

Язык преимущественного общения	Город		Село			
	Работники умственно- го труда	Работники физическо- го труда	турецкоязычное		грекоязычное	
			Работники умственно- го труда	Работники физическо- го труда	Работники умственно- го труда	Работники физическо- го труда
В семье						
греческий	4,3	2,3	—	—	76,1	85,6
турецкий	42,4	70,8	68,6	91,1	4,6	10,3
русский	34,8	14,6	21,2	8,9	15,2	4,1
грузинский	3,3	3,4	—	—	—	—
греческий и русский	—	—	—	—	10,8	9,1
турецкий и русский	15,2	8,9	10,2	7,6	—	—
На работе						
греческий	—	—	—	—	22,5	85,7
турецкий	10,9	58,4	17,1	95,5	—	18,3
русский	58,7	28,5	70,5	4,5	77,6	6,1
русский и греческий	—	—	—	—	16,2	—
русский и турецкий	30,4	13,1	12,4	—	—	—
На собрании						
греческий	—	—	—	—	19,4	32,6
турецкий	4,3	7,8	20,3	31,1	—	—
русский	95,7	92,2	79,7	68,9	80,6	67,4
Язык преимущественного чтения книг и газет						
греческий	5,4	—	—	—	7,6	—
русский	92,4	100,0	92,6	100,0	92,4	100,0
грузинский	2,2	—	7,4	—	—	—

ные табл. 1 и 2. Они показывают, что на момент опроса можно четко выделить три варианта языковой ситуации: ситуация, характерная для сельских греков-туркофонов; ситуация, характерная для сельских греков-эллинофонов; ситуация в г. Цалка.

Для турецкоязычных греческих сел типично широкое распространение турецко-русского двуязычия при слабом знании грузинского и почти

полном отсутствии языковой компетенции в области греческого языка. Языковой кругозор шире у работников умственного труда.

Турецкий язык используется как в семье, так и на производстве, в общественной жизни. Но в семейной сфере он распространен гораздо шире, особенно у работников физического труда. В трудовой сфере для работников умственного труда основным является русский язык, для работников физического труда — турецкий. Это связано с национальным составом трудовых коллективов, необходимостью вести делопроизводство и прочими экстралингвистическими условиями. Важнейшей сферой функционирования русского языка в среде турецкоязычных сельских греков является потребление культуры (грузинский язык в этой сфере используется лишь интеллигенцией, и то сравнительно мало). Это объясняется тем, что русский — язык школьного обучения, а анатолийский диалект турецкого языка, используемый цалкинскими греками-туркофонами, не имеет письменности.

В среде горожан Цалки (бывшее турецкоязычное село Бармаксыз) языковая ситуация сходная. Вместе с тем имеющиеся незначительные различия весьма характерны. При общем высоком уровне турецко-русского двуязычия здесь шире, особенно в среде работников умственного труда, распространены грузинский и греческий языки. В городе менее заметны (хотя пока еще сохраняются) различия между работниками умственного и физического труда в степени владения функционирующими в районе языками (турецким, греческим, русским, грузинским).

Турецкий язык используется в основном в семейной сфере (хотя и здесь среди интеллигенции постепенно вытесняется русским), меньше — на производстве и еще меньше — в общественной жизни горожан. В культурной жизни русский язык не имеет конкурентов; лишь незначительная доля жителей Цалки читает газеты и журналы на греческом и грузинском языках.

Существенно отличается ситуация в грекоязычных селах Цалкского р-на: здесь реальностью является греческо-русско-турецкое трехъязычие (в наибольшей степени распространенное среди работников умственного труда). Грузинский язык распространен в грекоязычных селах в наименьшей степени. Социально-профессиональные различия в употреблении родного и русского языков отражают тенденцию, отмеченную для горожан и жителей турецкоязычных сел (большая степень употребляемости русского языка в быту, на работе и в общественной жизни работниками умственного труда). Греческий язык в большей мере удовлетворяет потребности семейно-бытовой сферы, русский занимает прочные позиции на производстве, в общественной и культурной жизни. Частично языком культуры — для интеллигенции — является и греческий. Турецкий язык, который знают многие жители грекоязычных сел наряду с русским, используется как средство общения с греками-туркофонами соседних греческих сел, которые преобладают в районе.

Таким образом, можно выделить три варианта языковой ситуации у современного греческого населения Цалкинского района ГССР. К сожалению, наши данные относятся лишь к одному временному срезу. Обычно для выявления тенденций изменения в социологии используются повторные обследования. Пока мы не имели возможности повторить опрос через какой-либо значительный промежуток времени. Однако, как мы полагаем, полученные нами материалы имеют определенные прогностические возможности, подкрепляемые данными о языковых ориентациях респондентов.

Языковые ориентации различных социально-профессиональных групп изучались по ответам на вопросы о родном языке респондента и на прективный вопрос о том, каким языком желал бы овладеть информатор. Этот аспект языковой ситуации, как показали результаты опроса, тесно связан с национальным самосознанием.

Прежде чем перейти к анализу данных о родном языке и языковых предпочтениях цалкинских греков, нам представляется целесообразным подробнее осветить категорию «родной язык». В отечественной литерату-

Табл.

Представления о родном языке у цалкинских греков, % к числу опрошенных

Считают родным языком	Город		Село			
	Работники умственного труда	Работники физического труда	турецкоязычное		грекоязычное	
			Работники умственного труда	Работники физического труда	Работники умственного труда	Работники физического труда
Греческий	36,9	23,8	37,1	13,3	96,8	88
Турецкий	14,1	15,7	34,2	17,4	—	—
Русский	38,0	58,2	25,8	64,4	3,2	44
Грузинский	3,3	2,3	2,9	4,9	—	—
Греческий и турецкий	7,7	—	—	—	—	—

Табл.

Языковые ориентации цалкинских греков, % к числу опрошенных *

Предпочли бы овладеть или улучшить знание языка	Город		Село			
	Работники умственного труда	Работники физического труда	турецкоязычное		грекоязычное	
			Работники умственного труда	Работники физического труда	Работники умственного труда	Работники физического труда
Греческого	96,7	82,8	100,0	80,4	93,2	88
Турецкого	—	—	—	—	—	—
Русского	25,0	24,6	37,1	33,3	48,4	40
Грузинского	7,6	4,6	8,6	2,2	9,7	8
Иностранныго	16,3	2,3	11,4	—	12,7	—

* В таблице сумма показателей в столбцах не составляет 100%, так как анкетой был предложен выбор нескольких позиций ответа на данный вопрос.

туре пока нет единства мнений о трактовке этого понятия⁸. Нам близка точка зрения В. В. Пименова: «Ответ информатора на вопрос о родном языке содержит в себе данные об одной из субъективных сфер этнической жизни. Он говорит не только о реальном языковом поведении и об эмоциональном отношении к национальному языку, о ценностях. Ориентации по этому поводу, о признании или непризнании языка им, близким, одним словом, родным»⁹. Принципиальное значение им вскрыта М. Н. Губогло этнopsихологическая сущность понятия «родной язык», тот факт, что данное понятие отражает не столько реальное пространение и функционирование языка: когда, с кем, о чем, как часто по какому поводу и как долго разговаривает человек, на каком языке он пишет, читает, думает,— сколько его субъективную значимость: с помощью языка человек выражает свою принадлежность к определенной нации или национальности¹⁰.

Эвристичность этого подхода при изучении языковых процессов демонстрируют данные о языковых ориентациях цалкинских греков (табл. 3, 4).

Первое, что привлекает внимание в указанных таблицах: среди опрошенных в г. Цалка и в турецкоязычных селах признает родным греческий язык большее число лиц, чем число тех, кто реально может говорить по-гречески. Некоторые греки Цалкинского р-на, объективно владеющие греческим языком, субъективно признают его родным, что означает, что этническое самосознание в таком случае игнорирует объективную языковую ситуацию. Оно обращено к прошлому, к тому периоду истории, когда для всех греков был один «объективно родной»

⁸ Обзор различных точек зрения см.: Козлов В. И. Динамика численности греков в Удмуртии. М., 1969. С. 48—56.

⁹ Пименов В. В. Удмурты. Л., 1977. С. 94—95.

¹⁰ Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984. С. 11

язык» («язык колыбели») — греческий. Но тем самым этническое самосознание апеллирует и к будущему. «Языковая ностальгия» (эмоциональный элемент этнического самосознания) ориентирует на возрождение греческого языка. Ориентация на новогреческий язык присутствует в самосознании как турецкоязычных греков, так и греков-эллинофонов. У последних она выражается в желании улучшить знание греческого языка, в первую очередь — овладеть его письменной формой (см. табл. 4).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что субъективная значимость «родного» греческого языка относительно выше для работников умственного труда. В литературе уже давно стал признанным тезис о роли интеллигенции в формировании и сохранении этнического самосознания в современных условиях. Он находит подтверждение и на материале греческого населения Грузии. Именно интеллигенция в наибольшей степени осознает и выражает социальный интерес к развитию национальной культуры. А так как она может существовать, развиваться и передаваться межпоколенно преимущественно при помощи национального языка, этот социальный интерес приобретает национальную определенность, становится национальным интересом, активной частью национального самосознания.

В свете вышесказанного не вызывает удивления место турецкого языка — объективно самого распространенного в среде цалкинских греков — в этническом самосознании. Он осознается как чужой, «неродной», навязанный народу. При контактах с греками-эллинофонами у грекатюркофона этот язык вызывает чувство своего рода «этнической неполноты». Признать язык родным — это значит осознать его, пусть и на обыденном уровне, в качестве национальной ценности. Вполне очевидно, что язык бывших угнетателей (турок) не может иметь такого статуса.

Основная часть турецкоязычного греческого населения, не знающая греческого языка, в качестве родного указывает русский, язык школьного обучения, приобщения к советской и мировой культуре, ставший родным (или вторым родным) языком за время, прошедшее после переселения греков из Турции в Грузию. Следует отметить, что это больше свойственно работникам физического труда, менее ориентированным на национальные ценности, потребности, интересы. Русский язык занимает второе (после греческого) место по престижности, субъективной значимости. При этом стремление овладеть русским языком больше выражено у работников умственного труда (табл. 4), что подчеркивает роль русского языка как языка потребления культуры. Это желание в большей мере свойственно грекам-эллинофонам, не испытывающим «языковой ностальгии» по утраченному языку предков. Следующее место на шкале ценностей для работников умственного труда занимает иностранный язык, а для работников физического труда — грузинский.

В свете сказанного очевидно, что для цалкинских греков язык является важным фактором формирования этнического самосознания, более того — национальным символом. Специфика ситуации заключается в том, что этноинтегрирующую роль выполняет не объективный этнический признак, не реально функционирующий язык, а субъективный элемент — представления о родном языке и ориентации на греческий язык, которым значительная часть этнической группы не владеет.

Конечным результатом обратного воздействия самосознания на языковые процессы может стать регенерация греческого языка, создание заново адекватной языковой основы этнического самосознания.

Интересно отметить, что возрождаемый самосознанием язык — вариант димотика новогреческого языка — не соответствует утраченному в ходе этнической истории понтийскому диалекту греческого языка. Это объясняется тем, что именно новогреческий язык (функционирующий в Греции и на Кипре) имеет адекватную развитому современному языку культурную экологию и перспективу дальнейшего развития. Димотика, в отличие от понтийского диалекта, является литературным языком, нор-

мированным грамматически и кодифицированным лексически, и в силу этого принципиально способна быть предметом школьного изучения языковая нормированность делает возможными полифункциональность культурный прогресс языка (прежде всего возникновение литературно традиции). В противном же случае язык обречен на функционирование исключительно в обиходно-бытовой сфере и фольклоре.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о прогнозировании этноязыковой ситуации, направлении языковых процессов у цалкинских греков — шире — греков Грузии. Вполне очевидно, что субъективно назревшая тенденция к широкому распространению греческого языка среди всего греческого населения республики, в том числе и среди турецкоязычных греков. Для последних димотика на первых порах будет языком-символом и одним из языков культуры и лишь впоследствии, возможно, распространится в сфере непосредственной коммуникации (семейно-бытового общения, производственного общения). Можно с уверенностью предположить, что в наибольшей степени этот процесс охватит социальную продвинутые группы населения — горожан, интеллигенцию. Непременными условиями для широкого распространения греческого языка являются превращение субъективных ориентаций в объективную деятельность, материализация культурных интересов в этой деятельности — внедрение греческого языка в школьное обучение как родного, развитой культуры, ее институтов (например, издательского дела, театра) на этом языке. Указанные условия сейчас начали постепенно складываться. Так на XXVII съезде Коммунистической партии Грузии отмечалось: «Целенуглубленно занимался вопросами развития грузинского, абхазского, осетинского, армянского, азербайджанского, греческого языков»¹¹.

Материалы нашего исследования дают возможность прогнозировать сокращение числа носителей турецкого языка, ограничение сфер его применения в первую очередь домашним общением. В этом процессе особое значение имеют два фактора: субъективный (непопулярность языка, отсутствие связанных с ним позитивных ценностных ориентаций) и объективный (отсутствие на анатолийском диалекте этого языка письменности). Вместе с тем, вероятно, на селе турецкий язык будет уединяться более длительное время, чем в урбанизированной среде.

Если греческий и турецкий языки у греков Грузии будут развиваться согласно нашему предположению, то к русскому языку на определенное время перейдут некоторые функции турецкого языка, в первую очередь обеспечение коммуникации между представителями двух этнолингвистических подгрупп греческого населения. Этому будет способствовать протекающий процесс повышения уровня образования, языковой компетенции в области русского языка. Вместе с тем русский язык сохранит свою функциональные роли как язык общественной (а во многом и трудовой) жизни, один из языков образования, как важнейшее средство приобщения к достижениям советской и мировой культуры, как язык межнационального общения в широких масштабах.

Наиболее неопределенны роль и степень распространенности языка основной национальности республики — грузинского — среди цалкинских греков. Современная ситуация — узкое распространение языка, его невысокая субъективная значимость — объясняется, как мы полагаем, компактностью расселения греков Цалкинского района, а также тем, что соседствует с ними в основном негрузинское население. Если эти условия сохранятся, с одной стороны, и если в остальных районах Грузии будет развиваться грузинско-русское двуязычие — с другой, то время греко-грузинское двуязычие на Цалке достигнет больших масштабов. В то же время в других районах проживания греческого населения ГССР, особенно дисперсного в крупных городах республики, греко-грузинское двуязычие будет расширяться.

Хотя греческое население Грузии издавна проживает в многоэтническом окружении, оно сохранило четкое этническое самосознание и

¹¹ Заря Востока. 1987. 25 января.

Таблица

Элементы этнической идентификации цалкинских греков, % к числу опрошенных *

Что роднит, сближает со своим народом	Город		Село			
	Работники умственного труда	Работники физического труда	турецкоязычное		грекоязычное	
			Работники умственного труда	Работники физического труда	Работники умственного труда	Работники физического труда
Общность происхождения, исторических судеб	76,1	59,5	80,0	64,4	67,7	44,9
Наличие родственников, друзей среди греков	57,6	56,2	82,9	62,8	12,9	46,9
Общий язык	29,3	8,9	24,4	17,7	96,8	83,7
Обычаи, обряды, традиции	34,4	52,8	31,4	91,1	35,4	30,6
Песни, танцы, музыка	39,1	17,9	45,7	44,4	19,4	51,0
Общность веры, религия	14,1	34,8	8,6	89,3	9,7	12,2

* В таблице сумма показателей в столбцах не составляет 100%, так как анкетой был предусмотрен выбор нескольких позиций ответа на данный вопрос.

подверглось какой-либо ассимиляции. Стремление же «регенерировать» греческий язык как объективное обоснование этнической самоидентификации проявилось с особой силой лишь в последние десятилетия. На каких же факторах базировалось и продолжает базироваться этническое самосознание в настоящее время (ибо возрождение языка еще не осуществилось)? На что опирается этническое самосознание, если отсутствует родной язык как объективный (а не только субъективно осознаваемый) этнический интегратор, стабилизатор этничности?

Для ответа на эти вопросы рассмотрим данные о месте, занимаемом языком среди других признаков этнической идентификации в различных этнолингвистических средах греческого населения Цалки (табл. 5). Дифференциация этих признаков по интенсивности проявления этнодифференцирующей функции может служить основой для различных истоков этнического самосознания двух этнолингвистических подгрупп.

Если в ответах греков-эллинофонов среди факторов этнической идентификации в обеих социально-профессиональных группах первенство имеет язык, то в городе и турецкоязычных селах (т. е. в среде греков-туркофонов) объективно функционирующий язык (турецкий) занимает среди признаков идентификации последнее или предпоследнее место. Ведущую же роль играют представления об общности происхождения и исторического прошлого, о конфессиональной общности и общности традиций. Иными словами, субъективный фактор компенсирует в самосознании греков-туркофонов отсутствие интегрирующей роли объективного языкового фактора.

Весьма показательно, что многие информаторы, особенно среди греков-туркофонов, отметили именно религию как важный этнический интегратор. В целом фактор религии можно рассматривать как часть общности исторического прошлого, ибо в конечном счете причиной утраты языка у турецкоязычных греков исторически было именно стремление сохранить свою веру, которая дифференцировала их в этническом и культурном отношении от массы турецких поработителей и вместе с тем являлась своего рода этническим символом, интегратором и стабилизатором общности. Именно на этом длительное время сосредоточивались национальные интересы pontийских греков. Не случайно центром притяжения греческой миграции стала православная Грузия. Этот пример еще раз свидетельствует об исключительной роли национальных интересов в структуре национального самосознания и их активном статусе. Национальный интерес (осознанная потребность сохранения национальной общности, ее куль-

турной целостности и специфики) как часть национального самосознания и является тем активно действующим элементом, который выступает проводником обратного влияния самосознания на объективную реальность, в том числе и на компонентную структуру этноса.

На современном этапе социально-экономического развития кавказских греков в связи с ростом их образовательного уровня, изменениями в материальных и духовных условиях образа жизни, в том числе и снижением значения религии в духовной жизни народа (а следовательно и ослаблением ее этнодифференцирующей функции), в связи с универсальным процессом перемещения этнической специфики из области традиционно-бытовой культуры в сферу психологическую, и прежде всего в область духовной культуры, ведущую роль приобретают такие национальные интересы, как развитие и совершенствование национальной духовной культуры. Но ее полноценное развитие невозможно вне форм профессионального искусства и литературы, которые в качестве своего материального субстрата требуют опоры на развитый национальный язык. Таким образом, национальный интерес греческого населения Грузии оказывается связанным в первую очередь с национальным языком¹² и, поскольку фактически такой язык отсутствует, национальный интерес способствует возрождению утраченного языка. Но пока этого не произошло, национальному языку придается роль этнического символа, эмоционально окрашенной ценности, что и было зафиксировано в материалах нашего обследования.

На примере pontийских греков мы видим, что среди малых народов в настоящее время происходят те же процессы, которые характерны для крупных этносов. В частности, как показали результаты сравнительных этносоциологических обследований различных наций нашей страны, проведенных Сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР, ориентация на свой родной язык не уменьшается, а иногда даже усиливается (например, у эстонцев, грузин и др.), доминируя в самосознании среди прочих этнических ценностей¹³.

Для многонационального социалистического государства необходимо оптимальное соединение национальных интересов, в том числе и в плане языковой политики. В Новой редакции Программы КПСС отмечается, что партия и в дальнейшем будет обеспечивать «свободное развитие и равноправное использование всеми гражданами СССР родных языков»¹⁴.

Рассмотренный нами материал о соотношении языка и этнического самосознания у цалкинских греков позволяет дополнить наши представления о некоторых особенностях взаимовлияния этнического самосознания и языка среди этнических признаков. Во-первых, национальное самосознание не всегда опирается на язык как на объективный этнический признак. Оно может опираться на языковый фактор и как на возрожденный элемент культуры, а пока возрождение языка еще не завершено языковый фактор может служить опорой самосознания в виде субъективных представлений о языке — символе этничности. Тенденцией такого процесса в любом случае является создание объективной языковой основы для самосознания. При этом язык выступает как явление «вторичной культуры». Во-вторых, в механизме обратного влияния национального самосознания на свою объективную базу роль движущей силы играют национальные интересы.

¹² Т. е. единственным, кодифицированным, литературным.

¹³ Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

¹⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 157.

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
СРЕДИ АРМЯН ГРУЗИНСКОЙ ССР
[по материалам переписей населения
1926—1979 гг.]**

В исторической литературе армяно-грузинские связи освещены достаточно широко, что обусловлено как вековым добрососедством, так и близостью исторических судеб двух народов. Исключение составляют этнические контакты и этнические процессы в советский период. Армянское население на территории Грузии, которое ныне является одной из наиболее крупных групп армян за пределами Армянской ССР, весьма слабо изучено этнографами. Исследования на эту тему буквально единичны¹. В представленной работе на основе материалов четырех переписей населения СССР (1926, 1959, 1970 и 1979 гг.) рассматриваются этнодемографические и этноязыковые процессы среди армян Грузии в советский период².

В Грузинской ССР армяне проживают довольно компактно: в столице республики, центральных, южных и юго-западных районах, в пределах Абхазской и Аджарской АССР. Армянское население в пограничных с Армянской ССР сельских районах Грузии является продолжением основного этнического массива, и для него понятие «этнодисперсная группа» имеет в определенной степени условный характер³. В Кахети, Абхазии и Аджарии живут потомки армян-переселенцев.

В 1926 г. в Грузинской ССР проживало свыше 300 тыс. армян, что составляло тогда 23,0% армян Закавказья (табл. 1). Кроме Тифлисского уезда, где насчитывалось около 130 тыс. армян (или 41,9% армян Грузии), армяне компактными группами проживали еще в шести уездах: Ахалкалакском (18,8%), Горийском (8,3%), Ахалцихском (5,1%), Борчалинском (4,9%), Сухумском (4,7%), Батумском (3,4%).

В 1926 г. среди армян Грузии была довольно высокой доля лиц, поддержанных в той или иной степени языковой ассимиляции: армянский язык в качестве родного⁴ называли лишь 74,4% (табл. 2). Для сравнениякажем, что тот же показатель для армян Армянской и Азербайджанской ССР в 1926 г. был равен соответственно 99,9 и 96,1%. Ведущим элементом языковой трансформации был переход на грузинский язык, что обуславливалось рядом обстоятельств, в частности смешанными браками. Н. Г. Волкова, считая грузино-армянские браки (обычно муж — рузин, а жена — армянка) наиболее традиционными и часто встречающимися среди межнациональных браков в Грузии, пишет: «Нередки случаи, когда женщины-армянки, прожив более 50 лет в грузинском окружении, забывали армянский язык, начинали говорить только по-грузински, который со временем становился их родным языком, а тем более — их детей и внуков»⁵. Тот же автор приводит много примеров того,

¹ Волкова Н. Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв. // Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). Вып. 4. М., 1969; ее же. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978; Ер-Саркисянц А. Е. Современный быт армян Абхазии // КЭС. Вып. 8. М., 1984; Чумашов М. Ю. Армяне Абхазии (к проблеме стабильности этнодисперсной группы) // Малые дисперсные этнические группы в европейской части СССР. М., 1985.

² Статья имеет постановочный характер. Армянское население различных историко-этнографических областей Грузинской ССР обладает своей спецификой: разной степенью проживания, формами расселения, территориальной и исторической удаленностью Армянской ССР и т. д. Это накладывает отпечаток на процессы этнической трансформации. Мы отмечаем здесь наиболее общие тенденции и закономерности.

³ См. Галстян А. П. К изучению этноязыковых процессов в дисперсной группе по материалам армянского населения Грузинской и Азербайджанской ССР // Материалы II Международного симпозиума по армянскому языку. Ереван, 1987. С. 57.

⁴ О неоднозначности термина «родной язык» в материалах переписей населения см. Брук С. И., Козлов В. И. Вопросы о национальности и языке в предстоящей переписи населения // Вестн. статистики. 1968. № 3.

⁵ Волкова Н. Г. Этнические процессы в Грузинской ССР... С. 53.

Табл

Динамика численности армянского населения Грузинской ССР (по данным переписи населения в 1926—1979 гг.)

Год переписи	Численность населения, человек		Доля армян в составе населения республики, %	Доля городского населения среди армян, %	Рост всего населения республики между переписями, %			Рост армянского населения между переписями, %		
	ГССР в целом	армян			в целом	городское	сельское	в целом	городское	сельское
1926	2 644 207	307 018	11,6	48,7	—	—	—	—	—	—
1959	4 044 045	442 916	10,9	54,7	152,9	291,1	112,1	144,3	162,1	127
1970	4 686 358	452 309	9,6	56,4	115,9	135,6	105,0	102,1	105,2	98
1979	5 014 771	448 000	8,9	58,3	106,7	116,2	98,7	99,0	102,1	95

Примечание. Источники для расчетов к данной и следующей таблице: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XIV. ЗСФСР. М., 1931. Грузинская ССР. С. 8—29; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Грузинская ССР. М., 1963. С. 133—139; Итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1970 г. Т. 2. С. 253—258; Численность и состав населения СССР. По материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 124.

Табл

Языковая динамика среди армян Грузинской ССР (1926—1979 гг.)

Год переписи	Численность, человек	Родным языком считают, %			Владеют вторым языком, %	
		армянский	русский	грузинский	русским	грузинским
1926						
Армянское население в целом	307 018	74,4	1,5	24,1	—	—
В том числе						
городское	149 543	76,1	3,6	20,3	—	—
сельское	157 473	70,4	1,9	27,7	—	—
1959						
Армянское население в целом	442 916	82,3	7,5	10,0	—	—
В том числе						
городское	242 266	74,5	19,0	12,3	—	—
сельское	200 650	91,6	0,9	7,2	—	—
1970						
Армянское население в целом	452 309	84,7	8,0	7,3	35,8	11,4
В том числе						
городское	255 115	76,1	13,7	10,1	43,0	17,8
сельское	197 194	95,9	0,7	3,3	25,7	3,1
1979						
Армянское население в целом	448 000	83,3	9,3	7,4	41,8	13,7
В том числе						
городское	261 184	74,6	15,1	10,2	50,2	18,4
сельское	186 816	95,4	0,9	3,6	29,6	9,4

как дети от смешанных браков не только считали родным грузинский язык, но и совсем не владели армянским⁶.

Считая национально-смешанные браки одним из сильнейших факторов этнодемографических и этноязыковых процессов среди армян Грузии, отметим, что на ход этих процессов влияли и другие обстоятельства: численность и время проживания армян в каждом регионе, вид расселения и тип населенного пункта, наличие действующих на армянском языке культурно-образовательных учреждений и т. д.

Данные переписи населения 1926 г. свидетельствуют, что среди армян-горожан в Грузии языковая ассимиляция протекала несколько медленнее, чем среди сельского населения. И это несмотря на то, что города Грузии, и в первую очередь Тифлис, где было сконцентрировано боль-

⁶ Там же.

шинство городского армянского населения республики, были многонациональными.

Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: как известно, в городах этнокультурные процессы, в особенности переход на язык окружающего населения, протекают быстрее. По всей вероятности, огромное значение в сохранении своего языка у армян-горожан в Грузии принадлежит самому Тифлису. Он играл специфическую роль для армянского народа на протяжении всего XIX и начала XX в.

До установления Советской власти Тифлис был административным, политическим и культурным центром не только Грузии, но и всего Закавказья. Армянская колония города была одной из самых многочисленных⁷. Уже со второй половины XIX в. армянская буржуазия играла ведущую роль в экономической жизни города; по подсчетам Ш. Чхетия, приблизительно 2/3 торгово-промышленного класса Тбилиси составляли армяне⁸. В городе функционировала разветвленная сеть школ с преподаванием на армянском языке, издавались армянские газеты и журналы, действовали театры, существовали кварталы, исключительно заселенные армянами. Все эти обстоятельства способствовали сохранению внутриэтнических контактов и сфер использования армянского языка. Такая этнолингвистическая ситуация в Тифлисе сохранялась некоторое время и после установления Советской власти, пока столица Армянской ССР Ереван окончательно не сформировалась как главный общественно-политический и культурный центр армянского населения нашей страны.

Материалы переписи населения 1926 г. содержат ценные сведения об образовательном уровне жителей Грузии. По этим данным можно судить не только о степени грамотности, но и составить косвенное мнение о распространении дву- и многоязычия.

Уровень грамотности среди армян Грузии в 1926 г. был весьма высок (38,7%) и почти не уступал соответствующему показателю у грузин, чей образовательный уровень был тогда одним из самых высоких в стране. Заметные различия существовали, однако, между городским и сельским армянским населением. Среди армян-горожан грамотных было 49,2% (в Тифлисе – 51,3%), а среди сельских жителей – только 28,9%; 13,7% армян Грузии были грамотны на русском языке. Если предположить, что армяне, обученные грамоте на русском языке, могли так или иначе владеть своим этническим языком, то мы получаем отправную точку для определения минимального уровня распространения армяно-русского двуязычия в первые годы после революции.

Что же касается армяно-грузинского двуязычия, то оно имело несравненно более широкое распространение и сильные традиции. В источниках сохранилось множество упоминаний о массовом характере армяно-грузинского двуязычия в XIX в.⁹ Если учесть, что в 1926 г. доля армян, указавших в качестве родного языка грузинский, достигала 24,1% (см. табл. 2) и если предположить, что эти армяне на том или ином уровне владели своим этническим языком, то, значит, не менее 1/4 армянского населения республики было носителем армяно-грузинского двуязычия.

Этот вывод подтверждается полевыми материалами, собранными автором в 1981–1982 гг. в Тбилиси, Марнеульском, Дманисском, Болни-

⁷ Сказанное в особенности относится к XIX в., на протяжении которого армяне составляли самую заметную часть населения в городе. По данным подворной переписи, проведенной в 1821 г., в Тифлисе насчитывалось 2591 дымов армян и 417 дымов грузин и русских. См. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898. С. 53. В 1897 г. доля армян и грузин составляла 29,5 и 25,8%. См. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69. СПб., 1902. С. 2. По переписи 1926 г. эти цифры соответственно равнялись 34,1 и 38,2%. См. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XIV. ЗСФСР. М., 1931. Грузинская ССР. С. 14.

⁸ Чхетия Ш. Армяне в Тбилиси в 60-х годах XIX в. // Историко-филологический журнал. 1958. № 3. С. 161–167.

⁹ См., например: Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 260–261; Тифлис по однодневной переписи 25 марта 1876 года // Сборник сведений о Кавказе. Т. VI. Тифлис, 1880. С. 45.

ском и Шаумянском районах Грузинской ССР. В ходе опросов выяснилось, что среди мужчин старше 60 лет доля лиц, вообще не владеющих грузинским языком, очень незначительна. Среди женщин старшего возраста значительная часть также в той или иной степени владела языком основного этноса республики.

Если данные переписи 1926 г. обобщают результаты этнодемографических и этноязыковых процессов в досоветский период и в первые годы Советской власти, то перепись 1959 г. позволяет проследить ход этих процессов в период строительства социализма.

За период 1926—1959 гг. общий прирост армянского населения составил 44,3% (в целом по Грузии — 51,8%). Больше половины армян республики были горожанами, т. е. степень урбанизированности среди них продолжала расти на фоне некоторого общего уменьшения доли армян в составе населения Грузии (с 11,6 до 10,9%). В городах прирост численности в период между переписями был значительно выше, чем в сельских районах, несмотря на традиционно высокую рождаемость армянского сельского населения. Относительно высокий прирост армян в городах и более низкий в селах объясняется, по-видимому, двумя обстоятельствами: массовой миграцией из сел в города и процессами этнической ассимиляции, которые в тот период протекали среди сельских армян более интенсивно.

Как показывают материалы конкретных социологических исследований¹⁰, после Великой Отечественной войны и особенно с начала 1950-х годов в Грузинской ССР началась интенсивная миграция из горных и предгорных районов на равнину и особенно в города. Точными данными об этническом составе миграций мы не располагаем, однако можно предположить, что в них приняло участие и армянское население таких горных районов Грузии, как Ахалкалакский, Ахалцихский, Цалкский и др.

Относительно низкие темпы прироста армянского населения сельских районов Грузии в большой степени объясняются и процессами этнической ассимиляции. Ряд авторов затрагивал эту проблему в связи с рассмотрением других вопросов, однако это делали недостаточно точно¹¹. Отражение этнического состава населения в некоторых картографических материалах также может дезориентировать читателя¹². Поэтому попытаемся более подробно проанализировать этот вопрос.

По материалам переписи 1959 г., показатель естественного прироста у армян Грузинской ССР (20,9%) не только превосходил среднереспубликанский уровень (17,0%), но и был одним из самых высоких среди национальных меньшинств республики¹³. Такая же ситуация наблюдалась и в 1926 г. Если допустить, что за период 1926—1959 гг. в этом соотношении не было резких изменений, и отвлечься от того обстоятельства, что вплоть до 1960 г. миграционные связи Грузинской ССР и Армянской ССР имели для Грузии положительный баланс¹⁴, то нетрудно подсчитать, что прирост армянского населения республики должен был бы составить не 44,3, а 63,7%¹⁵. Это значит, что за 1926—1959 гг.

¹⁰ См., например, Кацадзе А. Проблема миграции населения и восстановление горных сел//Советская Грузия на пороге двенадцатой пятилетки. Тбилиси, 1985. С. 304

¹¹ Волкова Н. Г. Этнические процессы в Грузинской ССР... С. 15—17; Джакашвили В. Ш. Население Грузии. Тбилиси, 1968. С. 47.

¹² Вызывает недоумение то, что в изданном АН Грузинской ССР атласе на картах этнического состава республики тем же цветом, что грузины, окрашены грузиноязычны и турецкоязычные (?) армяне. См. Атлас Грузинской ССР. М.; Тбилиси, 1964. С. 169—170.

¹³ Проблемы труда молодежи в Грузии. Тбилиси, 1982. С. 83 (на груз. яз.).

¹⁴ Джакашвили В. Ш. Указ. раб. С. 124.

¹⁵ Этот показатель мы высчитали по следующей формуле: $T = \frac{EP^a \cdot PNP}{EPR}$

где T — теоретический прирост армянского населения республики за 1926—1959 гг. EP^a — показатель естественного прироста армян республики за 1959 г., PNP — прирост населения республики в целом за 1926—1959 гг., EPR — показатель естественного прироста населения республики в целом.

не менее 40–50 тыс. армян либо мигрировали за пределы Грузии, либо ассимилировались¹⁶.

Говоря о причинах этнической ассимиляции, в первую очередь надо подчеркнуть роль межнациональных браков. По данным Н. П. Борзых, в середине 1930-х годов межнациональные браки в Грузии были довольно широко распространены: по этому показателю республика уступала только Белоруссии¹⁷. Показатель национально-смешанных браков у армян в Грузии считался одним из самых высоких, причем у женщин он был в 1,5 раза выше, чем у мужчин: в 1936 г. соответственно 18,5 и 29,5%¹⁸. Специальные исследования, посвященные определению национального самосознания детей от национально-смешанных браков, показывают, что в союзных республиках при паспортной записи преобладает выбор основного этноса республики¹⁹. Это обусловлено, как правильно заметила Л. Н. Терентьева, «интенсивностью и общим направлением ассимиляционных процессов»²⁰.

Материалы переписи 1959 г. свидетельствуют, что по сравнению с 1926 г. доля армян, утративших этнический язык, снизилась (табл. 2), причем если в 1926 г. преобладающее большинство таких лиц в качестве родного языка называло грузинский, то в 1959 г. ассимилирующим языком наряду с грузинским выступает и русский. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в это время смена этнического языка среди городского армянского населения наблюдалась намного чаще, чем среди сельского. Утеря этнического языка была особенно заметна среди армян Тбилиси, где 29,4% армянского населения в качестве родного указали «другие» языки. При этом в Тбилиси языковая трансформация была больше направлена в сторону русского языка, который указали в качестве родного 16,3% армян (грузинский язык — лишь 13,1%). На наш взгляд, это объяснялось тем, что ослабление этнокультурных традиций и сужение сфер применения армянского языка сопровождалось расширением функциональной нагрузки русского языка. Знание русского языка создает определенные предпосылки для развертывания учебной и профессиональной деятельности и за пределами как Грузии, так и Армении.

Материалы переписи 1959 г. не содержат данных о распространении других языков, поэтому судить о распространении двуязычия среди армян Грузии можно очень приблизительно. Поскольку 13,6 и 16,3% армян в качестве родного языка указали соответственно русский и грузинский, то можно предположить, что не менее 1/4 армянского населения республики (а видимо, и более) были носителями армяно-русского и армяно-грузинского двуязычия, причем если армяно-грузинское двуязычие в основном развивалось путем непосредственных контактов, то в процессе формирования и развития армяно-русского двуязычия очень велико значение общеобразовательной школы (в связи с ростом ориентации армян в Грузии на русский язык в качестве языка школьного обучения).

Материалы переписи 1970 г. свидетельствуют о дальнейшем уменьшении удельного веса армян в составе населения республики — с 10,9 до 9,6% (см. табл. 1). При этом в сельских районах наблюдалось уменьшение абсолютной численности армянского населения.

¹⁶ Мы уже отметили, что до 1960 г. миграционные связи Грузии с Арменией имели положительный баланс (см. Джакишвили В. Ш. Указ. раб. С. 124). Добавим, что мы не располагаем какими-либо данными о более или менее значительных миграциях армян из Грузии в другие союзные республики.

¹⁷ Борзых Н. П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов//Советская этнография (далее — СЭ). 1984. № 3. С. 104—105.

¹⁸ Там же. С. 105.

¹⁹ Сергеева Г. А., Смирнова Я. С. К вопросу о национальном сознании молодежи (по данным паспортных столов отделений милиции городов Махачкала, Орджоникидзе, Черкесск) //СЭ. 1971. № 4; Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 126—127; Терентьева Л. Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях//СЭ. 1969. № 3.

²⁰ Терентьева Л. Н. Указ. раб. С. 28.

При рассмотрении показателя естественного прироста армян в Грузинской ССР выясняется, что хотя он несколько снизился по сравнению с 1959 г., тем не менее продолжал оставаться значительно выше среднереспубликанского уровня²¹. Относительно низкие темпы прироста армянского населения республики за 1959—1970 гг. объясняются уже столько развитием ассимиляционных процессов, сколько межреспубликанскими миграциями в основном в Армянскую ССР.

Говоря о положительном балансе миграционных связей Армения с Грузией в этот период, исследователи указывают два основных фактора: социально-этнический²² и экономический. Социально-этнические факторы в совокупности сводятся к тому, что определенная часть представителей этнодисперсной группы стремится вернуться в свою этническую среду. Среди таких факторов в первую очередь надо отметить стремление выпускников армянских школ Грузии продолжить свое обучение в вузах и техникумах Армении. Большинство студентов после окончания учебы поступает на работу в различные отрасли народного хозяйства Армении. Со временем к ним часто присоединяются и остальные члены семьи. Среди других причин социально-этнического характера можно назвать желание жить ближе к родственникам, более тесного соприкосновения с национальной культурой и т. д.

Значение экономических факторов, обусловивших миграционные процессы из Грузии в Армению, было особенно ощутимо в 1961—1976 г. Это было время, когда экономика Армянской ССР развивалась очень быстрыми темпами, что и создало предпосылки для интенсификации миграции²³. Среди мигрантов была весьма высока доля выходцев из сельских районов Грузинской ССР. Как указывалось в литературе, несмотря на активный баланс трудовых ресурсов, в этих районах, кроме сезонных сельскохозяйственных работ, нечем занять трудоспособное население. Это и явилось едва ли не главной причиной миграции²⁴.

К сожалению, мы не располагаем полными данными о масштабах миграции из Грузинской в Армянскую ССР, поэтому приходится обойтись косвенными подсчетами. Согласно Л. М. Давтяну и Л. М. Гомкяну, в положительном балансе миграций в Армению из других союзных республик 28,1% приходится на долю мигрантов из Грузии²⁵. Если эту цифру сопоставить с данными В. Ш. Товмасяна и С. Н. Симоняна о том, что за 1961—1976 гг. механический прирост населения Армении за счет прибывших из других союзных республик составил 226,1 тыс. человек²⁶, то, следовательно, за указанное время из Грузии прибыло около 60 тыс. человек.

Другая причина низкого прироста армян в Грузии за период 1959—1970 гг. тоже, очевидно, связана с миграциями за пределы республики.

К 1970 г. в республике произошло заметное снижение темпов естественного прироста населения. В целом за 1959—1970 гг. показатель естественного прироста по республике снизился с 17,0 до 11,9%, или почти в 1,5 раза. Тот же показатель для армян сократился более чем вдвое — с 20,9 до 9,6%²⁷ и стал ниже среднереспубликанского уровня. Это обусловлено тем, что в миграционных процессах участвуют в основном лиц репродуктивного возраста, с отъездом которых в демографической структуре искусственно повышается доля лиц старших возрастных групп.

²¹ Проблемы труда молодежи... С. 81.

²² Термин принадлежит Л. М. Гомкяну и Л. М. Давтяну. См. Гомкян Л. М. Давтян Л. М. Миграционные связи Армянской ССР с Грузией и Азербайджаном//Материалы Всесоюзной научной конференции по проблемам народонаселения Закавказья. Ереван, 1968. С. 223—224.

²³ Товмасян В. Ш., Симонян С. Н. Региональные особенности воспроизводства рабочей силы (по материалам Армянской ССР). Ереван, 1986. С. 120—121 (на арм.).

²⁴ Там же.

²⁵ См. Гомкян Л. М., Давтян Л. М. Указ. раб. С. 223.

²⁶ Товмасян В. Ш., Симонян С. Н. Указ. раб. С. 121.

²⁷ Проблемы труда молодежи... С. 83.

В 1970 г. несколько снизилась доля армян, подвергенных языковой ассимиляции, — до 15,3% (см. табл. 2). Языковая ассимиляция в городах была распространена шире, чем в сельской местности, причем если в городах в качестве главного языка ассимиляции выступал в основном армянский, то в селах — грузинский. В столице республики — Тбилиси — 13% армян в качестве родного указали русский и грузинский языки.

Материалы переписи 1970 г. уже содержали специальный пункт о распространении двуязычия. Согласно этим данным, около половины армян Грузинской ССР были двуязычными, из них 35,8% были носителями армяно-русского, 11,4% — армяно-грузинского двуязычия (см. табл. 2). Оба типа двуязычия шире распространены в городах, чем в селах, причем существует прямая связь между степенью распространения двуязычия и уровнем языковой ассимиляции.

Особый интерес представляют данные о владении вторым языком среди армянского населения Тбилиси. Для русского и грузинского языков эти цифры составляют соответственно 39,4 и 24,6% живущих в городе армян. Кажущееся парадоксальным обстоятельство, что в Тбилиси армяно-русское двуязычие распространено меньше, чем среди армянского населения Грузии в целом, объясняется интенсивностью развития этноязыковых процессов в крупном многонациональном городе. Так, из 41 338 армян Тбилиси, указавших в качестве родного языка неармянский, только 4609 человек владели своим этническим языком. Это значит, что для определенной части армян Тбилиси (21,1%) развитие этнолингвистических процессов привело к полному замещению этнического языка иным (в данном случае русским или грузинским).

Материалы последней переписи 1979 г. впервые фиксируют уменьшение не только доли, но и абсолютной численности армянского населения республики. Если в целом прирост населения республики за 9 лет, прошедших между переписями, составил 6,5%, то количество армян за то же время уменьшилось на 4,3 тыс. человек (см. табл. 1). В городах наблюдался незначительный прирост (2,3%), в сельской местности численность армян уменьшилась на 5,1%.

В 1979 г. доля армян Грузии, подвергнутых языковой ассимиляции, увеличилась на 1,4%. Однако теперь языковая ассимиляция уже явно направлена в сторону русского языка (см. табл. 2).

На наш взгляд, уменьшение численности армянского населения в Грузии за период 1970—1979 гг. вызвано в основном тремя обстоятельствами.

1. Отток армян из Грузинской ССР. Полными данными о миграции армян из Грузии в 70-е годы мы не располагаем. Некоторые косвенные материалы свидетельствуют, что с середины 70-х годов миграции меняют свое направление, при этом увеличивается и число мигрантов. По расчетам В. Ш. Товмасяна и С. Н. Симоняна, подавляющее большинство выбывших из Грузии армян выехало в РСФСР и среднеазиатские республики²⁸. Изменение направления миграционных потоков было обусловлено чисто экономическими факторами: к тому времени в Армянской ССР уже начал ощущаться определенный избыток рабочей силы, тогда как названные регионы в связи с их интенсивным освоением испытывали недостаток квалифицированных трудовых ресурсов; кроме того, уменьшению миграций армян в Армянскую ССР способствовали выравнивание темпов развития экономики Армении и Грузии, а также демографическая ситуация среди армянского населения республики²⁹.

2. Низкие темпы естественного прироста армянского населения Грузии. Несмотря на то обстоятельство, что показатель детности у армянок Грузинской ССР (в среднем 3,2 ребенка на каждую женщину) превосходил как среднереспубликанский уровень, так и показатель других этнических групп населения республики, темпы естественного прироста армян продолжали снижаться и составили

²⁸ Товмасян В. Ш., Симонян С. Н. Указ. раб. С. 123—124.

²⁹ Там же.

9,0%³⁰. Как уже было отмечено выше, это связано с миграционными процессами: в целом по стране свыше 80% мигрантов являются женским полом и репродуктивного возраста³¹. Это значит, что часть естественного роста армянского населения Грузии «переводится» на другие регионы одновременно за счет старения возрастной структуры оставшегося селения повышается уровень смертности.

3. Этническая ассимиляция. Как и раньше, основным инструментом этнической ассимиляции были национально-смешанные браки. По данным Р. К. Гrdзелидзе, в 1979 г. доля национально-смешанных браков среди армян Грузии по сравнению с предыдущим периодом значительно снизилась и составляла 13,0%, причем прежние различия между полами сгладились: однонациональные браки среди мужчин составляли 85,7%, среди женщин — 88,3%³². Если раньше в качестве главных брачных партнеров для армян повсеместно выступали армянские межнациональные браки, то сейчас все чаще и чаще ими становятся русские: 58,5 и 35,2% армянских межнациональных браков приходится соответственно на долю грузин и русских³³.

За 1970—1979 гг. степень распространения двуязычия среди армянского населения Грузинской ССР значительно повысилась (табл.). Темпы развития двуязычия у армян превосходят этот показатель не только в целом по республике, так и для основного, грузинского населения.

Для определенной части армян Грузии (более 65 тыс. человек, или 14,6% армян республики) стадия развернутого двуязычия закончилась. У этих лиц завершился процесс языковой ассимиляции, и они опять стали либо одноязычными, либо носителями такого типа двуязычия, когда отсутствует армянский язык. На наш взгляд, наряду с межнациональными браками здесь определенное значение имело и дальнейшее сужение сферы применения армянского языка. Поскольку в Грузинской ССР армянский язык не является языком общественно-политической жизни, делопроизводства, науки, постепенно ослабляется его роль и в различных областях культуры, средствах массовой информации, печати. Более того, сузилась функциональная нагрузка армянского языка даже в сфере межличностного общения. По данным этносоциологического исследования населения Тбилиси, проведенного в 1980 г. Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 24,6 и 6,2% живущих в городе армян в семейной сфере больше общаются соответственно на русском и грузинском языках³⁴.

При этом речевое поведение в семейной сфере тесно коррелирует с возрастом. Г. В. Старовойтова справедливо заметила, что «при использовании обоих языков во внутрисемейном общении типично своеобразное „межпоколенное“ разделение их функций»³⁵. Это относится к армянам Тбилиси, где во многих семьях среднее поколение говорит со старшими членами на армянском (реже, в национально-смешанных семьях, — на грузинском), а со своими детьми — на русском языке. Этим, как справедливо отметила Г. В. Старовойтова, вызвано снижение значения родного языка в качестве фактора близости к своей нации (по оценке более молодых респондентов, отличающихся высоким образовательным уровнем)³⁶. Кроме этого, предпочтение русского языка в речевом поведении молодых армян Тбилиси свидетельствует и о наличии определенных установок на ассимиляцию.

Распространение русского и грузинского языков намного шире в про-

³⁰ Проблемы труда молодежи... С. 83.

³¹ См. Тарасова Н. В. Влияние миграционных процессов на естественное движение населения//Современные проблемы миграции. М., 1985. С. 64.

³² Гrdзелидзе Р. К. Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе (на примере Грузинской ССР). Тбилиси, 1980. С. 179—181.

³³ Там же.

³⁴ Архив отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР.

³⁵ Старовойтова Г. В. Этнодисперсная группа в современном советском городе (материалы исследования татар в Ленинграде)//Этносоциальные проблемы города. М., 1986. С. 248.

³⁶ Там же.

изводственной сфере: на них общаются соответственно 41 и 45% армян Тбилиси. Распространение армянского языка в этой сфере фактически носит эпизодический характер.

В Грузии, и особенно в Тбилиси, в последнее время наблюдается резкое сужение функциональной нагрузки армянского языка и в области школьного образования. Для этнодисперсной группы, и особенно для армян с их давней традицией письменности и ролью книжной культуры, действующие на родном языке образовательные учреждения являются важнейшим фактором сохранения этнического самосознания. Зачастую они служат основным средством ознакомления с этнической историей, национальной культурой и литературой. Переход этнодисперсной группы на другой язык школьного образования резко усиливает темпы языковой ассимиляции и в целом ускоряет этническую ассимиляцию.

Обобщая ход этнодемографических и этноязыковых процессов среди армян Грузинской ССР, надо отметить, что эти процессы за годы Советской власти протекали по-разному. Первые десятилетия после революции и вплоть до 50-х годов стабилизация численности армянского населения республики сопровождалась частичной языковой и этнической ассимиляцией, главным образом со стороны грузинского языка и грузин. В основе ассимиляционных процессов лежали межнациональные браки с грузинами, имевшие очень широкое распространение по крайней мере с XIX в. С начала 1960-х годов в республике наблюдается массовый отток армянского населения, что было обусловлено социально-этническими и экономическими причинами. До середины 70-х годов миграция была направлена в основном в Армению. Позже миграционные потоки направляются также в другие регионы — в южные области РСФСР, Москву, республики Средней Азии.

Начиная с 60-х годов, среди армян Грузии массовое армяно-грузинское двуязычие постепенно сменяется армяно-русским двуязычием. Владение основным языком межнационального общения гарантирует продолжение учебной и производственной деятельности и за пределами Грузинской ССР. В 70-е годы в качестве главного ассимилирующего языка для армян Грузии выдвигается русский язык, что связано с общим направлением этноязыковых процессов в целом по стране и косвенным образом — с активизацией миграционных процессов.

В. В. Степанов

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНЫХ СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛОЙ СРЕДЫ [на примере сельских поселений Азербайджанской ССР]

Сложность исследования жилой среды вызвана тем, что достоверность полученных материалов определяется не столько качеством бесед с информаторами, сколько наблюдательностью и подготовкой исследователя. Особенно это характерно для круга тем, связанных с загрязненностью воды, почвы, с источниками топлива и строительных материалов, о чем административные работники и гражданское население сообщают недостаточно. Наконец, имеются и такие вопросы (например, о микроклимате, прошлых изменениях ландшафтов), в которых информаторы не компетентны.

В течение двух полевых сезонов (1986, 1987 гг.) автор в составе отряда сектора этноэкологии ИЭ АН СССР исследовал жилищно-бытовые

условия русских¹, азербайджанцев и татов в четырех горных районах Азербайджана: Шемахинском, Шекинском, Агдамском и Кедабекском.

В программу сбора материалов входили: анкетный опрос жителей сел, включающий круг вопросов о современных и прошлых способах выбора места для усадьбы и ее обустройства, возведения жилья, оборудования водных источников и пр.; анализ действительного состояния этих объектов; исследования микроклимата территорииселений, усадеб жилых помещений; составление плановселений с учетом рельефа местности и качества отдельных частей сел; работа с похозяйственными книгами, дающими статистические сведения о количестве построек, их материале и времени возведения, площади жилья и приусадебных участков и т. д.; работа с материалами местных архивов, а также в отделе землеустройств РАПО, метеостанциях, медицинских учреждениях.

В данной статье мы представляем материалы о застройке как активном средстве организации жилой среды. В отечественной этнографии сложилось представление о стихийно развивающейся планировке как результате действия социально-экономических и хозяйственных факторов при определенных экологических условиях и историко-культурных предпосылках. Однако механизм этого процесса не выяснен, так что необходимы дальнейшие исследования по данной теме².

Территория селения, особенно горного, чаще всего в неодинаковой степени пригодна для жилищно-бытовых нужд его обитателей. Это очевидно и для застройщика, и для исследователя. Но всякий раз, когда беседа с информатором касалась причин выбора места для усадьбы, мы получали однозначные ответы: земля хорошая, рядом с родственниками, колхоз выделил, где понравилось... Примечательно, что ответы были однотипны и у русских, и у азербайджанцев, и у татов. Поначалу это казалось странным, так как анализ качества территорииселений показывает, что размещение жилой застройки в значительной степени рационально. Застройка сформирована с учетом различных потребностей не только отдельных хозяйств, но и всех территориальных групп населения. При этом необходимо отметить, что почти все обследованные селения застраивались стихийно.

В чем же все-таки причины крайнего затруднения сельских жителей при попытках перечислить критерии действительно оптимального размещения своей усадьбы, усадьбы соседа, да и расположения всего села? По мере исследования этого явления становилось все очевиднее, что параметров, которые требовалось бы учесть и предугадать, слишком много, чтобы это мог сделать один человек. По всей видимости, в традиционной системе жизнеобеспечения существует целая субкультура которая регулирует процесс воспроизведения жилой среды. Вполне вероятно, что одним из главных механизмов этой регуляции является выбор тех вариантов организации среды, которые в наибольшей мере отвечают существующим условиям.

Однако метод проб при выборе места жительства не объясняет механизма застройки, поскольку ошибок все же делается относительно немного. Безусловно, имеется определенное число форм закрепления положительного опыта организации селения, выступающих в виде тех или иных традиций.

О реализации программ развития жилой застройки можно судить, если известно, как и в какой последовательности возникали части села.

¹ Селения русских основаны в 40—50-х годах XIX в. сектантами из южных и центральных губерний России, высланными царским правительством.

² Всего нами было обследовано 12 селений: азербайджанские — Абдал, Ангехаран, Гюлаблы, Калейбугурт, Киш, Чаган, русские — Кировка, Новоивановка, Новосаратовка, Славянка, Чухурюрд, татское — Мельгам.

³ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — начала XX в. М., 1978; Буткевич И. П., Терентьев А. Л., Шлыгина Н. В. Сельские поселения Прибалтики. М., 1964; Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение//СЭ. 1955. № 2; Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. Ереван, 1983; Стельмах Г. Е. Историческое развитие сельских поселений на Украине: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1963, и др.

Документальные материалы на эту тему скучны или, что гораздо чаще, отсутствуют вовсе, а свидетельства старожилов довольно противоречивы. Поэтому нашим основным источником были результаты полевых исследований, обработанные по определенной методике: возраст той или иной части села мы определяли на основе анализа территориального распределения бытующих в селении фамилий. В качестве примера будем использовать данные о двух селениях — русском — Новоивановка и азербайджанском — Абдал⁴.

Картографируя распределение фамилий, мы пришли к выводу, что и в русских, и в азербайджанских селениях многие родственники являются соседями. В особенности это характерно для прошлых лет. В настоящее время картина более сложная, но все же «скопления» однофамильцев прослеживаются довольно четко. Мы предположили, что подобные «ареалы», простирающиеся в калейдоскопе распределения фамилий, в какой-то мере могут отражать этапы развития селения. Чтобы проверить эту гипотезу, логично рассмотреть распределение фамилий по следующему схеме: вначале выявить части села, где какая-либо фамилия встречается наиболее часто, а затем проанализировать степень распространения этой фамилии на территории всего села. При этом мы исходим из предположения, что если тенденция компактного родственного расселения существовала продолжительный период, то представители одной фамилии, во-первых, должны быть локально сгруппированы, а во-вторых, таких локальных групп однофамильцев, вероятнее всего, будет несколько. Отсюда следует вывод, что часть селения, где больше всего представителей наиболее распространенной фамилии, является одной из самых старых. При обработке материала мы пользовались простыми расчетами: определяли число семей, носящих одну фамилию, в какой-либо части села, а затем оценивали распространность этой фамилии на остальной территории села по формуле

$$d = X'(X-1),$$

где d — показатель дисперсности, или распространности, фамилии на территории села, X — число локальных участков села, где бытует данная фамилия, X' — число локальных участков села, где более половины семей имеют эту фамилию. Показатель дисперсности фамилии равен нулю, если она бытует только в одном локальном участке. Условный возраст той или иной части села (T) зависит от двух параметров: числа семей в этой части села, носящих данную фамилию (S), и величины дисперсности этой фамилии на остальной территории села:

$$T = Sd$$

В азербайджанском селении в качестве локальных участков логично рассматривать соседско-родственные кварталы, сложившиеся исторически. В русском селении выделение частей проводилось нами условно, по принципу равенства площади и числа хозяйств. В результате расчетов по схеме, приведенной выше, были получены величины, указывающие на соотношение возрастов частей села.

Поскольку приблизительно известно время появления русского села Новоивановка⁵, то, пользуясь нашими расчетами, легко определить периоды его застройки. Насколько объективен применяемый нами способ, можно судить по косвенным данным. Так, известно, что к моменту принятия статуса государственного поселения в 1858 г. с. Новоивановка состояло из двух селений, расположенных по соседству⁶. На нашей схеме (рис. 1) застройка этого периода представлена двумя ареалами, отстоящими друг от друга на 1 км. Другим аргументом в пользу приме-

⁴ Сведения о территориальном распределении фамилий в с. Абдал собраны членами экспедиционного отряда под руководством и при непосредственном участии А. П. Павленко в 1986 г.

⁵ Петров И. Е. Селения Новосаратовка и Новоивановка Елисаветпольского уезда// Изв. Кавк. отд. РГО. Тифлис, 1908. Т. XIX. С. 228.

⁶ Там же. С. 229.

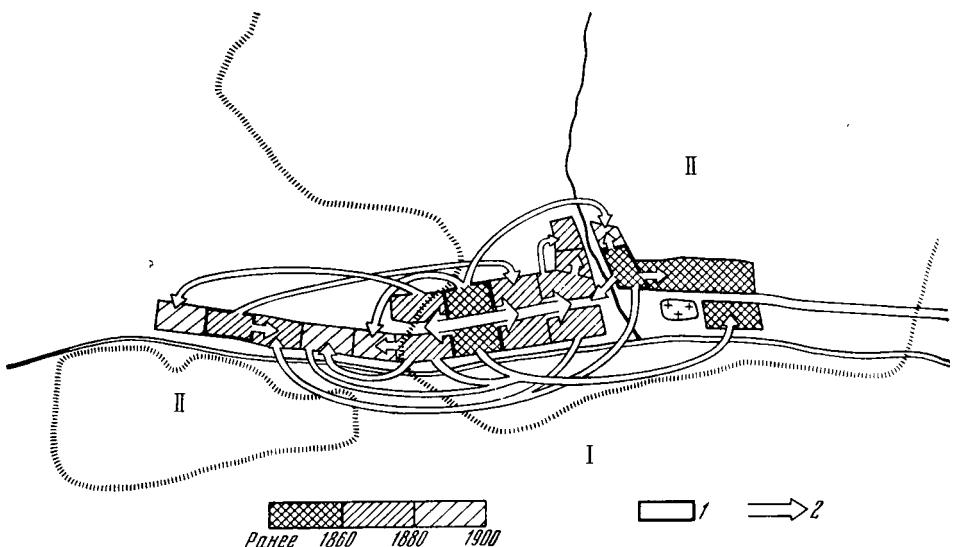

Рис. 1. Этапы застройки с. Новоивановка: 1 — первичные очаги заселения, 2 — путь внутрисельских миграций. Ареалы почв: I — горно-лесные бурые глинистые, II — горно-черноземные суглинистые

няемого метода могут служить данные о времени возведения жилых построек для отдельных частей Новоивановки⁷. Наиболее старые постройки (на 1938—1939 гг.) сохранились в местах, возникших, по нашим расчетам, раньше всего (таблица). Правильность расчетов подтверждается также тем, что старые части села расположены в центре, улица здесь наиболее широкая (до 20 м) и прямая, застройка очень плотная. Здесь же расположены сельсовет, школа, детсад, а в прошлом — молельный дом, лавка, амбар, кузница и т. д. Характерно еще и то, что в первую очередь застраивались лучшие в экологическом отношении участки села, о чем будет сказано ниже.

О времени возникновения с. Абдал сказать трудно. На подробной карте военных действий России с Персией (начало прошлого века) его еще нет⁸, а в материалах переписей и в других статистических сведениях второй половины XIX в. оно уже присутствует. Сами жители села рассказывают, что их предки — выходцы из Ирана — пасли некогда скот в степных районах Евлаха и Барды, а на лето пригоняли его в район нынешнего селения Абдал, где со временем возникли их хозяйствственные постройки — казмы. Затем, перейдя к оседлой жизни, они возвели здесь и постоянные жилища. Подобные явления были весьма характерны для Азербайджана в 40—60-е годы XIX в.⁹, поэтому вполне логично отнести появление с. Абдал к этому периоду. В результате и в этом случае, если

Возраст жилых построек в отдельных частях с. Новоивановка на 1938—1939 гг.

Годы возведения	Жилые постройки в частях села, возникших		
	до 1860 г.	1860—1880 гг.	1880—1900 гг.
до 1880 г.	3	5	
1880—1899 гг.	11	29	9
после 1900 г.	42	63	15

⁷ Рассчитано по материалам похозяйственных книг с. Новоивановка за 1938—1939 гг. Архив Кедабекского р-на АзССР. Ф. 90. Ед. хр. 16.

⁸ Карта театра войны с персиянами. 1827 г. (М. 1 : 840 000).

⁹ Исмаил-заде Д. И. Кочевое хозяйство и процесс оседания кочевников Азербайджана в XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962.

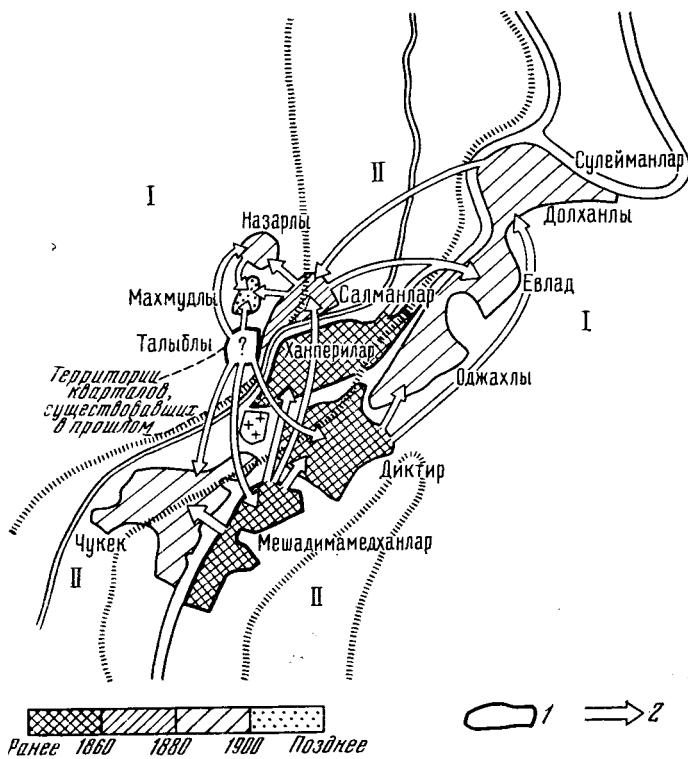

Рис. 2. Этапы застройки с. Абдал: 1 — первичные очаги заселения, 2 — пути внутрисельских миграций. Ареалы почв: I — горные коричневые послелесные и горные каштановые, II — горные коричневые лесные и послелесные

учитывать относительный возраст кварталов, получаем схему очередности застройки села (рис. 2).

Судя по схемам, рассматриваемые селения имеют вытянутую форму, тяготея к местам, обладающим одновременно несколькими свойствами: значительными перегибами в рельефе, наличием местных водотоков, границами почвенных контрастов. Однако еще более интересен тот факт, что не все части сел, а в основном наиболее старые, расположены таким образом. Остальные возникали позднее по соседству, занимая промежутки между первоначальными очагами заселения (рис. 1, 2), которые основывались не менее чем в полукилометре один от другого. В данном случае вне зависимости от типа хозяйства — скотоводства у азербайджанцев или земледелия у русских — обнаруживается стремление селиться среди «своих угодий», а не по соседству с другими семьями. При этом такое взаиморасположение не приносило особых хозяйственных выгод. Примечательно, что впоследствии инициаторы освоения новых территорий вблизи села или в отдалении от него также располагались друг от друга на значительном расстоянии и, по традиции общинного землепользования, имели больше прав на освоенные ими земли. Этот факт хорошо известен этнографам. Данная традиция в равной степени характерна и для русских селений, некогда имевших сеть скотоводческих хуторов поблизости и далеко на равнине, и для азербайджанских, с их многочисленными высокогорными выселками, насчитывавшими в прошлом буквально по несколько хозяйств.

По-видимому, обширное пространство между первичными очагами существовало для того, чтобы не ограничивать возможности окончательного выбора лучшего участка первопоселенцами и оставлять достаточный простор для дальнейшего развития застройки. В этом мы видим одно из проявлений традиционного способа организации жилой среды.

Размещение подобных первичных очагов служило как бы ориентиром для последующего заселения территории. По традиции считается,

что наиболее предпочтительно селиться рядом с родственниками. У азербайджанцев это проявляется в квартальном, а у русских – в седском размещении родственников при уличной планировке. Данная способ заселения как бы отражает доверие к опыту старших, поселившихся здесь ранее. В этом, как нам кажется, и состоит второе средство закрепления и передачи опыта обустройства жилой среды.

Однако как бы ни были обширны территории вокруг первичных очагов заселения, они все же со временем застраиваются целиком, и по следующим поколениям приходится искать новые места. Жилая застройка более поздних периодов располагается в местах, сходных по своим особенностям с участками раннего заселения. В с. Абдал относительно новые кварталы чаще всего возникали на такой же высоте, экспозиции склона, на примерно равном расстоянии от водоисточника, как и более старые кварталы. В с. Новоивановка выбор сходных условий приводил к стихийному наращиванию улицы в оба конца выходцами из разных частей села, так что теперь она имеет более 3 км в длину. Концы улицы более узкие и кривые, чем старинная центральная часть. Можно полагать, что традиционного принципа уличной застройки придерживались максимально долго, т. е. даже тогда, когда дальнейшее наращивание улицы фактически уже не отвечало потребностям отдельных застройщиков. В частности, западный конец улицы, появившийся в самый поздний период, расположен в местности с большими уклонами, почва здесь во многих местах смыта и камениста, а потому и усадьбы здесь имеют большую площадь, а территория слабо застроена. Лишь в середине 1950-х годов, когда возможности традиционной застройки в ряду были уже совершенно исчерпаны, появилась другая линия застройки, расположенная по аналогии параллельно первой. Таким образом, мы можем констатировать существование еще одного традиционного способа формирования жилой среды, который дает возможность использовать опыт предыдущих поколений.

Наряду с вышеперечисленными способами существует и еще один, имеющий особое значение в настоящее время, – подселение в места, где проживают процветающие односельчане (покупка дома, установление брачных отношений). Такой прием скорее не традиционен, особенно для азербайджанского села. Однако и он в конечном счете основан на использовании опыта предыдущих поколений.

Выше мы описали сходство традиционных принципов застройки русских и азербайджанских селений. Существуют и различия – в частности, оказываются неодинаковыми планировочные структуры. Азербайджанским селениям свойственна квартальная застройка со свободным расположением усадеб относительно друг друга. Русские селения в своей основе имеют правильную геометрическую структуру – уличную и линейную. Однако с точки зрения обустройства жилой среды существенны не эти внешние отличия, а принципы, по которым они формируются. К примеру, татское с. Мельгам, реконструированное в 60-е годы, как и расположенное поблизости русское с. Чухурюрд, имеет ныне регулярную застройку. И все же планировка в этих селах играет разную роль в формировании жилой среды. Улицы в с. Чухурюрд расположены преимущественно в субширотном направлении, так что большинству домохозяев одинаково удобно располагать жилье на усадьбе, оставляя освещенным двор, и одновременно ориентировать фасадную часть дома на солнечную сторону. В с. Мельгам улицы и ряды застройки ориентированы по-разному и часто с севера на юг, что исключает возможности регулярной организации большинства усадеб.

Субширотная ориентация улиц в русских селениях дает возможности устраивать усадьбы по единой схеме: дома ставить в ближней к улице стороне по одной линии в углу усадьбы так, чтобы не затенять прилегающую часть двора, располагать их окнами и входными проемами в южную и юго-восточную стороны. Таким образом, потребности в привычной организации усадьбы оказывают существенное влияние на выбор направления и конкретизацию формы застройки русского села. Если пер-

вичные очаги заселения, возникающие с учетом местных экологических условий, служат лишь ориентиром для последующей застройки, то требования организации усадьбы по единому принципу вынуждают выбирать более четкое направление, как бы программируя схему застройки на будущее.

В азербайджанском селе принципы организации усадебной территории не обуславливают схему планировки всего села. В этом и состоит главное отличие традиционного механизма формирования жилой застройки в азербайджанском селе по сравнению с русским. В результате конкретная форма застройки азербайджанских сел более индивидуальна по сравнению с планировкой русских селений. Это дает больше возможностей для освоения территории, в частности довольно крутых склонов и участков с расчлененным рельефом. Однако индивидуальный поиск оптимальных мест часто приводит и к ошибкам. В азербайджанских селах не редкость заброшенные участки, с которых люди переселились в другие места. Свободный поиск лучшего места способствует также возникновению обширных ареалов сплошной застройки, что иногда приводит к перегрузке ландшафтов и местным экологическим кризисам. Так, русские селения общей площадью в среднем 130 га состоят из ареалов сплошной застройки полосами, как правило, не превышающими 5 га. Азербайджанские селения обычно в 3—4 раза меньше по площади, однако состоят из ареалов застройки в 6—7 га и более. Крупные же азербайджанские селения, имеющие длительную историю (например, Беюк-Карамурад, Поладлы, Гергер и др.), представляют собой почти непрерывно застроенные площади в десятки гектаров. В результате создается неблагоприятная экологическая обстановка: на большой площади почти полностью исчезает почвенный слой, развиваются эрозионные процессы, ухудшается качество питьевых источников, активизируются оползневые процессы, повышается общая загрязненность территории. Характерным примером служит некогда крупнейший квартал Талыбы в с. Абдал, жители которого в короткий послевоенный период вынуждены были переселиться в другие части села или выехать в другую местность.

Азербайджанцы свободно располагают жилье на усадьбе. В сравнении с фиксированным положением жилья у русских еще одна степень свободы, казалось бы, только усугубляет трудности в организации жилищно-бытовых условий. Однако в действительности свободная постановка призвана компенсировать эту беспорядочность. Дома на усадьбах расположены с таким расчетом, чтобы не затенять двор и одновременно ориентировать фасад в юго-восточную сторону. О том, в каком месте усадьбы строить дом выгоднее всего, обычно спрашивают у стариков. Они же указывают оптимальное направление фасада жилья — «киблу», если в данной местности отсутствует мечеть, по которой можно было бы ориентироваться.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что в традиционной системе жизнеобеспечения существуют определенные приемы отбора и закрепления экологически выгодных форм обустройства жилой среды. Такие приемы, по всей видимости, во многом универсальны. В частности, устанавливается явное сходство в принципах организации застройки азербайджанских и русских поселений, несмотря на характерные внешние отличия. На начальном этапе формирования села появляются разбросанные очаги заселения, благодаря которым намечается общая схема дальнейшей застройки. Последующие поколения застраивают свободные участки, стараясь селиться рядом с родственниками. Затем, по мере усиления дефицита земли, возникают выселки в местах аналогичных по своим свойствам уже заселенным участкам.

Отличительной чертой организации русского села по сравнению с азербайджанским является более четкое программирование направления и формы застройки. В русских селах конкретная форма застройки является производной не только факторов, перечисленных выше, но и требований традиционного обустройства усадеб.

ОБРАЗ св. ГЕОРГИЯ В ЗАПАДНОГРУЗИНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ

Святой Георгий, как неоднократно отмечалось в научной литературе, является самым популярным объектом поклонения во всей Грузии и самым сложным, а порой запутанным и окутанным таинственностью образом для исследователей. Популярнейший святой всего христианского (и не только христианского) мира стал средоточием интересов специалистов разных дисциплин — филологов, этнографов, искусствоведов и т. д.

Многовалентность образа святого способствовала выдвижению на первый план того или иного его аспекта, который в свою очередь становился опорной точкой в развитии разных теорий о нем. Вследствие этого образ св. Георгия в разное время отождествлялся с образом Персея¹, Гора², Таммуза³ (т. е. с умирающим и воскресающим божеством⁴), Мирой⁵ и с другими образами⁶ в зависимости от ракурса исследований.

До последнего времени в грузинской научной литературе господствовало мнение, согласно которому св. Георгий занял место языческого бога Луны⁷. В последнее время была высказана точка зрения, что св. Георгий не мог занять место одного определенного божества и что его кульп постепенно и окончательно сформировался путем слияния с религиозно-мифологическими образами средневековья⁸.

Согласно устной народной традиции, в Грузии св. Георгию воздвигнуто и посвящено столько святилищ, сколько имеется в году дней. Следовательно, единый образ св. Георгия распадается, дробится на нескончаемое множество образов, с бесчисленными наименованиями и эпитетами святого, которые выявляют его разные аспекты.

Мегрельское наименование св. Георгия — *Джгеге/Джгерге/Джеге/Геге* (*žgege/žgerge/žege/gege*) — в течение долгого времени привлекало и продолжает привлекать к себе внимание исследователей. А этимологические разыскания этого имени способствовали развитию многих исследований по данному вопросу.

Н. Я. Марр, исследуя сванское *Джграг* (*žgrag*) и мегрельское *Джгеге* (*žgege*) с его разновидностями, пришел к выводу, что эти слова представляли собой языческий культовый термин, не имеющий генетически ничего общего с именем Георгий. В сванском Джграг и в мегрельском Джгеге Н. Я. Марр видел языческую святыню, а именно дуб, священный дуб (представленный во множественном числе)⁹.

Расшифровывая сванский термин Джграг, В. И. Абаев отмечает, что его изначальной формой надо считать мегрельское *Джгера-Геге* (*žgera-gege*). В мегрельском слово *джгири*, *джгере*, *джгера* (*žgiri*, *žgere*, *žgera*) означает «хороший», «добрый». Такое прилагательное, по убеждению

¹ Hartland E. The Legend of Perseus. V. III. L., 1894—1896.

² Clermont-Ganneau C. Horus et saint Georges d'après un bas-relief inédit du Louvre//Revue Archéologique. T. 32. 1876. P. 196—204, 372—399. T. 33. 1877. P. 23—31.

³ Baring-Gould S. Curious Myths of the Middle Ages. London; Oxford; Cambridge 1877. P. 266—316.

⁴ Ср. с хахматским св. Георгием и в связи с этим см. Сургуладзе И. К. Святой Георгий в грузинских религиозных верованиях. Тбилиси, 1983. С. 3.

⁵ Gutschmidt A. von. Über die Sage vom H. Georg als Beitrag zur iranischen Mythengeschichte über die Verhandlungen der Kgl. Sächs./Gesellschaft der Wissenschaften B. 13. 1861. S. 75—202; см. также Макалатия С. И. Культ «Джеге-Мисарони» в Древней Грузии. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).

⁶ Лазарев В. Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия воина в византийском и древнерусском искусстве//Византийский временник. М., 1953 С. 186—223.

⁷ Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. 1. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

⁸ Сургуладзе И. К. Указ. раб.

⁹ Марр Н. Я. О религиозных верованиях абхазов//Христианский Восток. Т. IV Вып. 1. Пг. 1915. С. 113—140.

ученого, могло быть украшающим эпитетом святого, в частности св. Георгия. Св. Георгий, который зовется у мегрелов Геге, Джерге, Джеге, с эпитетом Джгира мог образовать Джгира-Геге, т. е. «добрый Георгий». Согласно утверждению В. И. Абаева, это-то мегрельское Джгира-Геге с усечением «-еge» и могло дать сванское Джграг¹⁰.

В отличие от вышеназванных авторов А. Г. Шанидзе в словах Джграг и Георгий видит именно генетическую связь и термин Джграг расчленяется на два составных слова — «Джгири» (*žgiri*) и «Герге» (*gerge*), т. е. святой Георгий¹¹.

Дальнейшую интерпретацию термина дает А. С. Лекиашвили, который исходной формой Джграг-а считает форму мегрельского *Джгерагуна* (*žgeraguna*), которому, по утверждению ученого, точно соответствует гурийское «св. Агуна»). Термин Агуна (распространенный только в Западной Грузии) в значении борца, атлета и т. д. А. С. Лекиашвили связывает с греческим словом *’αγών* (борьба, состязание) и с производным от него *’αγωνιστής* — борец, подвижник. Грузинское Агуна и греческое *’αγών*, по мнению исследователя, совпадают как по значению, так и по форме, из чего следует, что Джгерагуна — св. Агуна — означает св. борца, св. подвижника, что является одним из основных эпитетов св. Георгия¹².

В Мегрелии существует множество локальных культовых центров св. Георгия, к которым относятся определенные эпитеты (географические, описательные, связанные с теми или иными функциями святого), например св. Георгий Илорский, св. Георгий Алертский, св. Георгий Кулийский, Джеге-Мисарони, св. Георгий Суджунский, Оциндале, Джеге-Хангарами и т. д., с которыми ассоциируются определенные предания, ритуалы и церемонии.

Самым знаменитым культовым центром в Мегрелии, а также и во всей Западной Грузии была церковь св. Георгия в селе Илори (в 3 км от г. Очамчире). Праздник св. Георгия Илорского — *Илороба* праздновали 2 раза в году — 23 апреля и 10 ноября (по старому стилю). Особо пышноправляли праздник, приуроченный к 10 ноября. В этот день в Илори стекалось много народа с разных концов Западной Грузии с различными подношениями (с шелковыми платками, украшениями, деньгами, свечами и т. д.) и с жертвенными животными (быками, овцами, козлятами и т. п.)¹³.

Илорская церковь св. Георгия славилась своими чудесами. Одним из таких чудес считали распространенное в народе (и подробно описанное в научной литературе) сказание о том, что 10 ноября (по старому стилю) прославленный мученик похищал где-нибудь поблизости быка и ночью тайком приводил в Илорскую церковь¹⁴. Чудо с быком совершалось следующим образом: ограда церкви запиралась на замок, ключи от которого брал с собой служитель церкви. К утру, как раз перед заутреней, когда служитель церкви отправлялся отпирать ворота каменной ограды, внутри нее он заставал быка с позолоченными рогами, предназначавшегося в жертву св. Георгию¹⁵. Начинали звонить в колокола, возвещая тем самым, что быка нашли. Присутствующие были уверены в том, что бык был собственоручно приведен святым. Еще говорили о том, что

¹⁰ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Кн. 1. М.; Л., 1949. С. 601.

¹¹ Шанидзе А. Г. Сванский культовый термин «Джграг»//Изв. АН ГССР. Сер. языка. Тбилиси, 1973. № 2. С. 108—119 (на груз. яз.).

¹² Лекиашвили А. С. К вопросу изучения грузинского культа св. Георгия//Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979. С. 146—152.

¹³ Полевые материалы автора. Самегрело, 1978—1979 (хранятся в личном архиве).

¹⁴ Ламберти А. Описание Мегрелии. Тифлис, 1938 (на груз. яз.); Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны Востока (сведения о Грузии). Тбилиси, 1975 (на груз. яз.); Веселовский А. Н. Разыскания в области русских духовных стихов//Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XXI. СПб., 1881; Джанаша Н. С. Религиозные верования абхазов//Христианский Восток. Т. IV. Вып. 1. Пг., 1915.

¹⁵ Веселовский А. Н. Указ. раб.; Ламберти А. Указ. раб.

св. Георгий, до того как оставить быка в ограде, трижды водил его гор к морю и обратно¹⁶.

Большое значение имело то, в каком виде заставали быка в ограде. Если во время ловли бык сопротивлялся, бодался, то это считалось знанием войны. Если же его находили лежащего в пыли — считалось, что быть хорошему урожаю хлеба и гоми (проса). Когда бык был влажен от росы — верили, что будет обильный урожай винограда (и много вина). Если бык был светлой масти, опасались большой смертности людей скота, а если белый или же пестрый — видели в этом хорошее знание¹⁷.

Быка выводили за ограду, и там его закалывал представитель той семьи, которая издревле занималась этим делом. Убивали быка специальным топором, который хранили как особый предмет. В других случаях этот топор не употреблялся. Голову и рога давали князю. Рога украшали драгоценностями и князь пил из рога вино, прославляя св. Георгия. Старинные фамилии в Одиши имели свою долю от жертвенного быка, а оставшуюся тушу нарезали на мелкие части и разделяли среди крестьян. Мясо это сушили и хранили для употребления при различных заболеваниях, так как считали его самым эффективным лекарством против всякой болезни¹⁸.

С Илорской церковью св. Георгия также связано другое чудо — чудо золотыми весами. В старину считалось, что Илорская икона св. Георгия разрешала все споры и раздоры посредством золотых весов правосудия, висевших посреди церкви. Под этими весами становились тяжущиеся стороны и усердно молили Илорскую икону, а она склоняла чашу весов правосудия над головой праведного. И на земле царили мир и согласие. Но однажды какой-то нечестивец решил обмануть Илорскую икону. Он должен был своему соседу сто рублей и не возвращал. Соседи вместе отправились в Илори, а когда представали перед иконой, должник передал свой посох, в который вложены были сто рублей, соседу. Чаша весов наклонилась над должником и тем оправдала его. Он принял свой посох обратно и вышел из церкви. Илорская икона обиделась и наказала всех из-за мошенничества одного. Весы правосудия раз и навсегда были вознесены иконой на небо¹⁹. Золотые весы чудесным образом исчезли навсегда, но в Мегрелии остался обычай, который каждый раз напоминает местному населению о грозном правосудии святого. Обычай этот называется *гиночама* и означает передачу на суд иконы (другими словами, наложение проклятия).

Согласно народным поверьям, «проклятый на иконе» человек, если он на самом деле был виновен, сперва становился одержимым, а затем погибал²⁰. Если проклятая семья вымирала, т. е. если умирали представители всех поколений, наказание, по местным верованиям, возвращалось, как бумеранг, к «проклинателю»²¹. И несмотря на то, что, по тем же народным представлениям, гиночама считалась опасным и нежелательным средством урегулирования отношений, церковь тоже запрещала его, но по сей день местные жители в деталях знают правила передачи на суд иконы и откупления. Делалось это следующим образом: пострадавший (обычно тот, у кого что-нибудь украл) считал своим долгом предупредить виновного и оповещал его, что намерен «передать» обидчика на суд иконы св. Георгия. Если виновник не был известен, на сельском соборе или в церкви после богослужения объявляли, что такой-то человек собирается идти в Илори с целью выявления виновного посредством наложения проклятия. Пострадавший не мог «контактировать» непосредственно со святым, для этой цели между ними существовал специ-

¹⁶ Веселовский А. Н. Указ. раб.

¹⁷ Ламберти А. Указ. раб.; Макалатия С. И. История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).

¹⁸ Веселовский А. Н. Указ. раб.

¹⁹ Джанашша Н. С. Указ. раб. С. 94.

²⁰ Макалатия С. И. История и этнография Мегрелии.

²¹ Полевые материалы автора. Самегрело, 1978 (хранятся в личном архиве).

альный посредник, именуемый *мехатули*, т. е. «прислужник иконы». Мехатули называли того, кто носил образ (*Хати*) святого (иногда он висел у него на груди) и чьей обязанностью было наложение или снятие проклятия с виновного. Мехатули обычно жил недалеко от церкви. Прислужниками иконы в основном были мужчины. Их выбирали за умение логически мыслить, держаться на людях и т. д. Должность мехатули, согласно нашим полевым материалам, не передавалась по наследству, а была выборной²².

Итак, пострадавший, искавший правосудия у иконы Илорского св. Георгия, обращался к мехатули с просьбой наложить проклятие на виновного. В таких случаях прислужник подводил просителя к образу, ставил его на колени, зажигал свечи, и пострадавший с воздетыми кверху руками начинал проклинать: «Великий св. Георгий Илорский, того, кто у меня украл такой-то предмет или же угнал мой скот (называет имя виновного), по истечении двух недель заставь собственоручно вернуть мне украденное, а он если этого не сделает, то молю тебя, покажи свою силу и мошь, сделай его одержимым и доведи до исступления». Все это мехатули подтверждал троекратным повторением «аминь».

Особое место в обряде занимает магическое действие около священного дерева, чаще всего им бывает граб. К грабу идут, молятся и просят помочи у бога, после чего забивают гвоздь в дерево, приговаривая: «пока зубами не достану этот гвоздь, пусть до тех пор мой обидчик останется парализованным» (такие же действия совершились в кузне).

Для того чтобы проклятие исполнилось быстро, проклинатель ежегодно посыпал святому пожертвования в виде свечей, денег и т. д., умоляя при этом св. Георгия Илорского поскорее показать свою силу и наказать провинившегося.

Если семья проклятого вымирала, то проклинатель сразу же отводил в Илори жертвенного козленка и исполнял специальное моление, именуемое *Ганалини*, чтобы отвести от себя гнев святого, который теперь уже угрожал ему.

Но в функции мехатули также входило примирение человека со святым и человека с человеком. Бывало так, что враждующие стороны по истечении определенного срока примирялись. Стимулом для этого нередко становилась внезапная болезнь какого-либо члена проклятой семьи. Обычно в таких случаях «порченый» приходил в дом к своему проклинателю с подарками и просил его содействовать ему в обряде откупления. Семья проклинателя обычно охотно соглашалась мириться²³. Проклятый приглашал к себе проклинателя, щедро угощал его и давал ему в залог какой-нибудь предмет (орудие труда или сосуд). Проклинатель брал залог и прятал его до поры до времени. Потом по наказу гадальщицы обе стороны шли в Илори с жертвоприношениями и молились Илорской иконе св. Георгия. Проклинатель отдавал проклятому залог²⁴, видимо, возвращая этим «магическим» действием счастье семьи. Таким образом, восстанавливался мир между человеком и святым и между враждующими сторонами²⁵.

В Илорской церкви до недавнего времени хранились чудотворные атрибуты св. Георгия: железный лук (*шквали*), высота которого достигала 1 м; труба (*oke*) и пожертвованные святому *бордзал* — стрелы с раздвоенными концами²⁶. Такого рода стрелы в большом количестве находят во время археологических раскопок в Западной Грузии, с ними связаны определенные верования и ритуалы.

²² Там же.

²³ Там же. 1979.

²⁴ Макалатия С. И. История и этнография Мегрелии. С. 353.

²⁵ Бывали случаи, когда потомок проклятой семьи не знал, что на нем лежит проклятие. Узнавали это случайно, когда в семье случалось что-нибудь непредвиденное. В таких кризисных ситуациях, как правило, обращались к гадальщику (или к гадальщице), который чаще всего и сообщал им, что их предки провинились в чем-то, за что были наказаны иконой св. Георгия той или иной церкви, и советовали ради будущего благополучия откупиться у этой иконы.

²⁶ Макалатия С. И. История и этнография Мегрелии. С. 303.

Лук — древнейший мифологический символ (восходящий ко временам позднего палеолита — кануну неолита²⁷), с которым в разных традициях связаны разные поверья. Как отмечает Н. Н. Ерофеева, во множестве мифологических текстов запечатлено отождествление корня лука (в категориях пространства) с нижним миром и (в категориях времени) с периодом между закатом и восходом, а также синонимическими ему фазами между смертью и рождением, осенью весной²⁸.

Соотнесенная с нижним миром и, следовательно, с космическим же чревом, символика лука выступает также в западногрузинской традиции, где лук имеет магическое значение и употребляется для исцеления больных. Определенные болезни в Западной Грузии (как впрочем и в Восточной²⁹) осмыслились как некая кара, исходящая от разгневанных сверхъестественных существ (в христианской Грузии соответственно от святых). Поэтому в Илорскую церковь св. Георгия, которая славилась своей чудотворной силой и всемогуществом, приводили всевозможных больных (хотя надо отметить, что среди них доминировали душевно больные). Страдающих болезнями прислужник церкви, как правило, ставлял трижды пролезть сквозь железный лук св. Георгия, затем ставили на колени, прислужник брал трубу и изо всей силы дул в неё с целью изгнания злых духов и нечистой силы из тела больного³⁰. Надо отметить, что такие же стрелы и лук, а также железная цепь засвидетельствованы этнографами в Рача в церкви св. Георгия Многосильного (Мравалдзалис Цминда Гиорги).

Ритуал пролезания сквозь лук, пролезания под корнями, под домом (имеется в виду западногрузинский тип жилища) преследовал цель излечения больного от недугов, и его можно отнести к так называемым «переходным ритуалам»³¹, которые символически означают переход из одного мира в другой и имитируют новое рождение.

По широко распространенным в Мегрелии поверьям, во время грозы св. Георгий верхом на своем белом коне мчится по небу, гонится за злыми, нечистыми силами и поражает их своей раздвоенной на конце стрелой, называемой бордзал (термин этот повсеместно бытует в Западной Грузии). Стрелы в данном контексте являются оружием громовержца, коим он уничтожал своего хтонического противника³². Но стрелы также осмысливаются как атрибуты исцелителя (ср. с греч. Аполлоном, инд. Рурой или со св. Себастьяном, стрелы которого в средневековой Европе употреблялись во время эпидемий).

Согласно народным поверьям, там, где ударяла молния, обыкновенно находили раздвоенную железную стрелу³³ или крест, так как, по местным верованиям, молния падала в виде креста. Пораженный молнией участок земли (в других случаях дерево, дом и т. д.) становился местом проявления божественной силы и воли и назывался *Наджварлени* (т. е. место, где упал крест)³⁴. Святой поражает молнией, когда преследует нечистую силу (которая, по местным верованиям, обычно прячется под деревом³⁵) или когда хочет наказать кого-либо. Считалось, что святой ударом молнии предупреждал виновного или же «избирал его в рабы», после чего избранный облачался в белые или пестрые одеяния (даже во время траура) и ежегодно обходил церкви св. Георгия в соответствии с порядком праздников церквей и подносил святому разные

²⁷ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

²⁸ Ерофеева Н. Н. Лук//Мифы народов мира. Т. II. М., 1982.

²⁹ Очаури Т. А. Из истории древнейших религиозных верований грузин. Тбилиси 1954 (на груз. яз.); Миндадзе Н. Р. Грузинская народная медицина. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.); Абакелия Н. К. Институт «раба святыни» в Кахети//Вопр. истории Грузии. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

³⁰ Макалатия С. И. История и этнография Мегрелии. С. 303—304.

³¹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

³² Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

³³ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.

³⁴ Полевые материалы автора. Самегрело, 1979.

³⁵ Чурсин Г. Ф. Указ. раб.

подношения. Во время грозы местные жители крестились и просили св. Георгия пощадить их и не поражать их дом молнией (в некоторых случаях давали обет принести жертву). Если несчастье все-таки происходило, оно считалось наказанием за нарушение установленного порядка. В Мегрелии (как и в других частях Западной Грузии) пораженные молнией предметы становились неприкосновенными. Ими не пользовались. В случае нарушения этого табу грешника повторно поражала молния (или же он карался каким-то другим способом). «Выкуп» или восстановительный ритуал справлялся раз в 3, 7 и 9 лет; в противном случае разгневанный святой мог уничтожить всю семью.

В Илори молились также бездетные супруги, которые жертвовали святому Георгию маленькие серебряные модели люльки³⁶.

Следует также принять во внимание, что во время праздника *Гиоргоба* пророчествовали, какая будет погода в течение целого года и какой будет урожай (такого рода гадания распространены среди разных народов и часто приурочивались ко дню выгона скота на весенние пастбища, 23 апреля)³⁷. Праздник Илороба в Гурии дошел до наших дней в виде праздника скота и приходит в четверг на Масленицу³⁸.

Св. Георгий/Джеге часто встречается в композите Джеге-Мисарони. Его культовыми центрами в Мегрелии являются Джумити, Джихаскари, Геджети, Накалакеви³⁹, Салхино и др. Его праздник — *Мирсоба/Мисроба* (диалектной разновидностью которого, по нашему мнению, является *Нирсоба*, значение которого в течение долгого времени оставалось неизвестным). Этот же праздник сваны именуют *Меисаруб* или *Меисароб*⁴⁰, гурийцы — *Моисароба*⁴¹, а рачинцы и лечхумцы — *Меисароба*⁴².

Праздник Мирсоба в Мегрелии справляли примерно за 24 дня до Большого Поста. Свинья, предназначенная в жертву божеству, называлась *Омирсе* (т. е. предназначенная Мирсе). Свинью откармливали в течение нескольких недель. В день Мирсоба, который приурочивали к четвергу, хозяин дома брал свинью за задние ноги, обводил ее несколько раз вокруг очага и произносил молитву: «Сегодняшняя Мирсоба (т. е. день Мирсы)! Дай мне и моей жене, и детям счастья, огради нас от лукавого, от всякой дурной дороги, воды....» Молитва сопровождалась пронзительным визгом водимой за задние ноги свиньи. После окончания молитвы свинью закалывали.

К обеду хозяйка готовила для каждого человека в семье по две вареных лепешки и по два вареных яйца. За трапезой каждый из сидящих держал в обеих руках лепешку и яйцо, прикладывая их крестообразно к глазам, и произносил дважды: «Сегодняшняя Мирсоба! Моим глазам меня веселящее, дай зреТЬ!»

Хозяйка готовила для себя яйцеобразный кукурузный хлеб (вареный), внутрь которого до варки клала куриное яйцо. По этому яйцу она определяла судьбу своей семьи. При благоприятном предзнаменовании яйцо должно было оказаться целым. Так заканчивался праздник⁴³. Аналогичные ритуалы засвидетельствованы в Гурии, Рача, Лечхуми и Сванетии.

³⁶ *Макалатия С. И.* Культ Джеге-Мисарони в Древней Грузии. С. 1—47.

³⁷ Календарные обычай и обряды в странах Зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1978.

³⁸ *Мамаладзе Т.* Народные обычай и поверья гурийцев//Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Тифлис, 1898; *Цуладзе А.* Этнографическая Гурия. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).

³⁹ *Макалатия С. И.* Культ Джеге-Мисарони в Древней Грузии. С. 1—47.

⁴⁰ Там же; *Ониани А.* Нижнесванские этнографические материалы (полевые дневники). 1941 (хранятся в архиве Отдела этнографического изучения духовной культуры Грузии Ин-та истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР).

⁴¹ *Макалатия С. И.* Культ Джеге-Мисарони в Древней Грузии. С. 1—47.

⁴² *Гардалхадзе П.* Рачинские (1938) и лечхумские (1937) народные праздники (полевые дневники — хранятся в архиве Отдела этнографического изучения духовной культуры Грузии Ин-та истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР).

⁴³ *Кобалия И.* Из мифической Колхиды//Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Т. 32. Тбилиси, 1903; *Кипшидзе И.* Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914.

В Мегрелии, по традиции, в этот день в отцовский дом возвращали разъехавшиеся по разным деревням замужние женщины, фамилья святилищем которых считалось Джеге-Мисарони, и привозили с собою свечи, разнообразные подношения и закланных свиней. Но Джеге-Мисарони посещали чаще всего те, кто страдал глазными заболеваниями; по жертвованиями в этом случае были две свечи, два яйца, две лепешки и серебряные деньги.

По всей западной Грузии праздник Меисароба/Моисароба считался днем молитвы света очей, он превратился в семейный праздник, который спрашивали все.

С. И. Макалатия в обряде Мирсона прослеживал грузинские верования, аналогичные митраизму (отождествляя термин Мирса с Митрой). исследователь доказывал, что одним из предшественников грузинского св. Георгия был бог Мирса, тот же Митра)⁴⁴.

Но существование культа Мисарони в Сванети, Гурии и Лечхумии соответствующими диалектными наименованиями — Меисароб/Меисарыб (Моисари, Месари), переводимыми как груз. Моисари, т. е. стрело-вержец, дает возможность сделать иные выводы. При сравнении диалектных наименований и ритуалов становится ясно, что Мисарони/Меисарони (тот же Мирса/Нирса) должно означать св. Георгия Стреловержца неотъемлемым атрибутом которого была стрела, что вполне соответствует местным верованиям и представлениям о св. Георгии.

Существует и другой композит — Джеге-Хангарами, который иногда объясняли как св. Хангарам⁴⁵. Расшифровку термина дает А. Г. Шанидзе, который в слове Хангар-ам-и выделяет корень *Хангар* и суффикс «-ам». По его мнению, Джеге-Хангарами означает не св. Хангарама, а Джеге (т. е. св. Георгия), который имеет *хангар*. Значение слова хангар в мегрельском утеряно, но зато в сванском диалекте хангар означает оружие мифологического персонажа Амираны (грузинского Прометея) — нож, саблю. А. Г. Шанидзе делает вывод, согласно которому изначальным значением слова хангар должно быть копье — оружие св. Георгия, которым он поражает дракона. Поэтому Джеге-Хангарами, по мнению исследователя, можно перевести как св. Георгий-копьеносец. В связи с этим интересно отметить, что в Мегрелии душевнобольного, одержимого человека (которого якобы карал за что-то св. Георгий) называли *Жиниш Ханга*⁴⁶. По нашему мнению, это лишний раз доказывает, что, согласно местным верованиям, определенная болезнь может быть вызвана сверхъестественной силой (в данном случае св. Георгием) и наглядно продемонстрировать, как карает свою жертву св. Георгий, поражая его копьем. Таким образом, термин *Жиниш Ханга* нами понимается как «пораженный копьем св. Георгия».

Но св. Георгий, надо отметить, применял свое оружие также для исцеления больных (вспомним, например, исцеление душевнобольного удара ром кнута святого в Рача)⁴⁷.

При исследовании характера и функций св. Георгия особенно бросается в глаза его многообразность и «многосиленность». Последнее свойство является одним из его эпитетов (Мравалдзалис Цминда Гиорги, т. е. св. Георгий Многосиленный).

Эпитеты и атрибуты рисуют образ святого: он обладатель оружия Хангар, т. е. копьеносец; он Моисари — стреловержец; громовержец — исходя из этого — «правитель погоды»; универсальный «снабженец», являющийся гарантом обильного урожая и размножения скота; от него зависит плодородие вообще. По местным верованиям, св. Георгий — исцелитель от определенной болезни; он строгий страж морали, главный судья в третейском суде, беспощадно карающий зло. В то же время он хитрый и лукавый похититель быков, из-за чего прозван «быкокрадом»

⁴⁴ Макалатия С. И. Культ Джеге-Мисарони в Древней Грузии. С. 1—47.

⁴⁵ Шанидзе А. Г. Указ. раб.

⁴⁶ Полевые материалы автора. Самегрело, 1979.

⁴⁷ Миндадзе Н. Р. Полевые этнографические дневники. Рача, 1982 (хранятся в личном архиве автора).

(*харипария*). Этим свойством он походит на божественного солярного героя (божественного вора), который на рассвете крадет быков и коров из хлева, как бы шутя, показывая этим свою силу, прозорливость и ловкость. Вообще в культе св. Георгия превалируют солярные элементы. Он ассоциируется со светом. Его просят о сохранении света очей — зрения — и исцеления от глазных недугов. А глаз, как известно, основной солярный символ, так как само солнце, согласно древним представлениям — всевидящий бог и представляется в виде ока (солнце — глаз Ормузда у иранцев, правый глаз Демиурга у египтян, глаз Варуны — у индоиранцев, глаз Зевса у древних греков и др.) Сакральные жертвенные животные св. Георгия — бык⁴⁸, петух⁴⁹, свинья, которые также имеют солярную коннотацию. Например, свинья (так же, как и дикий кабан) — одна из личин солярного героя в ночи, т. е. форма, которую часто принимает солнце (в виде мифического героя) в темноте или в облаках. Солнце поступает так, чтобы скрыться от своего преследователя или, наоборот, с целью его истребления. В других случаях оно принимает эту форму из-за демонического противника (надо отметить, что в ряде случаев оно само отображает демоническую маску, с которой борется герой)⁵⁰. О сакральном значении свиньи существуют многочисленные свидетельства по всей Грузии. Еще Н. Я. Марр заметил, что связь между астральным культом, металлами и животными ясно видна в главном празднике кузни *Геджхвама*, который засвидетельствован среди бзыбских абхазов. Этот праздник начинался в канун Нового года, ночью, и продолжался три дня. Геджхвама по происхождению мегрельский термин и обозначает «молитву свинье»⁵¹. А молитва, обращенная к свинье, распространена по всей Западной Грузии и известна под разными наименованиями: *Четверг поросенка* — в Рача; *Ках Параскеви, Иваноба* — в Лечхуми; *Меисариб* — в Сванети; *Капуноба* — в Мегрелии, и др. С целью демонстрации конsecрации свиньи Н. Я. Марр приводит в качестве примера праздник Нового года в Гурии, во время которого на праздничный шест надевали голову свиньи⁵² (а голова свиньи выступает как неотъемлемый элемент новогоднего стола в разных областях Грузии и по сей день). То, что свинья обозначает какое-то сакральное понятие, видно из сванского материала. Сванский *Кер* — свинья — обозначал какую-то сверхъестественную силу, некое проявление божества, «ангела» или «светило», падающее с неба, или какую-то благодать. Кер употребляли во время клятвы в связи с именем Бога: например *Гермет Керго* (*ghermet qergho*) т. е. «克莱нусь святой свиньей Бога»⁵³.

Образ св. Георгия — копьеносца, стреловержца, громовержца и т. д. в данном регионе представляет новую теофанию и новый уровень мировосприятия, хотя эпитеты святого и его функции свидетельствуют о более древнем субстрате и являются чисто местным феноменом.

⁴⁸ О символике быка в Восточной Грузии. См. *Канделаки М. Б. Аманатство и складства быком и котлом//Изв. АН ГССР. Сер. истории. № 1. Тбилиси, 1984* (на груз. яз.).

⁴⁹ О мифологическом образе петуха, связанном с солнцем см.: *Бардавелидзе В. В. Из истории древнейших верований грузин (божество Барбар-Бабар). Тбилиси, 1941* (на груз. яз.); *Рухадзе Дж. А. Народная аграркультура в Западной Грузии. Тбилиси, 1976* (на груз. яз.); *Топуриа Н. С. Из истории хозяйственного быта. Тбилиси, 1963* (на груз. яз.).

⁵⁰ *Gubernatis A. de. Zoological Mythology. V. II. N. Y., 1978.*

⁵¹ *Marr Н. Я. Указ. раб. С. 113—140.*

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ
ГРАНИЦ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
(на примере Швейцарии)

Процесс политического дробления территории Западной Европы, вызванный падением Западной Римской империи и возникновением на ее развалинах королевств варваров, сопровождался существенными преобразованиями в этнической картине континента. При этом зарождались новые этнические общности, впоследствии составившие основу многих современных европейских народов. Возможно ли, учитывая различные этнообразующие факторы, территориально очертить очаги этногенеза уже в раннем средневековье, и всегда ли в этот период границы определенного очага соответствовали политическим границам того или иного королевства варваров? Попытаемся ответить на эти вопросы, обратившись к примеру Швейцарии (при этом имеется в виду не современное государство, а занимаемая им территория), тем более что вопросы, касающиеся переходного этапа от романизации Швейцарии к установлению на ее территории новых этнических и языковых границ, очень скучно освещены в советской этнографической литературе.

В этногенезе современных народов Швейцарии большое значение имела романизация и появление на территории этой страны в раннем средневековье германских племен бургундов и алеманнов. Важным следствием романизации было установление типологически однородной модели хозяйства, культуры, социальных отношений на всей территории Швейцарии. Уже во II—III вв. сложилась и единая этническая модель: это было романизованное кельтское (с преобладанием гельветского компонента) и ретское (в восточной части) население. Романизация обеспечила и относительное языковое единство. Однако степень углубленности и интенсивности процесса романизации в Западной Швейцарии была значительно выше, чем в других частях страны, и это обстоятельство сыграло, возможно, ключевую роль и предопределило историческую судьбу этого региона и его населения на этапе завоевания территории Швейцарии варварами.

Территория Западной Швейцарии (кантоны Женева, Во, Невшатель, Юра, частично Фрибур и Вале — традиционные места расселения современных франкошвейцарцев) еще в период римской колонизации выделялась в качестве обособленного историко-культурного и географического региона. Он представляет собой протянувшийся с юго-запада на северо-восток коридор, ограниченный с юга высокими Альпами, а с севера отрогами Юры. Этот коридор, суженный у Женевского озера, там, где из него вытекает Рона, расширяется в северо-восточном направлении и выходит в долину р. Ааре и на Швейцарское плоскогорье. Здесь был древний узел пересечения торговых путей, связывавших Центральную Европу и Средиземноморье. Отмечено, что с более отдаленных исторических эпох этот регион был благоприятным местом для занятий земледелием и скотоводством¹.

В том, что гельвето-романское население Швейцарии особенно плотно концентрировалось в ее западной части, важную роль сыграл факт выгодного географического расположения этой территории. Именно здесь находилось большинство крепостей и других поселений, построенных на территории Швейцарии римлянами. Через эти земли пролегали наиболее оживленные транспортные артерии — через перевал Большой Сен Бернар, Вале, вдоль Женевского озера, к Аваншу, Базелю и далее. Со хранившимися в этой части страны остатками поселений, например, главного города гельветов — Авентикума (Аванш), являются собой образец вы-

¹ Sauter M.-R. Switzerland from Earliest Times to the Roman Conquest. L., 1976 P. 157.

ского уровня развития провинциальной галло-римской культуры. Из Западной Швейцарии началось в IV в. распространение в глубь страны христианства.

В середине V — начале VI в. большая часть территории Швейцарии оказалась разделенной на две области, подпавшие под власть германских племен: западную — бургундов, северо-восточную — алеманнов. Эти области в скором времени приобрели ряд черт, существенным образом отличавших их друг от друга, вследствие различного характера протекавших в них социально-экономических и этнокультурных процессов. Обозначившееся на этапе романизации относительное языковое и культурное единство населения страны было нарушено.

Еще в начале V в. римские легионы, охранявшие границы империи, были отведены с берегов Рейна, что означало фактически выход территории Швейцарии из-под владычества Рима. Вслед за легионами ушла либо переселилась в западные районы страны часть галло-римского населения из незащищенных северо-восточных районов, которые стали открытыми для проникновения в них алеманнов, обитавших за Рейном и в среднем его течении. Таким образом, к середине V в. большинство галло-римского населения Швейцарии было сосредоточено в ее западных и отчасти центральных районах, тогда как население северных и восточных (за исключением труднодоступной области Реции) — было немногочисленно либо истреблено в результате проникновения туда поначалу отдельных небольших отрядов алеманнов. Переселение алеманнов в северо-восточные районы Швейцарии началось, по-видимому, не ранее второй половины V в. и в особенности после того, как в 496 г. большая часть их владений на Рейне была завоевана франками. По мнению некоторых ученых, переселение алеманнов в конце V — начале VI в. не было массовым и единовременным, а имело характер «длительной инфильтрации»².

Алеманнам, пришедшим в качестве завоевателей на опустевшие земли, где романизация не была достаточно глубокой, сравнительно легко удалось в течение последующего столетия ассимилировать остатки местного населения и изменить облик края. Повсюду, где появлялись алеманы, господствующими быстро становились их культура и германские (alemanniеские) наречия. Процесс германизации, охвативший сначала северо-восточные районы, а впоследствии и центр страны, куда алеманы постепенно продвинулись к концу VI в., сопровождался затуханием жизни в известных дотоле городах и появлением многочисленных мелких поселений, хуторов и деревень, а также быстрой сменой социальных отношений в аграрной сфере: от позднеантичных — к алеманнской общщине³.

В Западной Швейцарии, которой первой по времени в раннем средневековье пришлось испытать на себе массовое нашествие варваров, протекали иные процессы. В 443 г., как о том сообщает «Chronica Galllica»⁴, бургундам была предоставлена для поселения область Сабаудия, где они должны были разделить землю с местным населением.

Вопрос относительно территориальных границ Сабаудии не получил еще окончательного решения, тем не менее от него зависит включение в предмет рассмотрения значительной части Западной Швейцарии и уточнение датировки ее оккупации бургундами. Часть авторитетных ученых, в том числе Т. Моммзен, К. Жюллиен, Ф. Лот, П.-Э. Мартен, М. Бек и др., полагают, что Сабаудия вполне может быть отождествлена с современной областью Савойя и, таким образом, включает в себя город и предместья Женевы, но не захватывает земли по правому бере-

² Moosbrugger — *Leu R. Volks- und Sprachgrenzen in der Schweiz im Frühmittelalter. Der archäologische Aspekt/Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*. 1963. Jg. 13. № 4. S. 469.

³ *Repertorium der Ur- und Frühgeschichte der Schweiz*. H. 5. Die Schweiz im Frühmittelalter. Basel, 1959. S. 2—5. Taf. I, 2.

⁴ MGH, Auct. ant. *Chronica Minora*. T. 9, 1./Ed. Mommsen Th. Berolini, 1892. P. 660: «Sapaudia Burgundionum reliquiis datur cum indigenis dividenda».

гу Роны⁵. В то же время имеется другая, на наш взгляд, более убедительная точка зрения, основанная на новейшем анализе археологических и топонимических данных. Она принадлежит П. Дюпарку и является полностью Д. ван Берхемом⁶, к ней также примыкают Л. Би и Г. П. Маршал и др.⁷. Согласно этой точке зрения, область Сабаудии простиралась вплоть до Невшательского озера, т. е. захватывала первоначально небольшую часть римской провинции *Maxima Sequana* и вовсе не соответствовала территории современной Савойи.

В том, что именно здесь была первоначальная область расселения бургундов, нас убеждает также следующее. Уцелевшая в сражении 435—436 гг. с гуннами часть бургундов, которым еще в 413 г. императором Гонорием был пожалован статус союзников (*foederati*), должна была по распоряжению римского полководца Аэция нести военную службу, заключавшуюся в том, чтобы защищать важные для римской стратегии пути сообщения. Если предполагалось предотвратить падение алеманнов (что, скорее всего, и было на самом деле), то характер местности между Женевским и Невшательским озерами как нельзя лучше отвечал стратегическим планам обороны проходов из Альпийских перевалов от иноземного вторжения, поскольку расквартированные здесь вооруженные отряды бургундов могли легко занять выгодные позиции и запереть узкую часть коридора у Женевы и пути к перевалу в горном Вале. В этой связи возникает историческая параллель в отношении стратегической политики Цезаря и Аэция в этом районе⁸. К тому же, более многочисленное местное население могло взять на себя функции снабжения войск. Не случайным поэтому был и выбор главного города бургундов — им стала Женева, выгодность географического положения которой, видимо, и заставила бургундов отдать предпочтение именно ей перед другими городами и поселениями вокруг Женевского озера.

Однако по мере того как обосновавшиеся на новом месте бургунды становились все более независимыми от агонизировавшей Западной Римской империи, изменились и их политические устремления, что обусловило их дальнейшую территориальную экспансию. Если исходить из позиции тех, кто считает, что Сабаудия первоначально не включала себя земли на правом берегу Роны, то, видимо, надо будет допустить, что последующая территориальная экспансия бургундов имела свое направление области Западной Швейцарии и далее западную, а потом и восточную части Юры (Бельфор, долины Ду).

Думается все же, что это предположение лишено оснований. Во-первых, допущение такой возможности в период после создания бургундии достаточно сильного и крепкого королевства в корне меняло бы оценку характера заселения бургундами этой территории, их правового статуса и отношений с местным населением (мирное сосуществование бургундов с галло-римлянами пришлось бы отвергнуть и искать следы каких-либо конфликтов). Во-вторых, уже сама вероятная малочисленность (*reliquiae*) бургундов едва ли позволяла им выступить в качестве завоевателей более многочисленного населения районов Западной Швейцарии, при том, что факты вооруженных конфликтов между бургундами и галло-римлянами здесь не зафиксированы. Что касается о

⁵ См.: Martin P.-E. Le problème de la Sapaudia//Zeitschrift für schweizerische Geschichte. 1933. Jg. 13. S. 188; Beck M. Bemerkungen zur Geschichte des ersten Burgundreiches//Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1963. Jg. 13. № 4. S. 444—445.

⁶ Duparc P. La Sapaudia//Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1958. P. 371—384; Berchem D., van. Les routes et l'histoire. Études sur les Helvètes et leurs voisins dans l'Empire romain. Genève, 1982. P. 21, 275—283.

⁷ Histoire de Genève/Publiée sous la direction de Paul Guichonnet. Toulouse; Lausanne, 1974. P. 65; Nouvelle Histoire de la Suisse et des Suisses. V. I. Lausanne, 1982. P. 1 Rousset P.-L. Toponymie burgonde dans les Alpes, en Suisse romande, Bourgogne Franche-Comté//Bulletin de l'Académie delphinaise. 1981. Sér. 9, a. 2. N 6. P. 100—111. В свете сказанного вызывает недоумение то, как определены территориальные границы Сабаудии в книге: Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 86.

⁸ См.: Berchem D. van. Les routes et l'histoire... P. 278.

щей численности бургундов на момент их поселения здесь, то, по подсчетам различных ученых, она колеблется от 5000 до 50 000 человек⁹. Однако наиболее вероятны, как нам представляется, цифры, предложенные А. Пиренном¹⁰ и обоснованные М. Бекком¹¹: 25 000, из которых 5000 были непосредственно воины. Кстати, 5000 воинов насчитывал и легион римлян в Виндониссе, исполнявший прежде те же функции, что впоследствии были возложены на бургундов. По недавним подсчетам археологов, бургунды составляли $\frac{1}{10}$ часть местного населения Западной Швейцарии, а в Женеве — $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$, всего населения¹².

Все же более логичны и убедительны, на наш взгляд, соображения тех, кто рассматривает территорию между Женевским и Невшательским озерами в качестве той области, куда первоначально были поселены бургунды, так как мирный характер их поселения в качестве союзников давал им в дальнейшем, по мере обретения реальной власти, возможность устанавливать здесь, не порождая при этом конфликтов, более благоприятные для себя условия существования с галло-римлянами. Создание и упрочение собственного государства диктовало иной план стратегической обороны его границ: защиту нужно было держать не только от алеманнов, давление со стороны которых начало все сильнее ощущаться со второй половины V в., но и от франков на западе и остготов на юго-востоке. Поэтому закономерна территориальная экспансия бургундов с конца 450-х годов преимущественно в южном направлении, и помимо всего прочего на равнинные территории с плодородными землями, а не в горы. Поэтому к концу 450-х годов бургунды опять же на правах союзников и по соглашению с местной знатью заняли территорию вокруг Лиона, куда перенесли свою основную столицу, оставляя за Женевой статус второго по значимости в своем королевстве города, а спустя несколько десятилетий контролировали уже значительное пространство в бассейне Роны — от Шампани на юге до Юры включительно на севере (Юго-Восточная Франция и Западная Швейцария)¹³.

Каков был характер взаимоотношений местного и вновь прибывшего населения? По мнению современных исследователей, «представляетя, что в действительности это была не колонизация, а нечто напоминающее военный протекторат»¹⁴. Действительно, характер завоевания оказывал существенное влияние на способ поселения бургундов и на их взаимоотношения с коренным населением. Исследования, проведенные с анализом источников, показывают, что характер расселения бургундов и галло-римлян был по большей части смешанный: живя в одной деревне, они становились соседями¹⁵ и, таким образом, вступали в активный контакт друг с другом, что предполагало в первую очередь наличие принятого языка общения. В качестве такого языка выступила латынь, на которой говорило преобладавшее в численном отношении местное население. Процесс усвоения местной латыни охватил не одно поколение, и в результате активного взаимодействия языков лексический состав латыни пополнился многими варваризмами. Однако, по свидетельству Сидония Аполлинария, имели место случаи, когда местная знать легко овладевала языком бургундов.

В своем послании к одному из таких вельмож Сидоний писал о бургундах: «Хотя они одинаково грубы и суровы телом и смыслом, они учатся у тебя говорить на их собственном языке и носить римское сердце»¹⁶. Последнее замечание особенно важно, поскольку оно подтверж-

⁹ Babel A. *Histoire économique de Genève. Des origines au début du XVI siècle.* T. 1. Genève, 1963. P. 340; *Histoire de Genève...* P. 66.

¹⁰ Pirenne H. *Mahomet et Charlemagne.* 3e éd. Paris; Bruxelles, 1937. P. 20.

¹¹ Beck M. *Bemerkungen...* S. 450—456.

¹² *Nouvelle Histoire...* P. 102.

¹³ Perrin O. *Les Burgondes: Leur histoire, des origines à la fin du premier Royaume (534). Contribution à l'histoire des Invasions.* Neuchâtel, 1968.

¹⁴ *Histoire de Genève...* P. 65—66.

¹⁵ Грацианский Н. П. О разделах земель у бургундов и у вестготов//Средние века Вып. 1. М.; Л., 1942. С. 13.

¹⁶ Там же.

дает, что процесс романизации бургундов шел преимущественно по линии освоения ими культурного наследия поздней римской цивилизации. Смешанный характер расселения и сильная поначалу политическая взаимозависимость бургундов и галло-римлян обусловливали особенную интенсивность на этом этапе языковой и культурной ассимиляции бургундов. Первоначальный импульс этого процесса, пик которого пришелся, вероятно, на 450—480-е годы, сохранялся, хотя и в несколько ослабленном виде, и на последующем этапе, в период расцвета Бургундского королевства, когда языковая ассимиляция вступила в стадию завершения.

Процесс культурной ассимиляции бургундов захватывал многие сферы, в том числе и законодательную. Первоначально правовые отношения у обеих этнических групп населения определялись соответственно поздним римским правом у галло-римлян и обычным правом у бургундов (как и у других германских племен того времени), а между ними — специальными на сей счет положениями римского права (*Lex hospitalis*, принятый в 393 г.). Но уже в 480-е годы, обладая реальной властью, бургунды были в состоянии диктовать галло-римлянам собственные нормы права. Насколько эти нормы были оригинальны? «Бургундская правда» (*«Lex Burgundionum»*), написанная в основном в правление короля Гундобада (474—516 гг.), во многих своих статьях демонстрирует высокую степень проникновения в нее норм позднего римского права. «Бургундская правда» регулировала отношения как между бургундами, так и между бургундами и галло-римлянами. По словам Григория Турского, «Гундобад же покорил всю область, которая теперь называется Бургундией, и среди бургундов установил более мягкие законы, по которым они не должны были притеснять римлян»¹⁷. Для коренного населения позднее, около 510 г., был составлен особый кодекс *«Lex Romana Burgundionum»*, статьи которого по большей части непосредственно заимствовались из римского права. Началу этнического растворения бургундов в галло-римской среде способствовала в немалой степени и законодательная отмена запрета на браки бургундов с галло-римлянами (*LB.XII.5; C*) и уравнение их в некоторых правах.

Дополнительный свет на характер процесса романизации и взаимоотношений бургундов с галло-римлянами проливает и анализ истории двухэтапного раздела земель. В настоящее время историки сходятся в том, что «бургунды, по-видимому, дважды производили раздел земель с местным населением: первоначально, утверждаясь в Савойе, они получили половину земель галло-римских посессоров, а при короле Гундобаде... $\frac{2}{3}$ пахотных земель, половину лесов и лугов и $\frac{1}{3}$ серлов и колонов»¹⁸. При первом разделе, проходившем на основе *Lex hospitalis*, бургундам, вероятно, были выделены земли в основном крупных держателей либо разоренные и пустовавшие. При этом «основная масса... бургундов должна была собственоручно вести сельское хозяйство», и только «некоторые из бургундов осели в Савойе на положении помещиков — средних и крупных»¹⁹. Таким образом, бургунды были с самого начала непосредственно вовлечены в хозяйственно-экономическую жизнь, типичную для поздней Римской империи. Второй раздел, который произошел не ранее 480-х годов и коснулся почти исключительно земель крупных землевладельцев, «...ставил бургундов в лучшие хозяйствственные условия и вполне соответствовал расширению пределов и укреплению бургундского королевства, главной военной силой которого продолжали оставаться варвары»²⁰. Таким образом, второй раздел стал возможен

¹⁷ Григорий Турский. История франков/Изд. подготовила Савукова В. Д. М., 1987. С. 53.

¹⁸ История крестьянства в Европе. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 179; Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956. С. 313—316.

¹⁹ Грацианский Н. П. Указ. раб. С. 9.

²⁰ Там же. С. 10.

после падения Западной Римской империи, когда бургунды уже были в состоянии его требовать. Требование это, однако,—возвратимся к вопросу о первоначальных границах Сабаудии—могло иметь в виду прежде всего более плодородные земли равнинного юга, но отнюдь не проигрывающие им в этом отношении земли между Женевским и Невшательским озерами. При этом активно шли процессы взаимодействия в социальной сфере. Аграрные преобразования, которые произошли на территории Бургундского королевства в V в., привели также и к изменению формы, собственности у галло-римлян, которая, подобно собственности бургундов, стала приобретать характер аллода. На основе складывавшейся единобразной формы собственности дальнейшее социальное развитие бургундов и галло-римлян происходило в одном и том же направлении²¹. Интересно, что влияние римской социальной среды проявилось в том, что «большая» семья у бургундов начала распадаться и в V—VI вв. основной единицей хозяйственной жизни бургундов становилась «малая» семья. Тем не менее в тот же период у бургундов сохранялся ряд пережитков родовых отношений.

К особенностям процесса романизации и ассимиляции бургундов следует отнести и то, что антропологический тип галло-римлян почти не изменился от их смешения с бургундами. Этим подтверждается как малочисленность бургундов на территории Западной Швейцарии в период, когда стали разрешены смешанные браки, так и то, что бургунды сравнительно быстро растворились в средеaborигенного населения. Иначе складывалась картина в местах поселения франков и алеманнов, злияние которых было более заметно²².

Некоторые швейцарские археологи и лингвисты пытались более точно определить этапы проникновения бургундов и алеманнов и в связи с этим наметить этнические и языковые границы на территории страны в раннем средневековье. По их данным, в течение V в. можно выделить два больших этнических и языковых ареала: романский, занимавший всю современную Швейцарию, и алеманнский (на левом берегу Рейна), границей между которыми был Рейн²³. Отвергая существование бургундо-алеманнской этнической и языковой границы в V—VI вв., Moosbrugger ссылается на отсутствие археологических доказательств каких-либо непосредственных контактов (например, соседское, совместное проживание) между бургундами и алеманнами²⁴. Это дает основание полагать, что алеманны к концу VI в. еще недостаточно глубоко проникли в центральные районы Швейцарии, а бургунды не столь активно расширяли свои владения в восточном и северо-восточном направлениях, а это подразумевает наличие районов, свободных от присутствия как той, так и другой этнической группы. Отсутствие контактной зоны в этот период, подтвержденное археологами, вполне соотносится с данными лингвистов. На составленной Э. Гамильшегом карте топонимов I в. с романо-бургундским элементом -ingôs и -villa отчетливо вырисовываются районы концентрации таких топонимов: между Женевским Невшательским озерами и на севере Франш-Конте, но, что особо примечательно, лишь единичные топонимы зафиксированы на территории современной Савойи²⁵.

С иных позиций к сходным выводам приходит С. Зондереггер, который вполне обоснованно предпочитает говорить все же не о бургундом, а о романо-бургундском элементе в Западной Швейцарии при айонировании этнических и языковых зон на территории страны в

²¹ Серовайский Я. Д. Изменение аграрного строя на территории Бургундии в V в.// Редионе века. Вып. 14. М., 1959. С. 24, 7. Неусыхин А. И. Возникновение... С. 288—291.

²² Babel A. Histoire économique... Р. 343.

²³ Moosbrugger-Leu R. Volks- und Sprachgrenzen... S. 464.

²⁴ Ibid. S. 469.

²⁵ Gamillscheg E. Romania Germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreiches. Bd. III. Die Burgunder. Berlin; Leipzig, 1936. S. 16—17.

раннем средневековье²⁶. Наибольшая интенсивность контактов и взаимопроникновения романских и бургундских элементов наблюдается VI в. и, по данным археологов, в части Западной Швейцарии по линии Лозанна — Ивердон — Берн²⁷, тогда как единичные археологические находки, связываемые с бургундами, встречаются повсюду в Западной Швейцарии — от Женевы до Базеля²⁸.

Но уже для VII в. характерна иная этническая и языковая картина Швейцарии: равнинная часть коридора от Женевского озера до Базеля включая Нижний Вале до Сен-Мориса, западную часть Фрибура, Золотурн, Юру, часть кантона Берн до Туна, занята романо-бургундами в северных областях страны по линии Муртен — Берн — Золотурн — Цюрих — Роршах и вдоль берегов Ааре, а также по вертикали Тун — Глац расселены алеманны; на востоке — ретороманско-население; на юге Тичино и в долине Беллинцоны — лангобарды, и лишь только высокогорные районы Вале и Юры (северо-запад кантона Во и Невшатель) представляют собой область, не испытавшую на себе бургундского воздействия, в которой стойко сохранился романский элемент. Контактная зона между романо-бургундами и алеманнами протянулась вдоль линии Базель — Золотурн — Берн — Фрибур — Тун²⁹. Отмечается, что на протяжении VII в. эта контактная зона ужималась и происходил сдвиг языковой границы на запад³⁰, и уже в VIII в. романо-бургундско-алеманская языковая граница в основном почти совпадает с границей распространения французского и немецкого языков в Швейцарии в ее временном виде³¹. Стабилизация ее происходила в VIII и IX вв.³². В понимике контактной зоны Западной Швейцарии, так же как и в Рейнланде в местах контактов алеманнов и ретороманского населения, часто встречаются названия с элементами *Wal-*, *Walen-* (совр.), т. е. *Welch-* (*Welsch-*), что указывает на прохождение здесь границы, вдоль которой таким способом на языке алеманнов обозначались романоязычные поселения и их жители³³. В целом же Западная Швейцария, как и Рейнланд, представляла собой в раннем средневековье зону «стойкой преемственности по отношению к римской культуре»³⁴.

В какой мере ход этнических процессов на территории Западной Швейцарии в раннем средневековье соотносился с происходившим в этот период изменениями в сфере политики? Окрепшее к концу V в. Бургундское королевство вскоре было втянуто в перипетии междуусобной борьбы ранних германских королевств. Поначалу бургунды испытывали угрозу со стороны вестготов (с запада и юга). Но после того как Хлодвиг, ставший королем салических франков в 481 г., спустя несколько лет создал могущественное государство франков на территории Центральной и Северной Франции, а вождь остготов Теодорих в 493 г. основал свое королевство в Италии, у бургундов появились в их лице новые опасные соперники.

Бургунды отличались от своих соседей — франков и от местного населения, исповедовавшего католицизм, тем, что были приверженцами арианского учения с тех пор, как были обращены в христианство в начале V в. В начале VI в. предпринимались попытки со стороны некоторых представителей высшей бургундской знати отойти от арианства либо искать какие-то компромиссы на религиозной почве для достижения

²⁶ *Sonderegger S. Volks- und Sprachgrenze in der Schweiz im Frühmittelalter. Die Sprachgeschichtliche Aspekte//Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1963. Jg. 13. № 4* S. 502—506, 510—511.

²⁷ *Moosbrugger-Leu R. Volks- und Sprachgrenzen... S. 471.*

²⁸ *Ibid. S. 477.*

²⁹ *Ibid. S. 480; Repertorium ... Taf. 1. Karte 2.*

³⁰ *Moosbrugger-Leu R. Volks- und Sprachgrenze... S. 481.*

³¹ *Jud J. Die romanisch-deutsche Sprachgrenze der Schweiz um 800. Karte/Vox Romanica. 1945—1946. V. 8. P. 108.*

³² *Büttner H. Geschichtliche Grundlagen zur Ausbildung der alemannisch-romanischen Sprachgrenze in Gebeit der heutigen Westschweiz//Zeitschrift für Mundartforschung. 1964. Jg. 28. S. 193—206; Nouvelle Histoire... P. 108.*

³³ *Sonderegger S. Volks- und Sprachgrenze... S. 525.*

³⁴ *Repertorium... S. 1.*

ния своих политических целей. Однако династические альянсы бургундов с франками и остготами не могли предотвратить противоречий. Тщетными были и религиозные союзы. Объединенные силы бургундов и франков успешно выступили против вестготов, но это не спасло бургундов от экспансионистских устремлений их вчерашних союзников, которые разбили их в 534 г. в битве при Отёне и распространяли свою власть на территорию их королевства. Вскоре франки подчинили себе алеманнов и заняли владения остготов в Рееции, в результате чего вся территория Швейцарии оказалась подвластной франкам.

Отличительными чертами королевства франков меровингской династии было отсутствие политического, административного, правового, а также хозяйственного и этнического единства. Столы же различны были и социальные структуры в отдельных его частях. Поэтому поддавшие под власть меровингов территории сохраняли свою относительную самостоятельность. Прежним оставался и этнический состав населения. На территории Швейцарии франкский этнический компонент не прослеживается. В Западной Швейцарии, как и во всей Бургундии, правовые отношения по-прежнему регулировались «Бургундской правдой», отдельные положения которой применялись вплоть до конца IX в.³⁵

Таким образом, этнотрансформационный процесс на территории Западной Швейцарии, связанный с переселением туда бургундов, можно считать завершившимся в основном к середине VI в. почти полной языковой и культурной ассимиляцией бургундского этнического меньшинства, которое, тем не менее, занимая господствующее политическое положение, дало и новое название подчиненной им области — Бургундия. Закрепившееся за обширной территорией королевства, это название выражало лишь то, что у власти здесь находились представители либо потомки бургундского этнического меньшинства. Поэтому название «бургундцы», в последующие века обозначавшее жителей Бургундии, исторически уже не было связано с собственно этническими качествами его носителей. В структуре самосознания в качестве определителя стойко сохранялся его изначальный компонент — локальный, «патриотический», выражавшийся в самоназвании по топониму места проживания либо округа, в который входило селение. Дезинтегрирующим фактором выступали административные и церковные границы наряду с естественногеографической замкнутостью горных долин. Продолжала существовать неоднородность хозяйственной деятельности: вдоль берегов Женевского озера и на равнинах Во преобладало хлебопашество и виноградарство, а в высокогорных районах Альп (Вале) и Юры ориентация была на преимущественное развитие животноводства и молочного производства³⁶.

После IX в. этноязыковая граница окончательно зафиксировала географические рубежи Западной Швейцарии, которые с двух сторон были естественными (Альпы и Юра), а на востоке определялись расселением романо-бургундов и распространением романских диалектов. Значимость этой границы заключалась в том, что этот рубеж стал составной частью выходившей за пределы территории Швейцарии общеевропейской линии раздела между германским и романским миром. Зарождалась тенденция к противостоянию романоязычного населения Западной Швейцарии алеманоязычным соседям. Выявлялась взаимосвязь различных этнообразующих факторов: естественные границы обусловливали этническую и языковую обособленность населения Западной Швейцарии уже внутри периферийного романского мира.

Таким образом, на исходе раннего средневековья совместились несколько этнообразующих констант: географическая, политико-административная, этническая и языковая. На этой основе вызревала предпосылка для этнографического выделения населения Западной Швейцарии как этнолингвистической общности.

³⁵ The Burgundian Code. Book of Constitutions or Law of Gundobad. Additional Enactments/Transl. by Drew K. F. Philadelphia, 1972. P. 7.

³⁶ Babel A. Histoire économique... P. 395—400.

О. М. Григорьева

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМЫ ЛИЦЕВОГО ОТДЕЛА ЧЕРЕПА У ГОМИНИД (антропогенетические и таксономические проблемы)

Краиологические исследования в антропологии играют огромную роль в решении проблем антропо- и расогенеза. Особое значение приобретает изучение лицевого скелета, который имеет большую эволюционную и расоводиагностическую ценность. В таком аспекте анализ собственной формы лицевого отдела черепа становится очень важным связи с тем, что одних измерительных методов оказывается недостаточно для получения полной информации о его строении, так как при одинаковых размерах форма изучаемого объекта может сильно различаться. Некоторые авторы уже указывали на необходимость проведения такого рода исследований¹. Проблема изучения формы лицевого отдела черепа в эволюционном аспекте также не привлекала к себе достаточного внимания антропологов и краиологов.

Большинство работ, посвященных изучению формы лицевого скелета, направлено на поиск методических приемов исследования. Существуют следующие методы анализа формы черепа: получение обводов: помощью диаграфа², использование теневой сетки³, краинотригонометрические⁴, рентгенографические методы⁵, методы с использованием координатной системы в двух измерениях⁶, методы с использованием трехмерной системы координат⁷, метод стереофотограмметрии⁸. Все они позволяют получить в достаточной степени полного описания формы лицевого скелета.

В связи с этим в данной статье применен комплексный подход, который включает в себя как качественный анализ вариантов форм, так и количественную оценку.

Цель работы заключалась в изучении формы лицевого черепа у гоминид в эволюционном и расовом аспектах.

В задачи данного исследования входило: 1) проведение сравнительного анализа вариантов форм лицевого отдела черепа у гоминид на основе качественных и количественных показателей; 2) выявление наиболее изменчивых и стабильных областей лицевого скелета; 3) определение соотносительной изменчивости различных параметров, характеризующих форму лицевого отдела внутри каждого исследованного уровня; 4) определение общих тенденций соотносительной изменчивости между показателями формы на различных уровнях лицевого черепа.

В работе использована методика получения горизонтальных обводов с помощью диаграфа, поскольку, на наш взгляд, именно линии горизон-

¹ Бунак В. В. Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения// Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1960. Т. XLIX; Thoma A. Quasikontinuierliche Variabilität und genetische Einheitlichkeit der Hominoidea//Z. Morphol. und Anthropol. 1978. B. 69. № 1. S. 7—15.

² Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Jena, 1928. S. 678—687.

³ Машарский Э. А. К методике определения горизонтальной и вертикальной профилированности черепа и его лицевого отдела//Вопр. антропологии. 1966. № 23. С. 99—110.

⁴ Fritot H. R. Craneotrigonometria. La Habana, 1964.

⁵ Preston C. B., Evans W. G. The Cephalometric Analysis of Cercopithecus Aethiops// Amer. J. Phys. Anthropol. 1976. V. 44. № 1. P. 105—110.

⁶ Huffman T., Christopher R. A., Hazel J. E. Orthogonal Mapping: A computer Program for Quantifying Shape Differences//Computers Geosci. 1978. V. 4. P. 121—130.

⁷ Todd T. W. Cranial Capacity and Linear Dimensions in Whites and Negroes//Amer. J. Phys. Anthropol. 1923. V. 6. P. 97—104.

⁸ Jacobshagen B. Comparison of Morphological Factors in the Cranial Variation of the Great Ape and Man//Primate Evol. Biol. Select. B., 1981. P. 98—108; Винников Л. П., Индиченко И. Г., Золотарева И. М., Зубов А. А., Лебединская Г. В. Перспективы применения ближней стереофотограмметрии в антропологии//Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С. 70—77.

тальных срезов лицевого черепа могут дать наиболее полную наглядную и цифровую информацию о форме изучаемого отдела.

Материалом для настоящего исследования послужили муляжи ископаемых гоминид и серии черепов современного человека из коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ, Лаборатории пластической реконструкции Института этнографии АН СССР и Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Были исследованы муляжи черепов следующих ископаемых гоминид: австралопитек африканский, плезиантроп, зинджантроп, синантроп, Тотавель, Штейнгейм, Гибралтар I, Брокен-Хилл, Ла Ферасси, Шапелль-о-Сен, Монте-Чирчео, Мустье, Амуд I, Схул V, Тешик-Таш, Пржедмост, Кроманьон, Фиш-Хук, Вадъяк, Талгай, Сунгирь.

Изучены также краниологические серии представителей трех основных рас человека: экваториальной — папуасы и меланезийцы (48 черепов), европеоидной — осетины (50), монголоидной — тувинцы (49).

Выработан новый подход к изучению формы всего лицевого отдела черепа, который заключался в следующем. Для каждого черепа по 10 уровням получены горизонтальные обводы лицевого скелета⁹. Условно каждую линию горизонтального обвода мы обозначили по названию той точки на черепе, через которую он проходил. В ходе исследования отобрано 10 крациометрических точек: глабелла, назион, середина слезного гребня, инфраорбитале, югала, зигион, назолатерале, зигомаксилляре, назоспинале, простион.

Для укрепления черепа во франкфуртской горизонтали и получения горизонтальных обводов лицевого черепа использовался специально сконструированный нами прибор — крациостат, позволяющий исследовать черепа различных видов приматов.

Для обработки материала применен метод фотосовмещений¹⁰, позволивший выделить типичные варианты форм обводов у гоминид (рис. 1). Качественные вариации каждого уровня обозначены цифровыми символами, которые в дальнейшем сохранялись (табл. 1).

Кроме того, для получения сравнительных результатов горизонтальным обводам придано математическое выражение. Для этого на обводах проводили следующие измерения (рис. 2): длина дуги обвода (AB) при помощи курвиметра; длина хорды (AB) — расстояние между начальной и конечной точками обвода; глубина изгиба обвода (h), которую измеряли, проведя перпендикуляр от наиболее удаленной точки изгиба к хорде. Местоположение наибольшего изгиба ($A\alpha$) измеряли как расстояние от начальной точки обвода до точки, в которую опущен перпендикуляр из точки наибольшего изгиба дуги. Если изгиб располагался впереди от хорды (AB), то изгиб считался положительным ($+h$) — выпуклость на лицевом отделе черепа. Если изгиб располагался сзади от хорды (AB), то изгиб считался отрицательным ($-h$) — вогнутость на лицевом отделе. Помимо указанных абсолютных значений вычислены индексы, позволяющие сравнивать форму черепов, имеющих различные размеры. В работе введены следующие индексы: 1) индекс отношения длины дуги к хорде (AB/AB); 2) индексы отношений высот наибольшего изгиба к хорде ($h_1/AB, h_2/AB \dots$); 3) индексы отношений местоположений наибольших изгибов к хорде ($A\alpha_1/AB, A\alpha_2/AB \dots$).

Основные результаты изучения качественных вариантов форм и их количественной оценки заключаются в следующем.

Исследованные представители австралопитековых довольно разнообразны по форме лицевого скелета. Однако можно отметить, что грацильные формы (австралопитек африканский, плезиантроп) проявляют немного больше сходства между собой в средней части лица (уровни

⁹ Григорьева О. М. Методика изучения формы лицевого отдела черепа у приматов//Пробл. соврем. биологии. Тр. 18-й конф. молодых ученых биол. факультета МГУ. М., 1987. С. 136—139. (Деп. в ВИНТИ. 14.09.87. № 6652).

¹⁰ Золотарева И. М., Лебединская Г. В., Морозова Н. К. Опыт сопоставления краниологического материала и современного населения по некоторым признакам соматологической характеристики//Сов. этнография. 1984. № 5. С. 59—69.

Рис. 1

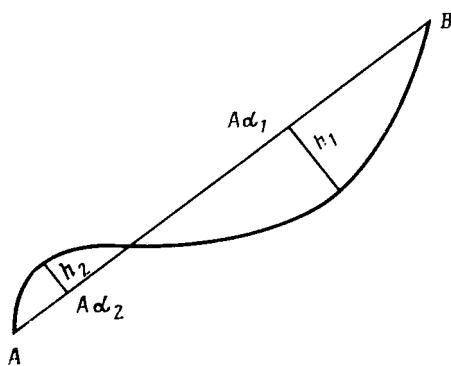

Рис. 2

Рис. 1. Варианты кривых обводов на 10 уровнях лицевого черепа: 1 — гладеллы, 2 — назиона, 3 — середины слезного гребня, 4 — инфраорбитале, 5 — югале, 6 — зигион, 7 — назолатерале, 8 — зигомаксилляре, 9 — назоспинале, 10 — простиона

Рис. 2. Пример кривой обвода (обозначения в тексте)

Таблица 1

Варианты обводов лицевого скелета на 10⁴ уровнях у ископаемых гоминид и рас современного человека

Объект	Уровень									
	g	n	L	io	ju	zy	nl	zm	ns	pr
1 Австралопитек африканский	1	1	1	2	2	1	2	4	1	1
2 Плэзиантроп	3	1	1	2	2	2	4	6	1	1
3 Зинджантроп	3	1	1	3	5	2	2	1	1	1
4 Тотавель	1	1	2	2	1	1	2	4	2	1
5 Синантроп	1	1	1	2	2	2	1	1	2	1
6 Штейнгейм	1	1	1	3	3	—	4	4	—	1
7 Гибралтар I	2	2	1	3	5	2	2	3	2	1
8 Брокен-Хилл	1	1	1	2	2	1	2	5	4	1
9 Ферасси	1	—	3	3	3	3	1	1	1	1
10 Шапедль-о-Сен	3	—	3	3	3	—	5	5	2	1
11 Монте-Чирчео	1	1	1	2	5	1	1	2	1	1
12 Мустье	3	1	4	1	1	—	1	1	1	1
13 Амуд I	2	1	—	1	—	3	—	—	1	1
14 Схул V	2	1	2	3	3	2	3	3	2	1
15 Тешик-Таш	1	1	2	3	4	2	3	3	1	1
16 Пржедмост	2	1	4	3	5	1	4	3	1	1
17 Кроманьон	1	1	4	3	—	—	4	4	1	1
18 Фиш-Хук	1	1	1	2	5	1	1	7	6	1
19 Вадыяк	1	1	1	2	5	—	—	4	3	1
20 Талгай	1	1	1	2	—	—	4	—	2	1
21 Сунгирь	2	1	2	3	4	3	3	5	7	1
22 Осетины	1,2	1	1,2,3,4	3	3,4	3	3	3	1,2,3,4,5,6	1
23 Тувинцы	1,2	1	1,2,3,4	1,3	3,4	3	2,3	3,4,5	1,2,3,4,5,6	1
24 Папуасы и меланезийцы	1,2	1	1,2,3,4	1,3	3,4	3	2,3	3,4,5	1,2,3,4,5,6	1

середины слезного гребня, инфраорбитале, югale), чем с представителем массивной формы (зинджантропом), хотя по некоторым уровням проявляется близость и с последним (уровни глабелла, зигион и назолатерале). Все три исследованных вида австралопитековых сходны между собой по уровням назиона и простиона, а различаются по уровням зигомаксилляре и назоспинале. Плэзиантроп проявляет сходство с зинджантропом по уровням глабеллы и зигиона и с австралопитеком африканским по уровням середины слезного гребня, инфраорбитале, югale. Зинджантроп и австралопитек африканский сходны по уровню назолатерале.

Исследованные представители архантропов (Синантроп, Тотавель) во многом отличны друг от друга по форме лицевого черепа. Сходство между ними проявляется лишь на уровнях глабеллы, инфраорбитале и в нижней части лица (уровни назоспинале, простион).

Представители «классических» неандертальцев (Ферасси, Мустье, Монте-Чирчео) довольно разнородны по форме лицевого отдела (табл. 1), хотя на отдельных уровнях проявляется сходство между ними (при попарном сопоставлении).

Представители группы «атипичных» неандертальцев (Штейнгейм, Гибралтар I) оказались близки только по двум уровням — середины слезного гребня и инфраорбитале. Выявлено сходство представителя переднеазиатской группы палеантропов Тешик-Таш и палеантропа из Схул V по уровням назиона и средней части лица (инфраорбитале, зигион, зигомаксилляре). Череп из Гибралтара I занимает не совсем определенное положение среди других групп палеантропов. Так, он проявляет небольшое сходство с палеантропом из Брокен-Хилла (уровень назолатерале), с группой «классических» неандертальцев (уровень назоспинале), а также с палеантропами Схул V и Тешик-Таш (уровни зигион, зигомаксилляре, простион). Последнее может свидетельствовать в пользу гипотезы М. А. Гремяцкого о близости «атипичных» и пале-

Коэффициенты корреляции высот наибольших изгибов

Группа	<i>g</i>	<i>n</i>	<i>L</i>	<i>L</i>	<i>io</i>	<i>io</i>	<i>ju</i>	<i>ju</i>
	$h_1 - \overline{AB}$	$h_1 - \overline{AB}$	$h_1 - \overline{AB}$	$h_2 - \overline{AB}$	$h_1 - \overline{AB}$	$h_2 - \overline{AB}$	$h_1 - \overline{AB}$	$h_2 - \overline{AB}$
Папуасы и меланезийцы (σ)	0,66	0,78	0,15	—	0,90	-0,07	-0,05	-0,1
То же (φ)	0,26	0,80	0,13	—	0,86	0,04	0,37	-0,5
Осетины (σ)	0,70	0,64	0,07	0,64	0,57	0,01	0,06	-0,1
» (φ)	0,36	0,48	0,28	0,57	0,73	0,12	0,25	-0,7
Тувинцы (σ)	0,25	0,07	0,02	—	0,60	-0,11	0,12	-0,5
» (φ)	0,70	0,47	0,22	—	0,76	-0,19	0,39	0,4

Коэффициенты корреляции местоположений наибольших изгибов

Группа	<i>g</i>	<i>n</i>	<i>L</i>	<i>L</i>	<i>io</i>	<i>io</i>	<i>ju</i>	<i>ju</i>
	$A_{\alpha_1} - \overline{AB}$	$A_{\alpha_1} - \overline{AB}$	$A_{\alpha_1} - \overline{AB}$	$A_{\alpha_2} - \overline{AB}$	$A_{\alpha_1} - \overline{AB}$	$A_{\alpha_2} - \overline{AB}$	$A_{\alpha_1} - \overline{AB}$	$A_{\alpha_2} - \overline{AB}$
Папуасы и меланезийцы (σ)	0,35	0,27	0,61	—	0,57	0,36	0,79	0,5
То же (φ)	0,69	-0,2	0,67	—	0,50	-0,15	0,77	0,2
Осетины (σ)	0,42	0,24	0,79	0,03	0,60	0,12	0,70	0,59
» (φ)	0,36	0,66	0,75	0,16	0,23	-0,03	0,65	0,50
Тувинцы (σ)	0,25	0,07	0,02	—	0,51	0,46	0,80	0,7
» (φ)	-0,05	0,47	-0,2	—	0,66	0,33	0,84	0,74

стинских неандертальцев¹¹. Палеоантроп из Амуда I оказался ближе «классическим» неандертальцам по уровням назиона, средней (уровни инфраорбитале, зигион) и нижней (уровни назоспинале, простион) части лица. Интересно отметить некоторую близость представителей «африканской» (Брокен-Хилл) и европейской («классической») (Монте-Чирчео) групп палеоантропов по уровням глабеллы, инфраорбитале зигиона.

Представители ископаемых неоантропов экваториальной зоны: Талгай (Австралия), Вадъяк (Индонезия), Фиш-Хук (Южная Африка) проявляют сходство по уровням середины слезного гребня, инфраорбитале. Отмечается также сходство представителей европейской группы неоантропов (Кроманьон, Пржедмост) по уровням назиона, средней (уровни середина слезного гребня, инфраорбитале) и нижней (назоспинале) части лица. К ним близок неоантроп из Сунгирия по уровню инфраорбитале. Неоантропы из Пржедмости и Сунгирия сходны между собой по уровню глабеллы. Имеется слабое сходство между представителями выделенных выше групп: неоантроп из Пржедмости близок по форме лицевого черепа на уровне зигиона с находкой из Южной Африки — Фиш-Хук.

Среди трех основных рас современного человека выявлено сходство представителей европеоидной и монголоидной рас по уровням верхней (глабелла, назион), средней (зигомаксилляре) и нижней (назоспинале) части лица; а также монголоидной и экваториальной рас по уровням инфраорбитале, югале, зигиона.

Сходство краниологических серий папуасов и меланезийцев с представителями монголоидной расы — тувинцами, полученное нами, наход-

¹¹ Гремяцкий М. А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному//Уч. зап. МГУ. 1948. № 115.

Таблица 2

с длиной дуги на 10 уровнях у современного человека

Уровень									
<i>zy</i>	<i>zy</i>	<i>nl</i>	<i>nl</i>	<i>zn</i>	<i>zn</i>	<i>ns</i>	<i>ns</i>	<i>pr</i>	
<i>h₁-AB</i>	<i>h₂-AB</i>	<i>h₁-AB</i>	<i>h₂-AB</i>	<i>h₁-AB</i>	<i>h₂-AB</i>	<i>h₁-AB</i>	<i>h₂-AB</i>	<i>h₁-AB</i>	
0,10	-0,36	0,20	0,46	0,02	0,31	-0,18	-0,51	0,90	
0,54	-0,29	0,88	0,47	-0,3	-0,2	-0,57	-0,60	0,92	
0,33	-0,39	0,77	-0,2	0,07	-	0,11	-0,50	0,82	
0,56	-0,21	0,92	0,23	0,04	-	0,41	0,04	0,91	
0,16	-0,42	0,93	0,54	0,48	0,26	0,12	-0,28	0,92	
0,69	-0,18	0,97	0,84	0,10	-0,4	-0,08	0,08	0,90	

Таблица 3

с длиной дуги на 10 уровнях у современного человека

Уровень									
<i>zy</i>	<i>zy</i>	<i>nl</i>	<i>nl</i>	<i>zn</i>	<i>zm</i>	<i>ns</i>	<i>ns</i>	<i>pr</i>	
<i>A_{α₁}-AB</i>	<i>A_{α₂}-AB</i>	<i>A_{α₁}-AB</i>	<i>A_{α₂}-AB</i>	<i>A_{α₁}-AB</i>	<i>A_{α₂}-AB</i>	<i>A_{α₁}-AB</i>	<i>A_{α₂}-AB</i>	<i>A_{α₁}-AB</i>	
0,71	0,43	0,58	-0,1	0,58	0,45	0,32	0,20	0,12	
0,41	0,26	0,67	-0,1	0,76	0,57	0,59	0,56	0,61	
0,49	0,48	0,27	0,1	0,84	-	0,88	0,67	0,39	
0,46	0,35	0,53	-0,1	-0,2	-	0,72	0,51	0,42	
0,64	0,59	0,22	-0,2	0,80	0,62	0,93	0,39	0,6	
0,39	0,42	-0,1	-0,6	0,36	0,20	0,47	-0,15	0,41	

дит подтверждение в концепции А. А. Зубова о разделении западного и восточного стволов расообразования¹². Но в то же время отмеченное в данной работе сходство представителей европеоидной и монголоидной рас по форме на некоторых уровнях лица не позволяет достаточно определенно выделить западный ствол.

В результате изучения вариантов форм лицевого отдела черепа у гоминид выявлены наиболее стабильные и наиболее вариабельные уровни.

Наиболее стабильными (насчитывающими число форм менее трех) оказались уровни глабеллы, назиона, инфраорбитале, зигиона и простиона, а наиболее вариабельными (имеющими число форм более трех) — уровни середины слезного гребня, югале, назолатерале, зигомаксилляре, назоспинале.

Следовательно, наиболее изменчивой по форме оказалась средняя часть лицевого отдела (скелетная и верхнечелюстная кость), а наиболее стабильной — верхняя часть (надглазничная область, область носовых костей и лобного отростка верхней челюсти), а также нижняя часть лицевого черепа (зубная дуга).

По-видимому, образование областей большой стабильности лицевого скелета явилось результатом действия стабилизирующего отбора, закрепляющего постоянство формы важных в функциональном отношении (зубная дуга) и эволюционном отношении (глабелла, назион) отделов лица. Постоянство уровней глабеллы и назиона, вероятно, связано с развитием формы мозгового черепа. Стабильность формы на уровне инфраорбитале и зигиона пока не находит объяснения. Средняя часть лица, не испытывающая в такой же степени действия стабилизирующего отбора, была подвержена большим изменениям.

¹² Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973.

Взаимосвязь отношения длины дуги к хорде между различными уровнями у осетин тувинцев, папуасов и маланезийцев (суммарно) (муж. — верхняя половина матрицы; жен. — нижняя половина матрицы)

Уровень	<i>g</i>	<i>n</i>	<i>L</i>	<i>io</i>	<i>ju</i>	<i>zy</i>	<i>nl</i>	<i>zm</i>	<i>ns</i>	<i>pr</i>
<i>g</i>	1	0,035	-0,130	0,100	0,280	1,169	0,056	-0,003	0,050	0,0
<i>n</i>	-0,253	1	0,013	-0,182	0,086	0,142	-0,078	-0,003	-0,138	-0,1
<i>L</i>	-0,029	0,181	1	0,034	-0,007	0,025	0,005	-0,173	-0,239	0,6
<i>io</i>	0,232	0,044	0,108	1	0,192	0,542	0,220	0,008	0,157	-0,0
<i>ju</i>	0,256	0,162	0,040	0,623	1	0,345	0,602	-0,017	0,008	-0,5
<i>zy</i>	0,203	0,092	0,043	0,624	0,550	1	0,256	-0,009	0,076	-0,9
<i>nl</i>	0,014	-0,003	-0,196	0,215	0,329	0,219	1	0,201	0,210	-0,6
<i>zm</i>	0,137	-0,037	0,041	-0,109	0,087	0,019	0,160	1	0,503	0,1
<i>ns</i>	0,102	0,144	0,190	0,019	0,019	0,022	0,142	0,159	1	0,6
<i>pr</i>	0,165	0,063	0,051	0,115	0,225	0,187	0,164	-0,129	-0,118	1

Для выявления общих тенденций соотносительной изменчивости между показателями формы лицевого скелета внутри каждого уровня проведен корреляционный анализ. В нем использовали следующие показатели, характеризующие форму лицевого скелета: длину дуги, длину хорды, наибольшие высоты, местоположения наибольших высот. Эти параметры определяли на каждом уровне. Составлены внутригрупповые корреляционные матрицы (табл. 2, 3).

В результате можно сделать следующие обобщения. Длины дуги и хорды обнаруживают высокую положительную корреляцию на всех 10 уровнях, что, вероятно, обусловливается их связью с общимиростовыми процессами лица.

Как видно из табл. 2, на уровнях инфраорбитале, югале, зигиона, назоспинале величина сагиттальной высоты (h_2) не связана с длиной дуги и хорды. Почти не обнаруживается такой связи и с латеральной высотой (h_1) на уровне середины слезного гребня. Латеральная высота изгиба обвода (h_1) и длина дуги (и хорды) проявляют высокую степень связи на уровнях глабеллы, назиона, инфраорбитале, зигиона, назолатерале, простиона. Местоположение латеральной высоты ($A\alpha_1$) связано с длиной дуги и хорды на уровнях глабеллы, середины слезного гребня, инфраорбитале, югале, зигиона, назолатерале, зигомаксилляре, назоспинале, простиона (табл. 3). Местоположение медиальной высоты ($A\alpha_2$) обнаруживает высокую корреляцию с длиной дуги и хорды на уровнях югале, зигомаксилляре, назоспинале. Наибольшие высоты и места расположения не имеют тенденции к взаимосвязи.

Следовательно, можно говорить о некоторой автономии изменчивости изгибов среднего отдела лица ближе к сагиттальной линии, в то время как латеральные изгибы более жестко связаны с общей длиной дуги, а значит, и с общими размерами черепа.

Следующий этап в изучении соотносительной изменчивости вариантов формы заключался в исследовании взаимосвязи между показателями формы на различных уровнях лицевого скелета. В данном случае мы использовали комплекс показателей как общую характеристику человека. Такое обобщение мы считали правомерным, так как в работе анализировались ископаемые гоминиды от австралопитековых до палеоантропов и неоантропов.

Результаты проведенного корреляционного анализа по 10 уровням приведены в табл. 4. Показателем формы выбран индекс отношения длины дуги к хорде на каждом из 10 уровней. Обнаружена взаимосвязь, показателей формы на уровнях инфраорбитале, югале, зигион, назолатерале для всех исследованных групп человека в целом. Имеется также положительная связь показателей формы между уровнями глабеллы и югале, глабеллы и простиона, зигомаксилляре и назоспинале. Другими словами, увеличение выступания рельефа на уровне глабеллы вле-

чет за собой увеличение относительной длины дуги на уровнях югала и простиона. В женских сериях у всех трех групп отмечен отрицательный коэффициент корреляции между показателями формы на уровнях гlabelлы и назиона, т. е. при возрастании профилированности на уровне гlabelлы уменьшается выступание рельефа в области назиона.

Таким образом, у современного человека наблюдается взаимозависимость показателей формы лицевого скелета в области среднего отдела (уровни инфраорбитале — назолатерале). Достаточная корреляция отмечается и для нижнего отдела лица (уровни назоспинале — зигомаксилляре): В верхнем отделе лица зависимости между уровнями не обнаружено.

В результате проведения сравнительного анализа по качественным и количественным признакам на 10 уровнях лицевого скелета у ископаемых гоминид обнаружено большое разнообразие вариантов форм и их сочетаний на различных уровнях. Данное заключение относительно изменчивости формы лицевого черепа согласуется с ранее полученными данными по основным измерительным признакам лицевого скелета, показывающими большую пластичность и относительно независимую вариабельность отдельных лицевых структур¹³. Подтверждается единобразие рас человека.

Результаты настоящей работы свидетельствуют о перспективности выбранного направления. Необходимы дальнейшие методические поиски, а также уточнение некоторых выводов на базе более широкого материала.

¹³ Хрисанфова Е. Н. Внутригрупповая и межгрупповая изменчивость основных размеров черепа узконосых обезьян и людей//Вестн. МГУ. Сер. Биология. 1956. № 2. С. 95—102; Никитюк Б. А., Харитонов В. М. О соотношении размеров мозгового и лицевого черепа в ряду антропоидов и гоминид (результаты применения нового метода)// Вопр. антропологии. 1980. № 66. С. 68—75.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. В. Гринёв

ИНДЕЙЦЫ ЭЯКИ И СУДЫ РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ЯКУТАТЕ

Об этнической истории эяков (иаков) — небольшого индейского племени, некогда обитавшего на тихоокеанском побережье Юго-Восточной Аляски, известно немного. Первое подробное этнографическое описание эяков было сделано лишь в 1930-х годах К. Биркет-Смитом Ф. де Лагуной¹. Такое позднее их «открытие» объясняется, видимо, тем, что эяки жили в области, где соприкасались представители трех хозяйствственно-культурных типов: оседлые рыболовы северо-западного побережья (тлинкиты), таежные охотники и рыболовы американского Севера (атапаски атена), а также морские охотники-зверобои (эскимосы чугачи). К моменту контакта с европейцами (конец XVIII в.) эяки усвоили многие элементы культуры своих соседей и потому не всегда четко дифференцировались исследователями. Некоторые авторы причисляли их к эскимосам (особенно из-за звучавшего «по-эскимосски» этнонима *угалахмуты*, под которым эяки были известны в русских источниках), к атапаскам, а еще чаще к тлинкитам.

Язык эяков был досконально изучен ведущим аляскинским лингвистом М. Крауссом. Он отмечал, что хотя этот язык входит наряду с языками атапасков и тлинкитов в большую семью на-дene, однако представляет в ней совершенно самостоятельную ветвь. М. Краусс полагает, что эякский язык сложился в глубине материка, откуда его носители мигрировали на побережье. В подтверждение этого американский исследователь ссылается на то, что эяки не охотились на морских животных, а их хозяйство было ориентировано на использование ресурсов суши. «Очень трудно понять,— пишет М. Краусс,— где могли жить эяки при нынешней территории их расселения и географии региона, чтобы быть полностью изолированными от атапасков, как представляется, в течение 3500 лет»².

Следует заметить, что к моменту «открытия» эяков в 1930 г. они обитали лишь в двух небольших селениях в районе дельты р. Коппер (Медной). Однако рассказы и предания, записанные Ф. де Лагуной³, а также данные топонимики и лингвистики⁴ позволяют предположить, что несколько веков назад эяки расселялись на гораздо большей территории, а именно от устья р. Калиах до устья р. Италио (включая побережье зал. Якутат), а возможно, и южнее. Об этом свидетельствует:

¹ Birket-Smith K., Laguna F. de. The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. København, 1938.

² Краусс М. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее. Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 155.

³ Laguna F. de et al. Archaeology of the Yakutat Bay Area, Alaska//Bull. of Bureau of Amer. Ethnol. 1964. № 192. Р. 1—2.

⁴ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias: The History and Culture of Yakutat Tlingit. Wash., 1972. Pt 1. Р. 76, 82; Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР ГПБ). Ф. 7 (фонд Ф. П. Аделунга) Ед. хр. № 139.

ют факт, что пришедшие позднее в этот регион тлинкиты обозначали эяков этнонимом *яткуан* — «местные люди, первоначальные обитатели»⁵. Таким образом, эяки являлись, вероятно, древнейшими жителями этой части американского побережья. Тихий океан на западе и непропущенные хребты Скалистых гор на востоке, с которых сползали в море огромные ледники, преграждавшие путь на север и на юг, создали те условия изоляции, в которых шло развитие эякского языка и культуры. Реликтом последней являлось, возможно, деревянное каноэ с «вилообразной» формой носа, распространенное как среди эяков, так и среди тлинкитов Якутата еще в начале XX в.⁶ С этих каноэ эяки охотились на тюленей и каланов; главным продуктом их питания была рыба, и прежде всего лосось⁷. Эти факты не подтверждают взгляд М. Краусса о су-хопутной ориентации экономики эяков. Некоторый примитивизм традиционной эякской культуры по сравнению с культурами остальных обитателей северо-западного побережья может быть объяснен длительной изоляцией ее носителей и отсутствием культурных импульсов со стороны.

Как долго продолжалась изоляция эяков на побережье, сказать трудно. Однако к приходу европейцев этническая ситуация в этом регионе была уже существенно иной. На юге, вокруг зал. Драй-Бэй, расселились атапаски (родственные, вероятно, южным тутченам), мигрировавшие из глубин материка по течению р. Алсек⁸. К середине XVIII в. они, а также жившие далее к северу до Якутата эяки подверглись значительной культурной и отчасти языковой ассимиляции со стороны переселявшихся с юга тлинкитов. Процессу «тлинкитизации» эяков способствовали интенсивные торговые контакты, подкреплявшиеся брачными связями, и близкая модель социальной организации, основу которой составляли две экзогамные фратрии, делившиеся на матрилинейные роды. Согласно преданиям, этому процессу в значительной мере способствовал легендарный тлинкитский торговец Хатгавет, торговавший с эяками от Якутата до Каталлы и бравший в жены дочерей местных вождей. Именно он якобы «преобразовал» эякские роды по тлинкитскому образцу и дал им соответствующие тлинкитские названия, такие как *канахтеди*, *кагуантан* и т. д.⁹.

Превосходя атапасков и эяков в экономическом, культурном и военном отношении, тлинкиты за довольно короткий срок стали доминировать на побережье от зал. Льтуа до Якутата. Экспансия тлинкитов с юга вызвала переселение эяков к северо-западу, на побережье зал. Контроллер-Бэй и к устью р. Коппер. Здесь эяки вступили в контакт с атапасками атена, жившими выше по реке. Здесь же, с другой стороны, началась их затяжная вражда с эскимосами, некогда обитавшими на берегах и островах зал. Контроллер. У. Йоханнесен предполагал, что этими эскимосами были родственные чугачам¹⁰ тилкаймуны, т. е. «люди с реки Тилкат» или «Чилкат» (р. Беринг), населявшие не только берега зал. Контроллер, но и противолежащий о-в Каяк. Именно по отношению к ним, а не к эякам, считал Йоханнесен, и использовался этноним *угалахмюты*¹¹. Советские исследователи обычно также причисляли угалахмютов к эскимосам¹². С этим вряд ли можно согласиться. Этноним *угалахмюты* был дан эякам, скорее всего, их соседями — эскимосами чугачами, которые встретились европейским путешественникам раньше,

⁵ *Laguna F. de. Op. cit. P. 215.*

⁶ *Laguna F. de. Op. cit. P. 337—338; Laguna F. de et al. Op. cit. P. 3.*

⁷ *Birket-Smith K., Laguna F. de. Op. cit. P. 47, 107, 113.*

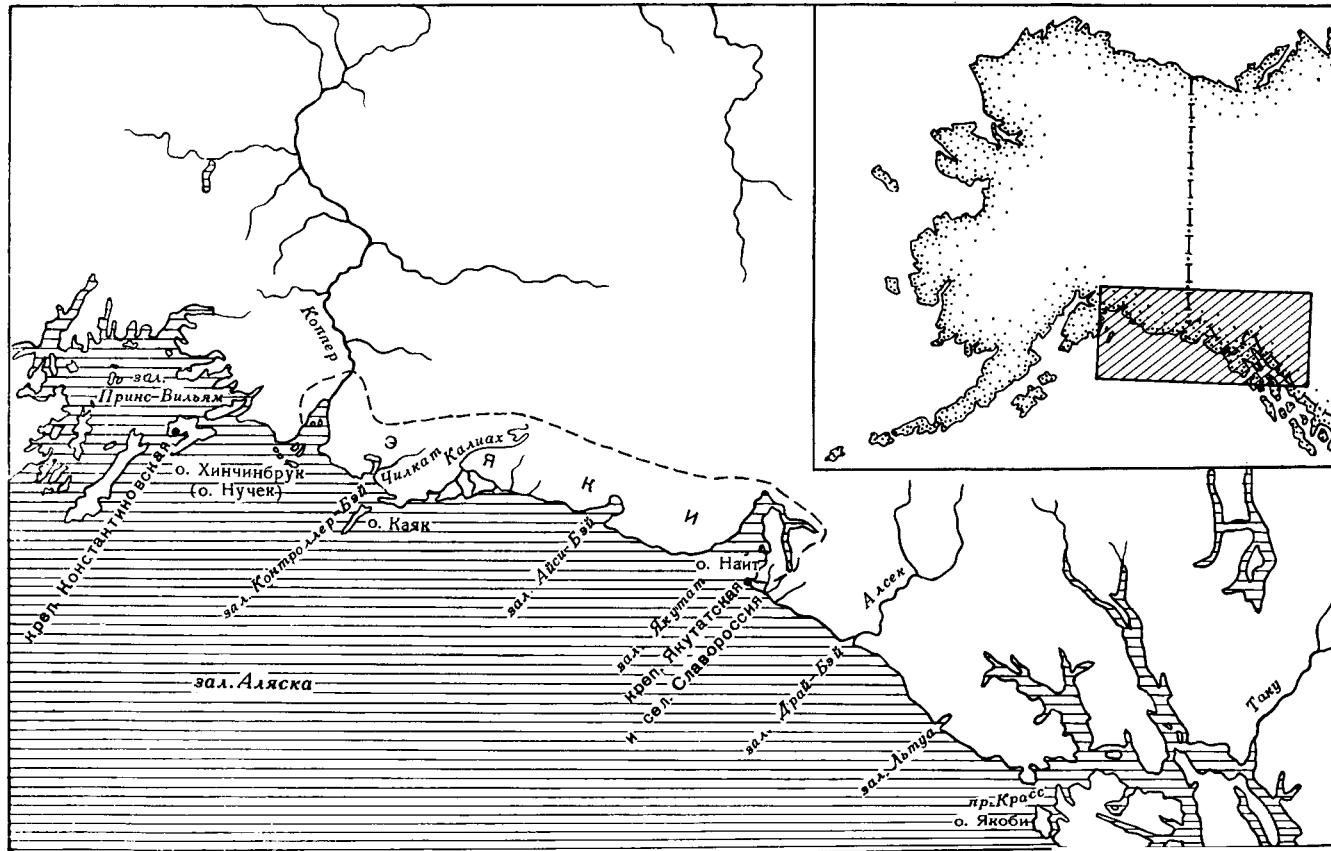
⁸ *Laguna F. de. Op. cit. P. 18, 82.*

⁹ *Laguna F. de. et al. Op. cit. P. 8—9.*

¹⁰ Чугачи — группа тихоокеанских эскимосов, обитавших по берегам и островам ал. Принс-Вильям.

¹¹ *Johannsen U. Versuch einer Analyse dokumentarischen Materials über die Identitätsfrage und die kulturelle Position der Eyak-Indianer Alaskas//Anthropos. 1963. B. 58. i. 873—875.*

¹² См., например: *Файнберг Л. А. Очерки этнической истории зарубежного Севера Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия*). М., 1971. С. 44.

Карта побережья моря
Арктического океана. Район расселения чукчей

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

чем последние вступили в контакт с самими эяками¹³. От чугачей этноним, видимо, попал в европейские источники и стал служить для обозначения эяков. Это становится совершенно очевидным, если сравнить данные ранних русских источников, например «Журнала» Д. Тарханова, с материалами, собранными Ф. де Лагуной. Из «Журнала» Тарханова следует, в частности, что район р. Чилкат населяли в 1790-х годах яки, а не эскимосы¹⁴. Остров же Каяк, вероятно, никогда не имел постоянного населения. Так, еще в 1741 г. участники второй Камчатской экспедиции под руководством В. И. Беринга не встретили на острове кителей, хотя и обнаружили хижину, а в ней некоторые предметы быта местных туземцев¹⁵. Ю. П. Аверкиева полагала, что этими туземцами были индейцы тлинкиты¹⁶, однако это явное заблуждение, так как вторично побывавшие в 1783 г. на Каяке русские застали здесь чугачей, прибывших для летнего промысла¹⁷. А в 1788 г., когда русские исследовали на галиоте «Три Святителя» американское побережье от о-ва Кадьяк до зал. Литуа, взятый на борт галиота чугач сообщил им, что «жителей на сем острове [Каяк] никаких нет, приезжают же сюда, да и то временно, для промысла бобров [каланов] чугачи и угалахмуты [яки]»¹⁸.

Галиот «Три Святителя» был первым русским судном, посетившим зал. Якутат. За год до русских здесь уже побывали английские морские торговцы: в 1787 г. капитан Дж. Диксон на корабле «Королева Шарлотта» скупал каланы шкурки у местных индейцев. Затем в районе Якутата торговали английские капитаны Дж. Колнетт, У. Дуглас, а в 1792—1794 гг.— У. Браун¹⁹. В первой половине 1790-х годов зал. Якутат исследовали две кругосветные правительственные экспедиции: испанская под руководством А. Маласпины (1791 г.) и английская во главе с Дж. Ванкувером (1794 г.).

Однако ни англичане, ни тем более испанцы, претендовавшие на все северо-западное побережье Америки, не были в состоянии эффективно соперничать с русскими, которые не только открыли Аляску и Алеутские острова в ходе экспедиций 1732 и 1741—1742 гг., но и приложили немало сил для ее исследования и освоения. Сразу же после второй Камчатской экспедиции сибирские купцы и промышленники устремились на Алеутские острова для добычи ценной пушнины, и прежде всего калана — «морского бобра». За последующие 40 лет местные жители — алеуты были покорены и обложены натуральной податью. Со временем из них стали создаваться промысловые байдарочные отряды для добычи калана («партии»), возглавлявшиеся русскими промышленниками. С начала 1770-х годов на о-ве Уналашка возникло первое российское селение в Америке, а в 1784 г. предпримчивый купец Г. И. Шелихов основал на о-ве Кадьяк поселение, служившее базой для дальнейшего исследования Юго-Восточной Аляски. Именно отсюда отправился в 1788 г. для описи северо-западного побережья Америки галиот «Три Святителя». Отсюда же вышла в 1792 г. промысловая партия из 300 кадьякцев²⁰ на 150 байдарках во главе с правителем шелиховской компании в Америке А. А. Барановым для исследования зал. Принс-Вильям и подчине-

¹³ Современные эскимосы называют эяков *унгалаймут* — «люди с северо-востока» (*Birket-Smith K., Laguna F. de. Op. cit. P. 338.*)

¹⁴ ОР ГПБ. Сборник Q.IV.311. Л. 35.

¹⁵ 1742 г. Ноября 16.— Из рапорта адъюнкта Академии наук Г. В. Стеллера Сенату...//Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборник документов. М., 1984. С. 271—272.

¹⁶ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 141.

¹⁷ Выписка из журнала штурмана Потапа Зайкова, веденного на судне «св. Александр Невский» в 1783 г.//Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Приложение. Ч. II. СПб., 1863. С. 3—4, 6—7.

¹⁸ Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам/Под ред., с предисл., послесл. и примеч. Б. П. Полевого. Хабаровск, 1971. С. 96.

¹⁹ *Laguna F. de et al. Op. cit. P. 10; Laguna F. de. Op. cit. P. 123—125, 128—135.*

²⁰ Кадьякцы — коренные жители о-ва Кадьяк, эскимосы конягмуты (коняги).

ния России живших на его берегах чугачей. В 1793 и 1794 гг. крупные промысловые партии вели добычу калана непосредственно в районе зал. Якутат. Здесь-то А. А. Баранов и решил заложить новое русское поселение, необходимое как для отдыха партовщиков²¹, так и длякрепления этой территории за Россией.

Первая попытка русских основать поселение в Якутате относится к 1795 г., когда А. А. Баранову удалось оставить на зимовку среди индейцев девять русских, трех кадьякцев и алеутку-толмачку под начальством Д. Тарханова²². Вместо них А. А. Баранов забрал на Кадьяк сына вождя якутатцев, который был там, вероятно, окрещен и получил имя «Федор» (упоминается в источниках также как «тоен (т. е. вождь.—А. Г.) Федор»). Правитель шелиховской компании, несомненно, рассчитывал, что, приняв христианскую веру и пожив среди русских, наследник этого вождя будет проводником его политики среди индейцев Якутата. Для русских это было особенно важно, так как якутатцы уже успели продемонстрировать свою агрессивность. Так, еще в июне 1792 г. они напали на лагерь Баранова в зал. Принс-Вильям, а позднее, в 1794—1795 гг., неоднократно предпринимали враждебные акции против участников промысловых партий. Индейцев явно раздражало хозяйственное присутствие партовщиков в их охотничьих угодьях. Не случайно во время переговоров с русскими в 1794 г. вождь якутатцев, по словам одного из офицеров экспедиции Ванкувера, «употребил все свое красноречие для определения точного протяжения границ их земли и показания несправедливости русских, убивающих и уносящих оттуда морских выдр [как новых]»²³. На эту же причину враждебности якутатцев в 1795 г. указывал и Д. Тарханов²⁴. Якутатцы были особенно опасны тем, что с серединой 1790-х годов они уже имели огнестрельное оружие, полученное от английских торговцев.

Кто же были эти воинственные индейцы, населявшие в то время Якутат? К моменту появления европейцев здесь обитали в основном представители двух родов — куашккуан и тлахаик-текуеди. Последние принадлежали к автохтонному эякскому населению, так как говорили на эякском языке и являлись ветвию эякского рода калиах-кагуантан, расселившегося на побережье к северо-западу от Якутата до Контроллер-Бей²⁵. Тлахаик-текуеди²⁶ владели, по-видимому, селением Тл'аку-ан на о-ве Найт в зал. Якутат. Вероятно, именно в этом эякском селении («при миренных угаляемутцев изнутри Якутацкой губы») побывал в 1796 г. Д. Тарханов²⁷. Часть тлахаик-текуеди, известная также под названием *лухеди*, обитала на реках Лост и Ситук, к востоку от залива²⁸.

Другим индейским родом, жившим в окрестностях Якутата, был род куашккуан, представители которого, возможно, уже усвоили тлинкитский язык, когда первые европейцы появились на побережье. По крайней мере английский капитан Дж. Колнетт (1788 г.) отмечал, что туземцы Якутата говорили на двух различных языках²⁹. Это были, очевидно, эякский (тлахаик-текуеди) и тлинкитский (куашккуан) языки.

Предками куашккуан были смешавшиеся с эяками атапаски атена и низовьев р. Коппер, пришедшие в Якутат «10 поколений тому назад»

²¹ Партовщики — туземцы, участники промысловой партии.

²² ОР ГПБ. Сборник Q.IV.311. Л. 5—8; Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб. 1835. С. 28.

²³ Возможно, это был не сын, а племянник главного якутатского вождя, так как тлинкитов наследником считался сын сестры.

²⁴ Ванкувер Дж. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света. Кн. 5. СПб., 1833. С. 438.

²⁵ ОР ГПБ. Сборник Q.IV.311. Л. 12.

²⁶ *Laguna F. de. Op. cit. P. 222.*

²⁷ Первая часть названия рода означает местность, где он обитал, а вторая является собственно родовым называнием. «Тлахаик» — эякское слово, использовавшееся тлинкитами для обозначения зал. Якутат.

²⁸ ОР ГПБ. Сборник Q.IV.311. Л. 22—23.

²⁹ *Laguna F. de. Op. cit. Я. 76, 221—222.*

³⁰ *Laguna F. de et al. Op. cit. P. 3.*

(т. е. около 250—300 лет). Можно предположить, что лишь в Якутате куашкуан оформились в самостоятельный род³¹. Будучи группой смешанного происхождения, они были гораздо быстрее ассимилированы тлинкитами, чем их соседи тлахаик-текуеди. Именно их и причисляли, очевидно, русские к *колошам* (*кобошам*), т. е. к тлинкитам Якутата³².

К началу европейской колонизации куашкуан были, вероятно, самым многочисленным и сильным родом в этом районе. Крупное селение, принадлежавшее этому роду,— Нессудат можно, пожалуй, идентифицировать с «Якутским жилом» (селением), упоминавшимся в ранних русских источниках³³. Скорее всего к роду куашкуан и принадлежал взятый Барановым на Кадъяк тоен Федор, так как Баранов в своей политике стремился опереться на наиболее влиятельные тлинкитские роды.

На Кадъяке тоен Федор прожил менее года и в 1796 г. вернулся к своим соплеменникам в сопровождении А. А. Баранова, который заложил крепость и селение у зал. Якутат. Еще Г. И. Шелихов предполагал иметь в этом районе не только укрепленную факторию, но и поселение хлебопашцев, которые обеспечивали бы продовольствием русские колонии в Америке. С этой целью в Якутате было расселено не менее двух десятков семей сибирских поселенцев («посельщиков») в дополнение к партии Д. Тарханова, зимовавшей здесь с 1795 г.

Индейцы, видя, что на их территории начинают селиться русские, решили установить с ними добрососедские отношения. Они, вероятно, опасались столь многочисленных и хорошо вооруженных пришельцев (на строительстве в Якутате было занято около 80 русских и несколько десятков партовщиков). С большой церемонией к А. А. Баранову в сопровождении своих сородичей явился «главный тоен» Якутата — как можно предположить, вождь рода куашкуан. Во время торжественной встречи А. А. Баранов, не довольствуясь заверениями в дружбе, попросил у старого вождя дать ему в заложники его родственников. Не исключено, что именно под нажимом А. А. Баранова вождь передал власть своему наследнику (тоену Федору?), которому была вручена специальная бумага, утверждавшая его в этом «звании». В это же время, выдав русским заложников, получили письменные гарантии безопасности «угалахмуты, жившие далее во внутрь земли от Якутского залива»³⁴, т. е. эяки тлахаик-текуеди. Дальнейшая судьба якутатских эяков представляет один из самых драматических эпизодов истории Русской Америки и тесно связана с судьбой русского поселения и крепости, основанных здесь в июле 1796 г.

Строительство Якутатской крепости и селения Славороссия продолжалось два месяца, после чего А. А. Баранов отправился на Кадъяк, оставил на зимовку до 80 русских поселенцев и промышленников. Зима 1796/97 г. обернулась для них трагедией: от цинги умерло около 30 человек³⁵. Бедственное положение нового поселения усугублялось еще и конфликтом между начальником поселенцев И. Г. Поломошным и главой промышленников С. Ф. Ларионовым, в который были втянуты и якутатцы. Насилие и грубое обращение с туземцами некоторых русских промышленников в Якутате отрицательно сказалось впоследствии на взаимоотношениях русских и индейцев³⁶. В конце концов А. А. Баранов вынужден был отзвать И. Г. Поломошного, назначив начальником поселенцев Н. Мухина.

Якутат после основания там крепости и селения превратился в главную перевалочную базу при движении промысловых партий с Кадъяка

³¹ Его название произошло от протекающей в районе Якутата речки Куашк (по-эякски «Горбуша») с прибавлением тлинкитского слова *ку'ан* — «стамоные жители».

³² Об этониме *колоши* см.: Гринёв А. В. Об этониме «колоши»//Сов. этнография. 1986. № 1. С. 104—108.

³³ Архив внешней политики России (далее — АВПР). Ф. Гл. Архив 1—7. 1802 г. Д. 1. Папка № 35. Л. 150 об.—151.

³⁴ Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. I. СПб., 1861. С. 54—55.

³⁵ Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова, Ново-Архангельск/Сост., предисл., comment. и указ. Федоровой С. Г. М., 1985. С. 41.

³⁶ Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. I. СПб., 1861. С. 55.

на юг, в изобиловавшие «морским бобром» проливы архипелага Аляска. В Якутате пиратам раздавали несколько десятков ружей для защиты от возможного нападения тлинкитов; сюда же пираты свозили добытую на промысле пушнину. С 1797 г. байдарочные флотилии начинают совершать регулярные походы в район о-ва Ситхе, который был избран Барановым для создания новой базы на северо-западном побережье к югу от Якутата. В 1799 г. на острове была заложена Михайловская (Новоархангельская) крепость. Год ее основания совпал с датой окончательного оформления созданной под эгидой государства Российско-Американской компании (РАК), которой стали подчиняться все российские колонии в Америке. Их главным правителем был назначен А. А. Баранов (официально с 1803 г.).

Заложенная на Ситхе крепость просуществовала, однако, недолго. В 1802 г. тлинкиты захватили и уничтожили ее, а также атаковали промысловую партию. Лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств не состоялось подготовленное уже нападение на Якутатскую крепость со стороны *акойцев* — тлинкитов из района Драй-Бэй³⁷. Главной причиной выступления индейцев было то, что в их исконных охотничьих угодьях байдарочные флотилии РАК развернули интенсивные промыслы калана, за шкурки которого сами тлинкиты получали необходимые им товары с английских и американских кораблей³⁸.

В 1803 г., готовясь к реваншу за поражение на Ситхе, А. А. Баранов сконцентрировал в Якутате значительный контингент русских промысловиков и построил суда для карательной экспедиции³⁹. В следующем году он вновь утвердился на Ситхе, изгнав местных тлинкитов из крепости на побережье острова. Здесь, на месте бывшего индейского селения, был заложен Новоархангельск — «столица» Русской Америки (с 1808 г.). Летом 1805 г., после заключения мира с тлинкитами А. А. Баранов опять направил байдарочную флотилию для добычи калана в проливы архипелага Александра. После успешного промысла большая часть партии под начальством Т. С. Демяненкова отправила назад на Кадьяк.

В пути Демяненков получил от встречных тлинкитов весть о захвате индейцами Якутатской крепости и селения. Убедившись в этом воочию и опасаясь подвергнуться нападению индейцев на берегу, он с большей частью своей партии решил идти прямо к Константиновской крепости в зал. Принс-Вильям. Экипажи примерно 30 байдарок, совершившие опасные силевшие от длительного перехода из-под Ситхи, решили, несмотря на то что, пристать к якутатскому берегу и передохнуть. Им удалось избежать нападения индейцев и в конце концов добраться до Кадьяка. Большая же часть партии вместе с Демяненковым была потоплена бурей⁴⁰.

Если ситхинские события 1802 г. можно в целом довольно полно восстановить по имеющимся документам, а «реконкиста» 1804 г. вызывает лишь частные вопросы и требует отдельных уточнений, то захват индейцами Якутата в 1805 г. до сих пор практически не исследован. В историках нет даже точной даты разорения индейцами русской крепости в Якутате. Так, видный деятель РАК Н. П. Резанов писал, что это произошло в октябре 1805 г.⁴¹, а П. А. Тихменев еще более расплывчато указал осень 1805 г.⁴² Судя же по наиболее достоверному источнику, крепость пала 20 августа 1805 г.⁴³.

³⁷ Хлебников К. Т. Первоначальное поселение русских в Америке//Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. IV. СПб., 1861. С. 53.

³⁸ Истомин А. А. Русско-тлинкитские контакты (XVIII—XIX вв.)//Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985. С. 147.

³⁹ ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 4. Л. 15 об.

⁴⁰ Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках»... С. 45.

⁴¹ Письмо Резанова к министру коммерции из Новоархангельска от 17 Июня 1806 года//Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. II. Приложение. СПб., 1863. С. 287.

⁴² Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. I. СПб., 1861. С. 151.

⁴³ Письмо управляющего Константиновским редутом Репина к Баранову от 24 Сентября 1805 г./Тихменев П. А. Указ. раб. Приложение. Ч. II. СПб., 1863. С. 196—197.

Разноречивы и сведения о количестве русских, бывших в Якутской крепости и селении. В донесении Главного правления РАК императору Александру I говорилось, что в Якутате находилось 22 русских с «верными островитянами» (т. е. кадьякцами, чугачами и алеутами)⁴⁴. К. Т. Хлебников утверждал, что накануне трагических событий в крепости находилось всего 12 русских промышленников во главе с С. Ф. Ларионовым⁴⁵, а по мнению современного американского историка Дж. Р. Гибсона, там проживало 22 русские семьи и много алеутов⁴⁶. Наибольшего доверия заслуживают, на наш взгляд, данные Н. П. Резанова, использовавшего колониальную статистику⁴⁷. Он сообщал, что в 1805 г. в Якутате находилось под начальством С. Ф. Ларионова 15 русских промышленников, 9 поселенцев с семьями, писарь, кузнец и слесарь. Кроме того, при крепости жили каюры⁴⁸—20 мужчин и 15 женщин. Не исключено, что кроме этих каюров в поселении находилось еще шесть чугачей и четыре кадьякца, о чем сообщал начальник Константиновской крепости А. А. Барапнову⁴⁹.

В известных нам русских источниках почти ничего не говорится о причинах нападения индейцев на Якутскую крепость и селение. Главное правление РАК в Петербурге настойчиво пыталось свалить вину на американских торговцев, поставлявших в то время оружие тлинкитам. При этом директоры РАК подчеркивали также воинственность туземцев, их «склонность к сражениям и жестокости»⁵⁰. Однако контакты американцев с якутатцами в этот период не зафиксированы. Следовательно, причины выступления индейцев кроются в другом. Вскрыть их помогают предания тлинкитов, собранные Ф. де Лагуной⁵¹.

Главной причиной выступления было то, что русские не позволяли якутатцам пользоваться традиционными рыболовными угодьями. Согласно преданиям, русские построили рыбный запор на р. Тавал, что препятствовало проходу рыбы в озера, расположенные выше по течению. Действительно, в русских источниках упоминаются два рыбных запора вблизи русского поселения в Якутате⁵². Недостаток рыбы вызывал, видимо, угрозу голода среди индейцев, о чем также рассказывается в легендах. Кроме того, когда индейцы плавали по реке, им часто приходилось перетаскивать волоком свои тяжелые каноэ, так как русские открывали запор только для лодки вождя, а с простых индейцев требовали за проезд шкуру калана.

Другой существенной причиной возмущения индейцев было то, что служащие РАК забирали их детей в «школу» и использовали их там для «рабских» работ. Речь, очевидно, шла об отправке детей-заложников в школу на о-ве Кадьяк, которую основал там еще Г. И. Шелихов. Учащиеся этой школы использовались на легких работах для нужд компании. Но с точки зрения туземцев это было рабство.

В Якутате, как и некогда в Ситхе, некоторые русские промышленники грубо обращались с местными жителями, забирали к себе индейских женщин, использовали индейцев для работ без оплаты. Помимо всего прочего русские не заплатили якутатцам за землю, уступленную ими под поселение, хотя в свое время и обещали это сделать. Непосредственным же поводом для выступления индейцев, как говорится в одной из

⁴⁴ АВПР. Ф. Гл. Архив П-3, 1805—1824 гг. Оп. 34. Д. 7. Л. 2.

⁴⁵ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Барапнова ... С. 102.

⁴⁶ Gibson J. R. Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Supply of Russ. America, 1784—1867. N. Y., 1976. P. 14.

⁴⁷ АВПР. Ф. Гл. Архив 1—7. 1802 г. Д. 1. Папка № 35. Л. 154.

⁴⁸ «Каюрами» в Русской Америке называли наиболее угнетаемую и бесправную часть туземного населения. Это были фактически рабы РАК.

⁴⁹ Письмо управляющего Константиновским редутом Репина... С. 196.

⁵⁰ 104. Записки директоров Главного управления Российско-Американской компании М. М. Булдакова и В. В. Крамера, 21 апреля (3 мая) 1808 г.///Внешняя политика России XIX и XX века: Документы российского Министерства иностранных дел/Отв. ред. Нарочинский А. Л. Сер. II. Т. IV. М., 1974. С. 242.

⁵¹ Laguna F. de. Op. cit. P. 233—236, 259—261.

⁵² ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 4. Л. 15 об.; ОР ГПБ. Сборник. Q.IV.311. Л. 17.

легенд, была угроза русских убить туземца из рода тлахайк-текуеди: то, что тот вынул без разрешения гвозди из разбитого ялика на берегу⁵³.

В известных нам отечественных источниках отсутствуют подробности разорения Якутата индейцами. Согласно тлинкитским преданиям крепость была захвачена, когда почти все промышленники уехали на рыбную ловлю. Немногие оставшиеся были убиты индейцами, не успевшие оказать какого-либо сопротивления. После этого индейцы напали на возвращавшихся с рыбалки промышленников и всех перебили⁵⁴. Захватив крепость, якутатцы разграбили ее и сожгли. Некоторые предметы попавшие к индейцам в то время, передаются из поколения в поколение и сохраняются до сих пор как семейные реликвии. К ним относятся, например, медная пушка, шпага с ножнами и медный котелок, принадлежавшие, как утверждают индейцы, коменданту русской крепости⁵⁵.

Совершенно не ясен вопрос о потерях русских в Якутате. Там Н. П. Резанов писал, что из 40 человек, находившихся там в 1805 г., удалось спастись только восьми мужчинам, двум женщинам и трём мальчикам⁵⁶. Согласно данным Главного правления РАК, погибли 14 русских «и с ними много островитян» (кадьякцев и чугачей), а спаслись только «четыре промышленника, четыре посельщика с двумя женщинами и тремя детьми», которые попали в плен к угалахмутам⁵⁷. Число спасшихся русских было, возможно, значительнонее, поскольку в письмах А. А. Баранова упоминаются также некая «посельщица Иванова», какой-то «немец» и посельщик по фамилии Филсов, которые первоначально находились в Якутате под покровительством тоена Федора, а затем попали в плен к акойскому тоену Чесныге⁵⁸. Неверные данные, судя по архивным документам, приводят в одной из своих работ К. Т. Хлебников. По его словам, в Якутате находилось всего 13 русских, и все они были перебиты индейцами. Спасти удалось якобы только жене Ларионова с тремя детьми и нескольким алеутам⁵⁹. В тлинкитских же легендах говорится, что избежать смерти удалось лишь сторожу у рыбного запора и смотрителю маяка, а также дочери (жене?) коменданта крепости «Станислава»⁶⁰.

В источниках нет ясности в указании зачинщиков и участников выступления туземцев в Якутате. И. Репин доносил А. А. Баранову, что русские в Якутате были перебиты каюрами при поддержке части якутатцев⁶¹. Н. П. Резанов писал, что это совершили каюры, подкупленные, возможно, акойцами⁶². А. А. Баранов предполагал, что крепость захватили каюры, которых «подучили» некоторые из местных туземцев и «акойские»⁶³. Главное правление РАК доносило императору, что нападение на Якутат было совершено «ненмирными, около того места обитавшими народами»⁶⁴. По данным К. Т. Хлебникова, это были «колоши», т. е. тлинкиты⁶⁵. По сведениям же П. А. Тихменева, крепость атаковали угалахмуты (якутатские эяки?), но тут же говорится, что это совершили колоши⁶⁶.

Сопоставляя эти данные с индейскими преданиями, можно прийти к выводу, что в захвате крепости участвовала часть якутатцев — эяки тлахайк-текуеди⁶⁷. Очевидно, именно из этого рода набирали русские каю-

⁵³ *Laguna F. de.* Op. cit. P. 259—260.

⁵⁴ Ibid. P. 232—234, 260—261.

⁵⁵ Ibid. P. 261.

⁵⁶ Письмо Резанова к министру коммерции... С. 278.

⁵⁷ АВПР. Ф. Гл. Архив П-3, 1805—1824 гг. Оп. 34. Д. 7. Л. 2.

⁵⁸ ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 6. Л. 2 об.

⁵⁹ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 102—103

⁶⁰ *Laguna F. de.* Op. cit. P. 235, 259—260.

⁶¹ Письмо управляющего Константиновским редутом Репина... С. 195.

⁶² Письмо Резанова к директорам р. а. компаний из Новоафондзельска от 15-го Февраля 1806 года//Тихменев П. А. Указ. раб. Приложение. Ч. II. СПб., 1863. С. 151.

⁶³ ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 6. Л. 3 об.

⁶⁴ АВПР. Ф. Гл. Архив П-3, 1805—1824 гг. Оп. 34. Д. 7. Л. 2.

⁶⁵ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 102—103

⁶⁶ Тихменев П. А. Указ. раб. Ч. I. СПб., 1861. С. 151.

⁶⁷ *Laguna F. de.* Op. cit. P. 233—236, 259—262.

ров, поскольку опасались брать для работ компании людей из более сильного рода куашккуан. Эти каюры, возможно, и помогли своим сородичам в выступлении против русских. Легенды сообщают, что тлахаик-текуеди возглавлял некий Танух. Его поддержали лишь немногие из рода куашккуан, вождь которого «не хотел войны с русскими»⁶⁸. И действительно, по данным А. А. Баранова, тоен Федор не принял участия в нападении на крепость («его оправдывают все, что неповинен в злодействе»), хотя, возможно, часть его людей и приняла участие в грабеже⁶⁹. Танух же, как говорится в предании, был через некоторое время схвачен русскими и впоследствии погиб⁷⁰.

Падение Якутата и гибель партии Демененкова явились тяжелым ударом для русских колоний в Америке. Была утрачена важная хозяйственная и стратегическая база. РАК понесла большие материальные потери: только строения в Якутате оценивались (на 1805 г.) в 31 525 руб.— это было после Новоархангельска самое дорогостоящее российское поселение на Аляске⁷¹. Гибель промышленников в Якутате при хроническом недостатке их в Русской Америке, и в особенности потеря партии Демененкова (погибло около 200 чел.), существенно ослабили позиции РАК. Не случайно по этому поводу К. Т. Хлебников писал: «Сие несчастие остановило успехи промышленности, и в 1806 году не было отряда из Ситхи»⁷².

Весть о разорении Якутатской крепости и селения вызвала брожение среди туземцев Русской Америки. Индейцы танаина, по словам Н. П. Резанова, стали проявлять «холодность» к русским, а чугачи и атена открыто угрожали нападением на Константиновскую крепость⁷³.

События, последовавшие за разорением Якутата, подробно описаны К. Т. Хлебниковым. Он сообщал, что якутатцы, ободренные успехом победы над русскими, решили устроить набег на Константиновскую крепость и на чугачей. Однако их поход окончился неудачей: многие из индейцев были перебиты чугачами, другие утонули во время шторма, а остатки уничтожены угалахмутами. Возглавлявший военную экспедицию якутатцев тоен Федор покончил якобы жизнь самоубийством в Константиновской крепости⁷⁴. Эти сведения К. Т. Хлебникова не находят подтверждения в известных нам архивных документах и преданиях якутатцев, более того, противоречат им. Так, начальником Константиновской крепости был не Уваров, как писал Хлебников, а Иван Репин. Тоен Федор не покончил с собой в 1805 г., а здравствовал по крайней мере до 1807 г., приглашая Баранова (через посредничество угалахмутов) прибыть в Якутат и забрать имевшиеся у него вещи из разоренной русской крепости⁷⁵. Ошибочная, на наш взгляд, версия К. Т. Хлебникова в дальнейшем широко цитировалась в работах многих авторитетных исследователей⁷⁶.

По-иному описывают ситуацию, сложившуюся после захвата Якутата, тлинкитские легенды⁷⁷. Тлахаик-текуеди, разорившие русскую крепость, не только не устраивали набега на чугачей и Константиновскую крепость, но, напротив, отступили от побережья, опасаясь мести Баранова. Под руководством своего вождя Лушвака они построили на р. Ситук укрепление Чак-Ну («Орлиная Крепость», по-эякско *Kuchgalak Glash'ał*). В это время среди тлинкитов, живших южнее Якутата, распространился слух, что тлахаик-текуеди якобы очень обогатились, разграбив

⁶⁸ Ibid. P. 260.

⁶⁹ ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 6. Л. 3 об.

⁷⁰ Laguna F. de. Op. cit. P. 235.

⁷¹ АВПР. Ф. Гл. Архив 1—7, 1802 г. Д. 1. Папка № 35. Л. 166.

⁷² Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках»... С. 45.

⁷³ Письмо Резанова к министру коммерции... С. 278.

⁷⁴ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова... С. 103—104.

⁷⁵ ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 6. Л. 10.

⁷⁶ Bancroft H. H. History of Alaska 1730—1885. Darien, 1970. P. 451—452; Krause A. The Tlingit-Indians. Seattle and London, 1956. P. 36; Andrews C. L. The Story of Alaska. Caldwell, 1947. P. 81—82; Laguna F. de. Op. cit. P. 175.

⁷⁷ Laguna F. de. Op. cit. P. 261—263, 266—268.

русскую крепость. Слухи об этом богатстве побудили тлинкитов тлукнахади из района Драй-Бэй при поддержке других тлинкитских народов напасть в свою очередь на тлахаик-текуеди. Первый набег был удачен: при попытке захватить Чак-Ну тлукнахади были полностью разгромлены защитниками крепости. Вновь собравшись с силами, тлукнахади опять совершили набег на Якутат. Скрытно подплыв ночью военных каноэ к укрепленному охотниччьему лагерю тлахаик-текуеди побережье, они неожиданно напали на своих спящих врагов и по всем перебили. Согласно преданиям, лишь Лушваку удалось бежать горы, но он был ранен и добит преследователями⁷⁸.

Это был конец якутских эяков. Кое-кому из них, возможно, удалось спастись. Так, Р. Л. Олсон записал со слов одной тлинкитки рассказ о русско-индейскомmetis — мальчике из якутских текуеди, который попал в плен к тлукнахади во время войны и был продан им в рабство⁷⁹. Р. Л. Олсон предполагал, что сородичи не выкупили его из плена, потому что он был метисом. Однако дело, видимо, было в другом. Мальчика некому было выкупить, так как его род перестал существовать. Избежавшие смерти и плена тлахаик-текуеди (если таковые вообще были) бежали, очевидно, на северо-запад, к своим родственникам калиах-кагуантан. Земли якутских эяков захватили «истинные» тлинкитские текуеди из района Драй-Бэй.

Данные индейских преданий подтверждаются архивными документами. А. А. Баранов упоминал в письмах акойского тоена Чесныгу, который отнял у тоена Федора содергавшихся у него русских пленных из Якутата, а акойцы после сражения с якутатцами завладели имуществом из разграбленной русской крепости⁸⁰. Вождь акойцев Чесныга уже упоминался в русских источниках в связи с ситхинскими событиями 1802 г. Ф. де Лагуна идентифицировала его имя с тлинкитским именем «Джиснийя», которое носил вождь тлукнахади(!) из селения Куун (район Драй-Бэй)⁸¹. В 1804 г., во время похода А. А. Баранова на тлинкитов, Чесныга выступал в качестве парламентера от русских, за что возможно, и получил в 1805 г. серебряную медаль от Н. П. Резанова⁸². Не исключено, что именно по просьбе А. А. Баранова Чесныга возглавил военную экспедицию акойцев на «мятежных» якутских эяков.

Русское поселение в Якутате так никогда и не было восстановлено. Сил для этого у Баранова уже не хватило. Правда, в 1820-х годах Главное правление РАК запрашивало администрацию русских колоний Америке о возможности вторичного заселения Якутата, но получило отрицательный ответ⁸³. Поэтому следует признать ошибочным утверждение А. И. Алексеева о том, что поселение там было восстановлено в 1807 г. штурманом Булыгиным. Аналогичная ошибка повторена и в дипломатической сертификации Е. В. Мезенцева⁸⁴.

Русская крепость и якутские эяки были уничтожены. Ничто более не сдерживало экспансию тлинкитов на северо-запад. Эяки, жившие к северу от Якутата до устья р. Коппер, стали быстро терять свою этническую специфику под влиянием участившихся торговых и брачных контактов со своими южными соседями. К моменту продажи Россией Аляски США (1867 г.) они уже почти ничем не отличались от тлинкитов. Не случайно в первом цензре переписи населения Аляски 1880 г. все туземцы, обитавшие от Якутата до устья р. Коппер, были обозначены как «тлинкиты». До «открытия» эяков этнографической наукой оставалось ровно 50 лет.

⁷⁸ Ibid. P. 264, 267.

⁷⁹ Olson R. L. Social Structure and Social Life of the Tlingit in Alaska//Anthropological Records. 1967. V. 26. P. 55.

⁸⁰ ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 6. Л. 20.

⁸¹ Laguna F. de. Op. cit. P. 171.

⁸² ОР ГБЛ. Ф. 204. К. 32. Ед. хр. № 4. Л. 25, 25 об., 33.

⁸³ АВПР. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 992. Л. 53 об., 65.

⁸⁴ Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 159; Мезенцев Е. В. Русский флот на Тихом океане (1783—1813 гг.)//Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1987. С. 20.

На стыке **жанров**

Л. А. А б р а м я н
БЕСЕДЫ У ДЕРЕВА

От редакции

Работа Л. А. Абрамяна, вероятно, будет неожиданностью для читателей нашего журнала как вследствие своей свободной художественной формы, не сводимой к какому-либо литературному, тем более научному, жанру, так и благодаря непривычному подходу к описываемому предмету. Предмет-то как раз в высшей степени этнографичный — традиции и верования народов в их словесном (пословицы и поговорки) и действенном (обряды, ритуалы) проявлениях. Но вот этнографический комментарий в форме медитации, внутреннего диалога автора — вещь совсем для нас не привычная, тем более что мы не избалованы даже эссеистикой.

Впрочем, читателю «Бесед у дерева» нужно будет преодолеть не трудности восприятия (о каких трудностях можно говорить применительно к этим почти стихотворениям в прозе?), а скорее стереотипы восприятия (научный текст так не выглядит!). Действительно, Л. А. Абрамян пытается воссоздать некое единство, напоминающее архаическое состояние, из которого развились искусство, магия, наука, поэзия. Но, принимая во внимание то, что современная мифологическая наука весьма преуспела в разложении этого единства на элементарные составляющие, вовсе небезынтересен противоположный ему синтез, тем более что современная литература «магического реализма» представляет собой последовательное развитие этого жанра.

Остается лишь добавить, что эта работа написана более 10 лет назад, и опубликована с тех пор лишь небольшая ее часть в сборнике Географического общества СССР («Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979. С. 55—85»), а также в книге: Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван, 1983.

* * *

1. Поляна, замершая в знойный полдень. Но вот пробежал ветерок — и зашелестели листья, зашевелилась трава, задвигались тени. Поляна ожила.

3. Все движущееся мы склонны воспринимать как живое. Котенок играет только с движущимся клубком — как с живым. В опытах профессора Гржимека звери сперва принимали своих резиновых собратьев за живых и пытались играть с ними, но когда те ничего не делали в ответ, они быстро теряли к ним всякий интерес.

5. Столъ непохожий на волка Фарли Моуэт, отметив по-волчьи свои владения, был тут же принят волками за своего — с тех пор они свято соблюдали волчьи законы суверенитета¹. Но ты можешь возразить, что Фарли Моуэт подражал не тому, как волки мочились, а тому, что они просто мочились. Он, скажем, не становился на четвереньки и не поднимал характерно ногу, да и мочился он тайком от волков, когда те были на охоте. Еще ты можешь сказать, что Моуэт мог бы сидеть перед волками и синтезировать в колбе мочу, а затем отмечать ею свои границы, нагло поглядывая на озадаченных волков. Значит, он подражал моче, а не волкам. Да, но волки, заметив отметки на камнях, тут же сами пометили их, но с другой стороны, т. е. они восприняли это как появление нового волка, который так же, как они, отмечает свои

¹ Моуэт Ф. Не кричи, волки! М., 1968. С. 56—57.

траницы. Волки помнят о своих действиях, и поэтому моча Моуэта воспринимается ими как его действие.

6. Бесплодная женщина исцелится от своего страдания, если помочится на крыше того дома, где недавно родился первенец,— конечно, тайком от хозяев дома, так что этим она может навлечь бесплодие на роженицу.

— И ребенок, и моча находились во чреве своих матерей. Но чтобы чрево поместило чудесные свойства, моча должна выйти оттуда как ребенок.

— Но моча — это тот «неребенок», который изгоняется из чрева, и именно передает бесплодие роженице. Избавившись от этого «неребенка», очистившись и разверзшись над плодоносным чревом роженицы, приобретает чудесные свойства. В другом ритуале бесплодная женщина несколько раз перепрыгивает через могилу принявшую покойника могилу. В прыжке два чрева, две разверстые могилы незаметно уподобляются друг другу. Но одна из них скоро «забеременеет».

Или же бесплодие отдается убитому, не получившему причастия, когда моча на его могиле в «руках и ногах»². Моча-«неплод» посыпается неприкащенному покойнику в руки и ноги, чтобы тот взял его и унес с собой в ад.

8. «От мора и болезней хозяин опахивает двор союю на жене, а бабы на него опахивают деревни, раздевшись донаగа»³.

— Земля вспахивается, т. е. в ней открываются бесчисленные ямки, куда должна стянуть болезнь. И делают это женщины, сняв с себя одежду. Всякое раздевание будь то смелый вырез бального платья или взмах юбкой в танце,— это частичное нажжение лона, самого скрытого места женщины. Но бабы здесь раздеваются даже и на себе опахивают деревни. Для болезней нет больше места на земле — и снизу сверху их подстерегают два лона, две могилы, которые поглотят их безвозвратно.

10. Как бы описал в своем дневнике наблюдатель из § 2⁴ поведение теней? Можно, в его стране нет теней. Написал бы он о таинственной неразлучности существ у колышимых ветром трав — плотной светлой и тонкой темной?

14. Наблюдатель из § 2, желая выпить воды, нагнулся над ручьем и вдруг увидел свое отражение. Возможно, он приехал из страны, где все ручьи мутные и несут ничего блестящего. Кто же глянул тогда на него из ручья?

15. «Ребенку не показывать зеркала, чтоб не был пуглив»⁵.

Ребенок не узнает своего отражения и заглядывает за зеркало. И еще он может испугаться своего двойника. Шимпанзе также заглядывает за зеркало, впадает в него и еще долго угрожает своему двойнику кулаками, когда зеркало уберут.

В воде источников или где-нибудь вблизи них, в корыте, где купают новорожденного, или в кружке, из которой пьют воду, живут таинственные злые существа *кады*. Они — наши злые зеркальные отображения и делают все наоборот. Они даже ходят вперед пятками — и обычно так, по следу, их и выявляют⁶.

Может, быть, в глубине души мы не любим, чтобы нас передразнивали? Только клоуну мы великодушно позволяем делать это, но клоун — отражение в кривом зеркале.

Может, поэтому в дуалистических космогонических мифах близнец, наделенный злым началом, обычно неудачно подражает своему благодетельному брату?

В финской легенде говорится: «Прежде чем появилась земля, стоял Бог на земле в столбце посредине моря. Когда он увидел в воде свое отражение, сказал: „Вставай! Это был черт“⁷.

Черт все делает наоборот богу. И те, кто служит ему, тоже поступают то же. Достаточно слову «раб» в выражении «раб божий» превратиться в свой перевертыш.

² Лисициан Ст. Армяне Зангезура. Ереван, 1969. С. 199—200, 272 (на арм. яз.).

³ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 928.

⁴ § 2 отсутствует в рукописи, хотя автор нередко обращается к образу наблюдателя из § 2 (Примеч. редакции).

⁵ Даль В. Указ. раб. С. 939.

⁶ Лисициан Ст. Указ. раб. С. 299.

⁷ Мансикка В. Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира. Этногр. обозрение. 1909—1910. № 2—3. С. 171.

«пар божий», чтобы тут же стать черным заговором⁸. Во время черной мессы служба читается с конца, и священник благославляет не правой рукой в воздухе, как обычно, а левой ногой на земле.

Если я поднимаю правую руку, то мой двойник в ручье поднимает левую. Убийца в одной из книг Агаты Кристи не учла этого, когда перед зеркалом готовилась к своей мрачной роли, и это погубило ее.

Такая особенность поведения нашего двойника получила отражение в многочисленных противопоставлениях правого и левого: от обычая сплевывать через левое плечо, потому что там дьявол, а ангел-хранитель у правого бока, до — «правая ягода чешется — к болезни и печали, левая — к корысти»⁹.

16. И как тени неразлучны с предметами, так всякое существо должно иметь своего зеркального двойника.

— Как бы мы восприняли человека, не отражающегося в зеркале? Это страшнее, чем если бы он не отбрасывал тени.

Если убить двойника, то умрет связанный с ним человек, поэтому черный маг пронзает сердце вольта, а разбитое зеркало — к смерти. Говорят, что в детстве я боялся фотографироваться, потому что застывший, мертвый снимок означал бы и мою смерть.

— Но наши зеркальные двойники более живучи, чем мы. Отражение покойника могло бы долго еще жить в зеркале, когда покойник уже надежно придавлен тяжелым камнем в могиле. К счастью, мы завешиваем все зеркала, пока он еще не ушел из дома.

18. Однако не бывает отражения без того, что отражается. Злая мачеха видит в своем волшебном зеркале не праздные картинки — там отражаются вещи, которые происходят на самом деле, только где-то в другом месте. Девушки во время гадания видят в зеркале что-то, чего еще не было и пока нет, значит это будет — ведь просто отражения не бывает.

19. Когда на древнее зеркало из танского рассказа падали лучи солнца, все изображения и знаки, начертанные на его обратной стороне, отчетливо выступали на тени, отбрасываемой зеркалом. Но это волшебное зеркало, и девушка-лиса не может сохранить перед ним свою личину¹⁰.

20. «Я стою за деревом и наблюдаю за собой».

— Но что ты имеешь в виду, когда говоришь «я» и «собой»? Каков этот свой образ?

21. Предположи, что у старого слепца обнаруживается единоутробный брат — выпитая копия, о существовании которого он и не подозревал. И желая сделать старику сюрприз, мы подводим к нему двойника и лукаво спрашиваем: «Кто это?». Узнает ли старик себя в своем брате? Ведь он специально не ощупывал себя. Он и так знает, что он — это он. Но он может узнать отдельные знакомые детали. «У него, пожалуй, так же оттопырены уши», — задумчиво бормочет он. Но он никогда не узнает ту руку, посредством которой происходит узнавание.

22. «Каков я из себя?» — говорю я и смотрюсь в зеркало. «А где же мой затылок?» — и я тщетно скашиваю глаза и верчу в руках зеркало. Правда, я могу соорудить хитроумное устройство из зеркал, при помощи которого смог бы увидеть себя со всех сторон.

Но у нашего далекого предка не было такого устройства. Отражение подстерегало его в ручье, когда он наклонялся, чтобы напиться. Оно поджидало его в любой луже и было то четким, то еле различимым. И стоило пробежать ветерку или упасть былинке, как оно уходило кругами и распадалось.

Образ нашего «я», это «другое я» в чем-то нечетко и всегда может расплыться, хотя мы и говорим самоуверенно: «Я такой-то» или «Я не такой-то».

⁸ Успенский Б., Лотман Ю. О семиотическом механизме культуры//Труды по знаковым системам. В. Уч. зап. Тартус. ун-та. 1971. Вып. 284. С. 155.

⁹ Даль В. Указ. раб. С. 323.

¹⁰ Ван Ду. Древнее зеркало//Танские новеллы. М., 1970. С. 15—26.

23. Представь себе ребенка, чью колыбель отец-зеркальщик окружил системами зеркал и голограмических устройств.

— Каким будет его «я»? Не подверженным изменениям? Более четким и мымы?

Или представь себе племя, члены которого способны окидывать взглядом уголки своего тела. Мы подслушали, как один из них говорил другому: «И ~~тот~~ сказал...». Но поняли ли мы, что он имел в виду, когда говорил «я»?

24.— Но мы видим окружающих нас людей прежде, чем начинаем изучать в зеркале. И наше «я» — это скорее «другие».

— Тогда «я» человека, воспитанного волками, — это волк? И откуда мы знаем, что у него есть такое «я»? Он волк, и мы ничего не можем сказать о его «я».

Но слепец из § 21 знает свое «я», хотя никогда не видел ни себя, ни других людей, — во всяком случае, он употребляет это слово. Значит, образ его самого мыслялся у него, когда он обучался языку.

25. Ты видел сон, как с какими-то людьми делал что-то. Проснувшись, ты можешь вспомнить, как они выглядели. И это тебе более или менее удается. Но вот было на месте тебя самого? Можешь ли ты вспомнить себя во сне?

В абхазском и абазинском языках лишь первое лицо не различает грамматическую форму для всех трех классов¹¹.

Когда я говорю: «Я делаю...», мне не надо уточнять, кто я, женщина, мужчина или что-то другое. Я чувствую себя в этом «я», как во сне вижу себя.

Но в русском мы говорим «я сделал» и «я сделала». Всякое сделанное, свершившееся — это уже не совсем «мое», это нечто, оставшееся после меня, некий след, которому может пойти любой следопыт. Мы часто воспринимаем свое прошлое нечто, происшедшее с другим человеком, или, потеряв память, не верим рассказам о себе.

26. В английском языке для выражения будущего времени употребляются формы первого лица слова с первоначальным, забытым уже значением единственности, для остальных лиц — со значением хотения.

Я знаю, что я буду делать и что буду делать, но я не могу сказать этого для других, и поэтому употребляю слова, вносящие оттенок неуверенности. Если же я уверен в своих будущих действиях, то я говорю «I will do» — использовав «его» местоимение «will», я как бы на мгновение становлюсь чужим мне человеком, и я не вполне уверен, как поступит этот «он-я». Естественно, в противоположных ситуациях для «я» употребляют мое слово «shall».

27.— Почему в § 20 я наблюдаю за собой, а не «наблюдаю за я»? Или одно «я» здесь недостаточно? Ты хочешь возразить, что все дело в грамматике? Но ведь уже то, что «наблюдать» применено ко мне самому — а обычно мы наблюдаем «я», «жне» вещи, — говорит о том, что, не осознавая этого, мы видим в себе что-то отраженное.

Что мы чувствуем, когда говорим «я сам»? Есть ли кто-либо еще рядом с «я»? Похоже ли это на сон, когда ты видишь себя делающим что-то и в то же время ты — это тот, кто непосредственно делает и радуется и страдает?

— Но мы говорим: «Я это сделаю сам». Может быть, этим «сам» мы как бы ограничиваем себя от других, делаем ненужной их заботу? Или утверждаем свою самоизоляцию? «Я сам это сделаю!». Замыкаемся в себе?

Если мы видим, как нечто движется непонятным образом, и мы не можем обнаружить выходящих из него веревочек, то мы говорим: «Оно идет само по себе». И если вдруг нас спросят, что мы понимаем под этим, то, наверное, мы представим себе что-то вроде запрятанных в глубине механизмов.

— Иногда я остаюсь наедине с собой. Или говорю сам с собой. Предположи, что наблюдатель из § 2 случайно подслушал, как мы в беседе употребили эти выражения. Он может подумать, что есть кто-то, с кем я иногда остаюсь и говорю.

В языке этот «другой» постоянно присутствует, хотя мы и привыкли к нему и замечаем его.

¹¹ Шакрыл К. С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971. С. 169.

28. Я могу закрыть глаза и «увидеть» дерево, у которого мы сидим, ручей, который бежит у наших ног, тебя, задумавшегося над чем-то. Но при желании я эти образы могу привести в движение — вот ты поднялся с места и направился к ручью, чтобы напиться, я спрашиваю тебя о чем-то и слышу твой ответ и т. д. Но могу ли я говорить с собой? Ты прав, это очень странный разговор. Как-то мне рассказали о человеке, который в одиночестве играл с самим собой в шашки — он даже вставал каждый раз с места и подходил к доске со стороны противника. Но ставил ли он свою шашку под удар, тайно надеясь, что «противник» не заметит этого хода и он взьмет фук?

Не будет ли ответ «другого я» таким же, как ответ ребенка, когда, забавляясь, мы спрашиваем его: «Боба, как тебя зовут?».

29. Другой в «я», в чем-то смутно связываемый с зеркалом, должен иметь что-то непонятно плохое, вредное. Но мы говорим иногда себе: «Ничего, брат!» — как бы ласково хлопаем себя по плечу.

Правда, наше отражение плохое — там, где у нас правое, у него левое, и потом оно еще имеет противную привычку передразнивать нас. Но мы не можем обойтись без него, мы ждем его в любом зеркале.

Жених и невеста смотрят в одно зеркало¹², их зеркальные двойники улыбаются, их головы почти соприкасаются, пусть же и молодые всегда будут вместе. А если кто-либо увидит себя отраженным в воде, то пусть произнесет: «Да будут у меня свет, сила, слава, богатство, доброе дело»¹³, потому что надо, чтобы мой двойник услышал заклинание и не получилось бы, что я буду делать добро, а он нет.

30. Можем ли мы говорить с тем другим, кто смутно угадывается в себе? Предположи, что ты задаешь вопрос. Но в ответ он молчит. Ведь он в то же время и ты, и его ответ тебе уже известен, как на самом деле ты ничего не приобретаешь, когда твоя правая рука дает что-то левой.

Правда, иногда мы слышим внутренний голос, но это так необычно, что мы со смехом рассказываем об этом в забавных историях или обращаемся к врачу.

Как-то я видел, как один человек разговаривал сам с собой, и, видимо, другой, сидевший в нем, говорил мерзкие вещи, потому что он бормотал что-то себе под нос, а потом вдруг, изменившись в лице, резко поворачивал голову в сторону и возмущенно отвечал что-то, беззвучно шевеля губами.

Во время коллективного монолога ребенок говорит вслух. Но к кому обращена его речь? Он не ждет ответа от окружающих его детей, но, может быть, эти «другие» помогают ему отчетливее чувствовать «другого» в себе? Но «другой» — это также и он, и ребенок ищет в нем знакомые черты, родное звучание языка родителей — поэтому он меньше говорит в обществе иноязычных детей. И потом этот «другой» должен уметь отвечать, хотя он и молчит, но возможность ответа таится уже в том, что присутствующие дети говорят — поэтому в обществе глухонемых детей ребенок больше молчит¹⁴.

Позже, засыпая, он может уже говорить вслух один, и другие ему уже не нужны, он даже избегает их, и, только спрятавшись, можно подслушать, что он говорит.

31. На каждый наш вопрос этот «другой» молчит. Но, может быть, в его молчании мы угадываем недоверие к сказанному? И поэтому пытаемся доказать свое высказывание? Мне не надо себе ничего доказывать, доказывают лишь чужому. Но этот незримый другой, глубоко сидящий во мне, обладает абсолютным знанием — я чувствую его молчаливый ответ, не успев еще оформить свой вопрос. Он недвижим и мудр, как Сократ Платона¹⁵.

То вредное, что досталось ему от зеркала, не позволяет ему поверить мне. Он — «чужой», а мои родные верят мне, не требуя доказательств.

¹² Чердынская свадьба. Пермь, 1969. С. 176.

¹³ Брихадараньяка упанишада. VI. 4.6.

¹⁴ Толкование поведения ребенка во время коллективного монолога делается на основании эксперимента Выготского. См.: Выготский Л. С. Мышление и речь//Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2. М., 1982. С. 327—330.

¹⁵ Ср. о Сократе Платона: Аверинцев С. С. Греческая «литература» и близневосточная «словесность» (Противостояние и встреча двух творческих принципов)//Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 215.

Он снова молчит в ответ, и мы снова доказываем свои слова, и это продолжается до тех пор, пока все не станет на свои места и ему нечего больше возразить.

Не так ли возникает любое логическое заключение?¹⁶

32.— Я вижу, как бабочка, сидевшая на ветке, вспорхнула и улетела. И я могу описать тебе это. Описание — это путь. Я могу описать, как бабочка сидит на цветке, но тогда вокруг цветка движутся мои глаза.

— А если бабочка вечно сидит на своем цветке, а ты прикован неизлечимой слезностью к своему месту — как тогда ты опишешь мне эту бабочку?

— Возможно, я обойду вокруг нее мысленным взором, и это снова будет путь.

— Но я хочу, чтобы ты сказал что-то, не связанное с путем, что-то вроде «бабочки».

— Но во всех вещах, которые есть, мы склонны видеть прошлые движения. В каждой горе и в каждом озере скрыты прошлые драмы, и Млечный Путь — это когда-то разбрьзганное молоко, а этот красивый цветок — воспоминание о несчастном Нарциссе. За покоем бытия скрыты беспокойные действия Создателя или содрогания мира го яйца.

Но, возможно, ты не хочешь знать всего этого, ты просто твердишь: «Что-то есть! Что-то есть!». Но твой язык — это желобки, по которым ты катишь шары и не жалуешь их движения.

Наша внутренняя речь состоит из одних сказуемых¹⁷ — мы сокращаем все, кроме действий, чтобы возможно было описание.

Те, кто знают вечный покой, не нуждаются в описаниях.

48. Мой восьмилетний сосед как-то по свойственной ему рассеянности решил дать лишних примера. Но он уверил меня: «Это ничего! Вот один отличник из нашего класса сделал на три примера больше, но все равно получил пятерку».

И он это сказал таким тоном, что не оставалось сомнений, что он сам, будучи двоичником, все равно получит двойку.

Два мира, разделенные пропастью школьной недосягаемости, «верх» и «низ» вдруг оказались тождественными, стоило им совершить одинаковые действия.

Всякая другая связь между этими противопоставляемыми классами каким-то образом не усматривается в этот момент. «Учись прилежно, веди себя хорошо — и ты тоже станешь отличником» — все эти правила разом обесценены.

Будто незримый древний закон, вдруг откуда-то появившийся, сразу сметает все с таким трудом накопленные связи и взамен них властно устанавливает свои.

50. Сказитель имеет дело с героями. Но вот ему встречается заведомо нехорошее существо, и оно в рассказе занимает то же место, что и герой в прошлых историях. Но что такое место героя? Это та роль, которую он играет в рассказе, те действия и поступки, которые он совершает. Для сказителя злодей действует так же, как и герой, он уже тоже герой, и сказитель почтает его как героя.

Моя тетя, сплетая свои чудесные и долгие истории, наделяет своих героев превосходными эпитетами. Я помню, как она описывала некую Ефронию, как та зверски избивала своего ребенка или как она нанесла моей тете роковой удар в печень. Но эта Ефрония — «славная», «благородная», «превосходная».

Вспомни, с каким поразительным постоянством Дурьодхана и его недостойные братья наделяются положительными эпитетами. Ведь есть толкователи, которые в этом видят первоначальный блеск кауравов и верят, что превосходные эпитеты — это все, что осталось от их былой славы¹⁸.

Устные тексты моей тети как бы вышли из многовековой традиции эпоса. Она так же развивает основную тему, неизбежно повторяясь и возвращаясь к уже сказанному, замысловато обрамляет свои истории, живописно вставляет морализующие части, но во всем опирается на свои же более ранние тексты.

51. Ты, наверно, видел, как самец бабочки-бархатницы в сезон размножения преследует самку и как он срывает свой любовный пыл на разных вещах, пролетаю-

¹⁶ Ср. предположение об истоках логического заключения с идеей П. Лоренциена о состязании, споре в математической логике.

¹⁷ Выготский Л. С. Указ. раб. С. 333.

¹⁸ Об инверсионной теории см.: Held G. J. The Mahābhārata. An Ethnological Study. Amsterdam, 1935. P. 7. ff.

ших мимо него. Говорят, что некоторые незадачливые самцы пытаются даже преследовать птиц размером с дрозда. Они влюбляются в падающие листья и даже в собственную тень на земле¹⁹.

Все эти вещи движутся так же, как самка, и самец не может отличить их от своей подруги.

52.— Замечал ли ты, что, когда человек воображает себя Наполеоном, он в первую очередь делает характерный жест?

— Но, может быть, он уже каким-то образом стал Наполеоном и, будучи уже императором, делает его любимый жест? Ведь если он Наполеон, то и движения его должны быть императорскими.

А если ты хочешь возразить, что, когда ребенок верхом на палочке скакет по комнате, он чувствует себя настоящим кавалеристом, то я спрошу тебя: «Откуда же тебе известно, что он поскакал и поэтому стал кавалеристом? Может быть, он уже кавалерист, а что же обнимают его ноги, как не круп добного коня?».

— Возможно, ты и прав, и не надо во всем искать скрытые действия, хотя ты всегда можешь найти их. И потом ведь наша цель — не искать, что было раньше, яйцо или курица.

53. Когда колдуна надо превратиться в животное-тотем, он делает в танце ряд подражательных движений. А когда индус принимает с женой сперва позу рыбы, потом черепахи, колеса и морской раковины, он сам становится Вишну.

Посмотри, какое истинное действие! Чтобы превратиться в Вишну, индус уподобляется его первым четырем аватарам. Ты опять хочешь возразить, что в этих позах он просто становится похожим на ипостаси Вишну? Но это не просто мертвые позы — ведь это любовные бандхи. В них он, правда, уподобляется рыбе, черепахе и т. п., но это живые картинки. Постоянно действуя — и как действуя! — он сплетает эти картины.

54. Для того, кто избрал путь чистого действия, акт любви — одно из возможных проявлений. Истинный любодеял недалек от великого прелюбодея. И вспомни, какую большую роль играет для Вседея-Панурга его знаменитый гульфик.

55. «Я делаю» иногда вырывается из того дома, который мы так долго и с таким трудом строили. Впрочем, это происходит не так уж редко. Просто мы не замечаем — ведь всякое живое существо в первую очередь что-то делает.

Это как бы «нерастяжимая точка, острье иголки... „Я делаю“ кажется имеющим определенный смысл, далекий от всякого опыта»²⁰.

56. Если я ничего не делаю, то даже это я описываю как свое действие — я бездельника.

«Люди за дело, а мы за безделье»²¹.

68. Если ты видел во сне, что ты умер, то, проснувшись, не огорчайся, знай, что это хороший знак — так утверждают сонники.

Ты умер, но, проснувшись, вновь видишь себя живым и здоровым. Ты умер и воскрес, чтобы стать более жизнеспособным и счастливым.

69. Говорят, что после бани как бы рождаются заново. Парящийся мучает себя, истязает себя вениками, но зато после чувствует себя как бы вновь родившимся. «Баня парит, баня правит»²².

«Иди ты в баню! — говорят шутливо, но в этой благопристойной замене как бы возрождается древний смысл, который когда-то вкладывался в «иди в п...», в это отправление ругаемого в «зону рождающих», производительных органов, в телесную могилу (или в телесную преисподнюю) для уничтожения и нового рождения»²³.

¹⁹ Тинберген Н. Поведение животных. М., 1969. С. 56.

²⁰ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. § 620.

²¹ Даль В. Указ. раб. С. 256.

²² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, С. V. *банить*.

²³ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 33—34. Ср., однако, идеи Б. А. Успенского о бане как антихраме в контексте христианско-языческого двуязычия.

70. Нагая бабка обносит нагого новорожденного вокруг бани, приговаривая: «Заря орина (зарина), заря скорина, возьми с раба божия младенца Н зыки и дневные и нощные»²⁴.

Младенец обычно рождается в бане — его банят. И лоно роженицы тесно связано с баней. «Баня — мать родная»²⁵.

Повивальная бабка обращается к заре, чтобы та унесла дневные иочные зыки младенца. Младенец, родившись, кричит, и бабка произносит свой заговор, обноворожденного вокруг бани-лона. Ведь выйдя из лона, младенец издает свой первый крик, и бабка обнажает свое собственное лоно, нагая совершает обряд, чтобы унесен именно этот первый крик, начало всех зыков и рыхлов. Ведь повивальная бабка непосредственно связана с лоном роженицы, и поэтому иногда ругаются и в ее прес — *татмер*²⁶, «бабка-мать».

«От крику детей окачивают водой на родимом месте»²⁷.

Надо облить их водой там, где они кричали в первый раз, вода же смоет «Баня все грехи смоет»²⁸.

71. Баня «видит» наши самые сокровенные места. «Где ты была?» — спрашивают. «В банию сходила», — отвечают нам, если хотят утаить от нас что-то²⁹. И это просто отговорка. Ведь в бане все усердно скрываемое раскрывается. И я не верю присутствовать при этом, для меня это секрет.

Баня — свидетельница брачного акта — ведь когда молодые моются, гостя следует оставаться в доме, как нельзя им присутствовать при супружеской близости к тому же эту банию готовят в строгом секрете. А банник, который вскрывается после первой бани молодых, изготавливают только замужние свадебницы и тоже втайне от других и от самой невесты³⁰.

И баня смывает кровь новобрачной и в то же время вбирает в себя оплодотворяющие свойства брачного акта.

Баня должна одновременно принимать смерть старого тела и давать рождению новому. Если же баня почему-либо теряет порождающие свойства, то она превращается в банище — нечистое место, где нельзя строить жилье, или в совсем глупую «банную дуру», которая способна лишь принимать, ничего не давая взамен.

Баня, лишившись доброго начала, превращается в банника — злого духа, обитающего в бане. Банник при удобном случае старается запарить моющихся до смерти удушает тех, кто вдруг уснет в бане, или сдирает кожу с родильницы, оставленной без присмотра.

143. — А теперь послушай, с какой задачей обратилась ко мне как-то одна женщина. Ее дети почему-то погибли либо еще в утробе, либо вскоре после рождения. Врачи беспомощно разводили руками, но женщина была уверена, что причиной страдания было определенное событие. Оказалось, что, когда умерла ее золовка, почему-то не смогли разыскать ее одежду и поэтому покойницу похоронили в новом только что сшитом платье моей просительницы. И вот с тех пор и начались ее несчастья.

Что можно было посоветовать бедной женщине?

— Об эксгумации и уничтожении остатков рокового платья, разумеется, нельзя было и думать?

— Да, конечно. Кроме того, отпадала возможность и всяких манипуляций с какой-либо одеждой покойной. К тому же мне не хотелось прибегать к помощи дубиников и подмен, так как примененное средство было, по-видимому, очень сильным и любая ошибка могла оказаться роковой. Нужно было средство простое и верное. И тогда я вспомнил, как бесплодная женщина из § 6 избавлялась от своего страдания.

— Ты имеешь в виду, как она избавлялась от своего «неребенка», мочась на мигиле неприкашенного?

²⁴ Даль В. Пословицы... С. 404.

²⁵ Даль В. Толковый словарь..., С. V. *банить*.

²⁶ Татмер — по армянски «повивальная бабка» (примеч. ред.).

²⁷ Даль В. Пословицы... С. 380.

²⁸ Даль В. Толковый словарь..., С. V. *банить*.

²⁹ В банию сходитъ. «Секрет» (?) В банию сходила//Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л., 1966, С. V. *баня*.

³⁰ О свадебном банным обряде см. там же. С. V. *банник*.

— Да. Но теперь это будет ее мертвый ребенок, которого надо изгнать из чрева матери. И это будет сама мертвая золовка, которая примет пред назначенного ей ребенка.

— И ты посоветовал этой женщине помочиться на могиле ее золовки?

— Да. Но это как бы она сама лежит в той могиле. Это как бы ее двойник. Его тело — это тело женщины, это ее платье. Но чрево его мертвое, мертвое навеки. Посмотря, какую могущественную магию применили против этой женщины! Вот почему ее чрево порождало только мертвых детей! Потому я и боялся ошибиться, что магия была такой сильной.

— Ты думаешь, что это была черная магия?

— Не знаю. Хотя женщина и настаивает на колдовстве. Очень может быть, что механизмы магии пришли в движение сами собой. И тем более надо было быть осторожным, потому что нашим противником могла стать неуправляемая сила.

Итак, в могиле фактически лежала та же женщина, но с мертвым чревом. Но нутро не совсем соответствовало телу. Поэтому и следовало заселить тело своим плодом — мертвым плодом.

— И для этого надо просто помочиться на могиле? Но не будет ли мертвое тело сопротивляться непрошенному вторжению?

— Это не в его силах. Мертвый плод безошибочно найдет свою мать, как в § 143 болезнь узнает по одежде, куда ей следует вселиться.

— Но тогда эта женщина может просто вылить на могилу мочу, заранее собранную дома в какой-нибудь сосуд?

— Я бы не советовал ей делать так. Более того, это очень опасно — ведь за то время, пока она будет идти к могиле, в ее чреве может накопиться новая порция мочи, пусть даже самая ничтожная. Мы же имеем дело именно с зарождением, именно с первыми ростками жизни. Опорожнив свой сосуд, она еще не избавится от своего несчастья, потому что в ее утробе уже появился новый мертвый зародыш. Нет, ей непременно надо мочиться на самой могиле, изгнав из своего нутра все до последней капли.

— В таком случае ей, может быть, лучше проделать это три раза — по числу мертвых детей?

— В этом нет никакой надобности. Ведь мертвое ее нутро. Следуя твоему совету, ей пришлось бы мочиться там все время, предвосхищая будущие зачатия. Но у нежизни свои законы. Все, что уже отошло к ней, уже одно. Нет уже моего и твоего покойника, все они как бы одно мертвое целое. Поэтому мертвые теряют свой облик и становятся все на одно лицо. И поэтому всех их поминают в один день, те же, кто устанавливает дни своего покойника, просто не хотят примириться с тем, что их любимый приобщился к другому, неведомому миру.

Изгоняемый из женщины вечно мертвый плод — это все ее прошлые и будущие дети. Он найдет свое место в уже захороненном мертвом теле ее двойника. Так эта женщина избавится от своего страдания.

145. — Почему у змеи, что искушала Еву, лицо Евы³¹? Во всяком случае, так изображали ее старые мастера.

— Наверное, потому, что змей тут не при чем. Ведь она искушает Еву, а не Адама, к тому же у нее лицо самой Евы. Еву не надо искушать. Ведь она женщина, и искус находится в ней самой. Когда Создатель сотворил Еву, он хотел, чтобы Адам не был одинок, чтобы он обрел друга. Поэтому он сотворил ему подругу. Заметь, он создал ее из левого ребра Адама, т. е. уже с самого начала в ней есть нечто от левого и кривого.

— Но как же женщина могла стать другом? Ведь всегда приходит момент, когда она обязательно предает дружбу. В ней просыпается что-то темное и властное, и чувства мешают ей быть истинным другом.

— Но разве ты сам не способствуешь этому? Не ты ли первым делаешь не то?

— Скорее всего, это так. Но я не придаю этому значения. Когда великих риши посещают небесные девы, случайно ли или по наущению богов, даже они не в состоянии устоять перед их красотой. Мгновенная страсть может охватить их, и даже если они и не приблизятся к чудесной апсаре, природа может сделать свое. И в этом я не вижу большого зла. Ведь аскет борется с наваждением, которое живет в нем самом, он изгоняет свои же собственные порождения, тайно вышедшие из сокровенных

³¹ Соответствует § 40 одноименной публикации автора в сб. «Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира». М., 1978. С. 55—83.

его желаний. Но здесь все находится вне тебя, это недолгие состояния, которые и еще принести свою пользу, как из пролитого семени отшельника родился конь Дракон.

— По-видимому, ты прав. Женщина не может стать истинным другом. В дружбе должно быть нечто отличное от чувств супругов или возлюбленных. И поэтому бежно Ева должна была в определенный момент предать дружбу. Змей-искуситель в ней самой, и она собою искушает Адама³².

— Но почему это так? Что это в ней, что искушает Адама?

— В ней есть что-то, что помогает ей. Вспомни весьма замысловатые приказывающие наряды наших милых женщин, или же то непонятное, что влечет некоторых пауков к своим самкам — на свою погибель. И не забудь, что женщины — и они намного ближе к природе, чем мы.

— Но мы тоже склонны иногда к левизне, особенно когда полностью выходим из-под контроля культуры и попадаем во власть природы. Так в лесу, заблудившись мы описываем окружность против часовой стрелки, потому что шаг нашей правой ноги больше шага левой. Именно потому, что наше правое сильнее левого — природа всегда уступала культуре, мы и идем незаметно налево, пока не оказываемся откуда начали свой слепой путь.

146. — Почему «счастливый сынок в матушку»³³? Почему «материн сын — отпасынок»³⁴? Может быть, так вечно возрождается история царя Эдипа?

— Но говорят еще, что «счастливая дочь — в отца, а сын — в мать»³⁵. И если «У тестки баловень племянник, а у дяди — племянница»³⁶. У мундугуморов подобный принцип соответствий фиксируется даже в системе родства: сын принадлежит к материнской группе матери, а дочь — отца³⁷. В Западной Африке нечто аналогичное происходит в негативной форме: близнец-мальчик посягает на жизнь своей матери и его сестра — на жизнь отца³⁸. Я могу привести много примеров, когда мужчины и женщины ритуально обмениваются или вступают в какие-либо отношения с обязательным выполнением подобных перекрестных связей. Такая связь может иметь место в пределах какого-либо одного ритуала или же образовывать непрерывную цепочку из поколения в поколение, как, например, некоторые магические знания у армян передаются обязательно одним полом другому, иначе заклинания теряют силу. Перекрестно соотносятся всевозможные вещи, а не только мужчины и женщины. Когда у тебя болят уши, ты используешь для лечения правого уха молоко, сцеженное с левой груди женщины, а для лечения левого уха — молоко из правой груди³⁹. А герой волшебной сказки нередко отрубают правую руку и левую ногу или наоборот⁴⁰. И даже вспомни богиню-покровительницу города Мадура, как «в левой руке она держала распустившийся золотой лотос, правой рукой сжимала прекрасный сверкающий золотой меч. На левой ноге звенело кольцо отважного воина, на правой — дивные браслеты»⁴¹. Вспомни, как обмениваются рукопожатием двое людей, вспомни, наконец, перекрестно-кузенные браки, при которых лицом к лицу стоят два коллектива. Мы уже говорили как-то о том, что человек избегает всего, что напоминало бы зеркальное. Может быть, и здесь он поступает так же, желая видеть сына похожим на мать, дочь — на отца?

— Ты хочешь сказать, что этот закон перекрестных соответствий виден во всем, где есть человек?

— Да. Этот закон, возможно, способствует лучшему переустройству мира. И не случаен. Ведь правая половина нашего тела связана с левым полушарием мозга, а левая половина — с правым.

³² О том, почему у змея-искусителя лицо Евы, см. также: *Leach E. Genesis as Myth and Other Essays*. L., 1969. P. 7—23.

³³ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М., 1961. С. 137.

³⁴ Там же. С. 95.

³⁵ Даль В. Пословицы русского народа. С. 384, ср. С. 939.

³⁶ Народные пословицы и поговорки//Сост. Соболев А. И. М., 1961. С. 277.

³⁷ Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. L., 1935. P. 176.

³⁸ Иванов Вяч. Вс. Близнический культ и двойническая символическая классификация в Африке//Africana. Афр. этногр. сборник. XI. Л., 1978. С. 218.

³⁹ Лалаян Е. Васпуракан//Этногр. журн. 1913. Кн. 25. № 2. С. 179; *его же*. Область Нор-Баязет, или Геларкуник//Там же. 1907. Кн. 16. С. 42 (на арм. яз.).

⁴⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. № 173, 215.

⁴¹ Повесть о браслете. Шилаппадикарам. М., 1966. С. 138—139.

— Что касается внешней организации мира, то, может быть, ты и прав. Но обрати внимание, именно сын должен быть похожим на мать: «кто похож на мать — того будут люди знать, а кто на отца — тот дика овца»⁴². Вторая часть поверья — про дочь и отца, возможно, обязана твоему закону, но главное касается сына и матери. Кстати, классический Эдипов комплекс, который так любят выискивать психологии, также относится в первую очередь к сыну и матери. История же про дочь и отца почти всегда получается несколько искусственной и надуманной.

Вспомни к тому же, что X-хромосому, ответственную за X-цепленное наследование, сын получает только от матери, дочь же получает ее как от отца, так и от матери⁴³.

Поэтому «матушкин сынок» обладает рядом неуловимых свойств, а дурак всегда связан с матерью. Так мы несем глубоко в себе не просто женское начало, а частицу матери.

147. — Если в нас не хватает чего-то женского, мы тут же создаем его искусственно. Хоть мы и чувствуем свое превосходство над женщинами, но чувство зависти не дает нам покоя. Мы, например, делаем вид, что это мы находимся в родовых муках, а не наши жены, незаметно кладем в свою постель новорожденного, чтобы лишить женщин только им присущего качества давать новую жизнь. Мы не можем простить им и ежемесячных кровотечений, с беспокойством усматривая в них причину их особой гибкости и жизнеспособности, и выдумываем себе болезненные искусственные мужские менструации. Мы завидуем даже позе женщин при мочеиспускании и поэтому добровольно садимся на корточки по мусульманскому обычанию или же делаем это вынужденно — из-за специальной генитальной операции, после которой в скрытой части фалла создается искусственное лоно⁴⁴. Мы забываем, что мужская, стоячая поза — это завоевание культуры и что когда-то, в природном состоянии, поза была у всех женской, как, например, ты это можешь заметить у горилл⁴⁵.

Так мы с тревогой следим за женщинами, пытаясь не упустить ни одной их особенностей.

— Но ведь они тоже подражают нам. Справляют же они свои тайные церемонии по мужскому образцу, используя типично мужскую символику, например, из области военной или охотничьей практики. Или же подобно нам, ритуально собирающим кровь из оперированного члена, снабжают тяжело заболевшего родственника своей кровью, но кровью не менструальной, считающейся нечистой и опасной, а извлеченной из малых срамных губ. Посмотри, они подражают нам, забыв, что наш ритуал как раз подражает их месячному кровотечению.

— Но их кровотечение природно и подчиняется луне. А наш ритуал создается искусственно и поэтому имеет особую силу. Как огонь, добытый искусственно, выше лесного пожара. Искусственно приобретенное подчиняется контролю, а природное неожиданно и неуправляемо. Папуасы Новой Гвинеи именно так разносят все явления по двум противостоящим рядам, один из которых связан со всем женским, а другой — с мужским. Например, у гурурумба слюна, мокрота и семя резко противопоставляются моче, калу и менструальной крови. Вспомни *úrdhvaretas*, удерживающего семя, направившего его вверх, или даосского монаха, берущего от женщины все, но не изливающего семени, или же вспомни, наконец, как мы мужественно глотаем слезы, считая, что плакать присуще лишь женщинам и детям.

Поэтому женщины и подражают нам, что чувствуют, что наше подражание им каким-то образом превзошло их природные способности.

— Но в природном огне есть нечто ужасное и непонятное. Так и мужской ритуал создает лишь иллюзию победы, а мужчины пребывают в постоянном страхе от скрытых в женщинах неведомых сил, всегда могущих вырваться наружу и завладеть тем миром, который мы так долго и старательно строили.

Так то женское, что мыносим в себе, может вдруг выйти наружу, ввергнув мир в начальное естественное состояние. И поэтому всякий левый, женский бунт обычно на миг погружает мир в состояние первородного Хаоса, которого мы вечно боимся, но которому иногда готовы сладостно отдаваться, забыв о культуре и трепетно возвращаясь к природе

⁴² Пословицы, поговорки, загадки... С. 180.

⁴³ См.: Харрисон Дж., Уайнэр Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М., 1979. С. 150.

⁴⁴ О взаимной зависти мужчин и женщин см.: *Bettelheim B. Symbolic Wounds. Rivalry Rites and the Envious Male*. N. Y., 1971.

⁴⁵ Schaller G. B. The Mountain Gorilla. Ecology and Behavior. Chicago, 1963. Р. 203.

КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР. «ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ» (1987 г.); «ЭТНОГРАФИЯ И ПОГРАНИЧНЫЕ НАУКИ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ» (1988 г.)

Уже почти пятнадцать лет в стенах Института этнографии АН СССР проводятся ежегодные конференции молодых специалистов и аспирантов. И каждый год они становятся событием в научной жизни молодого поколения этнографов. Ведь не секрет, что начинающему исследователю не часто удается выступить перед большой коллегой, лицензированной аудиторией, всесторонне обсудить результаты своей работы с коллегами. Эту мысль о значении ежегодных конференций, организуемых Советом молодых ученых, подчеркнула во вступительном слове открывшая утреннее заседание 20 мая 1987 г. заместитель директора Института Л. М. Дробижева. Она пожелала дальнейшем больше ориентировать тематику конференций на злободневные проблемы современной жизни народов СССР.

На конференции 1987 г. было заслушано 17 докладов.

Доклад В. В. Коротеевой (Москва) был посвящен анализу этнических особенностей жизненного цикла современной семьи (на примере многонационального населения Ташкента и Тбилиси). Докладчица сопоставила такие стороны жизнедеятельности узбекских, грузинских и русских семей, как возраст вступления в брак, рождаемость (в том числе и внебрачная), планирование размера семьи (включая вопросы контрацепции) и т. д. Основной вывод докладчицы: хотя в крупном городе проявляется тенденция к сокращению числа детей в семье и стабилизации рождаемости и сходном для разных национальностей уровне, здесь сохраняются особенности распределения рождений по возрасту матери.

В докладе А. В. Буганова (Москва) «Исторические представления крестьян о развитии национального самосознания: некоторые вопросы теории, историографии и источниковедения» была прослежена история изучения феномена национального самосознания в советской этнографической науке. Исследование русского национального самосознания привело автора к выводу, что основой для его формирования служат представления об историческом прошлом, общности исторического пути, генерирующиеся преимущественно в фольклорных текстах.

С особым вниманием был встречен доклад Т. В. Щепанской (Ленинград) «Стереотипы поведения в молодежной субкультуре (функциональный анализ)». Это один из первых опытов изучения этнографическими методами (интервью, включенное наблюдение и т. д.) современного молодежного неформального движения, молодежной субкультуры (так называемой «системы» или «пипл»). Докладчица пришла к выводу, что широко распространенная в этом социальном образовании стереотипизация поведения, внешности, речи (их высокая семиотичность) выполняет следующие важные функции: социальных норм; сигналов к взаимодействию внутри «системы»; барьер между «пипл» и остальным миром.

А. В. Вовина (Ленинград) посвятила свое выступление малоизученной этнографической стороне деятельности Вольного экономического общества (ВЭО). Она показала, сколько ценной информации содержат материалы ВЭО, сосредоточенные в малоизвестных публикациях прошлого века и архивах.

О своих исследованиях в области моделирования процесса антропосоциогенеза рассказали сотрудники Вычислительного центра АН СССР А. Ю. Бузин и И. Г. Попелев (оба — Москва). При построении модели они исходили из принципа самоорганизации проточеловеческих групп, осуществляющейся на основе определенных передающихся из поколения в поколение типов социального поведения индивидов (на пример, инцест-табу) и в условиях вероятных размеров таких сообществ (по сравнительным этнографическим данным — от 15 до 75 членов). Подсчеты авторов показали что (если их исходные посылки верны) процесс антропосоциогенеза продолжался около 20 тыс. лет.

Доклад М. Ю. Чумалова (Москва) «Культурно-коммуникативный подход к проблеме межпоколенной трансмиссии художественной культуры» был посвящен мало-

разработанному в этнографии вопросу — как в настоящее время воспроизводятся этносы, этническая культура, какую роль в этом процессе играют профессиональная художественная культура и средства массовой коммуникации.

Современные формы традиционного сельского жилища жителей Ленинградской области (русских, вепсов, карел, эстонцев, финнов-суоми) проанализировал В. Н. Ушаков (Ленинград). Сейчас, как и на протяжении многих веков, в этом регионе распространены два типа жилища: западнорусский комплекс в западной части и севернорусский — в восточной (пограничный между ними — Волховский район). Тип жилища не зависит от национальной принадлежности жителей области, а отражает древние региональные традиции.

Т. А. Воронина (Москва) познакомила собравшихся с историей изучения русского лубка. Несмотря на то, что ряд талантливых специалистов занимался изучением русской народной картинки, — сделала вывод докладчица, — целые тематические пласти (место лубка в народной культуре, классификация типов картинок XIX в. и т. д.) остались пока без внимания.

«Алкоголь в обрядовом действии у калмыков» — такова была тема выступления молодых этнографов из Элисты Э. П. Бакаевой и Э.-Б. М. Гучиновой. Приведенные ими данные свидетельствуют о высоком семиотическом статусе молочной водки в традиционных калмыцких обрядах, особенно обрядах жизненного цикла, хотя в целом алкоголизм в ойратском обществе осуждался (молодежь, например, не имела права употреблять спиртные напитки). Эти традиции, по мнению выступавших, должны быть учтены при создании современных обрядов, сохраняющих этническую специфику. При этом возможна замена молочной водки другим, безалкогольным молочным напитком.

Выступление О. Д. Фаис-Леутской (Москва) было посвящено миграционным процессам на островах западной части Средиземноморья. Докладчица показала, что процессы миграции тесно связаны с модернизацией, социальными, политическими, национальными проблемами островов.

Расодифференцирующим свойством обладает микроэлементный состав костной ткани — такой вывод можно сделать, прослушав доклад М. В. Козловской (Москва) «Опыт изучения эпохальной динамики некоторых физиологических признаков». Автор получила необходимые данные при химическом анализе костей из эскимосских и удмуртских могильников. По мнению докладчицы, существует тесная зависимость микроэлементного состава человеческого организма от состава элементов окружающей среды, зависимость, опосредуемая системой хозяйства и питания данной этнической группы.

На конференции были заслушаны и другие доклады московских антропологов: В. Н. Федосовой («Особенности структуры длинных костей некоторых неолитических серий Восточной Европы»), Е. В. Веселовской («Изучение изменчивости толщины мягких тканей лица») и Т. В. Томашевич («Эпилтерные кости черепа человека: обзор гипотез формирования и оценки морфологического значения»), носившие более специальный характер. В обсуждении этих докладов приняли участие присутствовавшие на заседании специалисты-антропологи.

Современные языковые процессы и языковая политика в Азербайджане были рассмотрены А. Г. Балаевым (Баку). На основе статистических материалов докладчик сделал вывод о широком распространении двух- и трехязычия в республике. При этом, по мнению А. Г. Балаева, хорошее знание русского языка не ведет к сужению сферы действия и вытеснению азербайджанского языка. Русский является в первую очередь языком общения между различными национальностями.

Е. А. Оборотова (Москва), проанализировавшая обычай сорората и левирата в традиционном чукотском обществе, пришла к выводу, что у чукчей, более других народов Севера сохранивших свой традиционный уклад жизни, они выполняли экономическую функцию: были важным механизмом жизнеобеспечения.

Заключительный доклад А. Ю. Синицына (Ленинград) «Культ Тиджамина в этнокультурной традиции Бирмы» был построен на анализе сложного синкретического фольклорного образа бирманцев — Тиджамина. В нем, как полагает А. Ю. Синицын, воплотилась структура «единого религиозного поля» жителей Бирмы, сочетающего элементы анимизма, древних земледельческих культов, индуизма, буддизма. Образ Тиджамина, таким образом, отражает всю многовековую историю духовной жизни бирманцев.

На конференции была избрана молодежная редакционная коллегия журнала «Советская этнография», которая впоследствии была утверждена на Ученом совете Института этнографии.

* * *

Уже давно общим местом стало утверждение, что наиболее важные и интересные результаты приносят междисциплинарные исследования. Обогащение и развитие любой современной науки происходит за счет выделения «предметных зон», общих с другими научными дисциплинами. В этом процессе этнография не составляет исключения. В последние десятилетия заявило о себе множество субдисциплин, уже в самом названии содержащих корень «этно-» (этносоциология, этнопсихология, этнодемография и т. д.). Не случайно проблема «этнография и пограничные науки», живо интересующая начинающих этнографов, и стала темой очередной конференции молодыхченых Института этнографии АН СССР.

Утреннее заседание 19 мая открыл И. И. Крупник, который многие годы был организатором и председателем молодежных конференций Института этнографии.

В своем вступительном слове он обратил внимание участников конференции на важный аспект профессиональной подготовки, как умение чувствовать себя и бы «в потоке науки», т. е. выступать перед аудиторией, вести дискуссию, отстаивать свое мнение, совместно с оппонентами вырабатывать новое знание. Эта сторона научной деятельности не менее важна, чем собственно исследовательская.

На конференции было заслушано и обсуждено 17 докладов молодых специалистов из Москвы и других городов страны.

Доклад М. Н. Новикова (Москва) «Этнополитика: цели, задачи, методы» заинтересовал слушателей в круг проблем сравнительно новой субдисциплины, возникшей на стыке политики и этнографии. Этнополитика — интенсивно развивающееся научное направление. Предмет ее изучения — взаимоотношения таких фундаментальных явлений современного общества, как этнос и государство. В частности, в круг проблем этнополитики включаются национальные аспекты политических течений, проводимая государством национальная политика, национальные конфликты и т. д. Докладчик ознакомил участников конференции с организацией этнополитических исследований за рубежом, указал на актуальность этого опыта для многонационального Советского государства.

С докладом «Комплексные методы в изучении процесса ассимиляции (на примере исследований пришлого населения Сибири)» выступили С. В. Соколовский и Т. В. Тырышкина (Кемерово). Материалы для обобщения были получены докладчиками при изучении двух этноареальных групп: алтайских меннонитов и варсов Новокузнецкого района. Если первые (меннониты) ассимилированы окружающим населением очень незначительно, представляют своеобразный «этнический остров» в иноэтническом массиве, то вторые (варсы) находятся на заключительных стадиях ассимиляции. Почему так произошло? По мнению авторов, в обоих случаях по-разному сказалось действие «этноизолирующих барьеров» (религия, язык, другие элементы культуры), которые регулируют частоту межнациональных браков и процесс смешения этнического самосознания.

Н. М. Лебедева (Москва) выступила с докладом «Психологическое исследование этнической общности». На материале сектантских групп русского населения Азербайджана она рассмотрела механизм психологической защиты этнической группы в инонациональном окружении, в «конкурсных» или конфликтных ситуациях.

В докладе Н. В. Черной (Москва) «Эмиграционное движение и динамика этнической структуры населения Галиции в 70-е годы XIX — 30-е годы XX в.» проанализированы закономерности миграций, связанные с национальным составом населения Галиции. В докладе выявлены причины и основные направления переселения эмигрантов-украинцев (православных и униатов), поляков и евреев.

И. Л. Бабич (Москва) выступила с докладом «О значении архивных материалов для этнографических исследований (на примере обычая взаимопомощи у кабардинцев во второй половине XIX — начале XX в.)». По мнению докладчицы, полевые этнографические материалы часто приобретают новое звучание при сопоставлении с архивными данными. Так, результаты опросов говорят о широком распространении у кабардинцев обычая взаимопомощи. Архивные же материалы показывают, что около 50% хозяйств Кабарды не нуждались в помощи при обработке земли, 20—25% хозяйств самостоятельно выпасали скот, далеко не обязательной со стороны односельчан была помощь при несчастных случаях, строительстве домов и т. д.

В докладе Е. М. Галкиной (Москва) «О возможностях психологического изучения этнического самосознания в национально-смешанных семьях» были проанализированы результаты проведенного докладчицей в Таллине (эстонско-русские) и в Москве (украинско-русские семьи) этнопсихологического обследования. Автор отметила двойственность самосознания выходцев из национально-смешанных семей, вызванные некоторые закономерности формирования осознаваемых установок на принадлежность к определенной национальности, поделилась планами дальнейшей работы в этом направлении.

Т. В. Патина (Москва) выступила с докладом «Миграционные движения в Кении и их этнический аспект». В центре доклада были миграции типа «село — город». Материалы, приведенные Т. В. Патиной, позволяют сделать вывод о том, что миграционные и шире — демографические процессы, происходящие в развивающихся странах, типичны и для Кении.

Доклад М. В. Тендряковой (Москва) «Первобытные инициации как объект этнопсихологического изучения» был основан на изучении материалов, посвященных аборигенному населению Австралии. Докладчица отстаивала тезисы о том, что целенаправленные инициации — передача тайного знания, что она вводит юношу в сакральную сферу жизни племени и тем самым обеспечивает преемственность культурной традиции. Другая «косвенная цель» инициации — смена социального статуса человека.

С докладом «Проблемы изучения праздника Славы в этнографической литературе» выступила М. М. Керимова (Москва). Этот праздник югославянских народов изучается этнографами, в первую очередь югославскими, с первой половины XIX века. Однако, как показала докладчица, эта проблематика далеко не исчерпана.

«Политические ориентации и этничность (на материалах центральной Сардинии)» — такова была тема доклада О. Д. Файс-Лутской (Москва). Материалы были получены в ходе опроса жителей ряда сардинских сел (1987 г.). Автор пришел к выводу, что этничность (признание национальной самобытности сардинцев) сильно коррелирует с политической ориентацией населения (за какую партию голосуют).

Выступление М. Н. Мессесовой (Москва) «Этнические функции изобразительного искусства» основывалось на анализе результатов этносоциологического опроса. Докладчица обратила внимание на то, что представители различных народов СССР

в разной мере осведомлены о шедеврах мирового и советского изобразительного искусства и их создателях.

Л. В. Дмитренко (Москва) выступила с докладом «Взаимосвязь языковых процессов и межнациональных отношений в производстве и быту у русского населения городов ЭССР». По данным этносоциологического исследования, проведенного среди русского населения Таллина, у русских в Эстонии существуют отрицательные установки на изучение эстонского языка. Плохое знание языка коренной национальности является одним из основных препятствий для общения между эстонцами и русскими в быту и на производстве, для заключения межнациональных браков.

Б. В. Горбунов (Рязань) привлек внимание к русским заговорам как к одному из источников по истории и этнографии русского народа. В докладе «Народные русские заговоры как источник для изучения традиционных рукопашных игр-состязаний» он показал, что заговоры достаточно подробно отражают многие реалии древнего русского быта.

Доклад Ю. Е. Шевченко (Москва) «Языковая ситуация во Франции XIX — начала XX в. (к вопросу о субэтнической структуре французов)» был посвящен языковому аспекту складывания единой французской нации. В частности, была рассмотрена государственная политика, направленная на преодоление региональных диалектных различий.

На конференции с докладами выступили московские антропологи Е. В. Веселовская («История исследования толщины мягких тканей лица»), В. Н. Федосова («Территориальная и эпохальная изменчивость костей посткраниального скелета неолитического населения лесной полосы Восточной Европы») и Т. В. Томашевич («Использование вариации числа и положения решетчатых каналов в этнической краниоскопии»). В обсуждении докладов приняли участие антропологи Института этнографии.

Результаты конференции еще раз подтвердили, что синтез этнографии и смежных наук (социологии, антропологии, лингвистики, фольклористики и др.) носит органический характер, способствует разработке новых аспектов знания о мире. В этот процесс включаются и далекие от собственно этнографии дисциплины (такие, как политология). Дисциплинарные границы постепенно размываются, формируется единая гуманитарная наука, т. е. наука о человеке и обществе, в которой предметная определенность (что изучать) выдвигается на первый план по сравнению с определенностью дисциплинарной (как изучать). О перспективах этого процесса говорит тот факт, что в него естественным образом включились начинающие специалисты.

К сожалению, отчет о конференции не может вместить самого главного — обсуждений, дискуссий, которые разворачивались после каждого выступления и заняли основную часть времени. С текстами докладов можно будет ознакомиться после их публикации. И хотя вопрос о публикациях для молодых специалистов стоит очень остро, важнее все-таки (сужу по опыту этой и других конференций) живое обсуждение волнующих проблем, возможность спорить, услышать контраргументы оппонентов, доказать свою точку зрения. Поэтому я приглашаю всех желающих принять участие в работе последующих конференций молодых ученых ИЭ АН СССР, по традиции проходящих весной, а готовящихся в первые месяцы каждого нового года.

Л. С. Перепелкин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ЭТНОГРАФА»

5 апреля 1988 г. в Институте этнографии АН СССР состоялся теоретический семинар молодых ученых, посвященный проблемам межнациональных отношений в СССР и участию этнографов в решении этих проблем. Семинар проходил в форме «круглого стола»; свое мнение высказали многие из присутствовавших (а их было выше 40). Это было своего рода продолжение предыдущего семинара, на котором В. С. Агаджаняном и Э. С. Намазовым были прочитаны доклады, освещавшие события в Нагорном Карабахе, их предысторию и отчасти причины.

Молодежный семинар вписался в общий комплекс мероприятий института (методологический семинар, открытое партийное собрание), отражающих озабоченность его сотрудников сложившейся практикой регулирования национальных отношений. Многие выступления в ходе «круглого стола» были откликом на прозвучавшие ранее оценки и предложения старших товарищей. Однако обсуждение на молодежном семинаре носило самостоятельный и конструктивный характер.

Прозвучавшие выступления можно сгруппировать по некоторым основным темам: причины возникновения очагов этнической напряженности; формирование национальных экономических интересов; роль различных социальных групп в национальных движениях; практика правового регулирования межэтнических отношений в СССР;

современный этап социально-политического развития нашей страны и принципы хода к национальному вопросу.

Прежде всего необходимо отметить, что предметом обсуждения стал не конкретный национальный конфликт, а закономерности, лежащие в основе национальных ситуаций, как уже имевших место, так и тех, с которыми по логике этического развития предстоит еще столкнуться.

В выступлении Н. Я. Дараган было подчеркнуто, что проблема, реальные масштабы которой едва ли уже выявились в полной мере, отнюдь не специфична для нашей страны. Этническое возрождение, или всплеск (этот термин — калька с устоявшегося английского *ethnic revival*), переживают в той или иной форме все многонациональные государства. Диалектическое противоречие интересов государства в целом и составляющих его народов может явиться одной из движущих сил социального прогресса. Однако эта возможность становится реальностью лишь в том случае, когда назревшие противоречия выявляются, а не загоняются вглубь и находят свое выражение в решению их подходит на подлинно демократической основе. Поэтому едва ли можно считать ситуацию обострения межэтнических противоречий полностью независимой от политики. Напротив, трудности, с которыми пришлось столкнуться в Якутии, Кастане, Азербайджане и Армении, — закономерное следствие недальновидных решений в которых национальные интересы (прежде всего экономические, а затем и культурные) были принесены в жертву потребностям государственных, зачастую определяемых с узковедомственной точки зрения. Н. Я. Дараган подвергла критике прежде всего программу развития Нагорного Карабаха, которая отражает типичный для недавнего прошлого региональный подход к решению проблемы без учета специфических национальных интересов.

Идея о неразложимости «национального» на составные элементы — экономические, социальные, культурные и т. д. — прозвучала в выступлении С. В. Чешко. По ее мнению, попытки воздействия лишь на одну из составляющих неэффективны, так как это неизменность целого — национальной ситуации. Наше общество не только не переросло национальной стадии развития, но для ряда народов нашей страны она в последнее время только началась. Отсюда возникает проблема национальных движений при капитализме. Нельзя признать, что национально-государственное строительство уже вершилось и существующие формы должны оставаться неизменными.

Связь национальных проблем с экономическими отмечалась во многих выступлениях. Однако акценты были расставлены по-разному. Признавая самостоятельную роль экономических деформаций в обострении ситуации в НКАО, некоторые выступившие (А. Н. Ямков, А. В. Половой, Н. Е. Руденский) подчеркивали, что в них кроется причина этнического конфликта. В. С. Агаджанян, напротив, отмечал, что именно социально-экономические проблемы в автономной области привели к требованию ее отделения от Азербайджана.

А. Н. Ямков, описав природные условия Нагорного Карабаха, сделал вывод, что экономические трудности этой территории характерны вообще для горных местностей. По его мнению, логичнее сравнивать Нагорный Карабах не с другими районами Азербайджана, а с горными территориями Армении. В то же время А. Н. Ямков охарактеризовал проблему не как экономическую, а как национально-культурную, т. е. как проблему отсутствия реальной автономии. Ее решение может быть достигнуто только на основе воли самого населения. Ответственность за возможные экономические последствия в таком случае должна быть принята населением области.

Многие из участников «круглого стола» признавали сложившиеся экономические взаимосвязи НКАО с остальной территорией Азербайджана как неоспоримый факт. Отсюда Н. Р. Маликова заключила, что волеизъявление населения Нагорного Карабаха противоречит сложившейся на протяжении веков экономико-экологической целостности Карабаха (НКАО и пять равнинных и три горных района). Отделение НКАО от Азербайджана, по ее мнению, означало бы разрыв существующих хозяйственных связей, что нанесло бы ущерб не только населению области, но и всему многонациональному населению Азербайджана и всему народнохозяйственному комплексу страны.

В своем выступлении В. С. Агаджанян привел факты, противоречащие этому высказыванию и показывающие превышение вывоза продукции Нагорного Карабаха за пределы Азербайджана над продукцией, реализованной внутри республики. Сравнение НКАО по экономическим показателям с другими районами Азербайджана не принимается во внимание жителями области: они соотносят свою территорию с районами Армении как с эталоном. В основе межэтнических противоречий в Азербайджане, по мнению В. С. Агаджаняна, находятся процессы изменения социального статуса национальностей. Высокая социальная мобильность азербайджанцев привела к конфликту с теми этническими группами, которые ранее занимали престижное положение — армянами, русскими. Как следствие возросшей конкуренции стал происходить миграционный отток армян и русских за пределы Азербайджана.

На положение русского старожильческого населения в сельской местности Азербайджана обратила внимание Н. И. Григулевич. Она связала трудности в сельском хозяйстве, низкий уровень жизни этого населения с ориентацией на отъезд за пределы республики.

В выступлении В. В. Коротеевой экономическая ситуация в Нагорном Карабахе была рассмотрена как частный случай нерешенных национально-экономических проблем. При противопоставлении интересов экономики и интересов национального развития (а на проблему такого противопоставления было обращено внимание в ряде выступлений) надо уточнять, о какой экономике идет речь. Административная систем-

хозяйствования действительно не считается ни с интересами территорий, ни с интересами национальностей. В качестве негативных последствий отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана выдвигается разрыв экономических связей. Но если такие связи устанавливаются не сверху, а самими хозяйствующими субъектами, если они выгодны для обеих сторон, то изменение административных границ не должно быть препятствием для их поддержания. «Экономическая» аргументация при игнорировании воли населения НКАО исходит из упрощенного представления об экономике в ее натуральном виде. Между тем проблема заключается в несоответствии между результатами хозяйственной деятельности населения и получаемыми благами, т. е. в стоимостных диспропорциях. Если бы между указанными территориями существовали отношения хозрасчетного типа, то сам вопрос о территориальных изменениях не встал бы так остро.

В ходе обсуждения была предпринята попытка выявить социальные группы, стоявшие за произошедшим конфликтом. В качестве сил, заинтересованных в натравливании одного народа на другой, были названы «мафия» и коррумпированная часть аппарата управления. Возражения большинства участников заседания вызвало мнение Н. Р. Маликова, что социальной почвой для национальных движений (которые отождествлялись с националистическими) является гуманитарная интелигенция. Носителем интернационального сознания она считает прежде всего рабочий класс. С. В. Чешко задал вопрос, не служится ли база для интернационализма по мере сокращения численности рабочего класса, что является закономерной тенденцией научно-технической революции.

Характер дискуссии показал, что наши представления о социальной структуре общества, а соответственно и о социальных корнях той или иной идеологии отстают от действительности. Марксистское понимание социально-классового подхода к политике и идеологии требует не повторения догм, а конкретного анализа того, какие группы преследуют те или иные цели.

Н. Е. Руденский возразил против экономического детерминизма в национальных вопросах. Он высказал мнение, что надо понимать национальные требования буквально, а не искать в них скрытый смысл, неведомый для тех, кто их выдвигает. В ситуации с Нагорным Карабахом наше общество впервые столкнулось с открытым, четким выражением национальных потребностей, причем со стороны населения области и населения Армении такое выражение происходило в формах, не нарушающих наши законы. И это — проявление политической культуры населения, которая является необходимым условием демократии.

А. В. Полевой отметил, что юридический статус автономной области не позволяет решить накопившиеся в ней проблемы, и тем самым подвел обсуждение вплотную к выдвижению требования обеспечить правовые гарантии урегулирования национальных конфликтов. Действительно, право наций на самоопределение декларировано Конституцией. Однако каковы правовые гарантии его осуществления? На недостаточной разработанности этой сферы законодательства, на отклонениях от ленинской национальной политики, на догматизме в подходе к национальным отношениям сосредоточил свое внимание Л. С. Переялкин. Он обратился к истории национального вопроса, напомнил о его обсуждении на II съезде РСДРП. Тогда эта проблема поднималась в связи с вовлечением национальных движений в революционную борьбу, но вопрос о юридических формах осуществления права наций на самоопределение еще не мог быть поставлен. В конце 1920-х годов в связи с общим курсом на централизацию провозглашенные на X и XII съездах партии принципы национально-государственного устройства стали нарушаться, все реже стали учитываться собственно национальные интересы. Практика сегодняшнего дня, к сожалению, продолжает не столько ленинскую, сколько сталинскую национальную политику. Самоопределение — это не единовременный акт; ошибочно считать, что если оно уже когда-то «произошло», то в будущем не могут возникнуть подобные проблемы. Для их решения нужны правовые механизмы.

М. Ю. Чумалов говорил о тех принципах, которые должны лежать в основе разрешения спорных ситуаций. Отметив, что волеизъявление населения не противоречит ленинскому подходу к самоопределению наций, он показал несовместимость такого волеизъявления со сталинской моделью национальной политики. Самоопределение наций не может быть одним из моментов, который учитывают наряду со множеством других, оно — безусловный принцип, на котором должно базироваться регулирование национальных отношений.

И. И. Крупник остановился на профессиональных задачах этнографов в условиях сложной национальной обстановки. В качестве постулата он предложил плюрализм мнений. Предположение, что у науки может быть только единая точка зрения, заранее обединяет ее. Возможно, свои предложения в органы, компетентные принимать решения в национальной сфере, стоит представлять в поливариантном виде. Если считать волеизъявление народа основой демократичного решения национальных проблем, то в каких формах оно должно проявляться? В тех ли, которые существуют и какие были использованы населением НКАО, или в новых? Со своей стороны этнографы могут предложить профессиональную помочь для выявления общественного мнения, например провести социологическое обследование или сформулировать дополнительный вопрос для включения в программу предстоящей переписи населения. Как специалисты в области национальных отношений этнографы должны четко сформулировать понятия «национальные права», «национальные потребности».

Несмотря на разнообразие тем, о которых говорилось на семинаре, и различия во мнениях, все время ясно звучала единая идея: решение национальных проблем

должно идти демократическим путем. Слабость правовых и политических механизмов для разрешения спорных ситуаций в сфере национально-территориального устройства нашей страны не соответствует современному этапу социально-политического развития советского общества. Реализация принципа самоопределения наций должна быть обеспечена комплексом правовых норм. В их разработке наряду с юристами, юридистами, историками, социологами необходимо участвовать и этнографам.

Заключительное слово на заседании «круглого стола» произнесла зам. директора института Л. М. Дробижева. Она обратила внимание на связь событий в нашей стране с международной обстановкой, с отношением к нашему государству мирового общественного мнения. Пути решения национальных проблем являются проверкой демократичности нашего общества. Велика профессиональная и гражданская ответственность ученых в сложившейся ситуации. В целом положительно оценив итоги семинара и отметив важность совместного обсуждения национальных проблем для профессионального становления молодых ученых, Л. М. Дробижева призвала к большой ориентации на выработку конкретных рекомендаций. Ею была предложена и возможная форма работы — «деловая игра», предполагающая разносторонний анализ проблемы и подводов к ее решению.

В завершение молодежного семинара был представлен проект письма в ЦК ВЛКСМ и центральную комсомольскую печать. В нем подводились основные итоги обсуждения и давались некоторые рекомендации к совершенствованию национальной политики нашей стране.

Н. Я. Дараган, В. В. Коротев

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СЕМИНАР «ЛОКАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ КАК КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ»

23—25 января 1988 г. в поселке Серебряные Ключи Тульской обл. был проведен междисциплинарный семинар «Локальные субкультуры как компонент культурно-экологических систем», организованный по инициативе Секции этнической социологии Советской социологической ассоциации и центрального научно-исследовательского объединения «Экокультура». Несмотря на некоторую теоретичность его названия, посвящение он был вполне конкретным практическим вопросам развития нашего общества. Хотя число участников было невелико (12 человек), среди них были представители различных отраслей знания: этнографы и экономисты, географы, психологи, социологи, антропологи, лингвисты — все в возрасте от 26 до 38 лет. В докладах поднимался широкий круг региональных проблем развития нашего общества. Эти проблемы касались коренных народностей Севера и переселенцев в Нечерноземье из трудоизбыточных регионов русского населения Закавказья и малых народностей Прибалтики.

Главное впечатление от семинара — согласованность основных идей докладов, общность понимания обсуждавшихся вопросов. Можно выделить те главные положения, на которых сходились все докладчики. Во-первых, решение экологических и социальных проблем нашего общества невозможно только на макрорегиональном уровне; важную роль играют локальные общности с их локальными субкультурами. Во-вторых, функции локальных субкультур (ЛС) в современном урбанизированном обществе отличаются от таковых в традиционных обществах с их консерватизмом и относительной изолированностью. В-третьих, основой ЛС может быть только устойчивая группа населения, проживающая на данной территории иучаствующая в ее освоении в течение ряда поколений; в то же время в современном обществе значительно возрастает роль «периферии» ЛС — временного населения данной территории. Нарушение баланса между этими двумя компонентами ЛС ведет к возникновению ряда острых социальных, экономических и экологических проблем, вызванных оторванностью значительной части населения как от экологических и культурных условий данного региона, так и от системы неформального социального контроля. В-четвертых, проблематика ЛС охватывает широкий круг социальных объектов. Для выработки программ их изучения практических рекомендаций необходимо разработать общий понятийный аппарат, дающее представление о структуре и типах ЛС в современном обществе, их функциях оптимальном уровне автономности.

Из сказанного ясно, почему Институт этнографии АН СССР стал базовым учреждением при проведении данного семинара. Именно для этнографии характерен комплексный подход к культуре, изучение взаимосвязи всех ее компонентов — от производства и экологии до групповой психологии и идеологии. Однако многие из социальных объектов, рассмотренных на семинаре, не являются объектом «традиционной» этнографии. Ведь в настоящее время происходит не только преобразование или распад традиционных ЛС, но и формирование новых (например, современных «переселенческих субкультур Нечерноземья). Связь с этнографией прослеживается и в другом аспекте: целый ряд ЛС относится к малым этническим общностям (этнодисперсным группам в инонациональной среде).

Основная задача семинара состояла в том, чтобы выработать общие позиции для изучения локальных субкультур в современном урбанизированном обществе. А. А. Сусоколов (Москва) в докладе, посвященном общеметодологическим вопросам изучения ЛС, подчеркнул роль непосредственных межличностных контактов в формировании ЛС, отличающую их от других разновидностей субкультур (например, профессиональных, досуговых и др.) и придающую им особую устойчивость. Он рассмотрел также особую модель структуры и функций ЛС в современном обществе. Положения доклада иллюстрировались примерами формирования ЛС в процессе приживаемости переселенцев в Нечерноземье из трудоизбыточных регионов (Средняя Азия, Закавказье) по материалам пилотажных этносоциологических обследований.

Развивая идеи теоретического анализа ЛС, В. С. Дмитриев (Ленинград) подчеркнул необходимость выделения в них нескольких иерархических уровней (экологического, экономического, соционормативного, идеологического), а также применения принциповialectического анализа, в частности выделения двух взаимодействующих «ядер» в рамках каждой субкультуры. С. В. Федулов (Москва), затронув в своем докладе проблему типологии переселенческих ЛС, обобщил историю развития понятия «территориальная общность» в географической науке — от понимания ее как конгломерата индивидов до анализа системных свойств общности. Он рассказал о принципах изучения поселенческой структуры ЛС на примере сел Московской области.

В. И. Фризен (Тула) основное внимание уделил роли языка в формировании ЛС на примере пос. Серебряные Ключи Тульской обл., где большинство жителей составляют представители германоязычной группы *плаутдич* (меннониты). С. В. Чешко и О. Б. Наумова (Москва) дали комплексную этнографическую и этносоциологическую характеристику этого поселка по материалам обследования 1987 г.

Наконец, А. С. Вишняков (Тула) рассказал о проблемах формирования весьма специфических ЛС — сельских молодежных жилищно-строительных кооперативов (МЖК) в Тульской области.

Ряд докладов был посвящен проблемам стабильности и возрождения ЛС коренных народов советского Севера и их роли в поддержании экологического равновесия в регионе. К. Б. Клоков (Ленинград) дал культурологический анализ основных концепций природопользования на примере ЛС советского Севера. В. В. Лебедев (Москва) рассмотрел конкретные социальные механизмы восстановления ЛС коренного населения Таймырского полуострова и формирования на их основе культурно-экологических зон. С. В. Сучков (Ленинград) проанализировал аналогичные проблемы на примере малых этнических общностей Юго-Восточной Прибалтики.

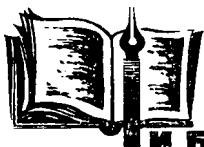
Наконец, проблемы этнических ЛС в инонациональной среде рассматривались в основном на материале исследований русского старожильческого населения Закавказья. Н. М. Лебедева (Москва) рассказала о методах изучения социально-психологической сплоченности и межэтнических отношений на примере групп русского сельского населения в Азербайджане. Е. А. Оборотова (Москва) рассмотрела механизмы межпоколенной трансмиссии традиционных этнокультурных комплексов на примере тех же групп. Н. А. Дубова (Москва) информировала об отечественных и зарубежных исследованиях медико-биологических аспектов адаптации к иной природной и этнической среде.

На одном из заседаний семинара выступил Я. В. Фризен — руководитель подсобного хозяйства «Центрометаллургмент», на территории которого проводился семинар. Он рассказал об основных проблемах хозяйства, в том числе и связанных с адаптацией в инонациональной среде.

При всей общности подходов участников семинара на нем был поднят ряд дискуссионных вопросов. Остановимся на некоторых из них. Так, В. И. Фризен выдвинул тезис о лингвемах как мощном коллективообразующем факторе и о необходимости стимулировать интерес к их изучению. По его мнению, утраты языка этнодispersной группой в инонациональной среде неизбежно ведет к утрате значительной части ее позитивных социальных ценностей. По мнению Н. М. Лебедевой, факт прямого влияния языка на устойчивость системы ценностных ориентаций нельзя считать доказанным. К ее мнению присоединились и другие участники семинара. Не было единой точки зрения относительно экологического потенциала так называемых «мигрантских» субкультур. А. А. Сусоколов высказал опасение, что психологические особенности мигрантов могут привести к формированию субкультур, в принципе исключающих выработку мигрантской группой адекватной экологической идеологии природопользования. Ему возразили К. Б. Клоков, В. И. Фризен, Н. А. Дубова, подчеркнувшие, что экономические меры, влияние средств массовой коммуникации и другие возможности позволяют целенаправленно формировать экологическое сознание на уровне ЛС.

Характерной чертой семинара была его практическая направленность. По материалам обсуждавшихся докладов был принят ряд конкретных рекомендаций в адрес различных организаций, занимающихся перемещением трудовых ресурсов, оптимизацией сельскохозяйственного производства и т. д. Ориентация на решение конкретных, практически значимых задач и одновременно теоретическое осмысление проблем ЛС были характерны для большинства выступлений. В итоговом документе семинара содержится пожелание того, чтобы подобные семинары проводились регулярно, а также рекомендация опубликовать его материалы в виде отдельного издания.

А. А. Сусоколов

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Д. М. Исхаков

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XVI—XVII [критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края]

Несмотря на ряд очевидных достижений в исследовании проблем происхождения народов Поволжья и Приуралья¹, недавнюю констатацию сохранения в этой области «остродискуссионных вопросов»² следует признать правильной. К числу таких вопросов, по нашему мнению, следует отнести и определение времени завершения формирования тюркских и финно-угорских народностей в Волго-Уральском регионе.

Проблема эта не столь проста, как может показаться с первого взгляда. Дело том, что при разграничении последней стадии этногенеза и собственно этнической истории как одного, так и особенно нескольких живущих по соседству народов наблюдаются значительные методические сложности. Они объясняются недостаточной разработанностью методик фиксации завершения этногенеза, скучостью письменных источников или избирательным анализом. Все это в полной мере относится и к народам Урала-Поволжья.

Думается, назрела настоятельная необходимость переоценки некоторых укоренившихся представлений о времени завершения формирования народностей Урало-Поволжского региона. В русле такого подхода предлагается анализ проблемы «ясачных чувашей» Казанского края по данным русскоязычных письменных источников XVI—первой половины XVII в.

Многочисленная группа населения под названием «ясачные чуваши» (чуваша) отмечается в писцовых и переписных книгах XVI — первой половины XVII в., а также в ряде актовых материалов того же периода в составе Казанского и Свияжского уездов. В этом факте, казалось бы, нет ничего особенного, если бы не одно немаловажное обстоятельство: со второй половины XVII в. «ясачные чуваши» Казанского уезда начинают именоваться в письменных источниках ясачными «татарами». Более того эти «чуваши», превратившиеся в «татар», локализуются в районах формирования основного ядра казанских татар.

Вопрос об этническом облике этих «чувашо-татар» в XVI — первой половине XVII в. остается остродискуссионным. На сегодняшний день сформулированы четыре основные точки зрения соответственно об их чувашской, татарской, булгарской и южномуртской принадлежности. Обилие гипотез явно свидетельствует не только об источниковедческих трудностях, но также об определенных методологических пробелах в нашей оценке этнической ситуации в Среднем Поволжье на рубеже XVI—XVII вв.

Источниковая база проблемы «ясачных чувашей» достаточно хорошо известна³: недавно был опубликован один из главных источников по этому вопросу⁴. Существенно расширить круг источников пока, к сожалению, не удалось⁵. При таком положении необходим тщательный критический анализ каждой из гипотез с тем, чтобы выявить степень их фактологической обоснованности.

¹ См. сводный том Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985.

² Комплексная программа «Этническая история и современные национальные процессы»//Вопр. истории. 1987. № 9. С. 101.

³ См. об этом подробно Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по письменным книгам)//Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1973. С. 292.

⁴ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. Казань, 1978.

⁵ Некоторые новые материалы см.: Летопись Троицкой церкви села Монастырского Уряя Лайшевского уезда//Известия по Казанской епархии. № 11. 1869. С. 336—347; Пензенский областной архив. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1.

Прежде всего, однако, нам хотелось бы ограничить на данном этапе проблему «ясачных чувашей» XVI—XVII вв. пределами одного лишь Казанского уезда, т. е. левобережем Волги. Такое ограничение вызвано тем, что в начале XVIII в. в правобережном Свияжском уезде жили как татары (18,4 тыс. человек), так и чуваши (28,8 тыс. человек)⁶. Несомненно, предки обеих групп населяли эту территорию и в XVI—XVII вв. Однако состояние источников по Свияжскому уезду не позволяет для XVI—XVII вв. надежно отчленить собственно чувашей от тех групп, которые до середины XVII в. в источниках назывались «чувашами», а позже стали именоваться «татарами». Именно поэтому проблему «ясачных чувашей» мы решили рассмотреть имплицитно к тому ареалу, где этническая ситуация поддается более однозначной актовке, т. е. для Казанского уезда.

Начнем с аргументации сторонников чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей» XVI—середины XVII в.⁷ Изучение публикаций показывает, что новым их доводом является сам факт употребления в письменных источниках наименования «чуваша»—несомненного этнонима. Как считает Р. Н. Степанов, фиксация письменных источниках рассматриваемого населения под наименованием «чуваши» может быть результатом каких-то ошибок писцов⁸. Об этом, по его мнению, свидетельствуют как распространенность данного термина в обширном корпусе документов XVI—XVII вв., так и наличие случаев, когда члены общества сами называли себя «чувашами»⁹.

Такие факты, несомненно, заслуживают внимания, хотя нет необходимости в их солютизации. Во-первых, у нас нет данных о том, что русская администрация в первую очередь составители писцовых и переписных книг) при определении этнической принадлежности местного населения Среднего Поволжья в XVI—XVII вв. именовала его этническое самосознание. Во-вторых, вызывает сомнение правомерность ямного отождествления этнических реальностей, отражением которых могли быть нонимы русских источников XVI—середины XVII в., и тех этносов, чьи границы ликвидируются в Поволжье с XVIII в.

Последнее соображение базируется на весьма конкретных материалах. Как было установлено В. Д. Димитриевым, в Среднем Поволжье в документах XVI—XVII вв. этноним «черемисы» широко употреблялся не только для обозначения марийцев, но и по отношению к определенной части чувашей¹⁰. Аналогичный факт был установлен нами для XVI—первой половины XVII в. применительно к населению Среднего Приуралья (Пермского края), где этноним «остяк» в русскоязычных документах употреблялся для обозначения предков татар и башкир¹¹. Поэтому определение этнической принадлежности лишь на основе русскоязычных письменных источников представляется по меньшей мере неосторожным. Кроме того, неясно, являлось ли наименование «ясачные чуваши» эндо- или же экзоэтнонимом (т. е. присвоенным этому населению, например, усскими или соседними народами).

Рассмотрим теперь примеры проявления со стороны «ясачных чувашей» Казанского уезда своего этнического самосознания. Речь в данном случае идет о том, можно ли считать факты определения себя в документах «ясачными чувашами» отражением такого самосознания. Вопрос не простой. Прежде всего заметим, что в члены общества были направлены на решение вопросов землевладения. Причем само право на землевладение обосновывалось ссылкой на документы определенного типа: у ясачного населения в нашем случае — ссылкой на писцовые и переписные книги. В таких условиях достаточно было одного случая неправильного определения этнической принадлежности крестьян, как в дальнейшем члены общества уже не могли отказаться от своего афиксированного в писцовых и переписных книгах наименования, иначе они теряли бы свое право на земельные угодья.

Сторонники чувашской принадлежности «ясачных чувашей» Казанского уезда высказывали и некоторые другие соображения. Так, выдвигалось предположение, что «...еще в первой половине XVII в. казанские татары были рассредоточены на гораздо меньшей территории, а к XVIII в. численность татар резко увеличивается, что, конечно, нельзя объяснить только простым приростом населения»¹². Этот тезис закономерно

⁶ Подсчеты автора статьи.

⁷ См.: Комиссаров Г. Чуваши Казанского Заволжья. Казань, 1911; Димитриев В. Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа//О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 96—118; Денисов П. В. Елигизовые верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959. № 75, 82—83; Степанов Р. Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах//Сб. аспирантских работ (Сер. Право, история, филология). Казань, 1964. С. 52—70; История Чувашской АССР. Т. 1 Чебоксары, 1966. С. 65.

⁸ Степанов Р. Н. Указ. раб. С. 68.

⁹ Там же. С. 68—69.

¹⁰ Димитриев В. Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI—начала XVII в.//Уч. зап. Чувашского НИИ. Вып. 27. Чебоксары, 1964. С. 118—132.

¹¹ Исхаков Д. М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX в.//К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 52—53.

¹² Степанов Р. Н. Указ. раб. С. 54.

приводил к выводу о массовом «отатаривании» к концу XVII — началу XVIII «ясачных чувашей» Казанского уезда.

Рассмотрим детальную его фактическую основу. Прежде всего нельзя говорить «резком» увеличении численности казанских татар к XVIII в. по сравнению с более ранним периодом по той причине, что этнографические источники для какойлибо конструкции демографической ситуации в XVI—XVII вв. пока никем не проанализированы. Проведенный нами анализ косвенных источников по этому вопросу¹³ никаких заметных скачков в численности татар в период между XVI—XVII и XVIII вв. не наруживает. Кроме того, рост численности, даже если он имеет место, автоматически не приводит к расширению этнического ареала и, наоборот, простая фиксация увеличения территории расселения этноса не позволяет делать однозначный вывод о росте его численности. Наконец, пока нет прямых доказательств «массового отатаривания» в XVI—XVII вв. «ясачных чувашей» Казанского уезда, вряд ли правомерно говорить о связи между особенностями расселения и динамикой численности казанских татар с одной стороны, и широкомасштабными этническими процессами — с другой.

Еще одна линия доказательств строится на отсутствии в русских источниках XVI — середины XVII в. упоминаний о «ясачных татарах». При этом цепь рассуждений развивается по следующей схеме: все татары в последний период существования Казанского ханства (XVI в.) были служилым населением; во второй половине XVII в. в источниках появляются «ясачные татары», следовательно, последние сформировались главным образом за счет нетатарского населения — в основном путем отатаривания «ясачных чувашей» Казанского уезда¹⁴. Весьма интересно рассмотреть логические последствия, которые могут вытекать из такой цепи рассуждений. Если исходить из утверждения о служилом статусе всех без исключения казанских татар в XVI в., татары оказываются этносом, полностью состоящим из класса феодалов разного ранга. В принципе такой вариант допустим: в истории известны общества, в которых господствующий класс являлся особой, отличной от «черни» этнической группой. Но подобный вариант вряд ли подходит для разбираемого нами случая.

Как известно, М. Н. Тихомиров на основе анализа русских летописей XIV—XV вв. пришел к заключению, что в них под именем «бесермяне» на территории бывшей Волжской Булгарии вплоть до второй половины XV в. упоминаются «булгары», отличавшиеся от другой группы населения — «татар», живших с ними бок о бок¹⁵. В связи с тем что Казанское ханство воспроизводило социальную структуру Золотой Орды, социальную верхушку его образовывали выходцы из кочевого мира¹⁶. Более раннее булгарское население должно было оказаться как в Золотой Орде, так и в Казанском ханстве в зависимом положении. Если учитывать, что булгары явились одним из субстратных элементов при формировании казанских татар (эта точка зрения в советской историографии не оспаривается), то вряд ли можно говорить об отсутствии в XV—XVI вв. среди казанских татар представителей феодально-зависимого класса. Кроме того, при отнесении к чувашам населения центральной части Казанского уезда, известного по письменным источникам XVI — первой половины XVII в. как «ясачные чуваши», завершение формирования этноса казанских татар придется отодвинуть чуть ли не на конец XVII в. Такой вывод по отношению к этносу, создавшему свое феодальное государство с развитой социальной стратификацией, представляется необоснованным.

Еще один способ аргументации тезиса об отатаривании чувашского населения Казанского уезда к середине XVII в. строится следующим образом. Для начала утверждается, что «фактов отатаривания чувашей никто не станет отрицать, они общизвестны»¹⁷. Основной причиной этого явления называется принятие мусульманства заканчивающееся «восприятием всего татарского»¹⁸. Но такой подход требует фактического обоснования. При этом привлекается этнографическая информация, которая как правило, дальше XVIII—XIX вв. не идет¹⁹.

Сама по себе правомерность переноса полученных для XVIII—XIX вв. подсчетов и показателей на более ранний период весьма сомнительна. Более того, центрально звено системы доказательств — статистические материалы и методы работы с ними — не выдерживает критики. Еще в начале XX в. Г. Комиссаров, опираясь на неполные сведения о численности татар в Казанской губернии в 1826 г. и сравнивая эти цифры

¹³ Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII—XIX вв. (этнографическое исследование): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., Ин-т этнографии АН СССР, 1980.

¹⁴ См. Степанов Р. Н. Указ. раб. С. 65; см. также комментарии к работе: Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народа. Чебоксары, 1972. С. 388.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках//Российское государство: XV—XVII вв. М., 1973. С. 89.

¹⁶ Например, явно золотоордынского происхождения были в Казанском ханстве четыре правивших «роды»: барын, аргын, кычак, ширин. О притоке в Казанское ханство золотоордынцев из южных районов после закрепления на троне Улу-Мухаммед известно из разных источников. См., например: Казанская история. М.; Л., 1954. С. 52.

¹⁷ Степанов Р. Н. Указ. раб. С. 68.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См., например: Комиссаров Г. Указ. раб.; Дмитриев В. Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX в.//Уч. зап. Чувашского НИИ. Вып. 47. Чебоксары, 1969. С. 242—246.

с данными переписи 1897 г., сделал вывод об ускоренном росте численности казанских татар за счет ассимиляции чувашей²⁰. К сожалению, этот вывод был некритически заимствован другими исследователями²¹. Лишь гораздо позже В. Д. Дмитриевым на основе более полных статистических данных была обнаружена ошибочность использованных Г. Комиссаровым цифр²². Однако и сам В. Д. Дмитриев ограничился только цим анализом динамики численности татар Казанской губернии, не был учтен и архивных источников, характеризующих татаро-чувашские этнические связи в т период. В итоге, критикуя своего предшественника, В. Д. Дмитриев пришел к же выводу — о существовании в XVIII — середине XIX в. в Казанской губернии полномасштабных этнических процессов, связанных главным образом с ассимиляцией зашей татарам²³. Однако проведенное нами в дальнейшем изучение этностатистических источников XVIII—XIX вв. показало, что в Поволжско-Приуральском регионе этот период в результате этнических процессов в состав татар вошли не более тыс. чувашей, причем в основном не в Казанской, а в других губерниях (Симбирской, Самарской, Уфимской)²⁴. Как видим, фактологическая база для утверждения отатаривания чувашей остается весьма зыбкой.

Вторая — татарская гипотеза этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского уезда была сформулирована Е. И. Чернышевым в начале 1960-х годов²⁵. полагал, что в лице «ясачных чувашей» Казанского уезда мы имеем на самом деле ясачных татар». Для обоснования своего тезиса Е. И. Чернышев привел следующие выражения.

Во-первых, в самом центре этнической территории казанских татар — Казанском иде чувашей никак не могло быть больше, чем татар. Этот тезис необходимо усилить: по данным на начало XVII в., «ясачных чувашей» в уезде было на самом деле много больше, чем татар. Так, согласно писцовой книге 1602—1603 гг., здесь насчитывалось 228 дворов служилых татар (включая «новокрещенных») и 802 двора «ясачных чувашей» (с новокрещеными)²⁶. Сведения эти неполные — в писцовую книгу пошло только то ясачное население, которое имело землевладения по соседству со служилыми татарами. Тем не менее приведенные цифры отражают, видимо, примерное отношение в уезде «татар» и «чувашей».

Во-вторых, в ближайшем соседстве с татарами на территории Казанского уезда гичнее было бы искать не чувашей, а марийцев, волости которых в XVII в. вплотную примыкали к этнической территории татар.

В-третьих, термин «ясачные чуваши» в русских источниках XVI—XVII вв. не имел этнического значения, а являлся социальным понятием, синонимичным категории яичного населения вообще.

Два первых аргумента Е. И. Чернышева выглядят достаточно убедительно²⁷. ожнее с третьим. Правда, Е. И. Чернышев привел ряд фактов, которые, с его точ- зрения, доказывали, что под «чувашами» в документах имелось в виду в целом яичное население²⁸. Но эти факты можно трактовать и иначе. Кроме того, в источниках помимо «ясачных чувашей» фигурируют еще «ясачные черемисы» и «ясачные яки». Возникает вопрос: почему ясачные татары названы в документах «чувашами», а не «черемисами» или «вотяками». Свою позицию Е. И. Чернышев попытался докупить ссылкой на то, что наименование «чуваши» было присвоено ясачным тата- м служило-татарской группой. Однако привлечь какие-либо факты ему не удалось²⁹. По-видимому, вопрос о причинах бытования в XVI — первой половине XVII в. рмина «ясачные чуваши» в официальной русскоязычной документации для совершен- определенного ареала Среднего Поволжья является сейчас одним из узловых.

Несколько позже появилась третья гипотеза об этнической принадлежности ясачных чувашей³⁰. По мнению ее автора Г. Ф. Саттарова, «ясачными чувашами» в Казанском уезде в XVI — середине XVII в. назывались те группы булгарского насе- ния, в языке которых кыпчакские элементы «не одержали окончательной победы»³¹. я этом Г. Ф. Саттаров исходил из того, что булгары с родным булгарским языком чувашского типа) не должны были исчезнуть и потерять свой родной язык в период между XIII и XVI вв. Об этом, по его мнению, может свидетельствовать расшифровка

²⁰ Комиссаров Г. Указ. раб. С. 10.

²¹ О них см. Дмитриев В. Д. Указ. раб. С. 242—243.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Исхаков Д. М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской ис- рико-этнографической области в XVIII—XIX вв. //Сов. этнография. 1980. № 4. 30—31.

²⁵ Чернышев Е. И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 170—183. Свой вывод широ распространил и на территорию Свияжского уезда. Считаем нужным отметить, что подходом Е. И. Чернышева относительно населения Свияжского уезда мы не можем согласиться.

²⁶ Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. С. 203.

²⁷ Чернышев Е. И. Татарская деревня... С. 175—176.

²⁸ Там же. С. 134—139, 176—177.

²⁹ Там же.

³⁰ См. Саттаров Г. Ф. Антропонимы Татарской АССР (названия населенных пунк- в Татарской АССР). Казань, 1973 (на тат. яз.). С. 237—238, 246, 258, 266.

³¹ Там же. С. 237.

названий многих деревень центральной части Казанского уезда — Заказанья, которые этимологизируются на основе чувашского языка.

Предложенная Г. Ф. Саттаровым гипотеза весьма заманчива, но обоснована ею ярко недостаточно. Так, возможность сохранения булгарских групп с кыпчакским языком в XVI—XVII вв. фактически никак не аргументирована. Более того, она находится в противоречии с другими выводами автора и мнением остальных исследователей. К примеру, Г. Ф. Саттаров отмечает, что в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства булгари и кыпчаки тесно взаимодействовали друг с другом и кыпчакский язык в итоге одержал победу³². Спрашивается: произошла эта победа до XVI в. или после? Если ее надо относить лишь к XVII в., чем тогда объяснить усиление влияния кыпчакского языка во второй половине XVI—XVII вв.? Ответов на эти вопросы мы находим. Кроме того, как быть с хорошо известным фактом, что язык эпиграфий могилах XV—XVII вв. относится к кыпчакскому типу?³³

Вывод же о языковых особенностях названий татарских селений Заказанья представляется достаточно обоснованным³⁴. Однако тут обнаруживаются новые проблемы. Во-первых, названия селений могли сохраниться и после частичной или даже полной смены первоначального этнического облика населения, давшего эти названия. Во-вторых, не ясны хронологические рамки появления топонимов. С уверенностью говорить о времени существования этнического массива, создавшего топонимы, до даты, когда эти названия были впервые зафиксированы в письменных источниках (т. е. до XVI—XVII вв.), вряд ли правомерно. Отсюда ясно, что попытка прямо связывать создателей топонимов булгарского (чувашского) типа с «ясачными чувашами» требует специфических аргументов, что не выходит за рамки предположения.

Совсем недавно была сформулирована четвертая гипотеза о происхождении «ясачных чувашей»³⁵. Суть ее сводится к тому, что часть населения, расселенная на территории северо-восточной части Казанского уезда, в пределах так называемой Арской «дороги», представляла собой южных удмуртов, «в определенной степени тюркизированных уже в составе Волжской Булгарии»³⁶. Об этом, по мнению авторов гипотезы, могут свидетельствовать следующие данные.

Во-первых, южные удмурты не упоминаются в писцовых и переписных книгах Казанского уезда XVI—XVII вв., хотя другие этнические группы в уезде отмечаются (татары, марицы, «чуваши» и др.). Во-вторых, названия некоторых деревень (Луга, Вошторма), в которых в конце XVI — начале XVII в. жили «ясачные чуваши», либо явно удмуртский облик. В-третьих, видеть в «чуваших» Казанского уезда тюркизированных южных удмуртов позволяют аналогии с этнической историей бессеребрянских оговорок, что не выходит за рамки предположения.

Рассмотрим предложенные аргументы по порядку. Тезис об отсутствии упоминаний южных удмуртов в писцовых и переписных книгах XVI—XVII вв. справедлив лишь отчасти. Действительно, в сохранившихся писцовых и переписных книгах Казанского уезда XVI—XVII вв. удмурты упоминаются редко. Но дело тут скорее не в том, что удмурты в этих документах фигурируют под другим этонимом. Важнее для нас, что сохранившиеся писцовые и переписные книги Казанского уезда XVI—XVII вв. посвящены в основном описанию землевладений служилого населения, сосредоточенного в центральной зоне уезда. А вот именно здесь к XVI в. удмурты уже вряд ли проживали (что, однако, не исключает их обитания в этом ареале в более ранний период).

Кроме того, в сохранившихся документах XVI — середины XVII в. все же имеется целый ряд упоминаний о южных удмуртах. Так, в царской грамоте в Казань в 1593 г. среди жителей уезда отмечаются «вотяки»³⁷. В книге сбора оброчных деяний Казанского уезда за 1617—1618 гг. по Арской «дороге» отмечается д. Едигер, населенная «вотяками»³⁸. В выписке из отдельной книги И. Садилова (1640 г.) по Зюрейской «дороге» Казанского уезда перечисляются «вотяки» деревни Соргез, Порча, Петя Кохча, Большая Кохча, Бигра и др.³⁹ Во всех названных документах удмурты с пропущенными этническими группами Казанского уезда не смешиваются и фиксируются как вполне самостоятельная этническая единица.

Что же касается аргумента М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина об удмуртских названиях деревень, населенных «чувашиами», то он также неубедителен. Следует еще раз обратить внимание на то, что топонимы могут сохраняться и после изменения этнического облика населения. Кроме того, речь идет о названиях всего нескольких деревень, расположенных в районе смешанного расселения татар и удмуртов. Ясно, что именно здесь вероятность сохранения старых топонимов после смены населения резко возрастает.

³² Саттаров Г. Ф. Указ. раб. С. 237.

³³ Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. С. 145. 154—157.

³⁴ Последнюю публикацию, посвященную анализу топонимов Заказанья на основе чувашского языка см. Скворцов М. И. Об использовании ономастического материала старорусских документов в ИЭСЧЯ//Проблемы составления этимологического словаря определенного языка. Чебоксары, 1986. С. 87—100.

³⁵ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв.//Материалы по этигенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 3—42.

³⁶ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 27.

³⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической комиссию. 1294—1598 гг. Т. 1. СПб., 1836. С. 436—437.

³⁸ Центральный государственный архив древних актов. Ф. 1204. Д. 153. Л. 318.

³⁹ Кировский областной архив. Ф. 170. Оп. 1. Д. 32. Л. 2—12.

Основной пункт доказательств М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина связан с бесермянами. Авторы пишут: «По всей вероятности, „чуваша арская“ и есть остатки того населения Арской земли, которое в XVI — начале XVII в. мы застаем уже в бассейне р. Чепцы и объединяется под этнонимом „бесермяне“»⁴⁰. При этом они ссылаются на то, что в районе проживания бесермян (т. е. в бассейне р. Чепцы) источники XVI — начала XVII в. отмечают «чуваший». Далее предпринимается поиск бесермян в более южных районах — на территории Казанского уезда. Этот поиск приводит к следующим результатам: 1) обнаружено упоминание в начале XVII в. «Арского города босурмана Митюшки Кривого»; 2) в Заказанье, согласно Т. И. Тепляшиной, имеется значительный пласт «бесермянской» топонимики, свидетельствующий — уже по мнению М. В. Гришкиной⁴¹ и В. Е. Владыкина — о проживании здесь предков бесермян; 3) имеется материал о том, что татары называли некоторых удмуртов «д'уш ар», что позволяет связать в едином звено бесермян Заказанье, «ясачных чуваший» Казанского уезда и удмуртов⁴². Эти факты подкрепляются общим положением о том, что бесермяне в период самостоятельности Волжской Булгарии представляли собой в основном южноудмуртское население, «испытавшее... сильное тюркское влияние, воспринявшее ислам и смешавшееся с какой-то тюркской группой, родственной позднейшим чувашам»⁴³.

Проанализируем приведенные выше соображения. Связь упомянутого Митюшки Кривого с этническими бесермянами весьма сомнительна. Как известно, в XVI—XVII вв. термин «бесермен», нередко в форме «басурман», употреблялся и в широком значении — «мусульманин» или «иноверец»⁴⁴. Поэтому Митюшка Кривой мог быть просто крещенным татарином, не полностью порвавшим с мусульманством⁴⁵, или же бывшим русским пленником, вынужденным в период Казанского ханства принять мусульманство и оставшимся «басурманом» и после возвращения в лоно православной церкви. К тому же единичность подобного примера лишает его доказательности.

Теперь о топонимах. Не вызывает сомнения определенное единство топонимии бассейна р. Чепцы и района Заказанья. Но трактовка этого единства, предложенная Т. И. Тепляшиной, принципиально отличается от подхода М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина. Т. И. Тепляшина исходила из того, что предки бесермян были тюркоязычными⁴⁶. Сохранились жалованные грамоты «арских» (каринских) князей XVI в., в которых отмечается приход в бассейн р. Чепцы «чуваший из казанских мест» в первой половине XVI в.⁴⁷ Если принять к сведению и некоторые другие факты⁴⁸, становится вполне понятной близость топонимов двух удаленных друг от друга ареалов.

Следует внести ясность и в этоним «д'уш ар». Прежде всего этим термином обозначались те удмурты, которые переселились с территории «Арской земли» за р. Вятку, на ее левый берег⁴⁹. Речь идет, таким образом, об удмуртах «зареченских». В связи с тем что выражение «д'уш ар» образовалось по законам татарского языка, мы предлагаем толковать его в отличие от М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина не как «чуваший удмуртов», а как «зареченских» удмуртов. В некоторых татарских говорах слово «юаچ» ~ «жуас» употребляется в значении «зареченские». Если к этому слову добавить обозначение удмуртов в татарском языке — «ар», получим искомое сочетание «жуас ~ д'уш ар».

Попытка М. В. Гришкиной и В. Е. Владыкина «увязывать» бесермян с весьма рано тюркизированными южными удмуртами не согласуется и с историческими источниками. В состав бесермян действительно вошли удмурты (возможно, южноудмуртского происхождения), однако слияние удмуртского и собственно тюрко-бесермянского компонентов позднейших бесермян завершилось не ранее второй половины XVII в. и четко сохранилось в их исторической памяти⁵⁰. Поэтому позднейшая группа бесермян бассейна р. Чепцы не может служить моделью при определении этнического облика «бесермян» Казанского края XIV—XV вв., как и «чуваший XVI — середины XVII в., без предварительного учета разнокомпонентности этой группы и времени ее формирования.

Итак, тезис о южноудмуртской принадлежности части «чуваший» Казанского уезда (а именно «арских чуваший») нельзя считать доказанным. В пользу мнения об их какой-то иной этнической принадлежности можно привести еще одно соображение чисто логического порядка. Если «чуваший Арской «дороги» Казанского уезда были уд-

⁴⁰ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 25.

⁴¹ Там же. С. 24—25.

⁴² Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 27.

⁴³ Тихомиров М. Н. Указ. раб. С. 87.

⁴⁴ Он упоминается в источнике в связи со служилыми татарами — см. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. С. 141.

⁴⁵ Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970. С. 21.

⁴⁶ Исхаков Д. М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия булгарского и золотоордынского-турецкого этносов//Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 26.

⁴⁷ Известно, например, что население из татаро-бесермянского с. Карино (Нократ) ходило поклоняться праху своих предков в северные районы Заказанья.

⁴⁸ Гришкина М. В., Владыкин В. Е. Указ. раб. С. 25.

⁴⁹ Оттарившиеся бесермяне из с. Карино до сих пор указывают те «роды», которые произошли от удмуртов. Остальные бесермяне возводятся непосредственно к предкам из бесермян. См. Исхаков Д. М. Патронимия у чепецких татар//Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С. 63.

муртского происхождения, то как объяснить проживание «чувашей» в тех частях да, которые входили в состав этнической территории марийцев (зона Галикса, Алатской «дороги Казанского уезда)?

Какие же основные выводы можно извлечь из проведенного анализа? Они сводятся к следующему.

1. Высказанные до сих пор гипотезы об этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского уезда XVI — середины XVII в. аргументированы явно неудовлетворительно.

2. Создается впечатление, что этот вопрос вообще не может быть решен лишь на основе русских письменных источников. К нему следует подойти комплексно, привлекая археологические материалы периода Казанского ханства, данные диалектологии, эпиграфики, топонимики, этнографии, генеалогии и др. Нельзя в то же время списывать исчерпанными и возможности использования письменных источников.

3. В качестве ближайших можно выдвинуть две задачи: проведение картографирования исторического расселения «ясачных чувашей» с целью уточнения их локализации в Среднем Поволжье (особое внимание при этом должно быть обращено на определение границ между «чувашиами» и «черемисами» на правобережье Волги) и дальнейшее изучение истории появления этнонима «чуваши». При этом необходимо учесть, что в русских документах XVI — первой половины XVII в. этим наименованием обозначалась большая группа явно тюркоязычного, а на территории Казанского уезда — и мусульманского населения.

4. Необходимо уделять внимание общетеоретическим вопросам, связанным с разделением грани между завершением этапа этногенеза современных народов Среднего Поволжья и началом их этнической истории. Некоторые сложившиеся на этот момент представления явно не выдерживают критики. Так, более чем двухвековой спор сторонников булгарского и золотоордынского («татарского») происхождения татарского народа остается во многом бесплодным, поскольку не изучен важнейший вопрос — этническом самосознании татар Волго-Уральского региона в XVI — начале XVII в., его последующей эволюции в XVII — середине XIX в. Некоторые исследователи при этом находятся под гипнозом сформировавшегося у татар на стадии их сложения национального самосознания и соответствующего «татарского» самоназвания. Между тем ясно, что если представители нации получили по ряду причин (кстати, тоже требующих своего изучения) ⁵⁰ наименование «татары», это еще не основание начинать этническую историю татар с XV—XVI вв. Короче говоря, еще никем не доказано, что именно XV—XVI вв. были той «критической точкой», после которой в результате завершения этногенеза татарского народа началась его этническая история.

⁵⁰ См. одну из последних публикаций на эту тему: Халиков А. Х. О происхождении, этимологии и распространении имени «татары» в Среднем Поволжье и Приволжье // К вопросу о этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 28—31.

Е. А. Оборотова

НАРОДЫ СЕВЕРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ВЗГЛЯДЫ И ПОЗИЦИИ

В 1987 г. в нашей стране вышел в свет ряд крупных работ, посвященных проблемам Севера в эпоху интенсивного промышленного освоения. Они отражают возросший интерес представителей различных научных дисциплин к этой тематике, а также наметившуюся в советском североведении тенденцию комплексного подхода к исследованию образа жизни народов Севера.

К их числу следует отнести сборник «Проблемы современного социального развития народностей Севера» (Новосибирск, 1987) и монографию В. И. Бойко и Ю. В. Попкова «Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме» (Новосибирск, 1987). Обе книги подготовлены в рамках целевой комплексной программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера», реализуемой региональной межведомственной комиссией СО АН СССР, СО АМН СССР и СО ВАСХНИЛ по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера. Институтом этнографии АН СССР выпущена монография «Этническое развитие народностей Севера в советский период» (Москва, 1987); Московским государственным университетом — сборник «Рациональное природопользование на Командорских островах» (Москва, 1987); Институтом социологических исследований АН СССР — сборник «Региональные проблемы социально-демографического развития» (Москва, 1987). Список этот можно было бы продолжить.

Интерес к будущему северных народов объясняется, с одной стороны, быстро растущими темпами промышленного освоения региона, с другой — рядом острых противоречий, сложившихся в ходе социально-экономического и этнокультурного разъединения коренного населения.

Промышленное освоение Севера неизбежно ведет к отчуждению у коренного населения традиционных пастищных и промысловых территорий и акваторий, приводят

к разрушению и загрязнению экологических систем, оскудению флоры и фауны и в конечном счете — к свертыванию традиционных хозяйственных отраслей: оленеводства, охоты и рыболовства. Эти процессы объективно способствуют дезтилизации значительных по численности этнотерриториальных групп народов Севера, изменению их расселения, разрушению прежней социальной структуры.

Система ведения северного оленеводства, охоты и рыболовства требует постоянно-го пребывания людей на пастищных и промысловых угодьях, вдали от крупных на-селенных пунктов. Естественно, что здесь должны складываться свои специфические фор-мы быта, социального и культурного обслуживания тружеников этих отраслей. Одна-ко вот уже 50 лет ведется неустанная борьба за «перевод всего населения Севера на оседлый образ жизни», принявшая вид искусственного стягивания населения на цент-ральные усадьбы совхозов и колхозов.

В результате в оленеводческо-промышленных отраслях северного хозяйства естест-венная социальная инфраструктура оказалась разрушенной. Образовалась очень силь-ная диспропорция среди трудоспособного населения, занятого в производственной и непроизводственной сферах. Узкая товарная ориентация сельского хозяйства привела к тому, что северные поселки стали полностью зависеть от привозных продуктов, в то время как их собственная продовольственная продукция реализуется в госпоставках.

Система воспитания в интернатах детей северных народностей, частично введен-ная еще в 1930-е годы, чтобы повысить образовательный уровень коренного населения, превратилась сейчас в систему «закрытой школы». По общему мнению, она выпускает в жизнь социально пассивных, иждивенчески настроенных людей.

Образовался психологический и языковый разрыв между старшими и младшими поколениями. Утеряна значительная часть полезной трудовой информации; забывает-ся традиционный опыт природопользования; в результате возникла нехватка кадров для работы в традиционных отраслях, в то время как на центральных усадьбах име-ется ощущимый избыток неквалифицированной рабочей силы. Поголовье оленей сей-час на Севере меньше, чем когда-либо ранее в XIX в., охота и рыболовство во многом развиваются за счет приезжих энтузиастов, хозяйство народов Севера убыточно.

Очевидно, что создавшееся положение требует разработки качественно нового под-хода к вопросам экономического, социального и этнокультурного развития народов Севера. Необходима выработка специальных критериев для оценки взаимоотношений народов Севера с наступающим на них индустриальным миром. Если до 1950-х годов можно было говорить об «очаговом» характере промышленности на Севере, то теперь скорее стоит вопрос об оstromах традиционного природопользования среди занятых или уже разрушенных промышленным освоением северных территорий.

Современное развитие ситуации на Севере вызывает обоснованную тревогу. На-пример, освоение газовых месторождений на п-ве Ямал, строительство там железной дороги и трубопровода практически предрешает судьбу 7 тыс. ямальских ненцев, заня-тых оленеводством, охотой, рыбным промыслом. В случае реализации проекта строи-тельства ГЭС на Подкаменной Тунгуске в подобный процесс будет втянуто уже ко-ренное население целого Эвенкийского автономного округа. Требует оценки большой негативный опыт, накопленный в ходе промышленного освоения в последние 20–30 лет нефтяных и газовых месторождений в Ханты-Мансийском и Ямalo-Ненецком ав-тономных округах.

Книга «Проблемы современного социального развития народностей Севера» напи-сана видными учеными и руководителями административно-хозяйственного аппарата. Она классифицирована как сборник статей, но по широте и значимости проблематики, структуре и форме изложения материала скорее представляет собой монографию. Современные экономические, социальные, этнокультурные и медицинские проблемы на-родов Севера рассматриваются в ней на фоне истории и перспектив промышленного освоения региона.

Наиболее отчетливо этот подход представлен в статьях А. Г. Аганбегяна «Освое-ние природных богатств Арктической зоны» и Л. И. Ровнина и Н. П. Волынца «Пер-спективы освоения минерально-сырьевых ресурсов северного региона». В них сфор-мулирована доминирующая концепция экономического освоения, направленная на созда-ние крупных территориально-промышленных комплексов: Средне- и Нижнеобского, Средне- и Нижнеенисейского, единой экономической системы на северо-востоке Сиби-ри. Создание таких промышленных комплексов должно сопровождаться развитием местной топливной базы, энергетической сети, транспортных коммуникаций.

Из статей, посвященных развитию сельского и промыслового хозяйства Севера, можно выделить работы Ф. С. Донского «Обеспечение рациональной занятости народ-ностей Севера» и В. И. Задорина «Социально-экономические проблемы оптимизации северного оленеводства». В них рассматривается один из наиболее болезненных воп-росов: о происшедшем разрушении естественных социально-демографических струк-тур производственных бригад как первичных и целостных социальных коллективов. Низкую экономическую эффективность традиционных отраслей северного хозяйства — оленеводства, охоты и рыболовства — авторы связывают именно с этим фактором.

В экономическом отношении в книге выражена устоявшаяся точка зрения на то-варную ориентацию северного оленеводства, охоты и рыболовства; рассматриваются возможныи дальнейшего наращивания товарного производства. Как образец новой формы хозяйствования предлагается агропромышленный комбинат по типу «Кубань», созданный в одном из районов Ставропольского края и ряде других мест на юге и в средней полосе России.

К сожалению, авторы раздела, посвященного оленеводческо-промышленному хозяй-ству, как и авторы статей об этнокультурном развитии народов Севера, не задались

вопросом о том, какие же территории останутся в распоряжении северных союзных колхозов и госпромхозов в случае реализации перспектив, изложенных в статье о промышленном освоении региона в том же сборнике. Ведь создание территориальных промышленных комплексов на собственной топливной базе потребует разработки новых месторождений в междуречье Енисея и Лены и в Анадырской впадине, а также строительства трубопроводов и транспортных коммуникаций, энергетической сети. Тогда приблизительно $\frac{3}{4}$ современных оленеводческо-промышленных угодий окажутся непригодными для дальнейшего освоения традиционными видами производства: народов Севера, как это имеет место в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах.

Раздел о путях сохранения здоровья народностей Севера посвящен в целом проблемам физиологии человека в экстремальном климате Арктики и Субарктики, необходимости создания особых для этого региона форм работы системы здравоохранения. В статье Н. С. Ягья «Социально-гигиенические проблемы здоровья населения Севера» отмечается, что северная природа в значительно большей степени подвержена вредному воздействию промышленных предприятий, чем природа средней полосы и южных районов. Соответственно и на человеческом организме эти воздействия складываются гораздо сильнее. Однако здесь выпущено из поля зрения то обстоятельство, что не только в ареале преобладающего промышленного освоения, но и в сохранившихся оленеводческо-промышленных регионах существенно изменились экологические основы существования коренного населения Севера. Изменения эти связаны с переходом большей его части к постоянной жизни в крупных поселках, освоением городской одежды, урбанизированных форм жилища, иной, нетрадиционной пищи.

Большой степени эти вопросы рассмотрены в монографии «Этническое развитие народностей Севера в советский период». В ней авторам удалось показать, что в настоящее время носителями традиционного культурного наследия народов Севера — главного звена в культурно-экологических системах Севера — являются только труженики оленеводства и в меньшей степени охотники и рыболовы. А они сейчас составляют не более $\frac{1}{3}$ коренного населения. В монографии впервые обобщен и проанализирован материал по этническому развитию народов Севера в XX в., выделен как основной процесс межэтнической интеграции, развившейся на основе создания общей для всех регионов Севера усредненной бытовой культуры в современных поселках и распространения русского языка как средства межнационального общения.

Монография не содержит специального анализа острых современных проблем. Но она отчетливо показывает, что в процессе культурной нивелировки северные этносы теряют свои основные этнические свойства — традиционную культуру (как материальную, так и духовную) и языки. Отмечено и резкое снижение темпов естественного прироста коренного населения вследствие сокращения рождаемости.

Социально-демографическим аспектам развития населения Севера посвящен специальный сборник «Региональные проблемы социально-демографического развития». Постановка проблемы здесь дана во вводной статье Б. Б. Прохорова «Экология человека и изучение региональных социально-демографических проблем». Автор считает, что демографические сдвиги — естественная реакция общности людей на изменение среды их обитания. Поэтому перспективным направлением в демоэкологии является изучение процессов жизнедеятельности людей на фоне конкретных условий окружающей среды, т. е. изучение их образа жизни. Эта категория позволяет комплексно рассматривать основные сферы жизнедеятельности человеческих популяций — труд, быт, образование, культуру, семейно-брачные и общественные отношения.

Последующие статьи сборника раскрывают эти положения на конкретном материале. В статье А. И. Пики «Демографическая политика в районах проживания народов Севера: проблемы и перспективы» впервые в нашей литературе говорится об уникальности современной демографической ситуации у народов Севера. Она связана с началом у них «демографического перехода», т. е. поворота к модели демографического воспроизводства с невысокой рождаемостью и низкой смертностью, характерной для большинства населения промышленно развитых стран. В 1970-е годы темпы прироста численности народов севера СССР понизились почти в 5 раз по сравнению с предшествующим десятилетием, причем 7 из 26 народностей численно уменьшились (с. 44). Автор считает, что в случае сохранения этой тенденции уже в обозримом будущем возможна постепенная депопуляция, а затем и исчезновение (по-видимому, все же растворение) — Е. О.) народов Севера — 26 из более чем 100 народов СССР. Причины этого явления в том, что в последние 20 лет рождаемость у народов Севера устойчиво снижается за счет внутрисемейного регулирования числа детей, пониженной брачности и большого числа неполных семей. В то же время уровень смертности остается по-прежнему высоким. Такая ситуация потенциально может привести к прямой убыли населения.

Сравнительные данные по зарубежному Северу приведены в статье Д. Д. Боголюбянского «Демографическая ситуация у народов зарубежного Севера». В ней описывается положение эскимосов США, Канады, Гренландии, саамов Швеции, Норвегии и Финляндии в 1970-х — начале 1980-х годов. В этих странах у аборигенов Севера снижение смертности началось раньше, чем снижение рождаемости, и показатель продолжительности жизни достиг 60 лет. В результате в 60-е, 70-е гг. наблюдалась высокие темпы естественного прироста, численность народов заметно возросла.

В структуре смертности у коренного населения севера СССР в 1960—1970 годы также отмечаются серьезные изменения. Если прежде высокий общий уровень смертности держался в основном за счет различных эпидемических заболеваний и детской смертности, то после селения в крупные поселки, массового перевода на оседлость

увеличения внешней миграции каждый третий случай смерти коренных северян находится как бы вне контроля органов здравоохранения. Он обусловлен скорее социальными причинами — стрессом, отравлением алкоголем, несчастными случаями на производстве и в быту. Очевидно, что нужно не только совершенствование системы здравоохранения, но и меры социальной профилактики смертности и стимулирования рождаемости.

Рождаемость у народов Севера уже не может оставаться традиционно высокой, так как сами ее основания, коренящиеся в культурах и образе жизни народов Сева-ра, подверглись значительной трансформации. Это показывает статья Л. П. Терентьевой «Факторы формирования и реализации репродуктивных установок народностей Сева-ра». Приведенные материалы свидетельствуют, что на действующую ныне модель репродукции у северных народов оказывают влияние не столько традиционные репро-дуктивные установки, сколько условия жизни современных поселков, идущие враз-рез со сложившимися в местных культурах ценностными ориентациями. Увеличению рождаемости будет в первую очередь способствовать улучшение социально-бытовых условий жизни коренного населения и государственная политика стимулирования рождаемости.

Надо отметить, что наиболее многодетными являются по-прежнему семьи людей, занятых в традиционных отраслях северного производства. По сути за счет их повыш-шего воспроизводства и прироста покрывается дефицит между рождаемостью и смертностью проживающих в поселках. В связи с этим следует еще раз вспомнить о статье В. И. Задорина «Социально-экономические проблемы оптимизации северного оле-неводства» в сборнике «Проблемы современного социального развития народностей Се-вера». По мнению ее автора, состав оленеводческих и промысловых бригад на Севере выходит за рамки обычного производственного коллектива, он представляет собой це-лостный социально-демографический организм, обладающий соответствующей половоз-растной структурой. И только в этом случае обеспечивается нормальный психологиче-ский климат, ослабляются последствия социальной изоляции, улучшаются социально-бытовые и производственные условия. Статистика показывает, что бригады, где жен-щины присутствуют в равном количестве с мужчинами, добиваются высокой производи-тельности труда. Подобный подход способствует закреплению кадров в традиционных отраслях, позволяет приблизиться к естественным структурам размещения населения на пастищих и промысловых территориях.

Современное строительство микрорайонов на пастищих и промысловых угодьях поможет существенно улучшить быт северных тружеников, их медицинское и культурное обслуживание, а при создании там малокомплектных начальных школ — восстано-вить целостность семей. В перспективе в условиях хозрасчета такие пункты смогут пере-расти в самостоятельные хозяйственно-административные единицы. Это приведет к раз-укрупнению центральных усадеб хозяйств и в итоге значительно улучшит демографи-ческие показатели коренного населения Севера. Ведь сейчас на центральных усадьбах сосредоточено свыше 50% трудоспособного населения, практически не занятого обще-ственно полезным трудом, но числящегося в штатах хозяйств и учреждений. Соответ-ственно страдает и их материальное благосостояние, а это — один из факторов увели-чения или снижения рождаемости и общей ориентации социального поведения.

Модель современных демографических процессов у малых северных этносов пред-лагается в статье И. И. Крупника «Демографическое развитие азиатских эскимосов в 1970-е годы (основные тенденции и этносоциальные условия)». Статья вскрывает весьма важный аспект проблемы: что же на деле стоит за медленным приростом численности северных народностей и каковы их реальные демографические и этнокультурные перспек-тивы?

История азиатских эскимосов за последние десятилетия была сложной, но типичной для большинства обитателей Севера. В ходе хозяйственного строительства, политики концентрации и укрупнения производства традиционная система расселения оказалась нарушенной, прежние группы эскимосов перемешаны, а сами они стали меньшинством среди русского и чукотского населения в новых многонациональных поселках. Многим семьям пришлось по 3—4 раза менять место жительства и этнокультурное окружение.

В 1960—1970-е годы существенно трансформировалась традиционная брачно-репро-дуктивная модель эскимосов. Для нынешнего молодого поколения, прошедшего систему интернатов, массовыми стали неполные семьи, внебрачные рождения. В 1970-е годы в неполных и смешанных семьях рождалось 50—70% эскимосских детей. Едва ли они будут владеть родным языком и основными элементами национальной культуры, хотя и сохранят, возможно, эскимосское самосознание.

Фактически лишь 20% эскимосских семей обеспечивали в 70-е годы полноценное этнокультурное воспроизведение этой небольшой общности. В сочетании с неизбежным уходом лиц старшего поколения, явившихся основными носителями этнокультурных традиций, происходит постепенная дезтнизация азиатских эскимосов. Перспективы их этнокультурного развития неясны. В этой ситуации меры, направленные на снижение смертности и увеличение продолжительности жизни, обретают еще одну важную функ-цию: они способствуют сохранению механизма межпоколенной преемственности этнической культуры.

Можно сформулировать общий вывод. Народы Севера вступили сейчас в перелом-ный момент своего исторического развития. Это сложный, многоплановый процесс. Начало демографического перехода, сопровождаемое отмеченными выше негативными тенденциями, ставит вопрос: быть или не быть в будущем этим народам и их культу-рам? Необходим целый комплекс мер по оптимизации сложившейся ситуации, и прежде всего по совершенствованию социальной инфраструктуры и системы хозяйствования. Тра-

диционные отрасли хозяйств народов Севера, в первую очередь кочевое оленеводство и охотничий промысел, по-прежнему выполняют важные социальные и этнические функции. Они обеспечивают занятость высокопроизводительным трудом значительной части коренного населения, поддерживают на высоком уровне национальное самосознание: преемственность национальной культуры, языка, природопользования. В то же время они являются одним из звеньев природно-экономической системы, обеспечивающей оптимальное использование ресурсов окружающей среды с помощью традиционного опыта народов Севера, который может быть преумножен современными средствами.

Однако без активного участия коренных жителей Севера в этом процессе меры будут недостаточны. Существующие формы автономии не способствуют повышению социальной активности народов Севера. Видимо, на современном этапе необходим пересмотр юридического статуса автономных округов, особенно в вопросах землепользования, а также разработка статуса национальных районов и национальных сельских советов там, где народы Севера не имеют своих автономий.

Такая постановка вопроса правомерна и в случае промышленного освоения Севера. Юридические права малых народов и их автономий слишком слабы, чтобы противостоять расширяющемуся наступлению на Север самых разнообразных министерств и ведомств, действующих лишь в своих интересах. Возможность блокирования промышленных проектов Советами народных депутатов местного населения могла бы серьезно сдерживать эту экспансию. Сейчас, как никогда, ясно, что сохранение живой природы и человеческих культур для последующих поколений — задача общегосударственного значения куда в большей степени, чем скоротечное изъятие ресурсов подземных недр сопровождаемое к тому же разрушением экологических систем. Как известно, восстановление северных экологических систем может длиться сотни лет.

В опубликованных в 1987 г. работах есть разные мнения и по этим вопросам. Так в монографии «Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме» буквально говорится следующее: «Включение народностей Севера в систему государственного управления осложняется тем обстоятельством, что они до начала социалистических преобразований не сформировали своей собственной политической и юридической надстройки... В этих условиях взаимодействие народностей Севера с другими советскими народами может сопровождаться негативными явлениями. Например, бразильская помощь народов СССР, оказываемая в период социалистического строительства, может восприниматься как даровая производительная сила, пользование которой не обязывает к ответному возмещению. Так возникает почва для иждивенческого отношения к труду соседних народов» (с. 80).

Думается, что такой упрек в адрес народов Севера несправедлив. Достаточно вспомнить, какую роль в экономическом становлении Страны Советов сыграло «белое золото» — северная пушнина. Вспомним и роль поставок северной оленины в годы перехода к интенсивному промышленному освоению региона. Да и сейчас организации, занимающиеся реализацией продукции хозяйств народов Севера, имеют прибыли, которые с лихвой перекрывают государственные дотации на покрытие убытков хозяйств-производителей. Этот факт авторы признают следующим «изящным» образом: «С другой стороны, изъятие для государственных нужд в рамках общественного разделения труда части продукта, угодий, дополнительного рабочего времени может восприниматься как насилиственное отчуждение труда государством» (там же, с. 80).

Далее предлагается и способ решения проблемы. «...Предотвратить эти негативные явления можно лишь при условии включения всего коренного населения в повседневное управление государством, когда народностям действительно становятся доступны подвластны общественные связи» (с. 80).

Данный тезис абсолютно справедлив, и с ним трудно не согласиться. В контексте его развития следует остановиться на книге «Рациональное природопользование на Командорских островах». По форме — это также сборник статей. Однако по важности и глубине анализа проблем, структуре изложения материала работу вполне можно назвать монографической. Это — плод коллективного труда многих ученых различных специальностей.

В сборнике дан анализ современного состояния уникальной экологической системы Командорских островов и их коренного населения — командорских алеутов. Отмечено, что при характерной для северных экологических систем ограниченности природных ресурсов современную экономику островов нельзя ориентировать на постоянное наращивание товарной продукции. В качестве одного из вредных факторов, способствующих нарушению культурно-экологического баланса, названа ненормальная трудовая и демографическая структура на Командорских островах, где на 300 алеутов приходит 1200 приезжих, занятых в 40 различных организациях.

Сборник издан по итогам работы совещания, проведенного в 1986 г. под эгидой биологического факультета МГУ и молодежного совета по охране природы. На совещании была одобрена и рекомендована для внедрения комплексная междисциплинарная программа «Командоры», в основу которой легли материалы десятилетнего цикла научных исследований. В ней сформулированы причины и последствия неблагополучного состояния природоохранной и хозяйственной деятельности на Командорских островах, разработаны конкретные мероприятия по оптимизации экологических, экономических социальных и этнокультурных процессов.

Основные задачи программы сформулированы следующим образом: создание высокоэффективного островного хозяйства на основе комплексного рационального использования местных природных ресурсов; обеспечение максимального воспроизведения и пользования природных ресурсов, а также высокой и стабильной продуктивности экологических систем; обеспечение действенной и эффективной охраны островных экосистем.

растительного и животного мира, а также его отдельных видов; создание условий для всестороннего социально-культурного развития проживающего на островах населения, в том числе этнокультурного развития командорских алеутов; создание условий для максимально полного использования островных природных комплексов в научных целях.

В качестве организационной формы выдвинуто предложение о создании на Командорских островах национального парка, имеющего статус биосферного заповедника.

Думается, что этот путь решения северных проблем достаточно перспективен, так как позволит законодательными актами брать под охрану государства значительные территории Севера. Привлекает и возможность конкретной работы по охране природы и культурного наследия коренного населения в сочетании с эффективной хозяйственной деятельностью.

Как видно, к сегодняшнему дню сложились различные точки зрения относительно пути дальнейшего исторического развития народов Севера. Одни специалисты считают, что тотальное промышленное освоение региона неизбежно и, следовательно, там не останется места для традиционного хозяйства коренного населения. В этом случае наиболее правильным направлением социальной политики будет переориентация народов Севера в индустриальные сферы труда с сохранением их национальной культуры в виде народного искусства и творчества. Подобный ход мыслей в большей степени характерен для новосибирских ученых.

Есть и противоположная точка зрения. Попытки широкого включения коренного населения Севера в сферу промышленного труда предпринимались не раз, особенно в период строительства БАМа. Все эти попытки были неудачны. Основываясь на этом негативном опыте, многие специалисты Москвы и Ленинграда считают, что традиционные виды природопользования оптимальны для народов Севера. Это — не только ключ к рациональному хозяйственному освоению северных экологических систем, но и единственная возможность для самих народов Севера сохраниться как этнокультурным общностям, сберечь для потомков свое широкое культурное наследие, накопленное опытом многих поколений.

Ряд ученых высказывает мнение, что причиной сегодняшних негативных явлений стала неудовлетворительная работа административно-бюрократического аппарата, который чрезмерно велик и состоит преимущественно из приезжих, не понимающих специфики Севера. Поэтому для народов Севера нужно развивать такую управленческую систему, при которой будет реально соблюдаться принцип их национальной автономии и суверенитета. Тогда эти народы сами смогут решать свою судьбу и определят свой выбор.

С нашей точки зрения, правы все, но в каждом случае речь идет лишь о какой-либо одной из сторон единой генеральной проблемы. Попробуем поставить вопрос в другой плоскости. Насколько оправдана в государственном масштабе долгосрочных экономических и научно-технических перспектив сегодняшняя промышленная экспансия на Севере? Темпы ее возрастают из года в год, при этом скорость разрушения северных культурно-экологических систем растет в геометрической прогрессии. Может быть, именно сейчас следует тщательно взвесить, какие действующие предприятия и проекты с эколого-экономических культурно-исторических позиций государства оправданы, а какие было бы лучше закрыть? И наконец, что можно противопоставить ведомственной политике разнообразных организаций, курирующих фактическое разрушение природы и хищническое изъятие полезных ископаемых Севера?

На первые два вопроса ответа пока нет. Такие вопросы могут решаться с помощью специальной программы и ее всенародного обсуждения. На третий вопрос дает ответ упомянутая выше программа «Командоры», опубликованная в сборнике «Рациональное природопользование на Командорских островах». Широкая сеть биосферных и культурно-экологических заповедных территорий может составить реальную государственно-правовую альтернативу, противодействующую стихии промышленного освоения Севера.

От решения этих базисных вопросов в каждом конкретном регионе будут зависеть и формы социальной политики в отношении народов Севера.

Хочется обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Основная социализация младших поколений происходит в семье и школе. Здесь дети, подростки и юношество получают необходимую информацию и сумму знаний для дальнейшей жизненной ориентации. На современном Севере семья, как известно, у коренных северян существует практически номинально: дети растут в детских садах и интернатах, в отрыве от родителей и старших поколений. Работа национальных северных школ поставлена таким образом, что их учащиеся не получают реальной ориентации ни на промышленные, ни на традиционные сферы труда. Объем их жизненной информации ограничен, как правило, рамками центральных усадеб северных хозяйств. Уровень общеобразовательной подготовки крайне низок, в основном из-за плохого материально-технического обеспечения самих школ. Поэтому единственный реальный жизненный путь, который открывается для большинства северной молодежи,— идти в поселковые разнодобывающие.

Северная молодежь лишается, таким образом, равноправия (по сравнению с молодежью центральных районов страны) в исходных позициях при определении своего жизненного пути. Любые попытки оптимизировать социальные, этнокультурные, языковые и экономические процессы у народов Севера будут обречены на неудачу без кардинальной перестройки работы национальных северных школ и восстановления полноценной семьи у тружеников тайги и тундры.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

R. A. Hinde. *Individuals, Relationships and Culture. Links between Ethology and the Social Sciences.* Cambridge. 1987. 207 p.

В ряде работ, опубликованных в последнее время, было высказано предложение о разработке синтетической дисциплины — этологии человека, основанной на доктринах этологии, антропологии, социальной психологии и биологии. Особенно реальная эта точка зрения выражена в объемном труде «Этология человека», изданном в К. под редакцией М. фон Кранаха. К. Лоренц, один из основателей этологии, видит перспективы в создании и разработке социально-экономической этологии.

Р. Хайнд, автор рецензируемой книги, не анализирует указанные концепции, мнения этологии в гуманитарных науках. Он даже не упоминает термина «этология человека», не критикует слабые стороны этой концепции. Главная направленность работы заключается в построении своего подхода к этологии при изучении человека в условиях различных типов культур.

Особенность концепции Р. Хайнда — в структурировании уровней взаимодействия между людьми в обществе и дифференцированном использовании этологии в соответствии со статусом того или иного уровня. Для обоснования этого подхода Р. Хайнд определяет свою позицию по отношению к ряду общеметодологических проблем, имеющих значение для исследования общества и человека в целом, рассматривает соотношение этологии и социальных наук, в первую очередь культурной и социальной антропологии. Он настаивает на диалектическом взаимодействии биологических и гуманитарных наук в познании специфических черт культуры. Р. Хайнд — противник сведения всего к гообразию человеческого общества к биологическим механизмам. Он критикует учения, игнорирующие специфику человеческого способа жизнедеятельности (р. 6—7, 26).

Английский этолог отмечает существенное различие между поведением человека и животных, определяемое специфическими познавательными способностями человека, различием культуры и высших, несвойственных животным форм организации (р. 21). Культура, которая, по мнению автора, включает в себя языки, производство материальных и духовных ценностей, обычаи, законы и т. д., не только объединяет людей и отличает их от животных, но и в большой степени «может рассматриваться как конвенциональный знак для разнообразных проявлений человеческой практики и верований, отличающихся между группами» (р. 3—4). Особое внимание Р. Хайнд уделяет символическому характеру многих действий человека, которые только на первый взгляд имеют утилитарную направленность, а на самом деле содержат скрытый смысл, «который может быть понят лишь в связи с социальным опытом индивида и структурой общества» (р. 7).

В свете такого понимания человеческой деятельности Р. Хайнд отвергает прямую аналогию агрессивности у человека и животных (р. 7—8), хотя и не отрицает некоторых черт сходства между ними. Он показывает огромное разнообразие проявлений феномена агрессивности у человека. Особо резко автор критикует нередкие в литературе сравнения межгрупповой агрессии у животных и войн у людей. Р. Хайнд называет это тотальной ошибкой, подчеркивая, что «сходство в поведенческих, психологических характеристиках деятельности не ведет с необходимостью к сходству в основополагающих механизмах и функциональных характеристиках» (р. 9). Прямые параллели между различными аспектами поведения животных и человека, по мнению английского ученого, вредят этологам в их попытках понять человеческое поведение. Р. Хайнд очень осторожен в оценке значения этологии в познании культуры, он отводит ей скромную роль — наметить новые перспективы в изучении человеческого поведения (р. 18—19).

Английский этолог предлагает изучать поведение человека на трех уровнях иерархической социальной организации: взаимодействия, отношения и социальной группы. «Взаимодействие включает в себя серию взаимоизменений индивидов в ограниченный период времени» (р. 23). «Если же,— продолжает Р. Хайнд,— два индивида имеют серию взаимодействий..., значение каждого из них приобретает смысл в свете опыта предшествующих» (р. 23—24). «Взаимоотношения — серия взаимодействий в течение времени между двумя индивидами, знающими друг друга» (р. 24). Более высокий ранг в иерархии понятий, предложенной Р. Хайндом, — социальные группы, взаимодействие которых образует социальную структуру (р. 25).

Эта система категорий потенциально продуктивна и представляет собой особый подход в познании человека и культуры с этологической точки зрения. Правда, нельзя сказать, что автор в рецензируемой книге реализовал все возможности, которые содержатся в таком подходе. Вполне вероятно, это произошло потому, что неясен переход от взаимоотношений к социальной группе, а затем к социальной структуре.

Р. Хайнд исследует также комплекс проблем, связанных с поиском грани между этологией и социальными науками в познании человека в разнообразном культурном окружении. Наиболее фундаментальным общетеоретическим вопросом для него является изучение соотношения культурного и природного, социального и биологического, причем автор не удовлетворен классической метафизической постановкой вопроса «или — или» (р. 69). Английский этолог настаивает на необходимости взаимодополнения биологических и социальных наук с учетом качественной специфики тех и других. Он считает, что нет отдельных «культурных» и «биологических» характеристик индивида, а есть целостный развивающийся человек (р. 26), испытывающий влияние со стороны социального и природного окружения, находящийся во взаимоотношениях с более старшим поколением и во взаимодействии с младшим (р. 82). Р. Хайнд призывает исследовать взаимодействие культурного и природного в процессе поведения человека, его развития в онто-

генезе, анализировать одновременно общее и специфическое в разных культурах. Этим он противопоставляет свою концепцию идеям некоторых антропологов, например М. Харриса, который видит основную задачу своей науки в исследовании различий.

Преодолевая односторонность такого подхода, Р. Хайнд уделяет значительное место проблеме универсалий в культурах. Он скептически относится к универсалиям, выделяемым антропологами (например, Мердоком). Иногда его критику в адрес «так называемых универсалий» можно истолковать как отказ от универсалий вообще (р. 83—84). Что же вызывает несогласие английского этолога? Он считает, что универсалии, изучаемые антропологами, слишком эмпиричны и не могут служить общей основой для понимания различных культур и индивидов (р. 139). Основную ошибку антропологов автор видит в игнорировании при анализе универсалий различных уровней социально-культурной структуры (р. 84). Р. Хайнд полагает, что универсалии «могут быть найдены на каждом уровне социальной структуры» (р. 139), что нельзя брать отдельные специфические черты человеческого общества изолированно от других, отрывать поведение индивида от уровня социально-культурной структуры. Базовыми универсалиями он считает склонности, предрасположение человека в первую очередь к языку и способность к символизму, которые под влиянием среды и различных исторических причин реализуются в сложных иерархических формах общественной структуры (р. 140). Таким образом, универсалии опосредуют взаимодействие между индивидом и социальной структурой.

Р. Хайнд отдает себе отчет в том, что рассматриваемые им вопросы очень сложны. Он подчеркивает, что не ставит перед собой задачу их окончательного решения, а намерен лишь показать, что общие принципы познания, применимые на одних уровнях социально-культурной структуры, не могут без ограничений применяться на других. Универсалии, выделенные на более низких уровнях, нередко неприменимы на высших. Важность этого уточнения определяется тем, что «некоторые биологи желают применить принципы, полученные при изучении животных, прямо к характеристике социокультурной структуры» (р. 141).

В процессе анализа Р. Хайнд выявляет еще одно существенное обстоятельство. «Ни одна из так называемых культурных универсалий,— пишет он,— в действительности не обнаружена в отдельной культуре, обнаруживаются только примеры класса (типа)» (р. 138). Для сравнения различных культур мы можем выделить именно определенные типы, они и есть универсалии. Поиски универсальных стереотипов мышления, поведения, невербальной коммуникации — кардинальное направление науки о человеке. Одна из важнейших ее задач — построение категориальной системы, способной отразить одновременно существенные различия этнокультурных систем и их общие черты. А способности к языку и символическому мышлению (базовые универсалии Р. Хайнда) сами должны быть объяснены на общетеоретическом уровне, интерпретированы в рамках какой-либо концептуальной системы. Этую роль в методологии Р. Хайнда играет его схема уровней иерархической организации поведения: взаимодействие — взаимоотношение — социальная группа — социальная структура. Именно в подобной системе координат возможно анализировать универсалии, а не в форме вещественно-предметных, эмпирических данных свойств человека.

В свете предложенных методологических принципов Р. Хайнд анализирует комплексные проблемы, общие для изучения животных и человека: «развитие — организм и окружение» (р. 59—69), а также вопросы, специфические для исследования человека, такие, как соотношение индивидуальных склонностей и социальных стереотипов (р. 141—144), границы применения понятия «адаптация» на высших уровнях социокультурной системы (р. 151—155), проблема взаимоотношения полов в условиях современной и традиционной культур (р. 119—136), раннее детство, анализ отношений мать — ребенок, отец — ребенок (р. 112—119). В рецензируемой работе привлекает внимание и изучение таких конкретных аспектов детства, как формирование улыбки и смеха (р. 93), межкультурный анализ роли бровей в выражении эмоций (р. 94).

Р. Хайнд касается и биологической основы психологических процессов, происходящих в детстве. Он, например, приводит сведения о том, что тактильный, термальный контакт со взрослым стимулирует биохимические процессы младенца, ритм дыхания матери поддерживает ритм дыхания ребенка (р. 113—114). Вполне вероятно, именно на пути осмыслиения современных данных биологии можно более полно объяснить поведенческие стереотипы. Но можно ли использовать биологию в качестве критерия в оценке того или иного этнокультурного стереотипа поведения? Этот вопрос, а именно — соответствуют ли некоторые образцы поведения, нормы установления, традиций биологии человеческого организма, подспудно присутствует в работе Р. Хайнда. Так, он сравнивает два метода вскармливания младенцев: «по потребности» (более распространенное в традиционных обществах) и «по времени» (в современных). Он считает, что вскармливание «по потребности» в большей степени соответствует биологической организации человека (р. 113—114). Такая постановка вопроса не бесспорна и вызывает возражения. Во-первых, в традиционных обществах дети растут в различном окружении, прежде всего в разных природных средах. Во-вторых, кормление «по времени» есть первая (или одна из первых) социальная норма, регламентация, определенный порядок, организующий биологическую основу человека. Все же человек с первых месяцев попадает в социальный мир.

Другой пример: рассматривая отношения мужчина — женщина в их психологическом и физиологическом аспектах, Р. Хайнд считает, что и здесь многие аспекты социального поведения предопределены биологией человека. «Физиологически мы не адаптированы к очень частым сношениям» (р. 124), — делает вывод автор.

Вопросы, возникающие при анализе формирования отношений мать — ребенок, мужчина — женщина, многоплановы и очень сложны. Безусловно, значительную роль в них играет биология. Но биология человека, особенно в этих аспектах, вариабельна, и, веро-

ятно, было бы непродуктивно ориентироваться на некую «абстрактную биологию» взаимную эволюционную пользу. Кроме того, качественное своеобразие человека отмечает и сам Р. Хайнд, состоит в наличии социокультурной специфики. Поэтому представляется, что более целесообразно те или иные процессы в обществе в первую очередь соотносить с этнокультурными закономерностями, а не сводить к биологической основе.

Р. Хайнд заканчивает свой анализ рассуждением о перспективах исследования проблем человека в рамках биологических и социальных наук (р. 174). Его книга предполагает собой действительное изучение взаимосвязи социальной и биологической науки, поиски синтеза знаний о человеке. Он не только декларирует свою позицию о возможности применения этологии при исследовании культур, но и показывает это на практике. Ценным дополнением к этому фундаментальному исследованию взаимодействия этологии и социальных наук можно считать подробную библиографию (р. 175—197).

А. А. Бек

А. З. Романенко. О классовой сущности сионизма. Историографический обзор литературы. Л., 1986. 254 с.

Я склонен думать, что антисемитизм неоспорим, как неспорима проказа, сифилис, и что мир будет вылечен от этой постыдной болезни только культурой, которая хотя и медленно, но все-таки освобождает нас от болезненных пороков.

М. Горький. В кн.: Щит. Литературный сборник. М., 1915. С. 54.

Академические журналы обычно представляют свои страницы для рецензирования научных трудов. Произведение А. З. Романенко, уже получившее критическую оценку в партийной печати¹, принадлежит к иному роду литературы. Тем не менее книга эта наводит на размышления, которыми мне хотелось бы поделиться с читателями «Советской этнографии».

В последнее время широко констатируется значительное отставание научной литературы, посвященной национальному вопросу, от существующей в нашей стране (и в мире в целом) этнической реальности. Пожалуй, ни в чем это отставание не проявляется столь болезненно, как в изучении национальных проблем еврейского народа. Последние советские книги об истории, культуре, демографии, социологии евреев вышли в свет в конце 20-х — начале 30-х годов. С тех пор число научных работ по иудаике было крайне невелико. Однако за последние 20 лет книжный рынок буквально наводнился разнообразными публикациями, посвященными критике сионизма. Не вдаваясь в общую оценку этой литературы, заметим, что в силу сложившегося положения она является зачастую тем единственным источником, из которого советские люди могут почерпнуть хоть какие-то представления о еврейском народе, его этнокультурных особенностях, его истории, современном положении, взаимоотношениях с другими народами. Поэтому анализ антисионистской литературы, как содержательный, так и социологический, является важной научной задачей. В этой связи книга А. З. Романенко с ее «историографическим» подзаголовком особенно привлекает внимание исследователя.

В рамках рецензии, к сожалению, невозможно хотя бы перечислить все передергки и извращения, содержащиеся в рассматриваемой книге, тем более что эта работа уже частично проделана Л. Я. Дадиани в упомянутой выше статье. Я собираюсь остановиться лишь на некоторых аспектах книги А. З. Романенко, имеющих, на мой взгляд, особое значение.

Один из разделов книги (с. 80—83) озаглавлен «Мощное оружие сионизма». Так автор квалифицирует термин «антисемитизм», используемый, по его словам, «антисемитами вообще, и сионистами в частности» для «реализации своих далеко идущих целей» (с. 80)². А. З. Романенко настолько хочет отмежеваться от идеологических противников, что на протяжении всей книги употребляет злокозненное слово только в кавычках. Как он считает, термин «антисемитизм» неприемлем прежде всего по той причине, что «В. И. Ленин, исследователи, стоящие на ленинских, подлинно научных позициях, решительно отвергают внеклассовый подход к оценке взаимоотношений между евреями и неевреями» (с. 81). Спорить с А. З. Романенко не приходится. Уместно только напомнить, что сам Ленин широко пользовался этим термином, а в речи «О по-

¹ См. Дадиани Л. Я., Мокшин С. И., Тадевосян Э. В. О некоторых вопросах историографии пролетарского интернационализма//Вопр. истории КПСС. 1987. № 1. С. 74—76.

² Та же мысль содержится и в предисловии к книге, написанном ее научным редактором, доктором исторических наук П. Ф. Метельковым (с. 7—8). Заметим попутно, что к выпуску книги А. З. Романенко причастны еще три доктора наук — рецензенты А. К. Белых, А. Н. Шмелев и В. Ф. Рябов.

громной травле евреев» (1919 г.) даже дал ему весьма «внеклассовое» определение: «Антисемитизмом называется распространение вражды к евреям»³.

А. З. Романенко упустил из виду (не включив, конечно, и в список литературы) и работу Ф. Энгельса «Об антисемитизме» (1890 г.). Впрочем, это неудивительно. Вряд ли ему по душе такая, например, мысль классика: «Антисемитизм — это признак отсталой культуры, и поэтому имеет место только в Пруссии и Австрии, да еще в России». И далее: «Антисемитизм, таким образом, — это не что иное, как реакция средневековых, гибнувших общественных слоев против современного общества... он служит, поэтому, лишь реакционным целям, прикрываясь мнимосоциалистической маской; это уродливая разновидность феодального социализма, и мы не можем иметь с ним ничего общего»⁴.

Знакомство с книгой А. З. Романенко показывает, что его нелюбовь к термину «антисемитизм» нельзя признать случайной. Многие положения книги носят определенно антисемитский (если угодно автору, юдофобский) характер. Таковы, например, призывы к «научному объяснению» такого «исторического феномена», как черта оседлости (с. 41), или же к глубокому исследованию «столь своеобразного явления, как еврейские погромы». Впрочем, последнюю задачу автор решает сам, тут же определяя погромы как «шумные столкновения между еврейской и нееврейской мелкой буржуазией», спровоцированные не только царизмом, но и «сионистской верхушкой» (с. 44). Массовое истребление евреев казаками Богдана Хмельницкого трактуется как разгром восставшим народом кагала — союзника панского воинства (с. 61). Изгнание евреев из ряда стран средневековой Европы называется «орудием» национально-освободительного движения (с. 175).

Пожалуй, наиболее кощунственно выглядит раздел «Сионизм и нацизм». Гитлеровский геноцид европейского еврейства расценивается здесь как «конфликт двух отрядов буржуазной реакции (нацистов и сионистов.—Н. Р.), в который были втянуты... обманутые „своими“ капиталистами немцы и евреи» (с. 112). А вот как отзыается А. З. Романенко об уничтожении фашистскими оккупантами советских евреев: «Так, сионисты десятилетиями муссируют свое же собственное измышление об особенно тяжелых жертвах советских евреев в годы Великой Отечественной войны» (с. 104).

Число подобных примеров можно легко увеличить. Однако важнее сейчас другое. Особого внимания заслуживает то, что в книге А. З. Романенко наличует не только антисемитская интерпретация тех или иных исторических событий, но и целостная в своем роде (хотя и не новаторская) антисемитская система взглядов. Центральным в этой связи является раздел «Цели сионизма», в котором автор, опираясь на труды своих коллег Е. С. Евсеева, Э. Володина, В. Попкова и др., приходит к следующим выводам: «...Сионизм ныне разработал свои способы овладения миром и настойчиво стремится к осуществлению этой цели... Один из этих способов — тайное проникновение во все поры политического, идеологического и хозяйственного механизмов той или иной капиталистической страны... Под „проникновением“ имеется в виду не столько непосредственное занятие сионистами определенных постов, должностей и прочее, сколько внедрение своих марионеток, людей, по тем или иным качествам устраивающих сионистов, во все жизненно важные сферы государственного механизма» (с. 128). В этой длинной цитате заключены все основные элементы пресловутой концепции «мирового еврейского заговора»⁵, восходящей к печально известной фальшивке — «Протоколам сионских мудрецов».

Преемственность рецензируемой книги по отношению к «Протоколам» ощущается и в обширном разделе «Сионизм и масонство», где говорится: «...есть основания для серьезной и глубокой разработки научной гипотезы: организация, получившая позднее на французском языке название масонской, существует в течение около трех тысячелетий — от времени ее возникновения в царстве Соломона. Многими столетиями она вырабатывала свою единственную в своем роде организационную структуру, проводя в острой борьбе за укрепление власти эксплуататоров свои тайные методы разрушения противостоящих масонству структур власти, вырастала в широко разветвленную в современном мире систему, поставившую на службу масонской тайной господствующей верхушке руководящие круги большинства современных капиталистических стран» (с. 225).

Присутствуют в книге А. З. Романенко и другие важные компоненты антисемитского мировоззрения. Так, в разделе «Иудаизм и сионизм» автор провозглашает тесную связь этих явлений, считая и то и другое «идеологией еврейской эксплуататорской верхушки», основанной на «идее господства евреев над неевреями, порабощения неевреев евреям» (с. 241—242). «Религиозный иудейский комплекс» А. З. Романенко приписывает такие черты, как «человеконавистничество, проповедь геноцида и воспевание преступных методов достижения власти» (с. 244). Характерно, что и традиционное обвинение «жидов»⁶ в спаивании нееврейского населения черты оседлости сопровождается указанием на «враждебную позицию иудаизма по отношению к иудеям» (с. 46).

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 242.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 53—54.

⁵ Хотя А. З. Романенко временами и возражает против отождествления понятий «еврей» и «сионист» (с. 165, 227), в этом месте своей книги он называет «сионистской ложью» утверждение о том, что не вся еврейская буржуазия — сионистская (с. 127).

⁶ По мнению А. З. Романенко, слово «жид», употреблявшееся русскими классиками, считают оскорбительным для евреев лишь обыватели (с. 45—46).

Отражается в книге и распространенный миф о безраздельном доминировании евреев в общественной жизни. Цитируемый на с. 166 единомышленник автора В. Я. Жугун с горечью описывает ситуацию в США, где «сионисты (еврейская буржуазия) учили своего коллегу А. З. Романенко) скопились... на вершинах экономики, политики, идеологии, науки, культуры» (с. 166). Да и в Советском Союзе, оказывается, евреи составляют 44% (!) всех докторов и кандидатов наук (с. 103)⁷. И в Чехословакии конца 1960-х годов «десятки сионистов занимали важные посты в области культуры, журналистики и искусства. С помощью методов, которыми когда-то Франца Кафка возвели в величину чешской и европейской истории и литературы, ныне они создают друг другу известность и авторитет» (с. 106).

Возникает подозрение, что наш автор не чужд и средневековому «кровавому ветру» — лживому обвинению евреев в ритуальных убийствах. На с. 228 (примеч. 1) дается оригинальная биографическая справка об А. Ф. Керенском, в которой говорится, что он «стал широко известен в связи с делом Бейлиса (еврея, фигурировавшего на судебном процессе в 1913 году в Киеве и обвиняемого в убийстве христианского мальчика Ющинского с ритуальной целью. Бейлис был по суду оправдан). Таков „объективный“ отзыв А. З. Романенко об одиозном деле Бейлиса, вызывавшем в свое время единодушное осуждение со стороны передовой общественности. Тут же автор дает ясно понять, что для него выступления Керенского в защиту Бейлиса — роль в контрреволюционном Временном правительстве и последующая антисоветская деятельность — звенья одной цепи.

Думаю, для читателей нашего журнала представляют определенный интерес выскаживания А. З. Романенко в области теории этнических общностей. Автор предстает гением: «Опасны маскируемые, но настойчивые усилия сионистов вытеснить языковую стройную марксистско-ленинскую теорию нации, подменить ее искаженной антикультистами теорией „этноса“, выдаваемой за „новейшее научное достижение“. В попытке „этнос“ сионисты вкладывают нечто бесконечно разносмысловое, неясное, путаное, скрывающее большие возможности для псевдоученных спекуляций. Главное в этих хитросплетениях сионистских „новооткрывателей“ (неясно, кого здесь имеет в виду А. З. Романенко.— Н. Р.) — попытки представить дело так, будто общность языка — неизбежный признак этнического явления» (с. 71).

Разумеется, А. З. Романенко не считает евреев не только нацией, но и национальностью (с. 74). Он сочувственно цитирует содержащее скрытую угрозу высказывание своего коллеги В. Б. Большакова: «В нашей литературе нет-нет да и промелькнут (то ли по небрежности, то ли еще по какой причине) (разрядка моя.— Н. Р.) абсолютно неправомерные термины типа „еврейский народ“ и даже „еврейская нация“» (с. 80). Правда, остается неясным, какую же общность образуют евреи, если эта общность не этническая, не расовая (с. 82), не религиозная (надо думать, автор признает существование евреев, не являющихся иудаистами) и не социальная (на с. 81 А. З. Романенко не отрицает классового расслоения среди евреев). Но этот вопрос очевидно, не заботит автора и его единомышленников.

Пытаясь продемонстрировать этническую гетерогенность еврейства, А. З. Романенко, ссылаясь на разные сомнительные авторитеты, утверждает, что современное «иудейское» население многих стран мира сформировалось в результате насилившейся иудаизации самых разных этнических групп, в том числе египтян, греков, римлян, берберов, китайцев, индийцев, «чернокожих североафриканцев», американских негров. Опираясь на сообщение журнала «Международная жизнь» (1970, № 6), автор приводит анонимных древних историков в свидетели тому, что «большинство иудеев Европы были представителями тюрksких, угорских и balkанских племен, обращенных в иудаизм» (с. 78—79). Не рассматривая эти антиисторические домыслы по существу, заметим, что даже если бы они отвечали истине, это ничуть не оспаривало бы реальности еврейского этноса. Как известно, в мире практически нет народов, не впитавших себя в ходе истории каких-то иноэтнических элементов.

В заключение мне хотелось бы поставить еще один вопрос. Уже упомянутый мной П. Ф. Метельков в своем предисловии к книге хвалит автора за то, что тот «уделал первостепенное внимание произведениям К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, относящимся к исследуемой им теме» (с. 5). Похвала эта заслужена А. З. Романенко вполне. Л. Я. Дадиани уже уличил его в прямой фальсификации ленинской цитаты⁸. Как уже отмечалось, некоторые работы классиков марксизма, «относящиеся к исследуемой теме», автором попросту замалчиваются. Однако определенные элементы из следия классиков А. З. Романенко и в самом деле активно использует. Я имею в виду первую очередь работу К. Маркса «К еврейскому вопросу» (1844 г.). Уже в начале своей книги (с. 14—15) А. З. Романенко приводит оттуда такие цитаты: «Каков мирская основа еврейства? Практическая потребность, своеокорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги... Итак, мы обнаруживаем в еврействе проявление общего современного антисоциального элемента доведенного до нынешней своей ступени историческим развитием, в котором евреи приняли, в этом духе направления ревностное участие... Эманципация евреев в ее конечном значении есть эманципация человечества от еврейства»⁹.

⁷ Источник этой фантастической пропорции, которая дается со ссылкой на литературный журнал «Москва» (1983, № 4, С. 197), неясен. По последним опубликованным официальным данным, в 1973 г. доля евреев среди докторов и кандидатов наук составляла 8,8% (рассчитано по: Статистические материалы к 250-летию АН СССР М., 1974, С. 11).

⁸ Дадиани Л. Я., Мокшин С. И., Тадевосян Э. В. Указ. раб. С. 74.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 408.

По мнению А. З. Романенко, Маркс в этой своей работе «занял точную, глубоко научную, классовую позицию» (с. 15). В другом месте своей книги Романенко, вновь ссылаясь на Маркса, говорит об изучении влияния еврейства на формирование «общего современного антисоциального элемента» как о важном научном направлении. Далее он изменяет обычно соблюдаемый им манеру и, отказываясь от излюбленного эвфемизма «сионизм», прямо высказывает о роли «е в р е й с к о й в появлении... зловещего режима в ЮАР», о роли «е в р е й с к о й финансовой торгово-ростовщической касты» в порабощении Африки (с. 174—175) (разрядка моя.—Н. Р.).

Мне представляется, что в отличие от А. З. Романенко, выуживающего из работ классиков марксизма то, что подходит к его антисемитским взглядам, и спекулирующего на этих цитатах, настоящие ученые должны рассматривать классическое наследие целостно, исторически. И это не исключает критического отношения к отдельным элементам наследия классиков.

Важнейшие положения книги А. З. Романенко не только поражают своей научной несостоятельностью. Это не просто невежественный взгляд на вещи. Подобные идеи приобрели в наши дни откровенно политический характер. Это прежде всего относится к концепции сионистско-масонского заговора, основанного на якобы присущем евреям понятии о своем превосходстве над другими народами и на их стремлении к мировому господству. Элементом подобной концепции является систематическое очернение истории и культуры еврейского народа. В последнее время такие взгляды и их социальная роль получили должную оценку в советской печати¹⁰.

Изучая национальный вопрос во всех его сложных аспектах, мы не можем заниматься поисками «контрреволюционных наций», якобы ответственных за все наши беды. Принципы объективного научного исследования должны сочетаться в нашей работе с гуманистическими интернациональными идеалами.

Н. Е. Руденский

¹⁰ См. Носенко В., Рогов С. Осторожно, провокация! Кому нужны черносотенные мифы?//Огонек. 1988. № 23. С. 6—7.

НАРОДЫ СССР

Крым: прошлое и настоящее/Отв. редакторы Агаджанов С. Г., Сахаров А. Н. Институт истории АН СССР. М., 1988. 108 с.

Эта книга, еще не написанная и не объявленная в издательских планах, вызывала огромный интерес. Работа над ней началась осенью 1987 г. по инициативе Государственной Комиссии по проблемам крымских татар. Ожидалось, что, наконец, раскроются архивы, опубликуют данные о численности и современном положении крымских татар, будут предложены новые интерпретации их далекой и совсем недавней истории. Все располагало к этому: большой коллектив авторов — профессиональных ученых (пять докторов и пять кандидатов наук), авторитет академического Института истории СССР. Поражали и сроки: рукопись была сдана в набор в марте 1988 г., и уже в мае книга появилась на прилавках магазинов. Весь цикл ее создания занял считанные месяцы.

И вот книга перед нами. Однотонная бумажная обложка, шесть печатных листов убогого текста. Ни одной карты или другой иллюстрации — редкость для «Мысли», бывшего «Географиза». Большой тираж — 50 тыс. экземпляров.

Новое издание имеет привычную структуру для популярных исторических сочинений. Оно включает 13 глав, выстроенных в хронологической последовательности: «Древний Крым», «Крым в средневековые» (автор — М. В. Бибиков), «Крым в составе Золотой Орды» (В. Л. Егоров), «Крымское ханство в XV—XVI вв.» (А. М. Некрасов), «Крымское ханство в XVII в.» (Г. А. Санин) и т. п. Правда, соотношение между главами и периодами неравномерное. Вся история Крыма от палеолита до 1917 г. занимает 39 страниц; на пять последних глав новейшего периода: «Крым в период буржуазно-демократической революции...», «Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции...», «Крым в период восстановления народного хозяйства...», «Крымская область в условиях дальнейшего развития социализма в СССР» (их автор — Г. Е. Трапезников), «Крым в Великой Отечественной войне» (А. В. Басов) — приходится в полтора раза больше.

Конечно, изложить полное спорных и запутанных проблем прошлое Крыма на 100 страницах — нелегкая задача. Некоторые из авторов в последние годы опубликовали обширные монографии; теперь их приходится пересказывать на нескольких страницах¹. Этот дефицит пространства в значительной степени определяет лицо рецензируемой книги. Местами она напоминает краткий учебник по истории Крыма, а местами — просто конспект.

¹ См., например: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985; Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987; Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. М., 1987.

В особенности это относится к главам, описывающим события до 1917 г. Три ца — на античный Херсонес, по две фразы — об истории готов и хазар в Крыму, фраза — о дипломатических контактах Менгли-Гирея с Русью (без всякого упоминания о его личной переписке с Иваном III). Ко всей истории Крыма до 1917 г. нет одной ссылки на литературу кроме двух цитат из работы В. И. Ленина «„Крестовая реформа“ и пролетарско-крестьянская революция» (1911)².

Но даже в условиях такой крайней стесненности авторы первых глав сумелиложить более сбалансированные интерпретации или, во всяком случае, изменить некоторые акценты по сравнению с предыдущими публикациями по истории Крыма. Во-первых, весь позднесредневековый период в Крыму рассматривается именно как история Крымского ханства, которое до сих пор оставлялось на периферии освещения изысканий. Во-вторых, смягчены, а кое-где и опущены ставшие стереотипными темы о каком-то необъяснимом историческом «отставании» этого ханства, его «паразитской» и «хищнической» сущности, «неспособности» к прогрессивному развитию. Впрочем, Крымское ханство, наконец, выведено на широкую политическую арену Востока и Южной Европы, где оно неожиданно предстало крупной военной и политической державой, а не просто дикой грабительской силой, примечательной в истории тем, что она угрожала благосостоянию Руси. Такое освещение явно приближает к более объективной позиции.

Но если в области собственно исторического описания положение стало меняться, то этнографические пассажи первых глав изобилуют многочисленными неточностями и недостатками. В главе «Крымское ханство в XV—XVI вв.» нам излагается схема деления крымских татар на три группы: «... первую из них составляли так называемые степные (северокрымские), вторую — средние (?!), и третью — южнобережные татары». Среди крымских татар выделяется и определенная часть, которая называлась «ногайлы» (?) (с. 23). Никакого отношения к XV—XVI вв. эта схема не имеет и описывает ситуацию XIX — начала XX в. Полная путаница с этнонимами: термин «средние татары» вообще неуместен — «средним» называется диалект (по-татарски ‘орт-йола’ — «средняя полоса»), на котором говорят подразумеваемые автором предгорные или горные татары. Этноним «ногайлар» («ногай», «ногай татарлары») вместо мифических «ногайлы» употребляется для обозначения степных татар, а не какой-то еще один «определенной части», под которой автор, возможно, имеет в виду потомков ногайлов в составе крымских татар.

Крайне нечеткой выглядит и предложенная схема этногенеза крымских татар. «В XIII—XVI вв. население Таврического полуострова (!), издревле отличавшееся своей многоэтничностью, становится еще более сложным и неоднородным. Кроме обитавших здесь ранее греков, алан, русов, болгар, караимов, эзиков (?) — так в тексте И. К., кипчаков появляются монголы, итальянцы, армяне... Состав местного населения пополняется также за счет многочисленных пленных самого различного происхождения» (с. 22). Хорошо, конечно, что подчеркивается многонациональность татарской страты; но остается необъяснимым, почему и как в таком «кotle» народностей все же образовалась этническая общность *крымских татар* со своим языком, религией, культурной традицией, четким самосознанием.

Стремление постоянно подчеркивать многонациональный состав населения Крыма во все эпохи толкает авторов к составлению бесконечных списков народов, населявших полуостров. Здесь, к сожалению, очень легко оказаться неточным. «Еще слабо решаются (в наши дни — И. К.) задачи, связанные с культурными запросами различных наций и народностей, проживающих в Крыму, таких как греки, армяне, караимы, эстонцы, крымские татары» (с. 104). Пусть читатель сам расставит по порядку народы и их культурные запросы, если крымские греки и армяне были выселены из Крыма вместе с татарами в 1944 г., а эстонцев даже в далеком 1926 г. насчитывалось всего несколько селений (около 1,5 тыс. чел.). Или: «В Крыму издавна обитали также сасаниды, готы, армяне, представители многих других народов» (с. 4). Такой список, имея на первое место поставлены славяне, с точки зрения современной науки трудно объяснить.

В тексте много неточностей, пропусков, неряшливых фраз. Например: «Древнейшими насељниками Крыма были киммерийцы и скифские племена» (с. 4) — тут почему-то отсутствуют. «Известно несколько скифских племен Северного Причерноморья: царские скифы, обитавшие и в Крыму, скифы-кочевники, скифы-пахари, скифы-земледельцы, скифы-воины» (с. 8). Здесь все смешано — этнонимы Геродота, которые не обязательно соответствуют «племенам», элементы сложной реконструкции кастового состава скифского общества. Словом «известно» они никак не соединяются. Примеры можно продолжить.

Но обратимся к пяти последним главам книги, где описывается история Крыма накануне и после 1917 г. (с. 47—105). Здесь у авторов иные условия: больше общих хронологически короче главы-периоды, есть место для деталей и ссылок. Да и смысловая нагрузка на эту часть совсем иная.

Мне трудно судить, насколько полно и содержательно изложены факты политической истории Крыма XX в. Отмечу лишь, что главы явно перегружены цифрами и малозначимыми подробностями. Количество тракторов и объем капиталовложений, рост урожаев и надоев, число детей в школах и койкомест в здравницах, номера полков и дивизий, имена передовиков и героев... Стиль знакомый, но мало что остается в памяти читателя.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20.

С точки зрения этнографов, эти главы содержат мало ценной информации. В книге всего две таблицы (с. 47, 67); они показывают национальный состав населения Крыма на 1917 и 1921 гг. При этом почему-то пропущены украинцы, включенные, судя по цифрам, в состав русских. Зато, конечно, сказано, что в Крыму в 1921 г. «жило 70 наций и народностей» (с. 67). Никто не будет отрицать многонациональность населения Крыма, но даже при беглом подсчете видно, что на долю выделенных в таблице 11 народов приходилось 98,9% всех жителей. Остальные 59 «наций и народностей» насчитывали в общей сложности около 7 тыс. человек — в среднем по 120 человек на «нацию».

Вообще не упомянуты и данные переписей населения 1923, 1926, 1939 и 1959 гг., а также материалы текущего республиканского учета населения. А ведь они имеются во всех предвоенных энциклопедиях и справочниках³. Напрасно мы будем искать и какие-либо сведения о современной численности и расселении крымских татар, столь интересные и для специалистов, и для широкого читателя. Нам предложили лишь давно известные цифры национального состава населения Крымской области по переписям 1970 и 1979 гг., где крымские татары не выделены среди прочих татар. Увы, не открылись архивы, не появилась новая статистика... Помогла одновременно с выходом книги газета «Комсомольская правда», назвав цифру 17,5 тыс. крымских татар, проживающих сейчас в Крыму⁴.

Очень скромно изложена история национального и культурного строительства в Крымской АССР в 1920—1930-е годы. Почему бы не рассказать читателю, что в республике в 1930-е годы было 20 районов, из которых 11 считались «национальными»; 6 татарских — Фоти-Сальский, Бахчисарайский, Балацлавский, Ялтинский, Алуштинский, Судакский; 2 немецких — Биюк-Ойларский и Тельмановский; 2 еврейских — Фрайдорфский и Лариндорфский; 1 украинский — Ичкинский? Источник вполне надежный — «Малая Советская энциклопедия» (2-е изд. М., 1936. Т. 5. С. 1012). Почему не описать, как была устроена многонациональная жизнь в Крыму — со школами и техникумами, библиотеками и детскими садами, избами-читальнями и судебными учреждениями на десятке разных языков? Ведь это драгоценное и почти забытое наследие ленинской национальной политики в ее реальном воплощении. Кому не интересно узнать, что, согласно Конституции Крымской республики, ее государственными языками были объявлены татарский и русский, а флаг и герб республики имели надписи на двух языках⁵? Вместо этого нам сообщают, что республика была организована «по территориальному признаку» (с. 68).

Жаль, что ничего не сказано и о научных учреждениях, которые в предвоенное время вели изучение истории и этнографии Крыма,— Крымском НИИ языка и литературы им. А. С. Пушкина в Симферополе, Восточном институте в Ялте, местных краеведческих центрах. В первые существовавших в Крыму музеев почему-то пропущен Государственный дворец-музей татарской культуры в Бахчисарае, имевший свои издания на двух языках, специализированные этнографические и археологические экспедиции (с. 74).

Наверное, излишне предъявлять авторам претензии за то, что не написано в их книге. Обратимся к тому, что там написано, тем более что в условиях ограниченного объема сам отбор фактов имеет важное значение. И здесь невозможно пройти мимо того, как освещены в последних главах три сюжета: дело Вели Ибраимова 1928 г.; положение в Крыму во время немецкой оккупации и выселение народов в 1944 г.; современная судьба крымских татар. Не побоюсь сказать, что два последних сюжета имеют ключевое значение для всего замысла книги и ее общей оценки.

Рассказ о «деле» Вели Ибраимова занимает две полные страницы (с. 69—71). Любому читателю сейчас ясно, что «заговор», в котором участвовали председатель ЦИК, председатель Совнаркома, прокурор, несколько наркомов, секретарь комсомола республики, мог быть только сфабрикованным политическим процессом для оправдания репрессий против местного партийного руководства. Зачем же надо в 1988 г. вновь писать о «тайных совещаниях», «планах осуществления антисоветских акций», «проповедях панисламизма и пантюркизма», контактах с Троцким и троцкистами? Разве нельзя весь этот «жанр» исторической науки навсегда оставить в прошлом?! Тем более, что большинство названных людей давно реабилитированы и посмертно восстановлены в партии, о них пишутся воспоминания, а пережившие репрессии (например, Бекир Умеров, который в тексте превращен в двух разных людей — Бекира и Умерова — с. 70) стали персональными пенсионерами.

Ключ мы найдем в следующих фразах: «Разгром великоибрайимовщины не означал, однако, исчезновения всех связанных с нею проблем. Многие сторонники этой группировки затаились (в истерзанном сталинскими репрессиями Крыму 1930-х годов! — И. К.) и ждали своего часа, который пробил в годы фашистской оккупации» (с. 71). Вряд ли такой текст можно назвать «передовым словом» современной исторической науки.

К сожалению, с прежними позициями освещается в целом трагический период оккупации Крыма и не менее трагическое выселение крымских татар, армян, греков, болгар (добавлю: чудом уцелевших крымских цыган) сразу после освобождения полуострова

³ Общая бедность и неаккуратность этнодемографических данных — одна из характерных черт книги. В полной мере это относится как к XX, так и к XVIII—XIX вв. (где опущены статистические сведения о населении Крыма, приводимые П. Палласом, А. Скальковским, П. Кеппеном, А. И. Маркевичем и др.).

⁴ Комсомольская правда. 1988. 21 мая.

⁵ Конституция Крымской Советской Социалистической республики. Симферополь, 1924. С. 10—11.

ва. С одной стороны, выселение называется «крупнейшим нарушением основных принципов ленинской национальной политики партии» (с. 99), говорится об очевидной смысленности «утверждения о коллективной ответственности всего народа за сотрудничество с оккупантами» (с. 91). С другой стороны, пять страниц текста посвящены описанию этого сотрудничества, и лишь в одной фразе сообщается, что «в партизанских отрядах сражалось много коммунистов и комсомольцев, в том числе и татары национальности» (с. 84—85). Баланс информации, предлагаемый читателю, явно нецензурный.

Давно и официально объявлено, что решение о депортации в 1944 г. было необоснованным и несправедливым. Ясно, что постановление о выселении пяти народов, приведенное 11 мая 1944 г., когда в Севастополе еще продолжалось сопротивление фашистам войск, не могло опираться на какую-либо юридическую процедуру выявления и наказания коллаборационистов. Оно диктовалось иными мотивами, которые ждут еще ожидания освещения историками. Но читатели вправе ожидать от специалистов корректного и взвешенного описания событий.

Вряд ли поэтому можно называть корректными приводимые цифры и пропорции числа татар, сотрудничавших с немцами (с. 82—83), вычисленные к тому же по немецким источникам. Еще более неэтично постоянное муссирование темы татарских коллаборационистских военных и гражданских формирований, участия татар в карательных батальонах при полном умолчании о такой же деятельности представителей других народов. Во всех оккупированных районах, независимо от состава населения, существовали местная администрация, полицейские и вспомогательные части. Значит, были бургомистры и старости, полицаи и охранники, предатели всех национальностей. В чем же тогда наша этика: оценивать целые народы по числу предателей? Но зачем нам вновь предлагают это лишь для одного народа с такой горькой судьбой?

Столь же двойственное чувство оставляет и последняя глава — «Крымская область в условиях дальнейшего развития социализма в СССР», где неполные 4 страницы (с. 13) посвящены современному положению крымских татар. Пожалуй, это самый подробный очерк на такую тему в центральном научном издании. Хорошо, что читатель может теперь узнать имена современных татарских поэтов и писателей, услышать о газете и журнале, выходящих в Узбекистане на крымско-татарском языке, или деятельности докторов наук — крымских татар (с. 101—102). Но опять мы в изобилии встречаем полуфразы с полуинформацией: «Крымские татары и другие национальности, выселенные из Крыма, частично вернулись в край и живут сейчас в основном в Крымской и Херсонской областях» (с. 100); «Татары живут сейчас не только в Крымской и Херсонской областях, но и в Краснодарском крае, Чимкентской области Казахской ССР, Ленинабадской области Таджикской ССР и во многих областях Узбекской ССР» (с. 100). Что дают эти «частично», «в основном», «не только» без единой цифры, даже без общей численности крымских татар? И тут же вновь как обязательная иллюстрация очередной «список» народов Крыма: «В экспозиции Крымского областного краеведческого музея в настоящее время широко представлены материалы о всех народах области: армянах, греках, русских, украинцах, белорусах, болгарах, крымских татарам» (с. 101). Жанр изложения остается тот же.

Теперь нам осталось определить этот жанр. Что же, назовем его прямо: перед нами поспешно написанный популярный исторический путеводитель. Отсюда понятны его характерные черты: названия глав, напоминающие заголовки стендов или разделов учебника; беспаллиционность изложения, когда подается одна, как бы единственная существующая версия; огромное количество опечаток (типа «энхи», «Магуп», «Бекир, Умеров» и др.); соединение под одной обложкой всей истории от бивней мамонта до портретов передовиков производства.

Вот мы и прошли вместе с авторами по залам крымской истории. Но у науки, как известно, свои пути развития. Один — это смелые озарения, уникальные находки, яркие интерпретации. Другой — систематическое накопление источников и фактов с постепенным продвижением по всему фронту познания. Но никогда наука не продвигалась вперед написанием путеводителей. Такой путь заведомо гибелен и для учеников, и для читателей, получающих в солидной упаковке суррогат научного процесса.

Хорошо, что наши коллеги-историки целенаправленно обратились к освещению прошлого Крыма. Можно надеяться, что впредь в нем не будет пропусков и пустых страниц, характерных для прежних изданий. Поэтому мы с нетерпением будем ждать новых публикаций — сборников статей, научных дискуссий. Только так «прошлое и настоящее» может стать подлинной крымской историей:

И. И. Крупник

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

J. Cuisenier, M. Segalen. Ethnologie de la France. P., 1986. 127 P.

Книга «Этнология Франции» опубликована в популярной серии «Que sais-je?» («Что я знаю?») издательства «Presses Universitaires de France» (PUF) в 1986 г. Популярность в данном случае вовсе не означает невысокий научный уровень: основатель этой серии Поль Ангульван определял ее как «энциклопедическую коллекцию». Среди авторов выпусков — крупнейшие специалисты в различных областях знания. «Этнология

Франции» написана Жаном Кюзинье — главным хранителем Национального музея народных искусств и традиций (*Musée National des Arts et Traditions Populaires* — MNATP) и Мартин Сегален — директором Центра французской этнологии (*Centre d'Ethnologie Française* — CEF). Оба автора, известные этнографы, принимают участие в издании «*Ethnologie française*¹ — основного журнала по этнологии Франции и в исследовательских работах Национального центра научных исследований (*Centre National de la Recherche Scientifique*).

Ж. Кюзинье является крупным специалистом по традиционной материальной культуре² и народному искусству Франции³. Большой вклад сделан им в развитие теории и практики музейного дела⁴.

Главные объекты научных исследований М. Сегален — семья и родство, прежде всего в традиционном сельском⁵ обществе. Это, впрочем, не исключает из сферы ее интересов современность и не сужает набор применяемых им методик⁶.

«Этнология Франции» состоит из шести глав, и по содержанию ее можно разделить на две части: три первые главы посвящены развитию и становлению современной этнологии Франции, последние анализируют ее исследовательскую практику. Но излагаемый материал разделен на главы не по методологическим направлениям, а по типам основных объектов исследования: техника и культура (с. 58—76), социальная организация (с. 77—98) и системы выражений, ритуалов и символов (с. 99—121).

Уже во Введении авторы пытаются определить, что является объектом исследования этнологии Франции. Самая первая дефиниция — «группы людей, взятых в их общественной деятельности, через их культурное и символическое производство, их технические навыки и умения» (с. 3) — не дает о ней полного представления, но следующее затем перечисление областей интересов этой научной дисциплины дополняет картину. Здесь называются народные знания, особенности производительной деятельности, системы родства, старые и новые праздники, локальные общественные и потестарные институты, обычаи и обряды, организация среды обитания (жилища), уход за телом и т. д. (с. 4). Видимо, уже сама краткость Введения (2 с.) свидетельствует о том, что оно лишь предваряет рассмотрение всех аспектов исследовательской программы французской этнологии.

Само название первой главы книги — «От фольклора к этнологии» (с. 5—19) определяет истоки этой научной дисциплины, а именно фольклорные исследования, которые «развивали эпизодический диалог с социологической школой Дюркгейма и тем, что называлось во Франции этнографией или изучением примитивных обществ» (с. 5). Изначально понимаемые во Франции более широко, чем в нашей научной традиции, эти исследования проделали в своем развитии большой путь от записок путешественников и общественных деятелей до научных трудов Ф.-М. Люзеля (1821—1895), Э. Родланя (1846—1909)⁷, П. Себийо (1843—1918)⁸ и, наконец, Арнольда Ван Геннепа (1873—1957), для которого это «не что иное, как этнография сельского населения Европы» (с. 11). Научная деятельность А. Ван Геннепа выделена в книге особо (с. 10—16). Именно с его работами, ставшими классическими для французской этнографии⁹, связывают авторы выход «фольклора традиционного общества» на один уровень с «этнографией примитивных обществ» и превращение этого научного направления в общую этнологию, а затем в этнологию Франции (с. 15—16). Этот сложный процесс рассматривается в книге в связи с обогащением наук о человеке в процессе их развития, учитывается при этом и воздействие крупнейших междисциплинарных теоретических направлений, прежде всего французской социологической школы в лице Э. Дюркгейма (с. 16—17), а позднее — М. Мосса (с. 17—18).

Вторая глава посвящена формированию этнографических коллекций и складыванию системы этнографических музеев — базовых научных учреждений по изучению «народных искусств и традиций» Франции. Здесь рассматривается деятельность как всемирно известных музеев — «Трокадеро», «Национального музея народных искусств и традиций» и «Музея Человека», так и провинциальных региональных (Эльзасского, Баскского и многих других). Совершенствование фондов и экспозиций, пишут авторы, в большой степени отражает развитие этнологии Франции, переход от простой фиксации конкретных форм народного быта и культуры, накопления и скрупулезного описания материала к его теоретическому осмысливанию на основе комплексных, междисциплинарных исследований. Пример этого — судьба нового направления в музейной работе,

¹ *Ethnologie française. Revue trimestrielle de la Société d'ethnologie française*, publié par le CEF. P., depuis 1971.

² *Cuisenier J. La maison rustique*. P., 1987; *idem* (sous la direction de). *L'architecture rurale française: corpus des genres, des types et des variantes*, P., 1977—1985; *idem* (sous la direction de). *Le mobilier régional français*. P., 1980—1984.

³ *Cuisenier J. L'art populaire en France. Rayonnement, modèle et sources*. P., 1975.

⁴ *Cuisenier J. et al. Hier pour demain: arts, traditions, patrimoine. Catalogue de L'exposition du Grand Palais*. 13 juin — 1 sept. 1980.

⁵ *Segalen M. Quinze générations de Bas-Bretons. Parenté et société dans le pays bigouenden Sud 1720—1980*. P., 1985; *idem. Mari et femme dans la société paysanne*. P., 1984.

⁶ *Segalen M. Sociologie de la famille*. P., 1981.

⁷ *Rolland E. Faune populaire de la France*. P., 1877—1914; *idem. Flore populaire ou histoire naturelle des plantes*. P., 1896—1912.

⁸ *Sebillot P. Le folklore de France*. P., 1904.

⁹ *Gennep van A. Les rites de passage*. P., 1909; *idem. Manuel de folklore français contemporain*. P., 1943.

связанного с экомузеями и парками. За время существования старейших из них в Маркезе (Marquéeze) и Лё Крёзо (Le Creusot) — и появления новых были расширены возможности демонстрации памятников народной архитектуры и быта во многом благодаря углублению взаимодействия этнологии с этноботаникой, этнозоологией и инженерной технологией (с. 35).

Третья глава, посвященная становлению этнологии Франции в ее современном виде, расширяет перечень научных дисциплин, на основе которых она возникла. Здесь перечисляются физическая антропология, география, музееведение, социальная антропология и фольклористика (с. 37). Как следует из написанного, именно в конце 40-х — начале 50-х годов нашего века был осуществлен переход от изучения «народных искусств и традиций» к этнологии (с. 37). Этот процесс был связан с творчеством М. Марса, сформулировавшего цели и методы этнологии (с. 39), и с появлением ряда монографий, посвященных анализу традиционного сельского быта и культуры (с. 40—41). Завершение переходного этапа датируется достаточно определенно: с 1971 г. в названии общества понятие «этнология» заменило слово «этнография», что, исходя из французской терминологической традиции, должно было означать переход от фиксации описания этносоциальных объектов к их анализу и созданию теории. Тогда же и газетный журнал общества — «Народные искусства и традиции» (*«Arts et traditions populaires»*) стал называться «Этнология Франции» (*«Ethnologie française»*).

Представляется интересным взгляд авторов книги на роль теоретических направлений, повлиявших на этнологию Франции. Они отдают первенство структурному анализу, связанному преимущественно с творчеством К. Леви-Строса; структурализм понимается ими как «метод систематического и связного анализа социальных и культурных явлений, взятый за образец из лингвистических методов» (с. 45). Влияние марксизма рассматривается в книге как опосредованное — через экономическую антропологию. Определяя главные черты марксистского направления во французской этнологии, авторы приводят слова Мориса Годелье о том, что способ производства определяет соответствующие социальные структуры и общественные отношения (с. 47—48). Как более близкая к французской проблематике рассматривается работа Шарля Парена¹⁰, в которой исследование традиционных сельскохозяйственных районов (Шампань и Лотарингия) исходит из анализа процессов развития французского общества с этнографической и исторической точек зрения (с. 48). В качестве еще одного примера влияния марксизма на этнологию Франции приводится работа П. Бурдье, в основе которой лежит «концепция социального воспроизведения». В целом положительно оценивая этот труд, посвященный обществам кабилов, Беарна и различным социальным группам современной Франции, а в теоретическом плане — анализу «феномена трансмиссии» культуры, родственных связей и социальных статусов, авторы указывают, что П. Бурдье использовал методы, выработанные экономической антропологией (с. 48—49). В качестве еще одного источника влияния называется социальная антропология, вернее — англо-американская наука. К сожалению, круг теоретических влияний лишь кратко обрисован авторами. Здесь зачастую лишь перечисляются основные работы и их авторы, представляющие то или иное направление (с. 44—49).

Четвертая — шестая главы посвящены вопросам изучения отдельных сторон традиционной культуры. Глава IV «Техника и культура» посвящена изучению традиционной материальной культуры. Здесь рассматриваются формы и функции сельского дома, соотношение традиционной архитектуры и социального пространства, добывающая и производящая деятельность, «техническая» организация среды и системы жизнедеятельности человека. Авторы описывают развитие исследований в этом направлении, называют наиболее значительные работы. Привлекают стройность типологий явлений материальной культуры и свойственная французской этнологии традиция комплексного изучения среды обитания человека и системы его жизнедеятельности.

В пятой главе — «Социальная организация» — анализируются монографические работы, посвященные многодисциплинарным исследованиям коммун (с. 78—80) и регионов (с. 80—83). Авторы рассматривают усложнение объектов исследования, связывая это с проблемой идентификации (с. 85—86), динамикой социальных институтов (с. 87—89) и пониманием социального пространства и классов в городской среде (с. 89—90).

Серьезным вопросом является, по мнению Ж. Кюзинье и П. Ангульвана, роль семьи в социальном воспроизведении. Здесь авторы рассматривают в тесной взаимосвязи систему регуляции отношений родства, социально-экономические функции семьи и связанную с этим символику.

Завершает книгу глава, посвященная «системе выражений, ритуалов и символов» (с. 99—121). В ней рассматриваются проблемы соотношения языка, диалекта и говора в связи с процессом формирования структуры этнорегиональных групп населения страны, анализируется роль народной литературы, музыкального и песенного фольклора в складывании культурного своеобразия исторических областей и регионов Франции. История изучения этих культурных явлений прослеживается авторами в тесной взаимосвязи с осмысливанием ритуально-обрядовой деятельности и символики, системой народных знаний и обычая, народных эстетических ценностей и форм художественного творчества, составляющих основу для понимания духовного мира исследуемых этносоциальных общностей.

«Этнология Франции» обращает на себя внимание еще и непривычным для нас отсутствием регионального разделения материала. Авторы объясняют это стремлением к сосредоточению на общих проблемах научной дисциплины в целом. Касаясь вопроса о единстве и разнообразии населения Франции, они обращают внимание на понятие

¹⁰ *Parain Ch. Outils, ethnies et développement historique. P., 1979.*

культурной идентичности. В связи с этим подчеркивается, что «такие общности, как асекле, говорящее по-баскски или по-бретонски, являются результатом длительного и комплексного исторического процесса формирования, который, согласно советской традиции, можно назвать этногенезом» (с. 122).

Сохранение региональной дифференциации авторы рассматривают во взаимосвязи со складыванием новых общностей, где фактор этничности (в региональном смысле) присутствует наравне с такими, как возраст, пол или классовая принадлежность (с. 123).

Наряду с историей формирования современной этнологии Франции книга позволяет судить и о принципах группировки исследовательских направлений внутри нее. Написанная ведущими специалистами в данной области, рецензируемая работа отражает новейший взгляд французских ученых на задачи и методологические принципы этой научной дисциплины.

А. В. Полевой

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

О. Ю. Артёмова. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине: по австралийским этнографическим данным. М., 1987. 200 с.

Книга О. Ю. Артемовой, если можно так выразиться, следует благородной цели «человечивания» этнографических исследований. При условии, что это отнюдь не популярная литература, перед нами удачная попытка соединить серьезный научный поиск с заинтересованным рассказом о реальных людях первобытного общества, их характерах, особенностях мировосприятия, жизненных ценностях и устремлениях. Человек поставлен здесь в центр исследовательских интересов. И, вероятно, ощущением объемности видения мира, возникающим у читателя, мы обязаны именно показу многообразия людских проявлений, тому эмоциональному отклику, который он порождает. Создается путь фрагментарная, но образная картина действительности, что, как известно, всегда наиболее предпочтительно.

Привлекают разнообразные источники, в том числе и фольклор аборигенов, О. Ю. Артемова анализирует обширный фактический материал, который охватывает период в 180 лет, от конца XVIII столетия до второй половины 60-х годов нашего века.

Автор книги ставит своей целью с помощью максимально полного выявления взаимосвязей между человеческой личностью и традиционными социальными нормами представить сильный этнографический аргумент в споре с теми учеными, которые рассматривают раннепервобытные коллектизы как нивелирующие индивидуальность, лишающие ее свободы выбора.

В ходе исследования О. Ю. Артемова выдвигает ряд конкретных задач, которые, как нам кажется, можно сгруппировать в два комплекса. Первый из них — выявление общественных условий для самореализации личности. К таким условиям автор относит: сложность социальной структуры австралийцев; наличие в их культуре нормативов, предполагающих развитие личной инициативы; наконец, существование феномена индивидуальной специализации. Во второй комплекс попадают задачи, уже непосредственно связанные с анализом соотношения личности и нормы. Это: подразделение нормативов на препятствующие и благоприятствующие самораскрытию индивидуальности; исследование случаев нарушения норм и отступления от правил как в межгрупповых, так и в межличностных отношениях; оценка обществом таких отклонений.

Книга подразделяется на введение, четыре части из 10 глав и заключение. В текст включены фотографии аборигенов и карта расселения австралийских племен.

«Введение» представляет собой весьма важный и обстоятельно написанный раздел с изложением мотивов работы, историей проблемы, объяснением ведущих терминов и понятий. Явной удачей здесь можно считать развернутое обоснование вывода о том, что ценность этнографических материалов по традиционной культуре Австралии не может быть поставлена под сомнение. Тот факт, что мы имеем дело лишь с аналогами, а не эквивалентами древних охотничьих обществ, не лишает этнографов главного — принципиальной возможности реконструировать на этой основе ранние этапы человеческой истории. Вопрос лишь в том, что для подобной цели неприемлем прямой перенос конкретных культурных вариантов, а требуется выделение структурных, типологических черт. И тут, конечно, перспективы для научных поисков самые благоприятные. С другой стороны, углубление наших представлений о синполитейных обществах как бы поднимает планку достигнутого уровня знаний, ниже которого не следует опускаться в теоретических работах. По словам О. Ю. Артемовой, в достижениях австраловедов нужно видеть «гарантию... от спекулятивных реконструкций отдельных этапов первобытной истории, опирающихся на одни только умозрительные построения» (с. 8).

Первая часть рассматриваемой книги как бы подводит читателя к восприятию собственно «нормативного» исследования. В двух главах автор рисует наиболее значительные черты социальной структуры аборигенов и специфические особенности их духовной жизни. В третьей, заключающей главе все это осмысливается как благоприятные условия для раскрытия личностного потенциала индивида. С таким выводом трудно не согласиться, но хотелось бы высказать два соображения. Хотя сложному общественному устройству австралийцев отведено много места, некоторые важные, если не важ-

нейшие, его черты сознательно опущены автором. В тексте, например, не рассказывается о системе брачных секций, не описываются специфические черты австралийской системы родства (хотя впоследствии об этих понятиях не однажды заходит речь). Может быть, именно оттого, что значительный культурный пласт не был раскрыт перед читателем, поддержаный автором тезис об уникальном положении каждого индивидуума в сети социальных связей не выглядит достаточно очевидным. При условии, что каждый австралиец состоит членом сразу многих подразделений, но все они имеют групповой характер; при том, что вступление в брак является в этом обществе обязательным следовательно, набор ролей в системе родства в принципе у каждого идентичен, трудно понять, почему эти роли уникальны и не разделяются другими индивидами. Возможна ли убедить читателя, были бы уместны и достаточны один-два примера.

Автор безусловно прав, трактуя сложную дифференцированность общества австралийцев как важный фактор развития индивидуального самосознания. Но если же утверждение о свойственной каждому «индивидуальной комбинации нормативных писаний» справедливо, вряд ли верно считать, что это «обязательно предполагает различия и в индивидуальном поведении австралийцев, и в их жизненных установках, их индивидуально-личностных свойствах» (с. 43).

Некоторые материалы первой главы также вызывают желание поспорить. В частности, решая вопрос о том, какой из двух видов унилинейных экзогамных групп соответствует понятию «род», автор отдает предпочтение тому, который имеет повсеместное распространение. Не пытаясь здесь конкретно атрибутировать указанные группировки, заметим только, что универсальность какого бы то ни было явления вряд ли может расцениваться как его структурную черту.

Завершающая глава первой части, написанная энергично и емко, производит впечатление пружины, которая постепенно раскручивается в последующих главах. Здесь в сжатом виде изложена чрезвычайно важная мысль о том, что эгалитаризм является общностью — понятие сугубо социально-экономическое. Такое равенство совсем не означает социальной однородности. Напротив, О. Ю. Артемова убедительно демонстрирует дифференциации, бытующей у австралийскихaborигенов. Этот феномен раскрывается через понятие иерархии статусов, групповых и индивидуальных. Самое низкое положение — у женщин, затем идут «младшие мужчины», а наибольшим уважением пользуется категория «старших мужчин». Именно существование неравнозначности общества половых и возрастных группировок, а наряду с ними особо чтимыми должностями и занятий положено автором в основание всей работы. То, каким образом по-девические нормы приходят в соприкосновение с индивидуальностью человека, рассматривается как бы сквозь призму социального статуса. На этом фоне особенно показательны случаи, когда, например, женщины становились главами общин, а молодые люди не по возрасту получали звание старшего.

Заметим только, что в перечне «статусных» общественных явлений один пункт — система родства (СР) — вызывает возражение. Уже в силу своей относительной и эндрецистической природы она, на наш взгляд, не может быть причислена к явлениям, обес печивающим людям неодинаковое положение в обществе. Человек никогда не занимает в СР «определенного места» (ср. с. 49), поэтому его «родственный статус» оценить невозможно. Иное дело — «класс родства», за которым стоит определенная модель поведения, или роль. Разные роли уже могут быть сравнимы по своему статусу, однако на статусе индивида это не сказывается, так как каждый человек аккумулирует сразу несколько ролей.

Во второй и третьей частях книги последовательно разворачивается замысел автора. Анализ конкретных примеров, свидетельствующих о том, что австралийскиеaborигены проявляют себя как разнообразные личности, дается с привлечением массы чрезвычайно интересных фактов. Попутно — и очень естественно в ткани глав — освещаются спорные вопросы. Читателю предоставляется возможность познакомиться с разными точками зрения. И тут уместно указать на неизменно взвешенную авторскую интонацию, стремление понять истоки взаимоисключающих концепций.

Начинается вторая часть с проблемы общего статуса женщин. Противоречия в ее оценке удачно снимаются О. Ю. Артемовой за счет признания необходимости различать норму (приниженное состояние) и ее преломление в индивидуальном поведении (самостоятельность и независимость некоторых женщин в семье и обществе). Отклонение от принятых стереотипов поведения справедливо трактуется как наиболее очевидное свидетельство проявления личностного начала.

Правда, тема «психологического антагонизма» мужчин и женщин разрабатывается почти исключительно на отношениях «муж — жена». И хотя это сделано предельно убедительно, все же было бы желательно проверить вывод о женском статусе, проанализировав и другие ряды отношений, например «отец — дочь», «брать — сестра» и т.д. Тут очень кстати оказались бы женские классы родства австралийской СР.

Особый раздел книги посвящен малоизученной и непростой проблеме возрастных образований в Австралии. Автор приходит к заключению, что принятые в этой сфере правила поведения не препятствуют проявлению индивидуального своеобразия.

Далее, в соответствии с разработанной О. Ю. Артемовой классификацией, анализируются статус и функции разного рода формальных и неформальных лидеров, влияние на ход жизни всего коллектива. Выясняется, что в данной области общество не только допускает, но и предполагает личную инициативу.

Тема третьей части не совсем привычна для нашего обыденного представления о австралийском обществе. Здесь разбираются оригинальные факты, связанные с индивидуальным разделением труда уaborигенов. В отдельные главы выделены рассказы о выдающихся мастерах своего дела, о специалистах белой и черной магии. Помимо

естественного, идущего в русле основной логики вывода о том, что условия жизни первобытных охотников и собирателей позволяли людям свободно обнаруживать свои способности и склонности и занимать автономное положение в среде себе подобных, здесь содержится интересное заключение о природе индивидуальной специализации в подобных обществах.

О. Ю. Артемова видит качественное различие между профессиональной специализацией более поздних эпох и присутствием у аборигенов людей, достигших вершин мастерства в общедоступных занятиях. Автор полагает, что подобная индивидуальная специализация была свойственна и «весьма ранним стадиям развития человеческого общества» (с. 140), поскольку ее суть усматривается в «самовыражении творчески одаренной личности». Более того, сходное явление можно найти в любом обществе, включая и классовое.

Последняя часть книги играет роль заключительного аккорда. Проводя перед читателем вереницу образов живых и таких разных людей первобытной эпохи, автор высказывает мысль о единстве человеческого сообщества, о том, что в сфере индивидуальных проявлений гораздо больше того, что сближает, нежели разъединяет нас с австралийскими аборигенами. Завершается исследование небольшой, но важной главой, где с очевидностью доказывается, что коренным жителям континента присуще индивидуальное самосознание.

Можно, конечно, спорить об оптимальности избранной композиции книги, об отдельных умозаключениях. Но бесспорно то, что комплекс представленных идей и сведений полностью отвечает авторскому замыслу и формирует у читателя доминантную мысль: раннепервобытное общество не означает абсолютного равенства — оно не похоже на однородную массу индивидов, а состоит из разнообразных личностей; личности эти выступают не только как часть коллектива, но обладают выраженным индивидуальным самосознанием. Последнее утверждение важно не только само по себе. На наш взгляд, оно, вместе с тезисом о том, что личность возникает вместе с обществом как ее атрибут, может считаться дополнительным аргументом в споре о формах СР с учеными, склонными абсолютизировать групповое сознание первобытной эпохи.

Интересна и вторая группа выводов О. Ю. Артемовой, которая касается социального регулирования. Автору удалось показать, что аборигенное общество не представляет собой абсолютно жесткой системы. С точки зрения отношения общества к появлению в нем индивидов-личностей, нормы австралийцев можно подразделить на «препятствующие», «допускающие» и «стимулирующие» активность людей. Нам кажется, такое заключение дает отправную точку для дальнейшего поиска. Исходя из существенных черт личности (с. 15), можно, например, предположить, что чисто социальные нормативы вообще не являются специфичными для возникновения личности как таковой. Не исключено, что уже хозяйственная деятельность человека, особенно такая сложная, как охота, в состоянии обеспечить развитие видовых личностных черт — умения принимать самостоятельные решения, предвидеть результаты своих поступков, обладать волей и т. д. Возможно, социальные нормы в большей степени несут ответственность за формирование определенного типа личности, нежели самой личности. В этом случае «жесткие» правила наряду с другими могут рассматриваться в положительном смысле — как механизм воспитания и закрепления социально значимых черт характера.

Примечательно, что в книге О. Ю. Артемовой уже называются многие такие черты и даже обрисовывается один из социальных механизмов, направленность которого нам видится в формировании именно определенного типа личности. Речь идет о привилегиях для людей наиболее высокого статуса. Когда известно, какие именно личные качества и достижения требуются, чтобы завоевать высокий общественный авторитет, привилегии становятся мощным стимулом для людей в развитии своих природных способностей и выработке специфического комплекса черт характера.

Знаменательно, что привилегии эти (снятие пищевых табу, освобождение от необходимости ежедневно охотиться, возможность иметь много жен, пользоваться правом непркосновенности, получать от соплеменников ценные подарки) — добровольный акт со стороны общества. Важен и сам факт того, что традиции подношения лидерам подарков и освобождения людей с высоким статусом от занятий, связанных с добыванием пищи, фиксируются уже на уровне обществ с присваивающей экономикой. Это может свидетельствовать в пользу того, что сходные по форме явления в стадиально более поздних обществах, например в океанийских вождествах, как минимум не должны истолковываться однозначно как очевидные свидетельства эксплуататорской деятельности вождей.

В заключение можно сказать, что, познакомившись с книгой О. Ю. Артемовой, заинтересованный читатель получит двойное удовольствие. Его ожидают одновременно и интересное этнографическое исследование, и очерк традиционной социальной культуры австралийских аборигенов, оставляющий яркое впечатление.

И. Ж. Кожановская

Письма в редакцию

ТУРУХАНСКАЯ ГЭС И СУДЬБА ЭВЕНКИЙ

В апреле «Правда» в корреспонденции из Красноярска (12 апреля 1988 г.) сообщила о начале строительства дороги, которая соединит поселок Светлогорск со створом будущей Туруханской ГЭС. Тем самым вопрос о строительстве новой сибирской гидроэлектростанции поставлен на практическую почву. Авторы газетной заметки пишут о нарушении гласности и демократизма при принятии решения о таком большом деле. Тревога по поводу проекта строительства ГЭС на Нижней Тунгуске несколько раньше прозвучала и в выступлении «Советской культуры» (31 декабря 1987 г.).

Тревога общественности и ученых вполне обоснована, так как проект вызывает множество вопросов. Первый и возможно самый главный из них: нужна ли вообще сегодня Сибири «лишняя» электроэнергия? По словам авторов публикации в «Правде», подсчеты Госстроя РСФСР показывают — потребности в электроэнергии по 2005 г. включительно покрываются мощностями уже существующих и строящихся электростанций. К тому же из недавнего интервью с министром энергетики СССР, опубликованного в «Советской России» (19 марта 1988 г.), видно, что одним из наиболее перспективных и, добавим от себя, наиболее экологически чистым направлением развития отрасли является более рациональное использование вырабатываемой электрической и других видов энергии.

В этом же интервью министр сказал, что энергетики согласны с резким ужесточением экологических критерий, характерным для наших дней, так как природу надо беречь. Вместе с тем министр настаивает на дальнейшем и значительном расширении строительства ГЭС. Как совместить последнее с необходимостью охраны природы, в интервью неясно. Вообще создается впечатление, что Минэнерго, мало внимания уделяя разработке новых способов получения энергии, последовательно продолжает предлагать проекты, выполнение которых неумолимо лишает нас уникальных, мало затронутых индустриальной деятельностью территорий. (Наглядные тому примеры — проекты Катунской, Сихотэ-Алинской и, наконец, Туруханской ГЭС). А ведь сохранение таких территорий в наши дни становится одним из показателей уровня цивилизованности и гуманистичности общества, государства. Ведь продолжая настаивать на экстенсивном, захватывающем все большие территории и ресурсы экономическом развитии, мы лишь по видимости движемся вперед, а на самом деле — все больше отстаем от уровня «мировых стандартов». Интенсивный, ресурсосберегающий путь развития экономики — единственно возможный в условиях сегодняшнего и особенно завтрашнего дня.

С этой точки зрения особенно тщательной и всесторонней оценке общественности и специалистов должны быть подвергнуты проекты, разработанные еще до развернувшейся в последние годы перестройки, в обстановке недостаточной гласности и демократизма. В их числе — проект Туруханской ГЭС.

Строительство будущей электростанции намечено на территории Эвенкийского автономного округа, у Большого порога на Нижней Тунгуске в 120 км от ее впадения в Енисей. Стоимость проекта около 10 млрд. руб., предполагаемая мощность станции — 12 млн. квт, выработка электроэнергии — 40 млрд. квт/ч в год. При реализации первой очереди проекта уровень подъема воды в образуемом водохранилище достигнет 120 м, при осуществлении второй очереди — 200 м. При этом море разольется вверх по Нижней Тунгуске на 1200 км — до пос. Юкта, близ границ Эвенкий с Иркутской областю. Общая площадь затопления около 8500 км², из них лесов 7500 км². Будут затоплены и разрабатываемые месторождения графита, оптического кальцита, каменного угля. Кроме того, красноярскими гидрогеологами абсолютно точно установлено наличие под долиной Нижней Тунгуски мощных пластов рассолов хлорид-кальциевого состава, а под ними — пластов с сероводородом. Концентрация солей в рассолах — 200—300 граммов на литр. Поскольку мерзлота под водохранилищем неминуемо растаст, то последнее, по мнению ряда специалистов, может превратиться в один из самых засоленных водоемов планеты. Экологические последствия всего этого не предсказуемы. В ТЭО (технико-экономическом обосновании) Туруханской ГЭС угроза засоления будущего водохранилища вообще игнорируется. На встрече авторов проекта Туруханской ГЭС с представителями печати и научной общественности, состоявшейся 14 июня 1988 г., проектировщики угрозу засоления отрицали. Уже этот пример показывает, как много

спорного в проекте. Но кто бы ни оказался прав в этом споре, ясно одно — экологической системе одного из главных притоков Енисея создание огромного искусственного водного бассейна нанесет непоправимый ущерб. А ведь бассейн Нижней Тунгуски составляет не меньше половины территории Эвенкии.

Разделяя тревогу, уже прозвучавшую в печати, хотим обратить внимание на особые проблемы, которые в случае возведения ГЭС встанут перед населением Эвенкийского автономного округа, прежде всего перед его коренным населением — эвенками.

Во время встречи 14 июня авторы проекта Туруханской ГЭС назвали те блага, которые принесет округу будущая электростанция. Главные из них: значительное улучшение жилищного хозяйства и материальной базы социально-культурной сферы в новых поселках, возводимых вместо затопляемых; создание более устойчивой, по сравнению с нынешней, транспортной сети округа за счет превращения Нижней Тунгуски в удобную для судоходства артерию и строительства зимника от Туруханской ГЭС до Туры — центра Эвенкийского округа; улучшение электрификации округа путем строительства ЛЭП до Туры.

Но какова цена этих благ?

Ведь мертвая пучина водохранилища (мертвая, по мнению красноярских гидро-геологов, по существу еще никем не опровергнутому) с постоянно подмываемыми, оползающими берегами вытеснит людей из мест, где они живут не одну сотню, а то и тысячу лет. Водохранилищем будут затоплены все семь населенных пунктов округа, лежащих на Нижней Тунгуске, включая Туру. В этих поселках ныне проживает более 10 тыс. чел., что составляет примерно половину населения округа. В их числе свыше 1700 представителей северных народностей. Из них около 1,5 тыс. эвенков, или более 40% представителей этой национальности в автономном округе.

Но на дно уйдут не только поселки. В смету проекта Туруханской ГЭС, конечно, внесены расходы на строительство новых поселений взамен затопляемых. Да и что это за расходы по сравнению с цифрами, предусматриваемыми проектом на возведение ГЭС! Но каково будет в этих новых поселках их жителям? Что будут делать в них эвенки? Ведь под водой, по мнению местных специалистов, окажутся наиболее продуктивные территории бассейна Нижней Тунгуски — поймы рек и прилегающие к ним участки. Именно здесь сосредоточены основные летние оленьи пастбища и перспективные для охоты угодья. С пойменными комплексами в значительной мере связано блатополучие популяций таких важных промысловых животных, как соболь, белка, лось, северный олень, боровая дичь. По подсчетам специалистов Тулинского отделения НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, пойма и прилегающие к ней участки более чем в 10 раз продуктивнее водоразделов. По их же оценкам, потеря летних оленьих пастбищ в бассейне Нижней Тунгуски в случае затопления составит около трех четвертей используемых ныне угодий, на которых выпасается 22 тыс. домашних северных оленей из 30 тыс. имеющихся в округе. Потери же в охотниччьем промысле только по соболям составили бы более 5,5 тыс. шкурок в год. Это более пятой части всех ежегодных заготовок Эвенкийского округа и более десятой части Красноярского края («Советская Эвенкия», 14 мая 1988 г.).

Надо сказать, что величина названных потерь, подсчитанная местными специалистами, гораздо выше тех, которые определены в ТЭО. Нам представляется, что более правы местные специалисты, так как они исходят из реально используемых ныне угодий, проектировщики же учитывают всю потенциально возможную для промыслового освоения территорию. Ясно, что это не одно и тоже. Не беремся окончательно судить, кто в данном случае прав, однако уже сам факт столь значительных расхождений свидетельствует о том, что проектировщики, работая над своими обоснованиями, даже не удосужились встретиться с представителями окружного руководства, местными специалистами, общественностью Эвенкии. Как видим, решение, касающееся судьбы округа, пытаются принять, не считаясь с мнением его населения.

А ведь в итоге затопления, если исходить из цифр, обоснованных местными специалистами, в значительной мере будет подорвана база для развития традиционных отраслей хозяйства коренного населения половины Эвенкии — оленеводства и охотничьего промысла. С этими же отраслями хозяйства в той или иной мере связана большая часть эвенкийского населения. И эти отрасли являются для эвенков не просто занятиями, которые сравнительно легко можно сменить на другие. Издревле составляя основу жизнеобеспечения эвенков, эти отрасли до сих пор определяют экономическое благосостояние, весь жизненный уклад значительной части эвенкийского населения и в наши дни являются необходимым условием воспроизводства эвенкийской национальной культуры. Кстати говоря, в округе предпринимаются (и не без успеха) шаги по коренной реконструкции этих отраслей, в первую очередь оленеводства, с тем чтобы они в большей мере отвечали возросшим культурно-бытовым запросам населения. Затопление перечеркнуло бы эту работу на значительной части территории округа.

Тот же выход, который предлагают авторы проекта для «людских ресурсов», освободившихся в результате ликвидации оленеводства и охотничьего промысла от традиционных отраслей — заняться производством сувениров в специально построенных благоустроенных поселках — представляется нам издевательством над интересами и правами представителей коренных национальностей.

Необходимо также учесть и те негативные для населения Эвенкии (особенно коренного) последствия, которые вызовет значительный приток в округ временных рабочих, занятых сведением тайги на ложе будущего водохранилища, строительством ЛЭП, зимника и т. д. В частности, для полной вырубки леса на территории, предназначенней под будущее ложе водохранилища, предполагается организовать 13 леспромхозов. Ясно, что число одних рабочих в этих леспромхозах будет значительно больше

всего коренного населения поселков на Нижней Тунгуске. По нашему мнению, это не минует приведет к дезорганизации жизни коренного населения.

Естественно, для Эвенкийского автономного округа согласиться с подобными решениями социальных проблем — значит по существу отказаться от задач, ради которых он, как и другие северные округа, был создан более полувека назад. Это хорошо понимают в округе. Поэтому в конце апреля этого года во время первой попытки проектировщиков согласовать строительство ГЭС с Эвенкским окриском (что необходимо для представления проекта в Госплан и Совет Министров) все выступавшие: местные специалисты и ученые из Красноярска, руководители, представители общественности — были против проекта. В итоге окриском не дал согласия на утверждение ТЭО, решив, что представленные обоснования недостаточны. Однако ясно, что это только отсрочка и, несомненно, будут новые попытки заставить округ подписать себе приговор.

Следует сказать, что в Эвенкии сформировалось достаточно однозначное общественное мнение по поводу возможного строительства. Так, в ответ на опубликованное 31 марта 1988 г. в окружной газете «Советская Эвенкия» обращение к читателям выразить свое отношение к строительству Туруханской ГЭС менее чем за два месяца в редакцию пришло около 750 писем (из них половина семейных) с протестом против проекта. Учитывая, что тираж газеты немногим более 3 тыс. экземпляров, а почта редакции за весь прошлый год составила примерно такое же количество писем, можно утверждать, что против проекта протестует почти все население округа. Об этом же говорят и более 2 тыс. подписей жителей Эвенкии под коллективным возванием «Туруханской ГЭС — нет!»

Тревожась за будущее Эвенкии, нельзя не сказать и о беде, угрожающей истории этого края. Известно, что основная роль в изучении истории Сибири до XVII в. (т. е. до присоединения большей части Сибири к Российскому государству) принадлежит археологии. Археологическое же изучение Эвенкского округа, в том числе огромного пространства бассейна Нижней Тунгуски, только началось. В ходе археологических разведок в 1960-е годы Г. И. Андреевым был открыт ряд памятников на Нижней и Подкаменной Тунгусках. Но лишь один из них — неолитическую стоянку, расположенную на окраине тогдашней Туры, он успел раскопать. Не успел Гаральд Иванович обследовать и многочисленные притоки Тунгусок. Преждевременная смерть лишила Эвенкию талантливого и самоотверженного исследователя. С тех пор округ в археологическом отношении остался без настоящего хозяина и его изучение с этой стороны в основном приостановилось. Затопить пойменные и прилегающие к ним участки бассейна Нижней Тунгуски, где расположены все известные археологические памятники этой территории, означало бы навсегда вырвать несколько еще не прочитанных страниц из древней истории Сибири.

Сейчас, когда в нашей стране началось небывалое по интенсивности освоение богатств Севера, которые мы используем на благо всего нашего общества, наш долг сделать этот суровый край пригодным для достойной жизни всех его обитателей, и, может быть, в первую очередь коренного его населения. Не забудем, что Север — их родина! И если остальные жители края в подавляющем своем большинстве рано или поздно уезжают отсюда, то коренным северянам жить тут всегда!

С. С. Савоскул (Институт этнографии АН СССР, Москва);

В. В. Карлов (Кафедра этнографии, МГУ)

ЗНАТОКИ И ЛЮБИТЕЛИ ДРЕВНОСТИ!

«Вестник древней истории» — единственный в нашей стране научный журнал истории и культуре античного мира, древних цивилизаций Востока, Европы, Америки и Африки. Журнал пользуется высоким авторитетом у специалистов и любителей древности. В статьях видных советских и зарубежных ученых освещаются интереснейшие события и факты политической и социальной истории древних обществ, явления духовной культуры, особенности мифологических и религиозных представлений, печатам новые памятники эпиграфики и нумизматики, переводы шедевров древней литературы сочинений религиозной и философской мысли.

В 1989 году журнал откроет разделы, посвященные новейшим находкам памятников древних цивилизаций человечества, обсуждению остродискуссионных проблем истории и культуры древнего Востока и греко-римского мира.

Читателей ВДИ ждут встречи со многими известными советскими учеными: академиками Б. Б. Пиотровским, В. П. Алексеевым, Т. В. Гамкрелидзе, чл.-корр. АН СССР С. С. Аверинцевым, докторами филологических наук М. Л. Гаспаровым, Вяч. Вс. Ильиным, докторами исторических наук Е. М. Штаерман, И. М. Дьяконовым, Э. Д. Фловым и другими крупными специалистами.

На страницах журнала читатели найдут подробную информацию об археологии античных раскопках памятников древней культуры на территории СССР и в других регионах мира, узнают много нового о зороастризме, буддизме, гностицизме и христианстве о скифской мифологии, античной драматургии и поэзии, об открытиях советских экспедиций в Южном Иемене и Сирии, прояснивших загадки истории городов древней Азии, сложения ранних культур Месопотамии; читатели ознакомятся с тайнами гробницы Филиппа Македонского, буддийской скульптурой древнего Афганистана, своеобразием искусством Бактрии и Колхиды, Индии и Китая. Планируется проведение дискуссий по таким важным проблемам, как возникновение государства в Риме, характер перехода от античности к средневековью, время появления земледелия и скотоводства, методика преподавания древней истории и классических языков в вузах страны.

Читатели ВДИ получат всестороннюю информацию о выходящих в свет отечественных и зарубежных изданиях по истории, культуре, литературе и философии античного мира и древнего Востока.

Специальное внимание будет уделено публикации древнегреческих и латинских литературных памятников, ранее не известных нашему читателю и впервые издаваемых на русском языке. Это прежде всего «Памятная книжица» Луция Ампелия, автора II—III вв. н. э.— краткий словарик, в популярной и оригинальной форме сообщающий наиболее полные сведения из разных областей античного знания: космографии, мифологии, истории. В 1989 г. журнал начинает публикацию русского перевода уникального памятника древней словесности «Толкование снов» Артемидора Далдианского, писателя II в. н. э.— единственного целиком дошедшего от античности сочинения подобного рода. Сонник Артемидора — ценнейший источник по массовой культуре и социальной психологии различных слоев римского общества. Наряду с мистическими идеями и археологическими воззрениями сонник Артемидора содержит сведения о быте, повседневной жизни, семейных и общественных отношениях, о предрассудках, заблуждениях и научных знаниях человека эпохи античности.

Редакционный совет журнала, редколлегия и редакция ВДИ объединены стремлением сделать выпуски журнала острыми и информативными, работают над тем, чтобы выступления ученых на страницах ВДИ ставили наиболее дискуссионные вопросы и в конечном счете способствовали энергичному развитию отечественной науки о древнем Востоке и античном мире.

Мы надеемся, что наш журнал поможет читателю лучше ориентироваться в проблемах древней истории и культуры, станет для них изданием, в котором доходчиво и на высоком научном уровне освещаются наиболее загадочные страницы истории древних цивилизаций Запада и Востока, явится необходимым справочным пособием по современной науке о древности.

Журнал выходит 4 раза в год. В розничную продажу не поступает, цена годовой подписки 10 руб. Индекс журнала — 70119.

Надеемся видеть Вас среди наших подписчиков, читателей и авторов.

Ждем Ваших предложений, критических замечаний, откликов и советов.

Наш адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, «Вестник древней истории».

SUMMARIES

Problems of National Languages as Reflected in Social Consciousness [an Analysis of Letters to Central Newspapers]

The article is based upon unpublished letters addressed to four central Soviet newspapers. Among all the letters touching national (ethnic) problems close consideration is given to those dealing with relative importance of Russian and national languages in different spheres of social life. The readers' views are analyzed concerning bureaucracy and disregard of national interests, freewill vs. constraint in opting for the language of instruction, reversibility vs. irreversibility of language processes. Considered are also the problems of language teaching for ethnic groups living in alien environments. The authors stress that democratic solution of language problems requires that public opinion should be taken into account.

V. V. Koroteyeva, V. N. Mosesova

Ritualization in a Juvenile Subculture

Described and analyzed are some specific rituals spread in a modern urban juvenile subculture. The article is based upon the author's personal observations among the hippies («the system people») of Leningrad and Moscow conducted in 1986—1987. Meaningful parallels are drawn between the observations and some archaic rituals.

T. B. Shchepanskaya

Prospects in Using the Data and Methods of Ethology in Physical and Social Anthropology

The article follows some recent trends towards the integration of behavioural sciences — ethology and psychology — into a new complex sphere of knowledge, which may be of great significance for physical and social anthropology. Sociobiology, a relatively new branch of science, is discussed in terms of its role in studying the origin of man and society, particularly the place of group and individual selection in the evolution of the hominides. The author stresses the necessity of a complex integral-social approach in studying anthroposociogenesis. Data on primate behaviour should be used when analyzing the preconditions of hominization. The article also throws light on using the data on human behaviour in treating general ethnic and racial problems.

M. L. Butovskaya

The Hound-Warriors. Male Secret Societies and Scythian Invasions in Asia Minor

Polyan's story (VII, 2, 1) about the Cimmerians destroyed by «furious hounds» and some other classical texts (Ael. V. H. XIV, 46; Plin. N. H. VIII. 61, 143) are interpreted as Greek literary parallels to a Scythian folklore motive of hound-warriors. The image of a werewolf-warrior, going back to the ideology of male secret societies and characteristic of many Indo-European traditions, remained actually intact among the Scythians and later among the Ossets.

Connected to that ideology are also Scythian-Ossetic rites of passage. During these rituals the youths were grouped in armed detachments called *bals*. The members of the *bals* were treated as wolves. For a long time they had to live a wolf's life, engaged in war and looting. Some data make it possible to conclude that the Scythian detachments, which devastated Asia Minor in the 7th century B. C., were actually the *bals*. Taking these data into account, the author provides new interpretations of some abstruse passages in several Assyrian texts mentioning the Scythians.

A. I. Ivanchik

Anthropologists in Making

«Anything happening to a grown-up doesn't matter at all». This dictum was coined by Antoine de Saint-Exupéry in his parable-tale «The Little Prince», appropriately dedicated to a friend of the author's «Léon Verte, when he was a small boy». For all its fairy-tale exaggeration, the phrase is not far from being true. There is a tangible verge beyond which a great scholar is equal to himself, he is a Spinoza, a Leibnitz or an Einstein finally and irrevocably. This is not to say he doesn't advance any longer, just the opposite, new results are often achieved. But a new result is never tantamount to a new step, that is one's first important discovery, experienced rather than just made. Such a step

is not always the scholar's first book. In some regretful cases it is a posthumous publication, as it happened to great linguists Ferdinand de Saussure and Vladislav Illich-Svitych.

Claude Lévi-Strauss and Mircea Eliade, remarkable anthropologists and thinkers of our century, made this step in their first major books — «Tristes tropiques» and «Le mythe de l'éternel retour». The present article describes the ideas of the scholars, their losses and acquisitions on the way to these books conceived and written through the third and fourth decades of their lives. Later each of them crossed the ocean, headed a university chair, wrote over ten books, received degrees, awards and world recognition. But none of these events was really important in the history of science.

N. Ya. Daragan

Conversations by a Tree (L. A. Abramyan)

This work is unexpected for the readers of the journal due both to its free literary form and its original approach to a traditional subject of ethnography. The author considers folk traditions and beliefs in their verbal aspects (proverbs) and actualization (rituals). The ethnographic commentary takes the form of meditation, internal dialogue. The reader meets the images of the authors' childhood, linked to his family, home, close environment. The author tries to reconstruct a certain unity resembling the archaic stage of culture which gave birth to arts, magic, science and poetry. This is the basis of a modern literary genre of magic realism, integrating the mythological worldview with the imagery of realistic art and the logic of philosophical existentialism.

Editors

CONTENTS

V. V. Koroteyeva, M. N. Mosesova (Moscow). Problems of National Languages as Reflected in Social Consciousness (an Analysis of Letters to Central Newspapers).
T. B. Shchepanskaya (Leningrad). Ritualization in a Juvenile Subculture. M. L. Butovskaya (Moscow). Prospects in Using the Data and Methods of Ethnology in Physical and Social Anthropology. A. I. Ivanchik (Moscow). The Hound-Warriors. Male Secret Societies and Scythian Invasions in Asia Minor.

From the History of Ethnography

N. Ya. Daragan (Moscow). Anthropologists in Making.

Communications

A. R. Akhayev (Moscow). Ethnolinguistic Situation and Ethnic Identity among the Greeks Living in the Tsalka District of Soviet Georgia. A. P. Galstyan (Yerevan). Ethno-demographic and Ethnolinguistic Processes among the Armenians of Georgia as Indicated by the Census Data of 1926—1979. V. V. Stepanov (Moscow). Studying Traditional Methods of Organizing Living Environment (the Case of Rural Settlements in Azerbaijan). N. K. Abakeliya (Tbilisi). The Image of Saint George in the Religious Beliefs of West Georgia. M. N. Novikov (Moscow). On the Formation of Ethnic Boundaries in Early Medieval Western Europe (the Case of Switzerland). O. M. Grigoryeva (Moscow). Some Evolutionary Aspects of Studying Facial Part of Scull in the Hominides (Problems of Physical Anthropology and Taxonomy).

Searchings, Facts, Hypotheses

A. V. Grinyov (Barnaul). The Eyak Indians and the Fate of a Russian Settlement in Yakutat.

At the Crossroads of Genres

L. A. Abramyan (Yerevan). Conversations by a Tree.

Academic Life

L. S. Perepyolkina (Moscow). Conferences of Young Researchers in the Institute of Ethnography. 1. Ethnographic knowledge: From Theory to Practice (1987); 2. Ethnography and Bordering Branches of knowledge (1988). N. Ya. Daragan, V. V. Koroteyeva (Moscow). A Theoretical Seminar of Young Scholars «Approaches in Solving Current Na-

tional (Ethnic) Problems and the Role of Professional Ethnographers». A. A. Susokolov (Moscow). An Interdisciplinary Seminar «Local Subcultures as Components of Cultural-Ecological Systems».

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. D. M. Iskhakov (Kazan'). On Ethnic Situation in Middle Volga Region (XVI—XVII c.). A Critical Review of Hypotheses Concerning the «Yasak Chuvashes» of the Kazan' Area. Ye. A. Oborotova (Moscow). The Peoples of the North in Contemporary World. Views and Positions. General Ethnography. A. A. Belik (Moscow). R. A. Hinde. Individuals, Relationships and Culture (in English). N. Ye. Rudensky (Moscow). A. Z. Romanenko. On the Class Essence of Zionism. A Historiographic Review of Literature. Peoples of the USSR. I. I. Krupnik (Moscow). The Crimea: Past and Present. Peoples of Non-Soviet Europe. A. V. Polevoi Y. Cuisinier, M. Segalen. Ethnologie de la France. Peoples of Australia I. Zh. Kozhanovskaya (Moscow). O. Yu. Artemova. Personality and Social Norms in Early Tribal Community (by Ethnographic Data from Australia).

Letters to the Editorial Board

S. S. Savoskul, V. V. Karlov (Moscow). The Turukhansk Hydropower Station and the Fate of the Evenkian Land.

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 11.07.88

Подписано к печати 25.08.88

Формат бумаги 70×108^{1/16}

Высокая печать

Усл. печ. л. 15,4

Усл. кр.-отт. 44,4 тыс.

Уч.-изд. л. 19,2

Бум. л. 5,5.

Тираж 2838 экз. Зак. 4641

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6